

Въ бумагахъ О. М. Достоевскаго остался слѣдующій, въ высшей степени
любопытный автографъ:

24 декабря 77 Мemento, на все омерзѣ.

- 1) Написанъ русскою Кандава
- 2) Написанъ книгою о Тученовскомъ.
- 3) Написанъ своею Восточной
- 4) Написанъ поэмю Сороковина.

В(М)е то время послѣднихъ романовъ

и предвѣстномъ романѣ Дубинкѣ, те мѣнитъ
на 10 летъ Кемпелю, а это мѣсяцъ 1877

Какъ видно изъ этого «сemento на всю жизнь», О. М. Достоевскій предполагалъ 1) написать русскаго Кандава, 2) Написать книгу о Иисусѣ Христѣ, 3) Написать свои воспоминаванія, 4) Написать поэмю Сороковина. Записъ датирована 24-го декабря 1877 года. Судя по припискѣ, О. М. Достоевскій предполагалъ, что задуманной работы, кромѣ «послѣдняго романа» и изданія дневника, хватить лишнимъ на 10 лѣтъ дѣятельности, «а мнѣ теперь 56 лѣтъ», заканчиваетъ О. М. Достоевскій. Какъ извѣстно, онъ скончался три года спустя (28-го января 1881 г.), не успѣвъ осуществить ни одного изъ своихъ замысловъ, но закончилъ однако «послѣдній романъ» — «Братья Карамазовы», въ который, можетъ быть, вошли нѣкоторыя мысли, долженствовавшія составить основную идею намѣченной книги о Христѣ.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ

СОЧИНЕНИЙ

Ф. М. Достоевскаго.

ТОМЪ СЕДЬМОЙ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

БѢСЫ.

Романъ въ трехъ частяхъ.

Безплатное приложеніе къ журналу „НИВА“ на 1895 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1895.

198278

Дозволено цензурою. СПб. 29 ноября 1894 г.

Хоть убей, слѣда не видно,
Сбились мы, что дѣлать намъ?
Въ полѣ бѣсъ насъ водить видно
Да кружить по сторонамъ.

.
Сколько ихъ, куда ихъ гонять,
Что такъ жалобно поють?
Домового-ли хоронять,
Вѣдьму-ль замужъ выдаютъ?

А. Пушкинъ.

Тутъ на горѣ паслось большое стадо свиней, и они просили Его, чтобы позволилъ имъ войти въ нихъ. Онъ позволилъ имъ. Бѣсы, вышедши изъ человѣка, вошли въ свиней; и бросилось стадо съ крутизны въ озеро, и потонуло. Пастухи, увидя случившееся, побѣжали и рассказали въ городѣ и по деревнямъ. И вышли жители смотрѣть случившееся; и пришедши къ Иисусу, нашли человѣка, изъ котораго вышли бѣсы, сидящаго у ногъ Иисусовыхъ, одѣтаго и въ здоровомъ умѣ: и ужаснулись. Видѣвшіе же рассказали имъ какъ исцѣлился бѣсновавшійся.

Евангеліе отъ Луці. Гл. VIII, 32—37.

БѢСЫ. *)

РОМАНЪ

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

Часть первая.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Вмѣсто введенія: нѣсколько подробностей изъ біографіи многотимаго Степана Трофимовича Верховенскаго.

I.

Приступая къ описанію недавнихъ и столь странныхъ событій, происшедшихъ въ нашемъ, доселѣ ничѣмъ не отличавшемся городѣ, я принужденъ, по неумѣлію моему, начать нѣсколько издавѣка, а именпо нѣкоторыми біографическими подробностями о талавтливомъ и многотимомъ Степанѣ Трофимовичѣ Верховенскомъ. Пусть эти подробности послужатъ лишь введеніемъ къ предлагаемой хроникѣ, а самая исторія, которую я намѣренъ описывать, еще впереди.

Скажу прямо: Степанъ Трофимовичъ постоянно игралъ между нами нѣкоторую особую и, такъ сказать, гражданскую роль и любилъ эту роль до страсти, — такъ даже, что, мнѣ кажется, безъ нея и прожить не могъ. Не то чтобъ ужъ я его приравнивалъ къ актеру на театрѣ: сохрани Боже, тѣмъ болѣе, что самъ его уважаю. Тутъ все могло быть дѣломъ привычки или, лучше сказать, непрерывной и благородной склонности, съ дѣтскихъ лѣтъ, къ пріятной мечтѣ о красивой гражданской своей постановкѣ. Онъ, напримѣръ, чрезвычайно любилъ свое положеніе „гонимаго“ и, такъ сказать, „ссылнаго“. Въ этихъ обоихъ словечкахъ есть своего рода классическій блескъ, соблазвившій его разъ навсегда, и, возвышая его потомъ посте-

*) Въ первый разъ напечатанъ въ журналѣ „Русскій Вѣстникъ“ 1871—1872 г.

пенно въ собственномъ мнѣніи, въ продолженіе столь многихъ лѣтъ, довелъ его, наконецъ, до нѣкотораго весьма высокаго и пріятнаго для самолюбія пьедестала. Въ одномъ сатирическомъ англійскомъ романѣ прошлаго столѣтія, нѣкто Гулливеръ, возвратясь изъ страны лиллипутовъ, гдѣ люди были всего въ какіе-нибудь два вершка росту, до того пріучился считать себя между ними великаномъ, что и ходя по улицамъ Лондона невольно кричалъ прохожимъ и экипажамъ, чтобъ они предъ нимъ сворачивали и остерегались, чтобъ онъ какъ-нибудь ихъ не раздавилъ, воображая, что онъ все еще великанъ, а они маленькіе. За это смѣялись надъ нимъ и бранили его, а грубые кучера даже стегали великана кнутьями: но справедливо-ли? Чего не можетъ сдѣлать привычка? Привычка привела почти къ тому же и Степана Трофимовича, но еще въ болѣе невинномъ и безобидномъ видѣ, если можно такъ выразиться, потому что прекраснѣйшій былъ человекъ.

Я даже такъ думаю, что подъ конецъ его всѣ и вездѣ позабыли; по уже никакъ вѣдь нельзя сказать, что и прежде совсѣмъ не знали. Безспорно, что и онъ нѣкоторое время принадлежалъ къ знаменитой плеядѣ иныхъ прославленныхъ дѣятелей нашего прошедшаго поколѣнія и, одно время, — впрочемъ, всего только одну самую маленькую минуточку, — его имя многими тогдашними торопившимися людьми произносилось чуть не на ряду съ именами Чаадаева, Вѣльяскаго, Грановскаго и только что начинавшаго тогда за границей Герцена. Но дѣятельность Степана Трофимовича окончилась почти въ ту же минуту какъ и началась, — такъ сказать, отъ „вихря“ сошедшихся „обстоятельствъ“. И что же? Не только „вихря“, но даже и „обстоятельствъ“ совсѣмъ потомъ не оказалось, по крайней мѣрѣ, въ этомъ случаѣ. Я только теперь, на-дняхъ, узналъ, къ величайшему моему удивленію, но зато уже въ совершенной достовѣрности, что Степанъ Трофимовичъ проживалъ между нами, въ нашей губерніи, не только не въ ссылкѣ, какъ принято было у насъ думать, но даже и подъ присмотромъ никогда не находился. Какова же послѣ этого сила собственнаго воображенія! Онъ искренно самъ вѣрилъ всю свою жизнь, что въ нѣкоторыхъ сферахъ его постоянно опасаются, что шаги его непрерывно извѣстны и сочтены, и что каждый изъ трехъ смѣнившихся у насъ въ послѣднія двадцать лѣтъ губернаторовъ, вѣзжая править губерніей, уже привозилъ съ собою нѣ-

которую особую и хлопотливую о немъ мысль, внушенную ему свыше и прежде всего, при сдачѣ губерніи. Увѣрь кто-нибудь тогда честнѣйшаго Степана Трофимовича непровержимыми доказательствами, что ему вовсе нечего опасаться, и онъ бы непременно обидѣлся. А между тѣмъ это былъ вѣдь человѣкъ умнѣйшій и даровитѣйшій, человѣкъ, такъ сказать, даже науки, хотя, впрочемъ, въ наукѣ... ну, однимъ словомъ, въ наукѣ онъ сдѣлалъ не такъ много и, кажется, совсѣмъ ничего. Но вѣдь съ людьми науки у насъ на Руси это сплошь да рядомъ случается.

Онъ воротился изъ-за границы и блеснулъ въ видѣ лектора на кафедрѣ университета уже въ самомъ концѣ сороковыхъ годовъ. Успѣлъ же прочесть всего только нѣсколько лекцій, и, кажется, объ аравитянахъ; успѣлъ тоже защитить блестящую диссертацию о возникавшемъ было гражданскомъ и ганзеатическомъ значеніи нѣмецкаго городка Ганау, въ эпоху между 1413 и 1428 годами, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о тѣхъ особенныхъ и неясныхъ причинахъ, почему значеніе это вовсе не состоялось. Диссертация эта ловко и больно уколола тогдашнихъ славянофиловъ и разомъ доставила ему между ними многочисленныхъ и разъяренныхъ враговъ. Потомъ, — впрочемъ, уже послѣ потери кафедры, — онъ успѣлъ напечатать (такъ сказать въ видѣ отместки и чтобъ указать кого они потеряли) въ ежемѣсячномъ и прогрессивномъ журналѣ, переведившемъ изъ Диккенса и проповѣдывавшемъ Жоржъ-Занда, начало одного глубочайшаго изслѣдованія, — кажется, о причинахъ необычайнаго нравственного благородства какихъ-то рыцарей въ какую-то эпоху, или что-то въ этомъ родѣ. По крайней мѣрѣ, проводилась какая-то высшая и необыкновенно благородная мысль. Говорили потомъ, что продолженіе изслѣдованія было поспѣшно запрещено и что даже прогрессивный журналъ пострадалъ за напечатанную первую половину. Очень могло это быть, потому что чего тогда не было? Но въ данномъ случаѣ вѣроятнѣе, что ничего не было и что авторъ самъ полѣнился докончить изслѣдованіе. Прекратилъ же онъ свои лекціи объ аравитянахъ потому, что перехвачено было какъ-то и къ-то (очевидно, изъ ретроградныхъ враговъ его) письмо къ кому-то съ изложеніемъ какихъ-то „обстоятельствъ“, вслѣдствіе чего кто-то потребовалъ отъ него какихъ-то объясненій. Не знаю, вѣрно-ли, но утверждали еще, что въ Петербургѣ было отыскано въ то же самое

время какое-то громадное, противоестественное и противогосударственное общество, человекъ въ тринадцать, и чуть не потрясшее зданіе. Говорили, что будто бы они собирались переводить самого Фурье. Какъ нарочно въ то же самое время въ Москвѣ схвачена была и поэма Степана Трофимовича, написанная имъ еще лѣтъ шесть до сего, въ Берлинѣ, въ самой первой его молодости, и ходившая по рукамъ, въ спискахъ, между двумя любителями и у одного студента. Эта поэма лежитъ теперь и у меня въ столѣ; я получилъ ее не далѣе, какъ прошлаго года, въ собственноручномъ, весьма недавнемъ спискѣ, отъ самого Степана Трофимовича, съ его надписью и въ великолѣпномъ красномъ сафьянномъ переплетѣ. Впрочемъ, она не безъ поэзіи и даже не безъ нѣкотораго таланта, странная, но тогда (то-есть вѣрнѣе въ тридцатыхъ годахъ) въ этомъ родѣ часто пописывали. Разказать же сюжетъ затруднюсь, ибо, по правдѣ, ничего въ немъ не понимаю. Это какая-то аллегорія, въ лирико-драматической формѣ и напоминающая вторую часть *Фауста*. Сцена открывается хоромъ женщинъ, потомъ хоромъ мужчинъ, потомъ какихъ-то силъ, и въ концѣ всего хоромъ душъ, еще не жившихъ, но которымъ очень бы хотѣлось пожить. Всѣ эти хоры поютъ о чемъ-то очень неопредѣленномъ, большею частію о чемъ-то проклятіи, но съ отѣнкомъ высшаго юмора. Но сцена вдругъ перемѣняется и наступаетъ какой-то „Праздникъ жизни“, на которомъ поютъ даже насѣкомыя, является черепаха съ какими-то латинскими сакраментальными словами, и даже, если припомню, пропѣлъ о чемъ-то одинъ минераль, — то-есть предметъ уже вовсе неодушевленный. Вообще же всѣ поютъ безпрерывно, а если разговариваютъ, то какъ-то неопредѣленно бранятся, но опять-таки съ отѣнкомъ высшаго значенія. Наконецъ, сцена опять перемѣняется и является дикое мѣсто, а между утесами бродитъ одинъ цивилизованный молодой человекъ, который срываетъ и сосетъ какія-то травы, и на вопросъ феи: зачѣмъ онъ сосетъ эти травы? отвѣтствуетъ, что онъ, чувствуя въ себѣ избытокъ жизни, ищетъ забвенія и находитъ его въ сокѣ этихъ травъ, но что главное желаніе его — поскорѣе потерять умъ (желаніе, можетъ-быть, и излишнее). Затѣмъ вдругъ вѣзжаетъ неописанной красоты юноша на черномъ конѣ, и за нимъ слѣдуетъ ужасное множество всѣхъ народовъ. Юноша изображаетъ собою смерть, а всѣ народы ея жаж-

дуть. И, наконецъ, уже въ самой послѣдней сценѣ вдругъ появляется Вавилонская башня, и какіе-то атлеты ее, наконецъ, достраиваютъ съ пѣсней новой надежды, и когда уже достраиваютъ до самаго верху, то обладатель, положимъ, хоть Олимпа, убѣгаетъ въ комическомъ видѣ, а догадавшееся человѣчество, завладѣвъ его мѣстомъ, тотчасъ же начинаетъ новую жизнь съ полнымъ проникновеніемъ вещей. Ну, вотъ эту-то поэму и нашли тогда опасною. Я въ прошломъ году предлагалъ Степану Трофимовичу ее напечатать, за совершенную ея, въ наше время, певинностью, но онъ отклонилъ предложеніе съ видимымъ неудовольствіемъ. Мнѣніе о совершенной невинности ему не понравилось, и я даже приписываю тому нѣкоторую холодность его со мной, продолжавшуюся цѣлыхъ два мѣсяца. И что же? Вдругъ, и почти тогда же, какъ я предлагалъ напечатать поэму здѣсь,— печатаютъ нашу поэму *тамъ*, то-есть за границей, въ одномъ изъ революціонныхъ сборниковъ, и совершенно безъ вѣдома Степана Трофимовича. Онъ былъ сначала испуганъ, бросился къ губернатору и написалъ благороднѣйшее оправдательное письмо въ Петербургъ, читалъ мнѣ его два раза, но не отправилъ, не зная кому адресовать. Однимъ словомъ, волновался цѣлый мѣсяць; но я убѣжденъ, что въ таинственныхъ изгибахъ своего сердца былъ польщенъ необыкновенно. Онъ чуть не спалъ съ экземпляромъ доставленнаго ему сборника, а днемъ пряталъ его подъ тюфякъ и даже не пускалъ женщину перестилать постель, и хоть ждалъ каждый день откуда-то какой-то телеграммы, но смотрѣлъ свысока. Телеграммы никакой не пришло. Тогда же онъ и со мной примирился, что и свидѣтельствуется о чрезвычайной добротѣ его тихаго и незлопаметнаго сердца.

II.

Я вѣдь не утверждаю, что онъ совсѣмъ нисколько не пострадалъ, я лишь убѣдился теперь вполне, что онъ могъ бы продолжать о своихъ аравитянахъ сколько ему угодно, давъ только нужныя объясненія. Но онъ только съамбиціозничалъ и съ особенною поспѣшностью распорядился увѣрить себя разъ навсегда, что карьера его разбита на всю его жизнь „вихремъ обстоятельствъ“. А если говорить всю правду, то настоящею причиною переменъ карьеры было еще прежде и снова возобновившееся де-

ликатнѣйшее предложеніе ему отъ Варвары Петровны Ставрогиной, супруги генераль-лейтенанта и значительной богачки, принять на себя воспитаніе и все умственное развитіе ея единственнаго сына, въ качествѣ вышшаго педагога и друга, не говоря уже о блистательномъ вознагражденіи. Предложеніе это было сдѣлано ему въ первый разъ еще въ Берлинѣ, и именно въ то самое время, когда онъ въ первый разъ овдовѣлъ. Первою супругой его была одна легкомысленная дѣвица изъ нашей губерніи, на которой онъ женился въ самой первой и еще безразсудной своей молодости и, кажется, вынесъ съ этою, привлекательною, впрочемъ, особой много горя, за недостаткомъ средствъ къ ея содержанію и, сверхъ того, по другимъ, отчасти уже деликатнымъ причинамъ. Она скончалась въ Парижѣ, бывъ съ нимъ послѣдніе три года въ разлукѣ и оставивъ ему пятилѣтняго сына, „плодъ первой, радостной и еще неомраченной любви“, какъ вырвалось разъ при мнѣ у грустившаго Степана Трофимовича. Птенца еще съ самаго начала переслали въ Россію, гдѣ онъ и воспитывался все время на рукахъ какихъ-то отдаленныхъ тетокъ, гдѣ-то въ глуши. Степанъ Трофимовичъ отклонилъ тогдашнее предложеніе Варвары Петровны и быстро женился опять, даже раньше году, на одной неразговорчивой берлинской нѣмочкѣ и, главное, безъ всякой особенной надобности. Но кромѣ этой, оказались и другія причины отказа отъ мѣста воспитателя: его соблазняла гремѣвшая въ то время слава одного незабвеннаго профессора, и онъ, въ свою очередь, полетѣлъ на кафедру, къ которой готовился, чтобы испробовать и свои орлиныя крылья. И вотъ теперь, уже съ опаленными крыльями, онъ естественно вспомнилъ о предложеніи, которое еще и прежде колебало его рѣшеніе. Внезапная же смерть и второй супруги, не прожившей съ нимъ и году, устроила все окончательно. Скажу прямо: все разрѣшилось пламеннымъ участіемъ и драгоцѣнною, такъ сказать, классическою дружбой къ нему Варвары Петровны, если только такъ можно о дружбѣ выразиться. Онъ бросился въ объятія этой дружбы, и дѣло закрѣпилось слишкомъ на двадцать лѣтъ. Я употребилъ выраженіе „бросился въ объятія“, но сохрани Богъ кого-нибудь подумать о чемъ-нибудь лишнемъ и праздномъ; эти объятія надо разумѣть въ одномъ лишь самомъ высоко нравственномъ смыслѣ. Самая тонкая и самая деликатнѣйшая

связь соединила эти два столь замѣчательныя существа навѣки.

Мѣсто воспитателя было принято еще и потому, что и имѣннице, оставшееся послѣ первой супруги Степана Трофимовича,—очень маленькое, приходилось совершенно рядомъ со Скворешниками, великолѣпнымъ подгороднымъ имѣніемъ Ставрогиныхъ въ нашей губерніи. Къ тому же всегда возможно было, въ тиши кабинета и уже не отвлекаясь огромностью университетскихъ занятій, посвятить себя дѣлу науки и обогатить отечественную словесность глубочайшими изслѣдованіями. Изслѣдованій не оказалось; но зато оказалось возможнымъ простоять всю остальную жизнь, болѣе двадцати лѣтъ, такъ сказать, „воплощенной укоризной“ предъ отчизной, по выраженію народнаго поэта:

Воплощенной укоризною

Ты стоялъ передъ отчизною,
Либераль-идеалистъ.

Но то лицо, о которомъ выразился народный поэтъ, можетъ-быть, и имѣло право всю жизнь позировать въ этомъ смыслѣ, если бы того захотѣло, хотя это и скучно. Нашъ же Степанъ Трофимовичъ, по правдѣ, былъ только подражателемъ сравнительно съ подобными лицами, да и стоять уставалъ и частенько полеживалъ на боку. Но хотя и на боку, а воплощенность укоризны сохранялась и въ лежачемъ положеніи,—надо отдать справедливость,—тѣмъ болѣе, что для губерніи было и того достаточно. Посмотрѣли бы вы на него у насъ въ клубѣ, когда онъ садился за карты. Весь видъ его говорилъ: „Карты! Я сажусь съ вами въ ералашъ! Развѣ это совмѣстно? Кто-жъ отвѣчаетъ за это? Кто разбилъ мою дѣятельность и обратилъ ее въ ералашъ? Э, погибай Россія!“ и онъ осанисто козырялъ съ червей.

А по правдѣ, ужасно любилъ сразиться въ карточки, за чтѣ, и особенно въ послѣднее время, имѣлъ частыя и непріятныя стычки съ Варварой Петровной, тѣмъ болѣе, что постоянно проигрывалъ. Но объ этомъ послѣ. Замѣчу лишь, что это былъ человѣкъ даже совѣстливый (то-есть иногда), а потому часто грустилъ. Въ продолженіе всей двадцатилѣтней дружбы съ Варварой Петровной, онъ раза по три и по четыре въ годъ регулярно впадалъ въ такъ-называемую между нами „гражданскую скорбь“, то-

есть просто въ хандру, но словечко это нравилось многоуважаемой Варварѣ Петровнѣ. Впослѣдствіи, кромѣ гражданской скорби, онъ сталъ впадать и въ шампанское; но чуткая Варвара Петровна всю жизнь охраняла его отъ всѣхъ тривиальныхъ наклонностей. Да онъ и нуждался въ нянькѣ, потому что становился иногда очень страненъ: въ срединѣ самой возвышенной скорби онъ вдругъ зачиналъ смѣяться самымъ простонароднѣйшимъ образомъ. Находили минуты, что даже о самомъ себѣ начиналъ выражаться въ юмористическомъ смыслѣ. Но ничего такъ не боялась Варвара Петровна, какъ юмористическаго смысла. Это была женщина-классикъ, женщина-меценатка, дѣйствовавшая въ видахъ однихъ лишь высшихъ соображеній. Капитально было двадцатилѣтнее вліяніе этой высшей дамы на ея бѣднаго друга. О ней надо бы поговорить особенно, что я и сдѣлаю.

III.

Есть дружбы странныя; оба друга одинъ другого почти съѣсть хотять, всю жизнь такъ живутъ, а между тѣмъ разстаться не могутъ. Разстаться даже никакъ нельзя: раскапризавшійся и разорвавшій связь другъ первый же заболѣетъ и, пожалуй, умретъ, если это случится. Я положительно знаю, что Степанъ Трофимовичъ нѣсколько разъ, и иногда послѣ самыхъ интимныхъ изліяній глаза-на-глазъ съ Варварой Петровной, по уходѣ ея, вдругъ вскакивалъ съ дивана и начиналъ колотить кулаками въ стѣну.

Происходило это безъ малѣйшей аллегоріи, такъ даже, что однажды отбилъ отъ стѣны штукатурку. Можетъ-быть, спросятъ: какъ могъ я узнать такую тонкую подробность? А что если я самъ бывалъ свидѣтелемъ? Что если самъ Степанъ Трофимовичъ неоднократно рыдалъ на моемъ плечѣ, въ яркихъ краскахъ рисуя предо мной всю свою подноготную? (И ужъ чего-чего при этомъ не говорил!). Но вотъ что случалось почти всегда послѣ этихъ рыданій: назавтра онъ уже готовъ былъ распять самого себя за неблагодарность; поспѣшно призывалъ меня къ себѣ или прибѣгалъ ко мнѣ самъ, единственно, чтобы возвѣстить мнѣ, что Варвара Петровна „ангелъ чести и деликатности, а онъ совершенно противоположное“. Онъ не только ко мнѣ прибѣгалъ, но неоднократно описывалъ все это ей самой въ краснорѣчивѣйшихъ письмахъ, и

признавался ей, за свою полную подписью, что не далѣе, какъ, напримѣръ, вчера, онъ рассказывалъ постороннему лицу, что она держитъ его изъ тщеславія, завидуетъ его учености и талантамъ; ненавидитъ его и боится только выказать свою ненависть явно, въ страхѣ, чтобъ онъ не ушелъ отъ нея и тѣмъ не повредилъ ея литературной репутаціи; что вслѣдствіе этого онъ себя презираетъ и рѣшился погибнуть насильственной смертью; а отъ нея ждетъ послѣдняго слова, которое все рѣшитъ, и проч., и проч., все въ этомъ родѣ. Можно представить послѣ этого, до какой истерики доходили иногда нервные взрывы этого невиннѣйшаго изъ всѣхъ пятидесятилѣтнихъ младенцевъ! Я самъ однажды читалъ одно изъ таковыхъ его писемъ, послѣ какой-то между ними ссоры изъ-за ничтожной причины, но ядовитой по выполненію. Я ужаснулся и умолялъ не посылать письма.

— Нельзя... честиѣе... долгъ... я умру, если не признаюсь ей во всемъ, во всемъ! отвѣчалъ онъ чуть не въ горячкѣ, и послалъ-таки письмо.

Въ томъ-то и была разница между ними, что Варвара Петровна никогда бы не послала такого письма. Правда, онъ писать любилъ безъ памяти, писалъ къ ней даже живя въ одномъ съ нею домѣ, а въ истерическихъ случаяхъ и по два письма въ день. Я знаю навѣрное, что она всегда внимательнѣйшимъ образомъ эти письма прочитывала, даже въ случаѣ и двухъ писемъ въ день, и, прочитавъ, складывала въ особый ящичекъ, помѣченные и разсортированные; кромѣ того, слагала ихъ въ сердцѣ своемъ. Затѣмъ, выдержавъ своего друга весь день безъ отвѣта, встрѣчалась съ нимъ какъ ни въ чемъ не бывало, будто ровно ничего вчера особеннаго не случилось. Мало-по-малу она такъ его вымуштровала, что онъ уже и самъ не смѣлъ напоминать о вчерашнемъ, а только заглядывалъ ей нѣкоторое время въ глаза. Но она ничего не забывала, а онъ забывалъ иногда слишкомъ ужъ скоро и, ободренный ея же спокойствіемъ, нерѣдко въ тотъ же день смѣялся и школьничалъ за шампанскимъ, если приходили пріятели. Съ какимъ, должно-быть, ядомъ она смотрѣла на него въ тѣ минуты, а онъ ничего-то не примѣчалъ! Развѣ черезъ недѣлю, черезъ мѣсяцъ, или даже черезъ полгода, въ какую-нибудь особую минуту, печально вспомнивъ какое-нибудь выраженіе изъ такого письма, а затѣмъ и все письмо, со всѣми обстоятельствами, онъ

вдругъ сгораль отъ стыда и до того, бывало, мучился, что заболѣваль своими припадками холерины. Эти особенные съ нимъ припадки, въ родѣ холерины, бывали въ нѣкоторыхъ случаяхъ обыкновеннымъ исходомъ его нервныхъ потрясеній и представляли собою нѣкоторый любопытный въ своемъ родѣ курьезъ въ его тѣлосложеніи.

Дѣйствительно, Варвара Петровна навѣрно и весьма часто его ненавидѣла; но онъ одного только въ ней не примѣтилъ до самаго конца, того, что сталъ, наконецъ, для нея сыномъ, ея созданиемъ, даже можно сказать ея изобрѣтеніемъ; сталъ плотью отъ плоти ея, и что она держать и содержать его вовсе не изъ одной только „зависти къ его талантамъ“. И какъ, должно-быть, она была оскорбляема такими предположеніями! Въ ней таилась какая-то нестерпимая любовь къ нему, среди непрерывной ненависти, ревности и презрѣнія. Она охраняла его отъ каждой пылинки, нянчилась съ нимъ двадцать два года, не спала бы цѣлыхъ ночей отъ заботы, если бы дѣло коснулось до его репутаціи поэта, ученаго, гражданскаго дѣятеля. Она его выдумала, и въ свою же выдумку сама же первая и увѣровала. Онъ былъ нѣчто въ родѣ какой-то ея мечты... Но она требовала отъ него за это дѣйствительно многого, иногда даже рабства. Злопамятна же была до невѣроятности. Кстати ужъ расскажу два анекдота.

IV.

Однажды, еще при первыхъ слухахъ объ освобожденіи крестьянъ, когда вся Россія вдругъ взликовала и готовилась вся возродиться, посѣтилъ Варвару Петровну одинъ проѣзжій петербургскій баронъ, человекъ съ самыми высокими связями и стоявшій весьма близко у дѣла. Варвара Петровна чрезвычайно цѣнила подобныя посѣщенія, потому что связи ея въ обществѣ высшемъ, по смерти ея супруга, все болѣе и болѣе ослабѣвали, подъ конецъ и совсѣмъ прекратились. Баронъ просидѣлъ у нея часъ и кушалъ чай. Никого другихъ не было, но Степана Трофимовича Варвара Петровна пригласила и выставила. Баронъ о немъ кое-что даже слышалъ и прежде, или сдѣлалъ видъ, что слышалъ, но за чаемъ мало къ нему обращался. Разумѣется, Степанъ Трофимовичъ въ грязь себя ударить не могъ, да и манеры его были самыя изящныя. Хотя происхожденія онъ былъ, кажется, не высокаго, но случилось такъ, что воспитанъ былъ съ самаго малолѣт-

ства въ одномъ знатномъ домѣ въ Москвѣ и, стало-быть, прилично; по-французски говорилъ какъ парижанинъ. Такимъ образомъ, баронъ съ перваго взгляда долженъ былъ понять, какими людьми Варвара Петровна окружаетъ себя, хотя бы и въ губернскомъ уединеніи. Вышло, однако, не такъ. Когда баронъ подтвердилъ положительно совершенную достовѣрность только что разнесшихся тогда первыхъ слуховъ о великой реформѣ, Степанъ Трофимовичъ вдругъ не вытерпѣлъ и крикнулъ ура! и даже сдѣлалъ рукой какой-то жестъ, изображавшій восторгъ. Крикнулъ онъ не громко и даже изящно; даже, можетъ-быть, восторгъ былъ преднамѣренный, а жестъ нарочно заученъ предъ зеркаломъ, за полчаса предъ чаемъ; но, должно-быть, у него что-нибудь тутъ не вышло, такъ что баронъ позволилъ себѣ чуть-чуть улыбнуться, хотя тотчасъ же необыкновенно вѣжливо ввернулъ фразу о всеобщемъ и надлежащемъ умиленіи всѣхъ русскихъ сердецъ въ виду великаго событія. Затѣмъ скоро уѣхалъ и, уѣзжая, не забылъ протянуть и Степану Трофимовичу два пальца. Возвратясь въ гостиную, Варвара Петровна сначала молчала минуты три, что-то какъ бы отыскивая на столѣ; но вдругъ обернулась къ Степану Трофимовичу, и, блѣдная, со сверкающими глазами, процѣдила шопотомъ:

— Я вамъ этого никогда не забуду!

На другой день она встрѣтилась со своимъ другомъ какъ ни въ чемъ не бывало, о случившемся никогда не поминала. Но тринадцать лѣтъ спустя, въ одну трагическую минуту, припомнила и попрекнула его, и такъ же точно поблѣднѣла, какъ и тринадцать лѣтъ назадъ, когда въ первый разъ попрекала. Только два раза во всю свою жизнь сказала она ему: „я вамъ этого никогда не забуду!“ Случай съ барономъ былъ уже второй случай; но и первый случай, въ свою очередь, такъ характеренъ и, кажется, такъ много означалъ въ судьбѣ Степана Трофимовича, что я рѣшаюсь и о немъ упомянуть.

Это было въ пятьдесятъ пятомъ году, весной, въ маѣ мѣсяцѣ, именно послѣ того, какъ въ Скворешникахъ получилось извѣстіе о кончинѣ генераль-лейтенанта Ставрогина, старца легкомысленнаго, скончавшагося отъ разстройства въ желудкѣ, по дорогѣ въ Крымъ, куда онъ спѣшилъ по назначенію въ дѣйствующую армію. Варвара Петровна осталась вдовой и облеклась въ полный трауръ. Правда, не могла она горевать очень много; ибо въ по-

слѣдніе четыре года жила съ мужемъ въ совершенной разлукѣ, по несходству характеровъ, и производила ему пенсіонъ. (У самого генераль-лейтенанта было всего только полтора ста душъ и жалованье, кромѣ того, знатность и связи; а все богатство и Скворешники принадлежали Варварѣ Петровнѣ, единственной дочери одного очень богатаго откупщика). Тѣмъ не менѣе, она была потрясена неожиданностью извѣстія и удалилась въ полное уединеніе. Разумѣется, Степанъ Трофимовичъ находился при ней безотлучно.

Май былъ въ полномъ расцвѣтѣ; вечера стояли удивительные. Зацвѣла черемуха. Оба друга сходились каждый вечеръ въ саду и просиживали до ночи въ бесѣдкѣ, изливая другъ предъ другомъ свои чувства и мысли. Минуты бывали поэтическія. Варвара Петровна подъ впечатлѣніемъ перемѣны въ судьбѣ своей говорила больше обыкновеннаго. Она какъ бы льнула къ сердцу своего друга, и такъ продолжалось нѣсколько вечеровъ. Одна странная мысль вдругъ осѣнила Степана Трофимовича: „не рассчитываетъ-ли неутѣшная вдова на него и не ждетъ-ли, въ концѣ траурнаго года, предложенія съ его стороны?“ Мысль циническая; но нѣтъ возвышенность организаціи даже иногда способствуетъ наклонности къ циническимъ мыслямъ, уже по одной только многосторонности развитія. Онъ сталъ вникать и нашелъ, что походило на то. Онъ задумался: „Состояніе огромное, правда, но...“ Дѣйствительно, Варвара Петровна не совсѣмъ походила на красавицу: это была высокая, желтая, костлявая женщина, съ чрезмѣрно длиннымъ лицомъ, напоминавшимъ что-то лошадиное. Все болѣе и болѣе колебался Степанъ Трофимовичъ, мучился сомнѣніями, даже всплакнулъ раза два отъ нерѣшимости (плакалъ онъ довольно часто). По вечерамъ же, то-есть въ бесѣдкѣ, лицо его какъ-то невольно стало выражать нѣчто капризное и насмѣшливое, нѣчто кокетливое и въ то же время высокомѣрное. Это какъ-то нечаянно, невольно дѣлается, и даже чѣмъ благороднѣе человѣкъ, тѣмъ оно и замѣтнѣе. Богъ знаетъ, какъ тутъ судить, но вѣроятнѣе, что ничего и не начиналось въ сердцѣ Варвары Петровны такого, что могло бы оправдать вполне подозрѣнія Степана Трофимовича. Да и не промѣняла бы она своего имени Ставрогиной на его имя, хотя бы и столь славное. Можетъ-быть, была всего только одна лишь женственная игра съ ея стороны, проявленіе бессо-

знательной женской потребности, столь натуральной въ иныхъ чрезвычайныхъ женскихъ случаяхъ. Впрочемъ, не поручусь, неизслѣдима глубина женскаго сердца даже и до сегодня! Но продолжаю.

Надо думать, что она скоро про себя разгадала странное выраженіе лица своего друга; она была чутка и приглядчива, онъ же слишкомъ иногда невиненъ. Но вечера шли попрежнему, и разговоры были такъ же поэтичны и интересны. И вотъ, однажды, съ наступленіемъ ночи, послѣ самаго оживленнаго и поэтическаго разговора, они дружески разстались, горячо пожавъ другъ другу руки у крыльца флигеля, въ которомъ квартировалъ Степанъ Трофимовичъ. Каждое лѣто онъ перебирался въ этотъ флигелекъ, стоявшій почти въ саду, изъ огромнаго барскаго дома Скворешниковъ. Только что онъ вошелъ къ себѣ и, въ хлопотливомъ раздумьи, взявъ сигару и еще не успѣвъ ее закурить, остановился, усталый, неподвижно предъ раскрытымъ окномъ, приглядываясь къ легкимъ какъ пухъ бѣлымъ облачкамъ, скользившимъ вокругъ яснаго мѣсяца, какъ вдругъ легкой шорохъ заставилъ его вздрогнуть и обернуться. Предъ нимъ опять стояла Варвара Петровна, которую онъ оставилъ всего только четыре минуты назадъ. Желтое лицо ея почти посинѣло, губы были сжаты и вздрагивали по краямъ. Секундъ десять полныхъ смотрѣла она ему въ глаза молча, твердымъ, неумолимымъ взглядомъ, и вдругъ прошептала скороговоркой:

— Я никогда вамъ этого не забуду!

Когда Степанъ Трофимовичъ, уже десять лѣтъ спустя, передавалъ мнѣ эту грустную повѣсть, шопотомъ, заперевъ сначала двери, то клялся мнѣ, что онъ до того остолбенѣлъ тогда на мѣстѣ, что не слышалъ и не видѣлъ, какъ Варвара Петровна исчезла. Такъ какъ она никогда ни разу потомъ не намекала ему на происшествіе, и все пошло какъ ни въ чемъ не бывало, то онъ всю жизнь наклоненъ былъ къ мысли, что все это была одна галлюцинація предъ болѣзью, тѣмъ болѣе, что въ ту же ночь онъ и вправду заболѣлъ на цѣлыхъ двѣ недѣли, что, кстати, прекратило и свиданія въ бесѣдкѣ.

Но несмотря на мечту о галлюцинаціи, онъ каждый день, всю свою жизнь, какъ бы ждалъ продолженія и, такъ сказать, развязки этого событія. Онъ не вѣрилъ, что оно такъ и кончилось! А если такъ, то странно же онъ долженъ былъ иногда поглядывать на своего друга.

V.

Она сама сочинила ему даже костюмъ, въ которомъ онъ и проходилъ всю свою жизнь. Костюмъ былъ изященъ и характеренъ: длиннополый, черный сюртукъ, почти до верху застегнутый, но щегольски сидѣвшій; мягкая шляпа (лѣтомъ соломенная) съ широкими полями; галстукъ бѣлый, батистовый, съ большимъ узломъ и висячими концами; трость съ серебрянымъ набалдашникомъ, при этомъ волосы до плечъ. Онъ былъ темнорусъ, и волосы его только въ послѣднее время начали немного сѣдѣть. Усы и бороду онъ брилъ. Говорятъ, въ молодости онъ былъ чрезвычайно красивъ собой. Но, по-моему, и въ старости былъ необыкновенно внушительнъ. Да и какая же старость въ пятьдесятъ три года? Но по нѣкоторому гражданскому кокетству, онъ не только не молодился, но какъ бы и щеголялъ солидностью лѣтъ своихъ, и въ костюмѣ своемъ, высокій, сухощавый, съ волосами до плечъ, походилъ какъ бы на патріарха или, еще вѣрнѣе, на портретъ поэта Кукольника, литографированный въ тридцатыхъ годахъ при какомъ-то изданіи, особенно когда сидѣлъ лѣтомъ въ саду, на лавкѣ, подъ кустомъ расцвѣтшей сирени, опершись обѣими руками на трость, съ раскрытою книгой подлѣ и поэтически задумавшись надъ закатомъ солнца. Насчетъ книгъ замѣчу, что подъ конецъ онъ сталъ какъ-то удаляться отъ чтенія. Впрочемъ, это ужъ подъ самый конецъ. Газеты и журналы, выписываемые Варварой Петровной во множествѣ, онъ читалъ постоянно. Успѣхами русской литературы тоже постоянно интересовался, хотя и нисколько не теряя своего достоинства. Увлекся было когда-то изученіемъ высшей современной политики нашихъ внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлъ, но вскорѣ, махнувъ рукой, оставилъ предпріятіе. Бывало и то: возьметъ съ собою въ садъ Токевиля, а въ карманѣ несетъ спрятаннаго Поль-де-Кока. Но, впрочемъ, это пустяки.

Замѣчу въ скобкахъ и о портретѣ Кукольника: попала эта картинка Варварѣ Петровнѣ въ первый разъ, когда она находилась, еще дѣвочкой, въ благородномъ пансіонѣ въ Москвѣ. Она тотчасъ же влюбилась въ портретъ, по обыкновенію всѣхъ дѣвочекъ въ пансіонахъ, влюбляющихся во что ни попало, а вмѣстѣ и въ своихъ учителей, преимущественно чистописанія и рисованія. Но

любопытны въ этомъ не свойства дѣвочки, а то, что даже и въ пятьдесятъ лѣтъ Варвара Петровна сохраняла эту картинку въ числѣ самыхъ интимныхъ своихъ драгоценностей, такъ что и Степану Трофимовичу, можетъ - быть, только поэтому сочинила нѣсколько похожій на изображенный на картинѣ костюмъ. Но и это, конечно, мелочь.

Въ первые годы или, точнѣе, въ первую половину пребыванія у Варвары Петровны, Степанъ Трофимовичъ все еще помышлялъ о какомъ-то сочиненіи и каждый день серьезно собирался его писать. Но во вторую половину онъ, должно-быть, и зады позабылъ. Все чаще и чаще онъ говаривалъ намъ: „Кажется, готовъ къ труду, матеріалы собраны, и вотъ не работается! Ничего не дѣлается!“ и опускалъ голову въ уныніи. Безъ сомнѣнія, это - то и должно было придать ему еще больше величія въ нашихъ глазахъ, какъ страдальцу науки; но самому ему хотѣлось чего-то другого. „Забыли меня, никому я не нуженъ!“ вырывалось у него не разъ. Эта усиленная хандра особенно овладѣла имъ въ самомъ концѣ пятидесятихъ годовъ. Варвара Петровна поняла, наконецъ, что дѣло серьезное. Да и не могла она перенести мысли о томъ, что другъ ея забыть и ненуженъ. Чтобы развлечь его, а вмѣстѣ для подновленія славы, она свозила его тогда въ Москву, гдѣ у ней было нѣсколько изящныхъ литературныхъ и ученыхъ знакомствъ; но оказалось, что и Москва неудовлетворительна.

Тогда было время особенное; наступило что-то новое, очень ужъ непохожее на прежнюю тишину, и что-то очень ужъ странное, но вездѣ ощущаемое, даже въ Скворешникахъ. Доходили разные слухи. Факты были вообще извѣстны болѣе или менѣе, но очевидно было, что кромѣ фактовъ явились и какія-то сопровождавшія ихъ идеи, и, главное, въ чрезмѣрномъ количествѣ. А это-то и смущало: никакъ невозможно было примѣниться и въ точности узнать, что именно означали эти идеи? Варвара Петровна, вслѣдствіе женскаго устройства природы своей, непременно хотѣла подразумѣвать въ нихъ секретъ. Она принялась было сама читать газеты и журналы, заграничныя запрещенныя изданія и даже начавшіяся тогда прокламаціи (все это ей доставлялось); но у ней только голова закружилась. Принялась она писать письма; отвѣчали ей мало, и чѣмъ далѣе, тѣмъ непонятнѣе. Степанъ Трофимовичъ торжественно приглашенъ былъ объяснить ей „всѣ эти

идей“ разъ навсегда; но объясненіями его она осталась положительно недовольна. Взглядъ Степана Трофимовича на всеобщее движеніе былъ въ высшей степени высоко-мѣрный; у него все сводилось на то, что онъ самъ забыть и никому ненуженъ. Наконецъ, и о немъ вспомнили, сначала въ заграничныхъ изданіяхъ, какъ о ссыльномъ страдальцѣ, и потомъ тотчасъ же въ Петербургѣ, какъ о бывшей звѣздѣ въ извѣстномъ созвѣздіи; даже сравнивали его почему-то съ Радищевымъ. Затѣмъ кто-то напечаталъ, что онъ уже умеръ, и обѣщалъ его некрологъ. Степанъ Трофимовичъ мигомъ воскресъ и сильно пріосанился. Все высокомѣріе его взгляда на современниковъ разомъ соскочило, и въ немъ загорѣлась мечта: примкнуть къ движенію и показать свои силы. Варвара Петровна тотчасъ же вновь и во все увѣровала и ужасно засуетилась. Рѣшено было ѣхать въ Петербургъ безъ малѣйшаго отлагательства, разузнать все на дѣлѣ, вникнуть лично и, если возможно, войти въ новую дѣятельность всецѣло и нераздѣльно. Между прочимъ она объявила, что готова основать свой журналъ и посвятить ему отнынѣ всю свою жизнь. Увидавъ, что дошло до этого, Степанъ Трофимовичъ сталъ еще высокомѣрнѣе, въ дорогѣ же началъ относиться къ Варварѣ Петровнѣ почти покровительственно, — что она тотчасъ же сложила въ сердцѣ своемъ. Впрочемъ, у ней была и другая весьма важная причина къ поѣздкѣ, именно возобновленіе вышнихъ связей. Надо было, по возможности, напомнить о себѣ въ свѣтѣ, по крайней мѣрѣ, попытаться. Гласнымъ же предлогомъ къ путешествію было свиданіе съ единственнымъ сыномъ, оканчивавшимъ тогда курсъ наукъ въ петербургскомъ лицѣѣ.

VI.

Они съѣздили и прожили въ Петербургѣ почти весь зимній сезонъ. Все, однако, къ Великому посту лопнуло, какъ радужный мыльный пузырь. Мечты разлетѣлись, а сумбуръ не только не выяснился, но сталъ еще отвратительнѣе. Во-первыхъ, высшія связи почти не удалась, развѣ въ самомъ микроскопическомъ видѣ и съ унижительными натяжками. Оскорбленная Варвара Петровна бросилась было всецѣло въ „новыя идеи“ и открыла у себя вечера. Она позвала литераторовъ, и къ ней ихъ тотчасъ же привели во множествѣ. Потомъ уже прихо-

дили и сами, безъ приглашенія; одинъ приводилъ другого. Никогда еще она не видывала такихъ литераторовъ. Они были тщеславны до невозможности, но совершенно открыто, какъ бы тѣмъ исполняя обязанность. Иные (хотя и далеко не всѣ) являлись даже пьяные, но какъ бы сознавая въ этомъ особенную, вчера только открытую красоту. Всѣ они чѣмъ-то гордились до странности. На всѣхъ лицахъ было написано, что они сейчасъ только открыли какой-то чрезвычайно важный секретъ. Они брались, вмѣняя себѣ это въ честь. Довольно трудно было узнать, что именно они написали; но тутъ были критики, романисты, драматурги, сатирики, обличители. Степанъ Трофимовичъ проникъ даже въ самый высшій ихъ кругъ, туда, откуда управляли движеніемъ. До управляющихъ было до невѣроятности высоко, но его они встрѣтили радушно, хотя, конечно, никто изъ нихъ о немъ не зналъ и не слыхивалъ кромѣ того, что онъ „представляетъ идею“. Онъ до того маневрировалъ около нихъ, что и ихъ зазвалъ раза два въ салонъ Варвары Петровны, несмотря на все ихъ олимпійство. Эти были очень серьезны и очень вѣжливы; держали себя хорошо; остальные видимо ихъ боялись; но очевидно было, что имъ некогда. Явились и двѣ-три прежнія литературныя знаменитости, случившіяся тогда въ Петербургѣ и съ которыми Варвара Петровна давно уже поддерживала самыя изящныя отношенія. Но, къ удивленію ея, эти дѣйствительныя и уже несомнѣнныя знаменитости были тише воды, ниже травы, а ипья изъ нихъ просто льнули ко всему этому новому сброду и позорно у него заискивали. Сначала Степану Трофимовичу повезло; за него ухватились и стали его выставлять на публичныхъ литературныхъ собраніяхъ. Когда онъ вышелъ въ первый разъ на эстраду, въ одномъ изъ публичныхъ литературныхъ чтеній, въ числѣ читавшихъ, раздались неистовыя рукоплесканія, не умолкавшія минутъ пять. Онъ со слезами вспоминалъ объ этомъ девять лѣтъ спустя, — впрочемъ, скорѣе по художественности своей натуры, чѣмъ изъ благодарности. „Клянусь же вамъ и пари держу“, говорилъ онъ мнѣ самъ (но только мнѣ и по секрету), „что никто-то изъ всей этой публики знать не зналъ о мнѣ ровнешенько ничего!“ Признаніе замѣчательное: стало-быть, былъ же въ немъ острый умъ, если онъ тогда же, на эстрадѣ, могъ такъ ясно понять свое положеніе, не-

смотря на все свое уиоеніе; и, стало-быть, не было въ немъ острога ума, если онъ даже девять лѣтъ спустя не могъ вспомнить о томъ безъ ощущенія обиды. Его заставили подписаться подѣ двумя или тремя коллективными зротестами (противъ чего—онъ и самъ не зналъ); онъ подписался. Варвару Петровну тоже заставили подписаться подѣ какимъ-то „безобразнымъ поступкомъ“, и та подписалась. Впрочемъ, большинство этихъ новыхъ людей хотѣ и посѣщали Варвару Петровну, но считали себя почему-то обязанными смотрѣть на нее съ презрѣніемъ и съ нескрываемою насмѣшкой. Степанъ Трофимовичъ намекалъ мнѣ потомъ, въ горькія минуты, что она съ тѣхъ поръ ему и позавидовала. Она, конечно, понимала, что ей нельзя водиться съ этими людьми, но все-таки принимала ихъ съ жадностью, со всѣмъ женскимъ истерическимъ перепѣніемъ и, главное, все чего-то ждала. На вечерахъ она говорила мало, хотя и могла бы говорить; но она больше вслушивалась. Говорили объ уничтоженіи цензуры и буквы з, о замѣненіи русскихъ буквъ латинскими, о вчерашней ссылкѣ такого-то, о какомъ-то скандалѣ въ пассажѣ, о полезности раздробленія Россіи по народностямъ съ вольною федеративною связью, объ уничтоженіи арміи и флота, о возстановленіи Польши по Днѣпръ, о крестьянской реформѣ и прокламаціяхъ, объ уничтоженіи наслѣдства, семейства, дѣтей и священниковъ, о правахъ женщины, о домѣ Краевского, котораго никто и никогда не могъ простить господину Краевскому, и пр., и пр. Ясно было, что въ этомъ сбродѣ новыхъ людей много мошенниковъ, но несомнѣнно было, что много и честныхъ, весьма даже привлекательныхъ лицъ, несмотря на нѣкоторые все-таки удивительные оттѣнки. Честные были гораздо непонятнѣе безчестныхъ и грубыхъ; но неизвѣстно было, кто у кого въ рукахъ. Когда Варвара Петровна объявила свою мысль объ изданіи журнала, то къ ней хлынуло еще больше народу, но тотчасъ же посыпались въ глаза обвиненія, что она капиталистка и эксплуатируетъ трудъ. Безцеремонность обвиненій равнялась только ихъ неожиданности. Престарѣлый генералъ Иванъ Ивановичъ Дроздовъ, прежній другъ и сослуживецъ покойнаго генерала Ставрогина, человекъ дѣстотнѣйшій (но въ своемъ родѣ) и котораго всѣ мы здѣсь знаемъ, до крайности строптивый и раздражительный, ужасно много ѣвшій и ужасно боявшійся атеизма, заспорилъ на одномъ изъ вечеровъ Вар-

вары Петровны съ однимъ знаменитымъ юношей. Тотъ ему первымъ словомъ: „Вы, стало-быть, генераль, если такъ говорите“, то-есть въ томъ смыслѣ, что уже хуже генерала онъ и брани не могъ найти. Иванъ Ивановичъ вспылить чрезвычайно: „Да, сударь, я генераль и генераль-лейтенантъ, и служилъ государю моему, а ты, сударь, мальчишка и безбожникъ!“ Произошелъ скандалъ непозволительный. На другой день случай былъ обличенъ въ печати, и начала собираться коллективная подписка противъ „безобразнаго поступка“ Варвары Петровны, не захотѣвшей тотчасъ же прогнать генерала. Въ иллюстрированномъ журналѣ явилась карикатура, въ которой язвительно скопировали Варвару Петровну, генерала и Степана Трофимовича на одной картинкѣ въ видѣ трехъ ретроградныхъ друзей; къ картинкѣ приложены были и стихи, написанные народнымъ поэтомъ единственно для этого случая. Замѣчу отъ себя, что дѣйствительно у многихъ особъ въ генеральскихъ чинахъ есть привычка смѣшно говорить: „Я служилъ государю моему“... то-есть точно у нихъ не тотъ же государь, какъ и у насъ, простыхъ государевыхъ подданныхъ, а особенный, ихній.

Оставаться долѣе въ Петербургѣ было, разумѣется, невозможно, тѣмъ болѣе, что и Степана Трофимовича постигло окончательное fiasco. Онъ не выдержалъ и сталъ заявлять о правахъ искусства, а надъ нимъ стали еще громче смѣяться. На послѣднемъ чтеніи своемъ онъ задумалъ подѣйствовать гражданскимъ краснорѣчіемъ, воображая тронуть сердца и рассчитывая на почтеніе къ своему „изгнанію“. Онъ безспорно согласился въ бесполезности и комичности слова „отечество“, согласился и съ мыслию о вредѣ религіи, но громко и твердо заявилъ, что сапоги ниже Пушкина, и даже гораздо. Его безжалостно освистали, такъ что онъ тутъ же, публично, не сойдя съ эстрады, расплакался. Варвара Петровна привезла его домой едва живого. „On m'a traité comme un vieux bonnet de coton!“ лепеталъ онъ бессмысленно. Она ходила за нимъ всю ночь, давала ему лавровишневыхъ капель и до разсвѣта повторяла ему: „Вы еще полезны; вы еще явитесь; васъ опѣнять... въ другомъ мѣстѣ“.

На другой же день, рано утромъ, явились къ Варварѣ Петровнѣ пять литераторовъ, изъ нихъ трое совсѣмъ незнакомыхъ, которыхъ она никогда и не видывала. Со строгимъ видомъ они объявили ей, что рассмотрѣли дѣло объ ея

журналъ и приняли по этому дѣлу рѣшеніе. Варвара Петровна рѣшительно никогда и никому не поручала разсматривать и рѣшать что-нибудь объ ея журналѣ. Рѣшеніе состояло въ томъ, чтобъ она, основавъ журналъ, тотчасъ же передала его имъ вмѣстѣ съ капиталами, на правахъ свободной ассоціаціи; сама же чтобъ уѣзжала въ Скворешники, не забывъ захватить съ собою Степана Трофимовича, „который устарѣлъ“. Изъ деликатности они соглашались признавать за нею права собственности и высылать ей ежегодно одну шестую часть барыша. Всего трогательнѣе было то, что изъ этихъ пяти человѣкъ навѣрное четверо не имѣли при этомъ никакой стяжательной цѣли, а хлопотали только во имя „общаго дѣла“.

— Мы выѣхали какъ одурѣлые, рассказывалъ Степанъ Трофимовичъ,—я ничего не могъ сообразить и, помню, все лепеталъ подъ ступъ вагона:

„Вѣкъ и Вѣкъ, и Левъ Камбекъ,
Левъ Камбекъ, и Вѣкъ и Вѣкъ“..

и чортъ знаетъ что еще такое, вплоть до самой Москвы. Только въ Москвѣ опомнился—какъ будто и въ самомъ дѣлѣ что-нибудь другое въ ней могъ найти? О, друзья мои! иногда восклицалъ онъ намъ во вдохновеніи, — вы представить не можете, какая грусть и злость охватываетъ всю вашу душу, когда великую идею, вами давно уже и свято чтимую, подхватить неумѣлые и вытащить къ такимъ же дуракамъ, какъ и сами, на улицу, и вы вдругъ встрѣчаете ее уже на толкучемъ, неузнаваемую, въ грязи, поставленную нелѣпо, угломъ, безъ пропорціи, безъ гармоніи, игрушкой у глупыхъ ребятъ! Нѣтъ! Въ наше время было не такъ, и мы не къ тому стремились. Нѣтъ, нѣтъ, совсѣмъ не къ тому. Я не узнаю ничего... Наше время настанетъ опять и опять направить на твердый путь все шатающееся, теперешнее. Иначе что же будетъ?..

VII.

Тотчасъ же по возвращеніи изъ Петербурга, Варвара Петровна отправила друга своего за границу: „отдохнуть“; да и надо было имъ разстаться на время, она это чувствовала. Степанъ Трофимовичъ поѣхалъ съ восторгомъ: „Тамъ я воскресну!“ восклицалъ онъ,—„тамъ, наконецъ, примусь за науку!“ Но съ первыхъ же писемъ изъ Берлина онъ затянулъ свою всегдашнюю поту: „Сердце раз-

бито“, писалъ онъ Варварѣ Петровнѣ, — „не могу забыть ничего! Здѣсь, въ Берлинѣ, все напомнило мнѣ мое старое, прошлое, первые восторги и первыя муки. Гдѣ она? Гдѣ теперь онѣ обѣ? Гдѣ вы, два ангела, которыхъ я никогда не стоилъ? Гдѣ сынъ мой, возлюбленный сынъ мой? Гдѣ, наконецъ, я, я самъ, прежній я, стальной по силѣ и непоколебимый какъ утесъ, когда теперь какой-нибудь Andrejeff, un православный шутъ съ бородой, peut briser mon existence en deux“ и т. д., и т. д. Что касается до сына Степана Трофимовича, то онъ видѣлъ его всего два раза въ своей жизни, въ первый разъ, когда тотъ родился, и во второй—недавно въ Петербургѣ, гдѣ молодой человѣкъ готовился поступить въ университетъ. Всю же свою жизнь мальчикъ, какъ уже и сказано было, воспитывался у тетокъ въ О—ской губерніи (на иждивеніи Варвары Петровны) за семьсотъ верстъ отъ Скворешниковъ. Что же касается до Andrejeff, то-есть Андреева, то это былъ просто-за-просто нашъ здѣшній купецъ, лавочникъ, большой чудакъ, археологъ-самоучка, страстный собиратель русскихъ древностей, иногда пикировавшійся со Степаномъ Трофимовичемъ познаніями, а, главное, въ направленіи. Этотъ почтенный купецъ, съ сѣдой бородой и въ большихъ серебряныхъ очкахъ, не доплатилъ Степану Трофимовичу четырехсотъ рублей за купленные въ его имѣніи (рядомъ со Скворешниками) нѣсколько десятинъ лѣсу на срубъ. Хотя Варвара Петровна и роскошно надѣлила своего друга средствами, отправляя его въ Берлинъ, но на эти четыреста рублей Степанъ Трофимовичъ, предъ поѣздкой, особо рассчитывалъ, вѣроятно, на секретные свои расходы, и чуть не заплакалъ, когда Andrejeff попросилъ повременить одинъ мѣсяць, имѣя, впрочемъ, и право на такую отсрочку, ибо первые взносы денегъ произвелъ всѣ впередъ чуть не за полгода, по особенной тогдашней нуждѣ Степана Трофимовича. Варвара Петровна съ жадностью прочла это первое письмо и, подчеркнувъ карандашомъ восклицаніе: „гдѣ вы обѣ?“ помѣтила числомъ и заперла въ шкатулку. Онъ, конечно, вспомнилъ о своихъ обѣихъ покойницахъ-женахъ. Во второмъ, полученномъ изъ Берлина, письмѣ пѣсня варьировалась: „Работаю по двѣнадцати часовъ въ сутки (хоть бы по одиннадцати, проворчала Варвара Петровна), роюсь въ библіотекахъ, свѣряюсь, выписываю, бѣгаю; былъ у профессоровъ. Возобновили знакомство съ превосходнымъ семействомъ

Дундасовыхъ. Какая прелесть Надежда Николаевна даже до сихъ поръ! Вамъ кланяется. Молодой ея мужъ и всѣ три племянника въ Берлинѣ. По вечерамъ съ молодежью бесѣдуемъ до разсвѣта и у насъ чуть не аѳинскіе вечера, но единственно по тонкости и изяществу; все благородное; много музыки, испанскіе мотивы, мечты всечеловѣческаго обновленія, идея вѣчной красоты, Сикстинская Мадонна, свѣтъ съ прорѣзами тьмы, но и въ солнцѣ пятна! О, другъ мой, благородный, вѣрный другъ! Я сердцемъ съ вами и вашъ; съ одной всегда en tout pays, и хотя бы даже dans le pays de Makar et de ses veaux, о которомъ, помните, такъ часто мы, трепеща, говорили въ Петербургѣ передъ отъѣздомъ. Вспоминаю съ улыбкой. Переѣхавъ границу, ощутилъ себя безопаснымъ, ощущеніе странное, новое, впервые послѣ столь долгихъ лѣтъ"... и т. д., и т. д.

— Ну, все вздоръ! рѣшила Варвара Петровна, складывая и это письмо,—коль до разсвѣта аѳинскіе вечера, такъ не сидитъ же по двѣнадцати часовъ за книгами. Спьяну что-ль написалъ? Эта Дундасова какъ смѣетъ мнѣ посылать поклоны? Впрочемъ, пусть его погуляетъ...

Фраза „dans le pays de Makar et de ses veaux“ означала: „куда Макарь телятъ не гонялъ“. Степанъ Трофимовичъ нарочно глушѣйшимъ образомъ переводилъ иногда русскія пословицы и коренныя поговорки на французскій языкъ, безъ сомнѣнія, умѣя и понять, и перевести лучше; но это онъ дѣлывалъ изъ особаго рода шиху, и находилъ его остроумнымъ.

Но погулялъ онъ немного, четырехъ мѣсяцевъ не выдержалъ и примчался въ Скворешники. Послѣднія письма его состояли изъ однихъ лишь изліяній самой чувствительной любви къ своему отсутствующему другу и буквально были смочены слезами разлуки. Есть натуры, чрезвычайно приживающіяся къ дому, точно комнатныя собачки. Свиданіе друзей было восторженное. Черезъ два дня все пошло по-старому и даже скучнѣе стараго. „Другъ мой“, говорилъ мнѣ Степанъ Трофимовичъ черезъ двѣ недѣли, подъ величайшимъ секретомъ,—„другъ мой, я открылъ ужасную для меня... новость: Je suis un простой приживальщикъ et rien de plus! Mais r-r-rien de plus!“

VIII.

Затѣмъ у насъ наступило затишье и тянулось почти

сплошь всѣ эти девять лѣтъ. Истѣрическіе взрывы и рыданія на моемъ плечѣ, продолжавшіеся регулярно, нисколько не мѣшали нашему благоденствію. Удивляюсь, какъ Степанъ Трофимовичъ не растолстѣлъ за это время. Покраснѣлъ лишь немного его носъ и прибавилось благодущія. Мало-по-малу около него утвердился кружокъ пріятелей, впрочемъ, постоянно небольшой. Варвара Петровна хоть и мало касалась кружка, но всѣ мы признавали ее нашею патронессой. Послѣ петербургскаго урока она поселилась въ нашемъ городѣ окончательно; зимой жила въ городскомъ своемъ домѣ, а лѣтомъ въ подгородномъ своемъ имѣніи. Никогда она не имѣла столько значенія и вліянія, какъ въ послѣднія семь лѣтъ, въ нашемъ губернскомъ обществѣ, то-есть вплоть до назначенія къ намъ нашего теперешняго губернатора. Прежній губернаторъ нашъ, незабвенный и мягкій Иванъ Осиповичъ, приходился ей близкимъ родственникомъ и былъ когда-то ею облагодѣтельствованъ. Супруга его трепетала при одной мысли не угодить Варварѣ Петровнѣ, а поклоненіе губернскаго общества дошло до того, что напоминало даже нѣчто грѣховное. Было, стало-быть, хорошо и Степану Трофимовичу. Онъ былъ членомъ клуба, осанисто проигрывалъ и заслужилъ почетъ, хотя многіе смотрѣли на него только какъ на „ученаго“. Впослѣдствіи, когда Варвара Петровна позволила ему жить въ другомъ домѣ, намъ стало еще свободнѣе. Мы собирались у него раза по два въ недѣлю; бывало весело, особенно когда онъ не жалѣлъ шампанскаго. Вино забиралось въ лавкѣ того же Андреева. Расплачивалась по счету Варвара Петровна каждыя полгода, и день расплаты почти всегда бывалъ днемъ холерины.

Стариннѣйшимъ членомъ кружка былъ Липутинъ, губернской чиновникъ, человѣкъ уже не молодой, большой либераль и въ городѣ слывшій атеистомъ. Женатъ онъ былъ во второй разъ на молоденькой и хорошенькой, взявъ за ней приданое и кромѣ того имѣлъ трехъ подросшихъ дочерей. Всю семью держалъ въ страхѣ Божіемъ и заперти, былъ чрезмѣрно скупъ и службой скопилъ себѣ домикъ и капиталъ. Человѣкъ былъ безпокойный, притомъ въ маленькомъ чинѣ; въ городѣ его мало уважали, а въ высшемъ кругѣ не принимали. Къ тому же онъ былъ явный и не разъ уже наказанный сплетникъ, и наказанный больно, разъ однимъ офицеромъ, а въ другой

разъ почтеннымъ отцомъ семейства, помѣщикомъ. Но мы любили его острый умъ, любознательность, его особенную злую веселость. Варвара Петровна не любила его, но онъ всегда какъ-то умѣлъ къ ней поддѣлаться.

Не любила она и Шатова, всего только въ послѣдній годъ ставшаго членомъ кружка. Шатовъ былъ прежде студентомъ и былъ исключень, послѣ одной студентской исторіи, изъ университета; въ дѣтствѣ же былъ ученикомъ Степана Трофимовича, а родился крѣпостнымъ Варвары Петровны, отъ покойнаго камердинера ея Павла Ѳедорова, и былъ ею благодѣтельствованъ. Не любила она его за гордость и неблагодарность и никакъ не могла простить ему, что онъ, по изгнаніи изъ университета, не пріѣхалъ къ ней тотчасъ же; напротивъ, даже на тогдашнее нарочное письмо ея къ нему ничего не отвѣтилъ и предпочелъ закабалиться къ какому-то цивилизованному купцу учить дѣтей. вмѣстѣ съ семьей этого купца онъ выѣхалъ за границу, скорѣе въ качествѣ дядьки, чѣмъ гувернера; но ужъ очень хотѣлось ему тогда за границу. При дѣтяхъ находилась еще и гувернантка, бойкая русская барышня, поступившая въ домъ тоже передъ самымъ выѣздомъ и принятая болѣе за дешевизну. Мѣсяца черезъ два купецъ ее выгналъ „за вольныя мысли“. Поплелся за нею и Шатовъ, и въ скорости обвѣнчался съ нею въ Женевѣ. Прожили они вдвоемъ недѣли съ три, а потомъ разстались какъ вольные и ничѣмъ не связанные люди, конечно, тоже и по бѣдности. Долго потомъ скитался онъ одинъ по Европѣ, жилъ Богъ знаетъ чѣмъ; говорятъ, чистилъ на улицахъ сапоги и въ какомъ-то портѣ былъ носильщикомъ. Наконецъ, съ годъ тому назадъ вернулся къ намъ въ родное гнѣздо и поселился со старухой-теткой, которую и схоронилъ черезъ мѣсяцъ. Съ сестрой своею Дашей, тоже воспитанницей Варвары Петровны, жившею у ней фавориткой на самой благородной ногѣ, онъ имѣлъ самыя рѣдкія и отдаленныя сношенія. Между нами былъ постоянно угрюмъ и неразговорчивъ, но изрѣдка, когда затрогивали его убѣжденія, раздражался болѣзненно и былъ очень невосдерженъ на языкъ. „Шатова надо сначала связать, а потомъ ужъ съ нимъ разсуждать“, шутилъ иногда Степанъ Трофимовичъ; но онъ любилъ его. За границей Шатовъ радикально измѣнилъ нѣкоторыя изъ прежнихъ социалистическихъ своихъ убѣжденій и перескочилъ въ противоположную

крайность. Это было одно изъ тѣхъ идеальныхъ русскихъ существъ, которыхъ вдругъ поразить какая-нибудь сильная идея и тутъ же разомъ точно придавить ихъ собою, иногда даже навѣки. Справиться съ нею они никогда не въ силахъ, а увѣруютъ страстно, и вотъ вся жизнь ихъ проходитъ потомъ какъ бы въ послѣднихъ корчахъ подъ свалившимся на нихъ и наполовину совсѣмъ уже раздавившимъ ихъ камнемъ. Наружностью Шатовъ вполне соответствовалъ своимъ убѣжденіямъ: онъ былъ неуклюжь, бѣлокуръ, космать, низкаго роста, съ широкими плечами, толстыми губами, съ очень густыми, нависшими бѣлобрысыми бровями, съ нахмуреннымъ лбомъ, съ непривѣтливимъ, упорно потупленнымъ и какъ бы чего-то стыдящимся взглядомъ. На волосахъ его вѣчно оставался одинъ такой вихорь, который ни за что не хотѣлъ приглядиться и стоялъ торчкомъ. Лѣтъ ему было двадцать семь или двадцать восемь. „Я не удивляюсь болѣе, что жена отъ него сбѣжала“, отнеслась Варвара Петровна однажды, пристально къ нему приглядѣвшись. Старался онъ одѣваться чистенько, несмотря на чрезвычайную свою бѣдность. Къ Варварѣ Петровнѣ опять не обратился за помощію, а пробивался чѣмъ Богъ пошлетъ; занимался и у купцовъ. Разъ сидѣлъ въ лавкѣ, потомъ совсѣмъ было уѣхалъ на пароходѣ съ товаромъ, приказчицымъ помощникомъ, но заболѣлъ предъ самую отправку. Трудно представить себѣ, какую нищету способенъ онъ былъ переносить, даже и не думая о ней вовсе. Варвара Петровна послѣ его болѣзни переслала ему секретно и анонимно сто рублей. Онъ разузналъ, однакоже, секретъ, подумалъ, деньги принялъ и пришелъ къ Варварѣ Петровнѣ поблагодарить. Та съ жаромъ приняла его, по онъ и тутъ постыдно обманулъ ея ожиданія: просидѣлъ всего пять минутъ, молча, тупо уставившись въ землю и глухо улыбаясь, и вдругъ, не дослушавъ ея и на самомъ интересномъ мѣстѣ разговора, всталъ, поклонился какъ-то бокомъ, косолапо, застыдился въ прахъ, кстати ужъ задѣлъ и грохнулъ объ полъ ея дорогой, наборный рабочій столикъ, разбилъ его и вышелъ едва живой отъ позора. Липутинъ очень укорилъ его потомъ за то, что онъ не отвергнулъ тогда съ презрѣніемъ эти сто рублей, какъ отъ бывшей его деспотки-помѣщицы, и не только принялъ, а еще благодарить потащился. Жилъ онъ уединенно на краю города, и не любилъ, если кто-нибудь даже изъ насъ за-

ходилъ къ нему. На вечера къ Степану Трофимовичу являлся постоянно и бралъ у него читать газеты и книги.

Являлся на вечера и еще одинъ молодой человѣкъ, нѣкто Виргинскій, здѣшній чиновникъ, имѣвшій нѣкоторое сходство съ Шатовымъ, хотя, повидимому, и совершенно противоположный ему во всѣхъ отношеніяхъ; но это тоже былъ „семьянинъ“. Жалкій и чрезвычайно тихій молодой человѣкъ, впрочемъ, лѣтъ уже тридцати, съ значительнымъ образованіемъ, но больше самоучка. Онъ былъ бѣденъ, женатъ, служилъ и содержалъ тетку и сестру своей жены. Супруга его, да и всѣ дамы были самыхъ послѣднихъ убѣжденій, но все это выходило у нихъ нѣсколько грубовато, именно тутъ была „идея понавшая на улицу“, какъ выразился когда-то Степанъ Трофимовичъ по другому поводу. Онѣ все брали изъ книжекъ, и по первому даже слуху изъ столичныхъ прогрессивныхъ уголковъ нашихъ готовы были выбросить за окно все, что угодно, лишь бы только совѣтовали выбрасывать. М-ше Виргинская занималась у насъ въ городѣ повивальною профессіей; въ дѣвицахъ она долго жила въ Петербургѣ. Самъ Виргинскій былъ человѣкъ рѣдкой чистоты сердца, и рѣдко я встрѣчалъ болѣе честный душевный огонь. „Я никогда, никогда не отстану отъ этихъ свѣтлыхъ надеждъ“, говорилъ онъ мнѣ съ сіяющими глазами. О „свѣтлыхъ надеждахъ“ онъ говорилъ всегда тихо, съ сладостію, полушопотомъ, какъ бы секретно. Онъ былъ довольно высокаго роста, но чрезвычайно тонокъ и узокъ въ плечахъ, съ необыкновенно жиденькими, рыжеватаго оттѣнка волосиками. Всѣ высокомерныя насмѣшки Степана Трофимовича надъ нѣкоторыми изъ его мнѣній онъ принималъ кротко, возражалъ же ему иногда очень серьезно и во многомъ ставилъ его втупикъ. Степанъ Трофимовичъ обращался съ нимъ ласково, да и вообще ко всѣмъ намъ относился отечески.

— Всѣ вы изъ „недосиженныхъ“, шутливо замѣчалъ онъ Виргинскому, — всѣ подобные вамъ, хотя въ васъ, Виргинскій, я и не замѣчалъ той огра-ни-чен-ности, какую встрѣчалъ въ Петербургѣ chez ces séminairistes, но, все-таки, вы „недосиженные“. Шатову очень хотѣлось бы высидѣться, но и онъ недосиженный.

— А я? спрашивалъ Липутинъ.

— А вы просто золотая середина, которая вездѣ уживетъ... по-своему.

Липутинъ обижался.

Разсказывали про Виргинскаго и, къ сожалѣнiю, весьма достовѣрно, что супруга его, не пробывъ съ нимъ и году въ законномъ бракѣ, вдругъ объявила ему, что онъ отставленъ и что она предпочитаетъ Лебядкина. Этотъ Лебядкинъ, какой-то заѣзжій, оказался потомъ лицомъ весьма подозрительнымъ и вовсе даже не былъ отставнымъ штабсъ-капитаномъ, какъ самъ титуловалъ себя. Онъ только умѣлъ крутить усы, пить и болтать самый неловкiй вздоръ, какой только можно вообразить себѣ. Этотъ человѣкъ пренеделикатно тотчасъ же къ нимъ переѣхалъ, обрадовавшись чужому хлѣбу, ѣлъ и спалъ у нихъ, и сталъ, наконецъ, третировать хозяина свысока. Увѣряли, что Виргинскiй, при объявленiи ему женой отставки, сказалъ ей: „другъ мой, до сихъ поръ я только любилъ тебя, теперь уважаю“, но врядъ-ли въ самомъ дѣлѣ произнесено было такое древне-римское изреченiе; напротивъ, говорятъ, навзрыдъ плакалъ. Однажды, недѣли двѣ послѣ отставки, всѣ они, всѣмъ „семействомъ“, отправились за городъ, въ рошу кушать чай вмѣстѣ съ знакомыми. Виргинскiй былъ какъ-то лихорадочно-весело настроенъ и участвовалъ въ танцахъ; но вдругъ, и безъ всякой предварительной ссоры, схватилъ гиганта Лебядкина, канканировавшаго соло, обѣими руками за волосы, нагнулъ и началъ таскать его съ визгами, криками и слезами. Гигантъ до того струсиль, что даже не защищался, и все время, какъ его таскали, почти не прерывалъ молчанiя; но послѣ таски обидѣлся со всѣмъ пыломъ благороднаго человѣка. Виргинскiй всю ночь на колѣняхъ умолялъ жену о прощенiи, но прощенiя не вымолилъ, потому что, все-таки, не согласился пойти извиниться предъ Лебядкиннымъ; кромѣ того былъ обличенъ въ скудости убѣжденiй и въ глупости; послѣднее потому, что, объясняясь съ женщиной, стоялъ на колѣняхъ. Штабсъ-капитанъ вскорѣ скрылся и явился опять въ нашемъ городѣ только въ самое послѣднее время, съ своею сестрой и съ новыми цѣлями; но о немъ впереди. Немудрено, что бѣдный „семьянинъ“ отводилъ у насъ душу и нуждался въ нашемъ обществѣ. О домашнихъ дѣлахъ своихъ онъ никогда, впрочемъ, у насъ не высказывался. Однажды только, возвращаясь со мною отъ Степана Трофимовича, заговорилъ было отдаленно о своемъ положенiи, но тутъ же, схвативъ меня за руку, пламенно воскликнулъ:

— Это ничего; это только частный случай; это нисколько, нисколько не помѣшаетъ „общему дѣлу“!

Являлись къ намъ въ кружокъ и случайные гости; ходилъ жидокъ Лямшинъ, ходилъ капитанъ Картузовъ. Бывалъ нѣкоторое время одинъ любознательный старичокъ, но померъ. Привелъ было Липутинъ ссыльнаго ксендза Слоньцевскаго, и нѣкоторое время его принимали по принципу, но потомъ и принимать не стали.

IX.

Одно время въ городѣ передавали о насъ, что кружокъ нашъ—разсадникъ вольнодумства, разврата и безбожія; да и всегда крѣпился этотъ слухъ. А между тѣмъ у насъ была одна самая невинная, милая, вполне русская веселенькая либеральная болтовня. „Высшій либерализмъ“ и „высшій либераль“, то-есть либераль безъ всякой цѣли, возможны только въ одной Россіи. Степану Трофимовичу, какъ и всякому остроумному человѣку, необходимъ былъ слушатель, и кромѣ того необходимо было сознаніе о томъ, что онъ исполняетъ высшій долгъ пропаганды идей. А, наконецъ, надобно же было съ кѣмъ-нибудь выпить шампанскаго и обмѣняться за виномъ извѣстнаго сорта веселенькими мыслями о Россіи и „русскомъ духѣ“, о Богѣ вообще и о „русскомъ Богѣ“ въ особенности; повторить въ сотый разъ всѣмъ извѣстные и всѣми натверженные русскіе скандалезные анекдотцы. Не прочь мы были и отъ городскихъ сплетенъ, при чемъ доходили иногда до строгихъ высоконравственныхъ приговоровъ. Впадали и въ общечеловѣческое, строго разсуждали о будущей судьбѣ Европы и человѣчества; докторально предсказывали, что Франція послѣ цезаризма разомъ ниспадетъ на степень второстепеннаго государства, и совершенно были увѣрены, что это ужасно скоро и легко можетъ сдѣлаться. Папѣ давнымъ-давно предсказывали мы роль простого митрополита въ объединенной Италіи, и были совершенно убѣждены, что весь этотъ тысячелѣтній вопросъ, въ нашъ вѣкъ гуманности, промышленности и желѣзныхъ дорогъ, одно только плевое дѣло. Но вѣдь „высшій русскій либерализмъ“ иначе и не относится къ дѣлу. Степанъ Трофимовичъ говаривалъ иногда объ искусствѣ, и весьма хорошо, но нѣсколько отвлеченно. Вспоминалъ иногда о друзьяхъ своей молодости,—все о лицахъ, намѣченныхъ въ исторіи нашего развитія,—вспо-

миналъ съ умилениемъ и благоговѣніемъ, но нѣсколько какъ бы съ завистью. Если ужъ очень становилось скучно, то жидокъ Лямшинъ (маленькій почтамтскій чиновникъ), мастеръ на фортепіано, садился играть, а въ антрактахъ представлялъ свинью, грозу, роды съ первымъ крикомъ ребенка, и пр., и пр.; для того только и приглашался. Если ужъ очень поддивали,—а это случилось, хотя и не часто,—то приходили въ восторгъ, и даже разъ хоромъ, подъ аккомпаниментъ Лямшина, пропѣли *Марсельезу*, только не знаю, хорошо-ли вышло. Великій день девятнадцатаго февраля мы встрѣтили восторженно, и задолго еще начали осушать въ честь его тосты. Это было еще давно-давно; тогда еще не было ни Шатова, ни Виргинскаго, и Степанъ Трофимовичъ еще жилъ въ одномъ домѣ съ Варварой Петровной. За нѣсколько времени до великаго дня, Степанъ Трофимовичъ повадился было бормотать про себя извѣстные, хотя нѣсколько неестественные стихи, должно-быть, сочиненные какимъ-нибудь прежнимъ либеральнымъ помѣщикомъ:

„Идутъ мужики и несутъ топоры,
Что-то страшное будетъ“.

Кажется, что-то въ этомъ родѣ, буквально не помню. Варвара Петровна разъ подслушала и крикнула ему: „взоръ, взоръ!“ и вышла во гнѣвъ. Липутинъ, при этомъ случившійся, язвительно замѣтилъ Степану Трофимовичу:

— А жаль, если господамъ помѣщикамъ бывшіе ихъ крѣпостные и въ самомъ дѣлѣ нанесутъ на радостяхъ нѣоторую неприятность.

И онъ черкнулъ указательнымъ пальцемъ вокругъ своей шеи.

— *Sher ami*, благодушно замѣтилъ ему Степанъ Трофимовичъ,—повѣрьте, что *это* (онъ повторилъ жестъ вокругъ шеи) нисколько не принесетъ пользы ни нашимъ помѣщикамъ, ни всѣмъ намъ вообще. Мы и безъ головъ ничего не сумѣемъ устроить, несмотря на то, что наши головы всего болѣе и мѣшаютъ намъ понимать.

Замѣчу, что у насъ многіе полагали, что въ день манифеста будетъ нѣчто необычайное, въ такомъ родѣ, какъ предсказывалъ Липутинъ, и все вѣдь такъ-называемые знатоки народа и государства. Кажется, и Степанъ Трофимовичъ раздѣлялъ эти мысли, и до того даже, что почти наканунѣ великаго дня сталъ вдругъ проситься

у Варвары Петровны за границу; однимъ словомъ, сталъ беспокоиться. Но прошелъ великій день, прошло и еще нѣкоторое время, и высокоумная улыбка появилась опять на устахъ Степана Трофимовича. Онъ высказалъ передъ нами нѣсколько замѣчательныхъ мыслей о характерѣ русскаго человѣка вообще и русскаго мужичка въ особенности.

— Мы, какъ торопливые люди, слишкомъ поспѣшили съ нашими мужичками, заключилъ онъ свой рядъ замѣчательныхъ мыслей. — Мы ихъ ввели въ моду, и цѣлый отдѣлъ литературы, нѣсколько лѣтъ рядъ сряду, носился съ ними, какъ съ новооткрытою драгоценностью. Мы надѣвали лавровыя вѣнки на вшивыя головы. Русская деревня, за всю тысячу лѣтъ, дала намъ лишь одного камаринскаго. Замѣчательный русскій поэтъ, не лишенный притомъ остроумія, увидѣвъ въ первый разъ на сценѣ великую Рашель, воскликнулъ въ восторгѣ: „не промѣняю Рашель на мужика!“ Я готовъ пойти дальше: я и всѣхъ русскихъ мужичковъ отдамъ въ обмѣнъ за одну Рашель. Пора взглянуть трезвѣе и не смѣшивать нашего родного сиволапаго дегтя съ bouquet de l'impératrice.

Липутинъ тотчасъ же согласился, но замѣтилъ, что покривить душой и похвалить мужичковъ все-таки было тогда необходимо для направленія; что даже дамы высшаго общества заливались слезами, читая *Антоня Горемыку*, а нѣкоторыя изъ нихъ такъ даже изъ Парижа написали въ Россію своимъ управляющимъ, чтобъ отъ сей поры обращаться съ крестьянами какъ можно гуманнѣе.

Случилось, и какъ нарочно сейчасъ послѣ слуховъ объ Антонѣ Петровичѣ, что и въ нашей губерніи, и всего-то въ пятнадцать верстахъ отъ Скворешниковъ, произошло нѣкоторое недоразумѣніе, такъ что сгоряча послали команду. Въ этотъ разъ Степанъ Трофимовичъ до того взволновался, что даже и насъ напугалъ. Онъ кричалъ въ клубѣ, что войска надо больше, чтобы призвали изъ другого уѣзда по телеграфу; бѣгалъ къ губернатору и увѣрялъ его, что онъ тутъ ни при чемъ; просилъ, чтобы не замѣшали его какъ-нибудь, по старой памяти, въ дѣло и предлагалъ немедленно написать объ его заявленіи въ Петербургъ, кому слѣдуетъ. Хорошо, что все это скоро прошло и разрѣшилось ничѣмъ; но только я подивился тогда на Степана Трофимовича.

Года черезъ три, какъ извѣстно, заговорили о націо-

нальности и зародилось „общественное мнѣніе“. Степанъ Трофимовичъ очень смѣялся.

— Друзья мои, училъ онъ насъ,—наша національность, если и въ самомъ дѣлѣ „зародилась“, какъ они тамъ теперь увѣряютъ въ газетахъ,—то сидитъ еще въ школѣ, въ нѣмецкой какой-нибудь петершулѣ, за нѣмецкою книжкой, и твердитъ свой вѣчный нѣмецкій урокъ, а нѣмецъ-учитель ставитъ ее на колѣни, когда понадобится. За учителя-нѣмца хвалю; но вѣроятнѣе всего, что ничего не случилось и ничего такого не зародилось, а идетъ все какъ прежде шло, то-есть подъ покровительствомъ Божиимъ! По-моему, и довольно бы для Россіи, *roug notre sainte Russie*. Притомъ же всѣ эти всеславянства и національности—все это слишкомъ старо, чтобы быть новымъ. Национальность, если хотите, никогда и не являлась у насъ иначе какъ въ видѣ клубной барской затѣи, и вдобавокъ еще московской. Я, разумѣется, не про Игорево время говорю. И, наконецъ, все отъ праздности. У насъ все отъ праздности, и доброе и хорошее. Все отъ нашей барской, милой, образованной, прихотливой праздности! Я тридцать тысячъ лѣтъ про это твержу. Мы своимъ трудомъ жить не умѣемъ. И что они тамъ развозились теперь съ какимъ-то „зародившимся“ у насъ общественнымъ мнѣніемъ,—такъ вдругъ, ни съ того ни съ сего, съ неба соскочило? Неужто не понимаютъ, что для пріобрѣтенія мнѣнія первѣе всего надобенъ трудъ, собственный трудъ, собственный мочинъ въ дѣлѣ, собственная практика! Даромъ никогда ничего не достанется. Будемъ трудиться, будемъ и свое мнѣніе имѣть. А такъ какъ мы никогда не будемъ трудиться, то и мнѣніе имѣть за насъ будутъ тѣ, кто вмѣсто насъ до сихъ поръ работали, то-есть все та же Европа, все тѣ же нѣмцы, — двухсотлѣтніе учителя наши. Къ тому же, Россія есть слишкомъ великое недоразумѣніе, чтобы намъ однимъ его разрѣшить, безъ нѣмцевъ и безъ труда. Вотъ уже двадцать лѣтъ какъ я бью въ набатъ и зову къ труду! Я отдалъ жизнь на этотъ призывъ и, безумецъ, вѣровалъ! Теперь уже не вѣрую, но звоню и буду звонить до конца, до могилы; буду дергать веревку, пока не зазвонятъ къ моей панихидѣ!

Увы! мы только поддакивали. Мы аплодировали учителю нашему, да съ какимъ еще жаромъ! А что, господа, не раздается-ли и теперь, подчасъ сплошь да рядомъ,

такого же „милаго“, „умнаго“, „либеральнаго“, стараго русскаго вздора?

Въ Бога учитель нашъ вѣровалъ. „Не понимаю, почему меня всѣ здѣсь выставляютъ безбожникомъ? говаривалъ онъ иногда.—Я въ Бога вѣрую, mais distinguons, я вѣрую какъ въ Существо Себя лишь во мнѣ сознающее. Не могу же я вѣровать, какъ моя Настасья (служанка), или какъ какой-нибудь баринъ, вѣрующій „на всякій случай“, — или какъ нашъ милый Шатовъ,—впрочемъ, вѣтъ, Шатовъ не въ счетъ. Шатовъ вѣруетъ *насилъно*, какъ московскій славянофилъ. Что же касается до христіанства, то при всемъ моемъ искреннемъ къ нему уваженіи, я не христіанинъ. Я скорѣе древній язычникъ, какъ великій Гете, или какъ древній грекъ. И одно уже то, что христіанство не поняло женщину,—что такъ великолѣпно развила Жоржъ-Зандъ въ одномъ изъ своихъ гениальныхъ романовъ. Насчетъ же поклоненій, постовъ и всего прочаго, то, не понимаю, кому какое до меня дѣло? Какъ бы ни хлопотали здѣсь наши доносчики, а иезуитомъ я быть не желаю. Въ сорокъ седьмомъ году, Бѣлинскій, будучи за границей, послалъ къ Гоголю извѣстное свое письмо, и въ немъ горячо укорялъ того, что тотъ вѣруетъ „въ какого-то Бога“. Entre nous soit dit, ничего не могу вообразить себѣ комичнѣе того мгновенія, когда Гоголь (тогдашній Гоголь!), прочелъ это выраженіе и... все письмо! Но, откинувъ смѣшное и такъ какъ я все-таки съ сущностью дѣла согласенъ, то скажу и укажу: вотъ были люди! Сумѣли же они любить свой народъ, сумѣли же пострадать за него, сумѣли же пожертвовать для него всѣмъ и сумѣли же въ то же время не сходитьси съ нимъ когда надо, не потворствовать ему въ извѣстныхъ понятіяхъ. Не могъ же, въ самомъ дѣлѣ, Бѣлинскій искать спасенія въ постномъ маслѣ или въ рѣдкѣхъ съ горохомъ!..

Но тутъ вступался Шатовъ.

— Никогда эти ваши люди не любили народа, не страдали за него и ничѣмъ для него не пожертвовали, какъ бы ни воображали это сами, себѣ въ утѣху! угрюмо проворчалъ опъ, потупившись и нетерпѣливо повернувшись на стулѣ.

— Это они-то не любили народа! завопилъ Степанъ Трофимовичъ.—О, какъ они любили Россію!

— Ни Россію, ни народа! завопилъ и Шатовъ, сверкая глазами.—Нельзя любить то, чего не знаешь, а они ни-

чего въ русскомъ народѣ не смыслили! Всѣ они, и вы вмѣстѣ съ ними, просмотрѣли русскій народъ сквозь пальцы, а Бѣлинскій особенно; ужъ изъ того самаго письма его къ Гоголю это видно. Бѣлинскій, точь-въ-точь какъ Крылова *Любопытный*, не примѣтилъ слона въ кунсткамерѣ, а все вниманіе свое устремилъ на французскихъ социальныхъ букашекъ; такъ и покончилъ на нихъ. А вѣдь онъ еще, пожалуй, всѣхъ васъ умнѣе былъ! Вы мало того, что просмотрѣли народъ,—вы съ омерзительнымъ презрѣніемъ къ нему относились, ужъ по тому одному, что подъ народомъ вы воображали себѣ одинъ только французскій народъ, да и то однихъ парижанъ, и стыдились, что русскій народъ не таковъ. И это голая правда! А у кого нѣтъ народа, у того нѣтъ и Бога! Знайте навѣрно, что всѣ тѣ, которые перестаютъ понимать свой народъ и теряютъ съ нимъ свои связи, тотчасъ же, по мѣрѣ того, теряютъ и вѣру отеческую, становятся или атеистами или равнодушными. Вѣрно говорю! Это фактъ, который оправдывается. Вотъ почему и вы всѣ, и мы всѣ теперь — или гнусные атеисты, или равнодушная, развратная дрянь и ничего больше! И вы тоже, Степанъ Трофимовичъ, я васъ насколько не исключаю, даже на вашъ счетъ и говорилъ, знайте это!

Обыкновенно, проговоривъ подобный монологъ (а съ нимъ это часто случалось), Шатовъ схватывалъ свой картузь и бросался къ дверямъ, въ полной увѣренности, что ужъ теперь все кончено и что онъ совершенно и навѣки порвалъ свои дружескія отношенія къ Степану Трофимовичу. Но тотъ всегда успѣвалъ остановить его во-время.

— А не помирились-ли намъ, Шатовъ, послѣ всѣхъ этихъ милыхъ словечекъ? говаривалъ онъ, благодушно протягивая ему съ кресель руку.

Неуклюжій, но стыдливый Шатовъ нѣжностей не любилъ. Снаружи человѣкъ былъ грубый, но про себя, кажется, деликатнѣйшій. Хоть и терялъ часто мѣру, но первый страдалъ отъ того самъ. Проворчавъ что-нибудь подъ носъ на призывныя слова Степана Трофимовича и потоптавшись, какъ медвѣдь, на мѣстѣ, онъ вдругъ неожиданно ухмылялся, откладывая свой картузь и садился на прежній стулъ, упорно смотря въ землю. Разумѣется, приносилось вино, и Степанъ Трофимовичъ провозглашалъ какой-нибудь подходящій тостъ, напримѣръ, хоть въ память котораго-нибудь изъ прошедшихъ дѣятелей.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Принцъ Гарри. Сватовство.

I.

На землѣ существовало еще одно лицо, къ которому Варвара Петровна была привязана не менѣе, какъ къ Степану Трофимовичу,—единственный сынъ ея, Николай Всеволодовичъ Ставрогинъ. Для него-то и приглашенъ былъ Степанъ Трофимовичъ въ воспитатели. Мальчику было тогда лѣтъ восемь, а легкомысленный генераль Ставрогинъ, отецъ его, жилъ въ то время уже въ разлукѣ съ его мамашей, такъ что ребенокъ возросъ подъ однимъ только ея попеченіемъ. Надо отдать справедливость Степану Трофимовичу, онъ умѣлъ привязать къ себѣ своего воспитанника. Весь секретъ его заключался въ томъ, что онъ и самъ былъ ребенокъ. Меня тогда еще не было, а въ истинномъ другѣ онъ постоянно нуждался. Онъ не задумался сдѣлать своимъ другомъ такое маленькое существо, едва лишь оно капельку подросло. Какъ-то такъ естественно сошлось, что между ними не оказалось ни малѣйшаго разстоянія. Онъ не разъ пробуждалъ своего десяти или одиннадцатилѣтняго друга ночью, единственно чтобъ излить предъ нимъ въ слезахъ свои оскорбленные чувства, или открыть ему какой-нибудь домашній секретъ, не замѣчая, что это совсѣмъ уже непозволительно. Они бросались другъ другу въ объятія и плакали. Мальчикъ зналъ про свою мать, что она его очень любитъ, но врядъли очень любилъ ее самъ. Она мало съ нимъ говорила, рѣдко въ чемъ его очень стѣсняла, но пристально слѣдящій за нимъ ея взглядъ онъ всегда какъ-то болѣзненно ощущалъ на себѣ. Впрочемъ, во всемъ дѣлѣ обученія и нравственнаго развитія мать вполне довѣряла Степану Трофимовичу. Тогда еще она вполне въ него вѣровала. Надо думать, что педагогъ нѣсколько разстроилъ нервы своего воспитанника. Когда его, по шестнадцатому году, повезли въ лицей, то онъ былъ тигедушенъ и блѣденъ, странно тихъ и задумчивъ. (Впослѣдствіи онъ отличался чрезвычайною физическою силой). Надо полагать тоже, что друзья плакали, бросаясь ночью взаимно въ объятія, не все объ однихъ какихъ-нибудь домашнихъ анекдотахъ. Степанъ Трофимовичъ сумѣлъ дотронуться въ сердцѣ своего друга до глубочайшихъ струнъ и вызвать въ немъ

первос, еще неопредѣленное ощущеніе той вѣковѣчной священной тоски, которую иная избранная душа, развкусивъ и познавъ, уже не промѣняетъ потомъ никогда на дешевое удовлетвореніе. (Есть и такіе любители, которые тоской этой дорожатъ болѣе самаго радикальнаго удовлетворенія, если-бъ даже таковое и было возможно). Но во всякомъ случаѣ хорошо было, что птенца и наставника, хотъ и поздно, а развели въ разныя стороны.

Изъ лица молодой человѣкъ въ первые два года пріѣзжалъ на вакацію. Во время поѣздки въ Петербургъ Варвары Петровны и Степана Трофимовича, онъ присутствовалъ иногда на литературныхъ вечерахъ, бывавшихъ у мамыши, слушалъ и наблюдалъ. Говорилъ мало и все попрежнему былъ тихъ и застѣнчивъ. Къ Степану Трофимовичу относился съ прежнимъ нѣжнымъ вниманіемъ, но уже какъ-то сдержаннѣе: о высокихъ предметахъ и о воспоминаніяхъ прошлаго видимо удалялся съ нимъ заговаривать. Кончивъ курсъ, онъ, по желанію мамыши, поступилъ въ военную службу и вскорѣ былъ зачисленъ въ одинъ изъ самыхъ видныхъ гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ. Показаться мамышѣ въ мундирѣ онъ не пріѣхалъ и рѣдко сталъ писать изъ Петербурга. Денегъ Варвара Петровна посылала ему не жалѣя, несмотря на то, что послѣ реформы доходъ съ ея имѣній упалъ до того, что въ первое время она и половины прежняго дохода не получала. У ней, впрочемъ, накопленъ былъ долгою экономіей нѣкоторый, не совсѣмъ маленькій капиталъ. Ее очень интересовали успѣхи сына въ высшемъ петербургскомъ обществѣ. Что не удалось ей, то удалось молодому офицеру, богатому и съ надеждами. Онъ возобновилъ такія знакомства, о которыхъ она и мечтать уже не могла, и вездѣ былъ принятъ съ большимъ удовольствіемъ. Но очень скоро начали доходить къ Варварѣ Петровнѣ довольно странные слухи: молодой человѣкъ какъ-то безумно и вдругъ закутилъ. Не то чтобъ онъ игралъ или очень пилъ; рассказывали о какой-то дикой разнузданности, о задавленныхъ рысакими людяхъ, о звѣрскомъ поступкѣ съ одною дамою хорошаго общества, съ которою онъ былъ въ связи, а потомъ оскорбилъ ее публично. Что-то даже слишкомъ ужъ откровенно грязное было въ этомъ дѣлѣ. Прибавляли, сверхъ того, что онъ какой-то бретеръ, привязывается и оскорбляетъ изъ удовольствія оскорбить. Варвара Петровна волновалась и тосковала. Степанъ Тро-

фимовичъ увѣрялъ ее, что это только первые, буйные порывы слишкомъ богатой организаціи, что море уляжется и что все это похоже на юность принца Гарри, кутившаго съ Фальстафомъ, Пойнсомъ и мистрисъ Квикли, описанною у Шекспира. Варвара Петровна на этотъ разъ не крикнула: „вздоръ, вздоръ!“ какъ повадилась въ послѣднее время покрикивать очень часто на Степана Трофимовича, а, напротивъ, очень прислушалась, велѣла растолковать себѣ подробнѣе, сама взяла Шекспира и съ чрезвычайнымъ вниманіемъ прочла безсмертную хронику. Но хроника ее не успокоила, да и сходства она не такъ много нашла. Она лихорадочно ждала отвѣтовъ на нѣсколько своихъ писемъ. Отвѣты не замедлили; скоро было получено роковое извѣстіе, что принцъ Гарри имѣлъ почти разомъ двѣ дуэли, кругомъ былъ виноватъ въ обѣихъ, убилъ одного изъ своихъ противниковъ наповаль, а другого искалѣчилъ и, вслѣдствіе таковыхъ дѣяній, былъ отданъ подъ судъ. Дѣло кончилось разжалованіемъ въ солдаты, съ лишеніемъ правъ и ссылкой на службу въ одинъ изъ пѣхотныхъ армейскихъ полковъ, да и то еще по особенной милости.

Въ шестьдесятъ третьемъ году ему какъ-то удалось отличиться; ему дали крестикъ и произвели въ унтеръ-офицеры, а затѣмъ какъ-то ужъ скоро и въ офицеры. Во все это время Варвара Петровна отправила, можетъ-быть, до сотни писемъ въ столицу съ просьбами и мольбами. Она позволила себѣ нѣсколько унизиться въ такомъ необыкновенномъ случаѣ. Послѣ производства молодой человѣкъ вдругъ вышелъ въ отставку, въ Скворешники опять не пріѣхалъ, а къ матери совсѣмъ уже пересталъ писать. Узнали, наконецъ, посторонними путями, что онъ опять въ Петербургѣ, но что въ прежнемъ обществѣ его уже не встрѣчали вовсе; онъ куда-то какъ бы спрятался. Доискались, что онъ живетъ въ какой-то странной компаніи, связался съ какимъ-то отребьемъ петербургскаго населенія, съ какими-то безсапожными чиновниками, отставными военными благородно-просящими милостыню, пьяницами, посѣщаетъ ихъ грязныя семейства, дни и ночи проводитъ въ темныхъ трущобахъ и Богъ знаетъ въ какихъ закоулкахъ, опустился, оборвался и что, стало-быть, это ему нравится. Денегъ у матери онъ не просилъ; у него было свое имѣніице, — бывшая деревенька генерала Ставрогина, которое хоть что-нибудь да давало же доходу и которое, по слу-

хамъ, онъ сдалъ въ аренду одному саксонскому нѣмцу. Наконецъ, мать умолила его къ ней прїѣхать, и привгъ Гарри появился въ нашемъ городѣ. Тутъ - то я въ первый разъ и разглядѣлъ его, а дотолѣ никогда не видывалъ.

Это былъ очень красивый молодой человекъ, лѣтъ двадцати пяти, и, признаюсь, поразилъ меня. Я ждалъ встрѣтить какого-нибудь грязнаго оборванца, испитого отъ разврата и отдающаго водкой. Напротивъ, это былъ самый изящный джентльменъ изъ всѣхъ, которыхъ мнѣ когда-либо приходилось видѣть, чрезвычайно хорошо одѣтый, державшій себя такъ, какъ могъ держать себя только господинъ, привыкшій къ самому утонченному благообразію. Не я одинъ былъ удивленъ: удивлялся и весь городъ, которому, конечно, была уже извѣстна вся біографія господина Ставрогина и даже съ такими подробностями, что невозможно было представить, откуда онѣ могли получиться, и, что всего удивительнѣе, изъ которыхъ половина оказалась вѣрною. Всѣ наши дамы были безъ ума отъ новаго гостя. Онѣ рѣзко раздѣлились на двѣ стороны, — въ одной обожали его, а въ другой ненавидѣли до кровомщенія; но безъ ума были и тѣ и другія. Однѣхъ особенно прельщало, что на душѣ его есть, можетъ-быть, какая-нибудь роковая тайна; другимъ положительно нравилось, что онъ убійца. Оказалось тоже, что онъ былъ весьма порядочно образованъ; даже съ нѣкоторыми познаніями. Познаній, конечно, не много требовалось, чтобы насъ удивить; но онъ могъ судить и о насущныхъ, весьма интересныхъ темахъ и, что всего драгоценнѣе, съ замѣчательною разсудительностью. Упомяну, какъ странность: всѣ у насъ, чуть не съ перваго дня, нашли его чрезвычайно разсудительнымъ человекомъ. Онъ былъ не очень разговорчивъ, изященъ безъ изысканности, удивительно скромень и въ то же время смѣлъ и самоувѣренъ, какъ у насъ никто. Наши франты смотрѣли на него съ завистью и совершенно предъ нимъ стушывались. Поразило меня тоже его лицо: волосы его были что-то ужъ очень черны, свѣтлые глаза его что-то ужъ очень спокойны и ясны, цвѣтъ лица что-то ужъ очень нѣженъ и бѣлъ, румянецъ что-то ужъ слишкомъ ярокъ и чистъ, зубы какъ жемчужины, губы какъ коралловыя, — казалось бы, писанный красавецъ, а въ то же время какъ будто и отвратителенъ. Говорили, что лицо его напоминаетъ маску; впрочемъ,

многое говорили, между прочимъ, и о чрезвычайной тѣлесной его силѣ. Росту онъ былъ почти высокаго. Варвара Петровна смотрѣла на него съ гордостью, но постоянно съ безпокойствомъ. Онъ прожилъ у насъ съ полгода—вяло, тихо, довольно угрюмо; являлся въ обществѣ и съ неуклоннымъ вниманіемъ исполнялъ весь нашъ губернской этикетъ. Губернатору, по отцу, онъ былъ сродни и въ домѣ его принятъ былъ какъ близкій родственникъ. Но прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и вдругъ звѣрь показалъ свои когти.

Кстати, замѣчу въ скобкахъ, что милый, мягкій нашъ Иванъ Осиповичъ, бывший нашъ губернаторъ, былъ нѣсколько похожъ на бабу, но хорошей фамиліи и со связями,—чѣмъ и объясняется то, что онъ просидѣлъ у насъ столько лѣтъ, постоянно отмахиваясь руками отъ всякаго дѣла. По хлѣбосольтву его и гостепріимству, ему бы слѣдовало быть предводителемъ дворянства стараго добраго времени, а не губернаторомъ въ такое хлопотливое время, какъ наше. Въ городѣ постоянно говорили, что управляетъ губерніей не онъ, а Варвара Петровна. Конечно, это было ѣдко сказано, но, однакоже,—рѣшительная ложь. Да и мало-ли было на этотъ счетъ потрачено у насъ остроумія. Напротивъ, Варвара Петровна, въ послѣдніе годы, особенно и сознательно устранила себя отъ всякаго высшаго назначенія, несмотря на чрезвычайное уваженіе къ ней всего общества, и добровольно заключилась въ строгіе предѣлы, ею самою себѣ поставленные. вмѣсто высшихъ назначеній, она вдругъ начала заниматься хозяйствомъ, и въ два-три года подняла доходность своего имѣнія чуть не на прежнюю степень. вмѣсто прежнихъ поэтическихъ порывовъ (поѣздки въ Петербургъ, намѣренія издавать журналъ и проч.), она стала копить и скупиться. Даже Степана Трофимовича отдала отъ себя, позволивъ ему нанимать квартиру въ другомъ домѣ (о чемъ тотъ давно уже приставалъ къ ней самъ подъ разными предлогами). Мало-по-малу Степанъ Трофимовичъ сталъ называть ее прозаическою женщиной или еще шутивше: „своимъ прозаическимъ другомъ“. Разумѣется, эти шутки онъ позволялъ не иначе, какъ въ чрезвычайно почтительномъ видѣ и долго выбирая удобную минуту.

Всѣ мы, близкіе, понимали, — а Степанъ Трофимовичъ чувствительнѣе всѣхъ насъ,—что сынъ явился предъ нею теперь какъ бы въ видѣ новой надежды и даже въ видѣ

какой-то новой мечты. Страсть ея къ сыну началась со времени удачь его въ петербургскомъ обществѣ и особенно усилилась съ той минуты, когда получено было извѣстіе о разжалованіи его въ солдаты. А между тѣмъ она очевидно боялась его и казалась предъ нимъ словно рабой. Замѣтно было, что она боялась чего-то неопредѣленнаго, таинственнаго, чего и сама не могла бы высказать, и много разъ непримѣтно и пристально приглядывалась къ Nicolas, что-то соображая и разгадывая... и вотъ — звѣрь вдругъ выпустилъ свои когти.

II.

Нашъ принцъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, сдѣлалъ двѣ-три невозможныя дерзости разнымъ лицамъ, то-есть главное именно въ томъ состояло, что дерзости эти совсѣмъ неслыханныя, совершенно ни на что не похожія, совсѣмъ не такія, какія въ обыкновенномъ употребленіи, совсѣмъ дрянныя и мальчишническія, и чортъ знаетъ для чего, совершенно безъ всякаго повода. Одинъ изъ почтеннѣйшихъ старшинъ нашего клуба, Петръ Павловичъ Гагановъ, человѣкъ пожилой и даже заслуженный, взялъ невинную привычку ко всякому слову съ азартомъ приговаривать: „Нѣтъ-съ, меня не проведутъ за носъ!“ Оно и пусть бы. Но однажды въ клубѣ, когда онъ, по какому-то горячему поводу, проговорилъ этотъ афоризмъ собравшейся около него кучкѣ клубныхъ посѣтителей (и все людей не послѣднихъ), Николай Всеволодовичъ, стоявшій въ сторонѣ одинъ и къ которому никто и не обращался, вдругъ подошелъ къ Петру Павловичу, неожиданно, но крѣпко ухватилъ его за носъ двумя пальцами и успѣлъ протянуть за собою по залѣ два-три шага. Злобы онъ не могъ имѣть никакой на господина Гаганова. Можно было подумать, что это чистое школьничество, разумѣется, непростительнѣйшее; и, однакоже, рассказывали потомъ, что онъ въ самое мгновеніе операціи былъ почти задумчивъ, „точно какъ бы съ ума сошелъ“, но это уже долго спустя припомнили и сообразили. Сгоряча всѣ сначала запомнили только второе мгновеніе, когда онъ уже навѣрно все понималъ въ настоящемъ видѣ и не только не смутился, но, напротивъ, улыбался злобно и весело, „безъ малѣйшаго раскаянія“. Шумъ поднялся ужаснѣйшій; его окружили. Николай Всеволодовичъ повертывался и посматривалъ кругомъ, не отвѣчая никому и съ любопытствомъ

приглядываясь къ восклицавшимъ лицамъ. Наконецъ, вдругъ какъ будто задумался опять, — такъ, по крайней мѣрѣ, передавали, — нахмурился, твердо подошелъ къ оскорбленному Петру Павловичу, и скороговоркой, съ видимою досадою, пробормоталъ:

— Вы, конечно, извините... Я, право, не знаю, какъ мнѣ вдругъ захотѣлось... глупость...

Небрежность извиненія равнялась новому оскорбленію. Крикъ поднялся еще пуще. Николай Всеволодовичъ пожалъ плечами и вышелъ.

Все это было очень глупо, не говоря уже о безобразіи—безобразіи разсчитанномъ и умышленномъ, какъ казалось съ перваго взгляда, а, стало-быть, составлявшемъ умышленное до послѣдней степени наглое оскорбленіе всему нашему обществу. Такъ и было это всѣми понято. Начали съ того, что немедленно и единодушно исключили господина Ставрогина изъ числа членовъ клуба; затѣмъ порѣшили отъ лица всего клуба обратиться къ губернатору и просить его немедленно (не дожидаясь, пока дѣло начнется формально судомъ) обуздать вреднаго буяна, столичнаго „бретера, ввѣренною ему административною властью, и тѣмъ оградить спокойствіе всего порядочнаго круга нашего города отъ вредныхъ посягновеній“. Съ злобною невинностію прибавляли при этомъ, что, „можетъ-быть, и на господина Ставрогина найдется какой-нибудь законъ“. Именно эту фразу приготавливали губернатору, чтобъ уколоть его за Варвару Петровну. Размазывали съ наслажденіемъ. Губернатора, какъ нарочно, не случилось тогда въ городъ; онъ уѣхалъ неподалеку крестить ребенка у одной интересной и недавней вдовы, оставшейся послѣ мужа въ интересномъ положеніи; но знали, что онъ скоро воротится. Въ ожиданіи же устроили почтенному и обиженному Петру Павловичу дѣлую овацію: обнимали и цѣловали его; весь городъ перебывалъ у него съ визитомъ.. Проектировали даже въ честь его по подпискѣ обѣдъ, и только по усиленной его же просьбѣ оставили эту мысль,— можетъ-быть, смекнувъ, наконецъ, что человѣка все-таки протащили за носъ и что, стало-быть, очень-то ужъ торжествовать нечего.

И, однако, какъ же это случилось? Какъ могло это случиться? Замѣчательно именно то обстоятельство, что никто у насъ, въ дѣломъ городѣ, не приписалъ этого дикаго поступка сумасшествію. Значить, отъ Николая Всеволо-

довича, и отъ умнаго, наклонны были ожидать такихъ же поступковъ. Со своей стороны, я даже до сихъ поръ не знаю, какъ объяснить, несмотря даже на вскорѣ послѣдовавшее событіе, казалось бы все объяснившее и всѣхъ, повидимому, умиротворившее. Прибавлю тоже, что четыре года спустя, Николай Всеволодовичъ, на мой осторожный вопросъ насчетъ этого прошедшаго случая въ клубѣ, отвѣтилъ нахмурившись: „Да, я былъ тогда не совсѣмъ здоровъ“. Но забѣгать впередъ нечего.

Любопытенъ былъ для меня и тотъ взрывъ всеобщей ненависти, съ которою всѣ у насъ накинулись тогда на „буяна и столичнаго бретера“. Непремѣнно хотѣли видѣть наглый умыселъ и разчитанное намѣреніе разомъ оскорбить все общество. Подлинно не угодилъ человѣкъ никому и, напротивъ, всѣхъ вооружилъ,—а чѣмъ бы, еажется? До послѣдняго случая онъ ни разу ни съ кѣмъ не поссорился и никого не оскорбилъ, а ужъ вѣжливъ былъ такъ, какъ кавалеръ съ модной картинки, если бы только тотъ могъ заговорить. Полагаю, что за гордость его ненавидѣли. Даже наши дамы, начавшія обожаніемъ, вопили теперь противъ него еще пуще мужчинъ.

Варвара Петровна была ужасно поражена. Она призналась потомъ Степану Трофимовичу, что все это она давно предугадывала, всѣ эти полгода каждый день, и даже именно въ „этомъ самомъ родѣ“, признаніе замѣчательное со стороны родной матери. — „Началось!“ подумала она, содрогаясь. На другое утро, послѣ рокового вечера въ клубѣ, она приступила, осторожно, но рѣшительно, къ объясненію съ сыномъ, а, между тѣмъ, вся такъ и трепетала, бѣдная, несмотря на рѣшимость. Она всю ночь не спала и даже ходила рано утромъ совѣщаться къ Степану Трофимовичу и у него заплакала, чего никогда еще съ нею при людяхъ не случалось. Ей хотѣлось, чтобы Nicolas, по крайней мѣрѣ, хоть что-нибудь ей сказалъ, хоть объясниться бы удостоилъ. Nicolas, всегда столь вѣжливый и почтительный съ матерью, слушалъ ее нѣкоторое время насупившись, но очень серьезно; вдругъ всталъ, не отвѣтивъ ни слова, поцѣловалъ у ней ручку и вышелъ. А въ тотъ же день, вечеромъ, какъ нарочно подоспѣлъ и другой скандалъ, хотя и гораздо послабѣе и пообыкновеннѣе перваго, но тѣмъ не менѣе, благодаря всеобщему настроенію, весьма усилившій городскіе вопли.

Именно подвернулся напкъ пріятель Липутинъ. Онъ

двился къ Николаю Всеволодовичу тотчасъ послѣ объясненія того съ мамашей и убѣдительно просилъ его сдѣлать честь пожаловать къ нему въ тотъ же день на вечеринку, по поводу дня рожденія его жены. Варвара Петровна уже давно съ содроганіемъ смотрѣла на такое низкое направленіе знакомствъ Николая Всеволодовича, но замѣтить ему ничего не смѣла на этотъ счетъ. Онъ уже и кромѣ того завелъ нѣсколько знакомствъ въ этомъ третъестепенномъ слоѣ нашего общества и даже еще ниже,—но ужъ такую имѣлъ наклонность. У Липутина же въ домѣ до сихъ поръ еще не былъ, хотя съ нимъ самимъ и встрѣчался. Онъ угадалъ, что Липутинъ зоветъ его теперь вслѣдствіе вчерашняго скандала въ клубѣ и что онъ, какъ мѣстный либераль, отъ этого скандала въ восторгѣ, искренно думаетъ, что такъ и надо поступать съ клубными старшинами, и что это очень хорошо. Николай Всеволодовичъ размѣялся и обѣщалъ пріѣхать.

Гостей набралось множество; народъ былъ не казистый, но разбитной. Самолюбивый и завистливый Липутинъ всего только два раза въ годъ созывалъ гостей, но ужъ въ эти разы не скупился. Самый почтеннѣйшій гость, Степанъ Трофимовичъ, по болѣзни, не пріѣхалъ. Подавали чай, стояла обильная закуска и водка; играли на трехъ столахъ, а молодежь, въ ожиданіи ужина, затѣяла подъ фортепіано танцы. Николай Всеволодовичъ поднѣлъ мадамъ Липутину — чрезвычайно хорошенькую дамочку, ужасно предъ нимъ робѣвшую, — сдѣлалъ съ нею два тура, усѣлся подлѣ, разговорилъ, размѣшилъ ее. Замѣтивъ, наконецъ, какая она хорошенькая когда смѣется, онъ вдругъ, при всѣхъ гостяхъ, обхватилъ ее за талію и подѣловалъ въ губы, раза три сряду, въ полную сласть. Испуганная бѣдная женщина упала въ обморокъ. Николай Всеволодовичъ взялъ шляпу, подошелъ къ оторопѣвшему среди всеобщаго смятенія супругу, глядя на него сконфузился и самъ и, пробормотавъ ему наскоро: „не сердитесь“, вышелъ. Липутинъ побѣждалъ за нимъ въ переднюю, собственноручно подалъ ему шубу и съ поклонами проводилъ съ лѣстницы. Но завтра же, какъ разъ, подошло довольно забавное прибавленіе къ этой въ сущности невинной исторіи, говоря сравнительно—прибавленіе, доставившее съ тѣхъ поръ Липутину нѣкоторый даже почетъ, которымъ онъ и сумѣлъ воспользоваться въ полную свою выгоду.

Часовъ въ десять утра, въ домѣ г-жи Ставрогиной явилась работница Липутина, Агаея, развязная, бойкая и румяная бабенка, лѣтъ тридцати, посланная имъ съ порученіемъ къ Николаю Всеволодовичу и непременно желавшая „повидать ихъ самихъ-съ“. У него очень болѣла голова, но онъ вышелъ. Варварѣ Петровнѣ удалось присутствовать при передачѣ порученія.

— Сергѣй Васильичъ (то-есть Липутинъ), бойко зататорила Агаея, — перво-на-перво приказали вамъ очень кланяться и о здоровьи спросить-съ, какъ послѣ вчерашняго изволили почивать и какъ изволите теперь себя чувствовать, послѣ вчерашняго-съ?

Николай Всеволодовичъ усмѣхнулся.

— Кланяйся и благодари, да скажи ты своему барину, отъ меня, Агаея, что онъ самый умный человекъ во всемъ городѣ.

— А они противъ этого приказали вамъ отвѣчать-съ, еще бойчѣе подхватила Агаея, — что они и безъ васъ про то знаютъ и вамъ того же желаютъ.

— Вотъ! Да какъ могъ онъ узнать про то, что я тебѣ скажу?

— Ужъ не знаю, какимъ это манеромъ узнали-съ, а когда я вышла и ужъ весь проулокъ прошла, слышу, они меня догоняютъ, безъ картуза-съ: „Ты, говорятъ, Агаея-юшка, если, по отчаяніи, прикажутъ тебѣ: „Скажи, дескать, своему барину, что онъ умнѣй во всемъ городѣ“, такъ ты имъ тотчасъ на то не забудь: „Сами очинно хорошо про то знаемъ-съ и вамъ того же самаго желаемъ-съ“...“

III.

Наконецъ, произошло объясненіе и съ губернаторомъ. Милый, мягкій нашъ Иванъ Осиповичъ только что воротился и только что успѣлъ выслушать горячую клубную жалобу. Безъ сомнѣнія, надо было что-нибудь сдѣлать, но онъ смутился. Гостепріимный нашъ старичокъ тоже какъ будто побаивался своего молодого родственника. Онъ рѣшился, однако, склонить его извиниться предъ клубомъ и предъ обиженнымъ, но въ удовлетворительномъ видѣ и, если потребуется, то и письменно; а затѣмъ мягко уговорить его насъ оставить, уѣхавъ, на примѣръ, для любознательности въ Италію, и вообще куда-нибудь за границу. Въ затѣ, куда вышелъ онъ принять на этотъ разъ

Николая Всеволодовича (въ другіе разы прогуливавшагося, на правахъ родственника, по всему дому невозбранно), воспитанный Алеша Телятниковъ, чиновникъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и домашній у губернатора человѣкъ, распечатываль въ углу у стола пакеты; а въ слѣдующей комнатѣ, у ближайшаго къ дверямъ залы окна, помѣстился одинъ заѣзжій, толстый и здоровый полковникъ, другъ и бывший сослуживецъ Ивана Осиповича, и читаль „Голосъ“, разумѣется, не обращая никакого вниманія на то, что происходило въ залѣ; даже и сидѣлъ спиной. Иванъ Осиповичъ заговорилъ отдаленно, почти шопотомъ, но все нѣсколько путался. Nicolas смотрѣлъ очень нелюбезно, совсѣмъ не родственному, былъ блѣденъ, сидѣлъ потупившись и слушалъ, сдвинувъ брови, какъ будто преодолевая сильную боль.

— Сердце у васъ доброе, Nicolas, и благородное, включилъ, между прочимъ, старичокъ, — человѣкъ вы образованнѣйшій, вращались въ кругу высшемъ, да и здѣсь доселѣ держали себя образцомъ и тѣмъ успокоили сердце дорогой намъ всѣмъ матушки вашей... И вотъ теперь все опять является въ такомъ загадочномъ и опасномъ для всѣхъ колоритѣ! Говорю какъ другъ вашего дома, какъ искренно любящій васъ пожилой и вамъ родной человѣкъ, отъ котораго нельзя обижаться... Скажите, что побуждаетъ васъ къ такимъ необузданнымъ поступкамъ, внѣ всякихъ принятыхъ условій и мѣръ? Что могутъ означать такія выходки, подобно какъ въ бреду.

Nicolas слушалъ съ досадой и съ нетерпѣніемъ. Вдругъ какъ бы что-то хитрое и насмѣшливое промелькнуло въ его взглядѣ.

— Я вамъ, пожалуй, скажу, что побуждаетъ, угрюмо проговорилъ онъ и, оглядѣвшись, наклонился къ уху Ивана Осиповича.

Воспитанный Алеша Телятниковъ отдалился еще шага на три къ окну, а полковникъ кашлянулъ за „Голосомъ“. Бѣдный Иванъ Осиповичъ поспѣшно и довѣрчиво протянулъ свое ухо; онъ до крайности былъ любопытенъ. И вотъ тутъ-то и произошло нѣчто совершенно невозможное, а съ другой стороны и слишкомъ ясное въ одномъ отношеніи. Старичокъ вдругъ почувствовалъ, что Nicolas, вмѣсто того, чтобы прошептать ему какой-нибудь интересный секретъ, вдругъ прихватилъ зубами и довольно крѣпко стиснулъ въ нихъ верхнюю часть его уха. Онъ задрожалъ, и духъ его прервался.

— Nicolas, что за шутки! простоналъ онъ машинально, не своимъ голосомъ.

Алеша и полковникъ еще не успѣли ничего понять, да имъ и не видно было, и до конца казалось, что тѣ шепчутся; а между тѣмъ отчаянное лицо старика ихъ тревожило. Они смотрѣли выпуча глаза другъ на друга, не зная, броситься-ли имъ на помощь, какъ было условлено, или еще подождать. Nicolas замѣтилъ, можетъ-быть, это и притиснулъ ухо побольнѣе.

— Nicolas, Nicolas! простонала опять жертва. — Ну... пошутить и довольно...

Еще мгновение и, конечно, бѣдный умеръ бы отъ испуга; но извергъ помиловалъ и выпустилъ ухо. Весь этотъ смертный страхъ продолжался съ полную минуту, и со старикомъ послѣ того приключился какой-то припадокъ. Но черезъ полчаса Nicolas былъ арестованъ и отведенъ, покаместъ, на гауптвахту, гдѣ и запертъ въ особую каморку, съ особымъ часовымъ у дверей. Рѣшеніе было рѣзкое, но нашъ мягкій начальникъ до того разсердился, что рѣшился взять на себя отвѣтственность даже предъ самой Варварой Петровной. Ко всеобщему изумленію, этой дамѣ, посиѣшно и въ раздраженіи прибывшей къ губернатору для немедленныхъ объясненій, было отказано у крыльца въ приемъ; съ тѣмъ она и отправилась, не выходя изъ кареты, обратно домой, не вѣря самой себѣ.

И наконецъ-то все объяснилось! Въ два часа пополудни, арестантъ, дотолѣ удивительно спокойный и даже заснувшій, вдругъ зашумѣлъ, сталъ неистово бить кулаками въ дверь, съ неестественною силой оторвалъ отъ конца въ дверяхъ желѣзную рѣшетку, разбилъ стекло и изрѣзалъ себѣ руки. Когда караульный офицеръ приближалъ съ командой и ключами и велѣлъ отпереть казематъ, чтобы броситься на взбѣсившагося и связать его, то оказалось, что тотъ былъ въ сильнѣйшей бѣлой горячкѣ; его перевезли домой къ мамашѣ. Все разомъ объяснилось. Всѣ три наши доктора дали мнѣніе, что и за три дня передъ симъ больной могъ уже быть какъ въ бреду, и хотя и владѣлъ, повидимому, сознаниемъ и хитростью, но уже не здравымъ разсудкомъ и волей, что, впрочемъ, подтверждалось и фактами. Выходило, такимъ образомъ, что Липутинъ раньше всѣхъ догадался. Иванъ Осиповичъ, человекъ деликатный и чувствительный, очень сконфузился; но любопытно, что и онъ считалъ, стало-быть, Ни-

колая Всеволодовича способнымъ на всякій сумасшедшій поступокъ въ полномъ разсудкѣ. Въ клубѣ тоже устыдились и недоумѣвали, какъ это они всё слона не примѣтили и упустили единственное возможное объясненіе всѣмъ чудесамъ. Явились, разумѣется, и скептики, но продержались недолго.

Nicolas пролежалъ слишкомъ два мѣсяца. Изъ Москвы былъ выписанъ извѣстный врачъ для консилиума; весь городъ посѣтилъ Варвару Петровну. Она простила. Когда, къ веснѣ, Nicolas совсѣмъ уже выздоровѣлъ и, безъ всякаго возраженія, согласился на предложеніе мамы съѣздить въ Италію, то она же и упросила его сдѣлать всѣмъ у насъ прощальные визиты и при этомъ, сколько возможно и гдѣ надо, извиниться. Nicolas согласился съ большою охотой. Въ клубѣ извѣстно было, что онъ имѣлъ съ Петромъ Павловичемъ Гагановымъ деликатнѣйшее объясненіе у того въ домѣ, которымъ тотъ остался совершенно доволенъ. Развѣзжая по визитамъ, Nicolas былъ очень серьезенъ и нѣсколько даже мраченъ. Всѣ приняли его, повидимому, съ полнымъ участіемъ, но всё почему-то конфузились и рады были тому, что онъ уѣзжаетъ въ Италію. Иванъ Осиповичъ даже прослезился, но почему-то не рѣшился обнять его даже и при послѣднемъ прощаніи. Право, нѣкоторые у насъ такъ и остались въ увѣренности, что негодяй просто насмѣялся надъ всѣми, а болѣзнь — это что-нибудь такъ. Заѣхалъ онъ и къ Липутину.

— Скажите, спросилъ онъ его, — какимъ образомъ вы могли заранѣе угадать то, что я скажу о вашемъ умѣ, и снабдить Агаею отвѣтомъ?

— А такимъ образомъ, засмѣялся Липутинъ, — что вѣдь и я васъ за умнаго человѣка почитаю, а потому и отвѣтъ вашъ заранѣе могъ предузнать.

— Все-таки замѣчательное совпаденіе. Но, однако, позвольте: вы, стало-быть, за умнаго же человѣка меня почитали, когда присылали Агаею, а не за сумасшедшаго?

— За умнѣйшаго и разсудительнѣйшаго, а только видъ такой подалъ, будто вѣрю про то, что вы не въ разсудкѣ... Да и сами вы о моихъ мысляхъ немедленно тогда догадались и мнѣ, чрезъ Агаею, патентъ на остроуміе выслали.

— Ну, тутъ вы немного ошибаетесь; я въ самомъ дѣлѣ... былъ нездоровъ... пробормоталъ Николай Всеволодовичъ, нахмурившись. — Ба! вскричалъ опъ, — да неужели вы и въ

самомъ дѣлѣ думаете, что я способенъ бросаться на людей въ полномъ разсудкѣ? Да для чего же бы это?

Липутинъ скрючился и не сумѣлъ отвѣтить. Nicolas нѣсколько поблѣднѣлъ, или такъ показалось Липутину.

— Во всякомъ случаѣ у васъ очень забавное настроеніе мыслей, продолжалъ Nicolas,—а про Агаю я, разумѣется, понимаю, что вы ее обругать меня присылали.

— Не на дуэль же было васъ вызывать-ся?

— Ахъ, да, бишь! Я вѣдь слышалъ что-то, что вы дуэли не любите...

— Что съ французскаго-то переводить! опять скрючился Липутинъ.

— Народности придерживаетесь?

Липутинъ еще болѣе скрючился.

— Ба, ба! Что я вижу! вскричалъ Nicolas, вдругъ, замѣтивъ на самомъ видномъ мѣстѣ, на столѣ, томъ Консидерана.—Да ужъ не фурьеристъ-ли вы? Вѣдь чего добраго! Такъ развѣ это не тотъ же переводъ съ французскаго? засмѣялся онъ, стуча пальцами въ книгу.

— Нѣтъ, это не съ французскаго переводъ! съ какою-то даже злобой привскочилъ Липутинъ.—Это со всемірно-человѣческаго языка будетъ переводъ-ся, а не съ одного только французскаго! Съ языка всемірно-человѣческой соціальной республики и гармоніи, вотъ что-съ! А не съ французскаго одного!..

— Фу, чортъ, да такого и языка совсѣмъ нѣтъ! продолжалъ смѣяться Nicolas.

Иногда даже мелочь поражаетъ исключительно и надолго вниманіе. О господинѣ Ставрогинѣ вся главная рѣчь впереди; но теперь стмѣчу, ради курьеза, что изъ всѣхъ впечатлѣній его, за все время, проведенное имъ въ нашемъ городѣ, всего рѣзче отпечаталась въ его памяти невзрачная и чуть не подленькая фигурка губернскаго чиновничиска, ревнивца и семейнаго грубаго деспота, скряги и процентщика, запиравшаго остатки отъ обѣда и огарки на ключъ и въ то же время яростнаго сектатора. Богъ знаетъ какой будущей „соціальной гармоніи“, упивавшагося по ночамъ восторгами предъ фантастическими картинами будущей фаланстеры, въ ближайшее осуществленіе которой въ Россіи и въ нашей губерніи онъ вѣрилъ, какъ въ свое собственное существованіе. И это тамъ, гдѣ самъ же онъ скопилъ себѣ „домишко“, гдѣ во второй разъ женился и взялъ за женой деньжонки, гдѣ, можетъ-быть,

на сто версть кругомъ не было ни одного человѣка, начиная съ него перваго, хоть бы съ виду только похожаго на будущаго члена „всемирно-общечеловѣческой социальной республики и гармоніи“.

„Богъ знаетъ, какъ эти люди дѣлаются!“ думалъ Nicolas въ недоумѣніи, припоминая иногда неожиданнаго фурьериста.

IV.

Нашъ принцъ путешествовалъ три года слишкомъ, такъ что въ городѣ почти о немъ позабыли. Намъ же извѣстно было, чрезъ Степана Трофимовича, что онъ извѣздилъ всю Европу, былъ даже въ Египтѣ и заѣзжалъ въ Іерусалимъ; потомъ примазался гдѣ-то къ какой-то ученой экспедиціи въ Исландію, и дѣйствительно побывалъ въ Исландіи. Передавали тоже, что онъ одну зиму слушалъ лекціи въ одномъ нѣмецкомъ университетѣ. Онъ мало писалъ къ матери,—разъ въ полгода и даже рѣже; но Варвара Петровна не сердилась и не обижалась. Разъ установившіяся отношенія съ сыномъ она приняла безропотно и съ покорностію, тосковала и мечтала о своемъ Nicolas непрерывно. Ни мечтаній, ни жалобъ своихъ не сообщала никому. Даже отъ Степана Трофимовича, повидимому, нѣсколько отдалилась. Она создавала какіе-то планы про себя и, кажется, сдѣлалась еще скупѣе, чѣмъ прежде, и еще пуще стала копить и сердиться за карточные проигрыши Степана Трофимовича.

Наконецъ, въ апрѣлѣ нынѣшняго года, она получила письмо изъ Парижа, отъ генеральши Прасковьи Ивановны Дроздовой, подруги своего дѣтства. Въ письмѣ своемъ Прасковья Ивановна,—съ которою Варвара Петровна не видалась и не переписывалась лѣтъ уже восемь,—увѣдомляла ее, что Николай Всеволодовичъ коротко сошелся съ ихъ домою и подружился съ Лизой (единственною ея дочерью) и намѣренъ сопровождать ихъ лѣтомъ въ Швейцарію, въ Vernex-Montreux, несмотря на то, что въ семействѣ графа К... (весьма вліятельнаго въ Петербургѣ лица), пребывающаго теперь въ Парижѣ, принять, какъ родной сынъ, такъ что почти живетъ у графа. Письмо было краткое и обнаруживало ясно свою цѣль, хотя кромѣ вышеозначенныхъ фактовъ никакихъ выводовъ не заключало. Варвара Петровна долго не думала, мигомъ рѣшилась и собралась, захватила съ собою свою воспитанницу Дашу (сестру Шатова) и въ половинѣ апрѣля покатила въ Па-

рижъ и потомъ въ Швейцарію. Воротилась она въ іюль одна, оставивъ Дашу у Дроздовыхъ; сами же Дроздовы, по привезенному ею извѣстію, обѣщали явиться къ намъ въ концѣ августа.

Дроздовы были тоже помѣщики нашей губерніи, но служба генерала Ивана Ивановича (бывшаго пріятеля Варвары Петровны и сослуживца ея мужа) постоянно мѣшала имъ навѣстить когда-нибудь ихъ великолѣпное помѣстье. По смерти же генерала, приключившейся въ прошломъ году, неутѣшная Прасковья Ивановна отправилась съ дочерью за границу, между прочимъ и съ намѣреніемъ употребить виноградное лѣченіе, которое и располагала совершить въ Verneх-Montreux во вторую половину лѣта. По возвращеніи же въ отечество намѣревалась поселиться въ нашей губерніи навсегда. Въ городѣ у нея былъ большой домъ, много уже лѣтъ стоявшій пустымъ, съ заколоченными окнами. Люди были богатые. Прасковья Ивановна, въ первомъ супружествѣ госпожа Тушина, была, какъ и пансіонская подруга ея Варвара Петровна, тоже дочерью откупщика прошедшаго времени, и тоже вышла замужъ съ большимъ приданымъ. Отставной штабсъ-ротмистръ Тушинъ и самъ былъ человекъ со средствами и съ нѣкоторыми способностями. Умирая, онъ завѣщаль своей семилѣтней и единственной дочери Лизѣ хорошей капиталъ. Теперь, когда Лизаветѣ Николаевнѣ было уже около двадцати двухъ лѣтъ, за нею смѣло можно было считать до двухсотъ тысячъ рублей однѣхъ ея собственныхъ денегъ, не говоря уже о состояніи, которое должно было ей достаться современемъ послѣ матери, не имѣвшей дѣтей во второмъ супружествѣ. Варвара Петровна была, повидимому, весьма довольна своею поѣздкой. По ея мнѣнію, она успѣла сговориться съ Прасковьей Ивановной удовлетворительно и тотчасъ же по пріѣздѣ сообщила все Степану Трофимовичу; даже была съ нимъ весьма экспансивна, что давно уже съ нею не случалось.

— Ура! вскричалъ Степанъ Трофимовичъ и прищелкнулъ пальцами.

Онъ былъ въ полномъ восторгѣ, тѣмъ болѣе, что все время разлуки со своимъ другомъ провелъ въ крайнемъ уныніи. Уѣзжая за границу, она даже съ нимъ не простилась какъ слѣдуетъ и ничего не сообщила изъ своихъ плановъ „этой бабѣ“, опасаясь, можетъ-быть, чтобы онъ чего не разболталъ. Она сердилась на него тогда за зна-

чительный карточный проигрышъ, внезапно обнаружившійся. Но еще въ Швейцаріи почувствовала сердцемъ своимъ, что брошеннаго друга надо, по возвращеніи, вознаграждать, тѣмъ болѣе, что давно уже сурово съ нимъ обходилась. Быстрая и таинственная разлука поразила и истерзала робкое сердце Степана Трофимовича, и, какъ нарочно, разомъ подошли и другія недоумѣнія. Его мучило одно весьма значительное и давнишнее денежное обязательство, которое безъ помощи Варвары Петровны никакъ не могло быть удовлетворено. Кромѣ того, въ маѣ нынѣшняго года, окончилось, наконецъ, губернаторствованіе нашего добраго, мягкаго Ивана Осиповича; его смѣнили, и даже съ непріятностями. Затѣмъ, въ отсутствіе Варвары Петровны, произошелъ и вѣздъ нашего новаго начальника, Андрея Антоновича фонъ-Лембке; вмѣстѣ съ тѣмъ тотчасъ же началось и замѣтное измѣненіе въ отношеніяхъ почти всего нашего губернскаго общества къ Варварѣ Петровнѣ, а, стало-быть, и къ Степану Трофимовичу. По крайней мѣрѣ, онъ уже успѣлъ собрать нѣсколько непріятныхъ, хотя и драгоцѣнныхъ наблюденій и, кажется, очень оробѣлъ одинъ безъ Варвары Петровны. Онъ съ волненіемъ подозрѣвалъ, что о немъ уже донесли новому губернатору, какъ о человѣкѣ опасномъ. Онъ узналъ положительно, что нѣкоторыя изъ нашихъ дамъ намѣревались прекратить къ Варварѣ Петровнѣ визиты. О будущей губернаторшѣ (которую ждали у насъ только къ осени) повторяли, что она хотя, слышно, и гордячка, но зато уже настоящая аристократка, а не то что „какая-нибудь наша несчастная Варвара Петровна“. Всѣмъ откудова-то было достовѣрно извѣстно съ подробностями, что новая губернаторша и Варвара Петровна уже встрѣчались нѣкогда въ свѣтѣ и разстались враждебно, такъ что одно уже напоминаніе о г-жѣ фонъ-Лембке производить, будто бы, на Варвару Петровну впечатлѣніе болѣзненное. Бодрый и побѣдоносный видъ Варвары Петровны, презрительное равнодушіе, съ которымъ она выслушала о мнѣніяхъ нашихъ дамъ и о волненіи общества, воскресили упавшій духъ робѣвшаго Степана Трофимовича и мигомъ развеселили его. Съ особеннымъ, радостно-угодливымъ юморомъ, сталъ было онъ ей расписывать про вѣздъ новаго губернатора.

— Вамъ, *excellente amie*, безъ всякаго сомнѣнія, извѣстно, говорилъ онъ, кокетничая и щегольски растягивая слова, —

что такое значить русскій администраторъ, говоря вообще, и что значить русскій администраторъ вновь, то-есть нововыпеченный, новопоставленный... *Ces interminables mots russes!*.. Но врядь-ли могли вы узнать практически, что такое значить административный восторгъ и какая именно это штука?

— Административный восторгъ? Не знаю что такое.

— То-есть... *Vous savez, chez nous...* *En un mot*, поставьте какую-нибудь самую послѣднюю ничтожность у продажи какихъ-нибудь дрянныхъ билетовъ на желѣзную дорогу, и эта ничтожность тотчасъ же сочтетъ себя въ правѣ смотрѣть на васъ Юпитеромъ, когда вы пойдете взять билетъ, *pour vous montrer son pouvoir*. „Дай-ка, дескать, я покажу надъ тобою мою власть“... И это въ нихъ до административнаго восторга доходитъ... *En un mot*, я вотъ прочелъ, что какой-то дьячокъ, въ одной изъ нашихъ заграничныхъ церквей, — *mais c'est très curieux*, — выгналъ, то-есть выгналъ буквально изъ церкви одно замѣчательное англійское семейство, *les dames charmantes*, предъ самымъ началомъ великопостнаго богослуженія, — *vous savez ces chants et le livre de Job...* единственно подъ тѣмъ предлогомъ, что „шататься иностранцамъ по русскимъ церквямъ есть непорядокъ, и чтобы приходили въ показанное время“... и довелъ до обморока... Этотъ дьячокъ былъ въ припадкѣ административнаго восторга *et il a montré son pouvoir...*

— Сократите, если можете, Степанъ Трофимовичъ.

— Господинъ фонъ-Лембе поѣхалъ теперь по губернии. *En un mot*, этотъ Андрей Антоновичъ, хотя и русскій нѣмецъ православнаго исповѣданія, и даже, — уступлю ему это, — замѣчательно красивый мужчина, изъ сорокалѣтнихъ...

— Съ чего вы взяли, что красивый мужчина? У него бараньи глаза.

— Въ высшей степени. Но ужъ я уступаю, такъ и быть, мнѣнью нашихъ дамъ...

— Перейдемте, Степанъ Трофимовичъ, прошу васъ! Кстати, вы носите красные галстуки, давно-ли?

— Это я... я только сегодня...

— А дѣлаете-ли вашъ моціонъ? Ходите-ли ежедневно по шести верстъ прогуливаться, какъ вамъ предписано докторомъ?

— Не... не всегда.

— Такъ я и знала! Я въ Швейцаріи еще это предчувствовала! раздражительно вскричала она.—Теперь вы будете не по шести, а по десяти верстъ ходить! Вы ужасно опустили, ужасно, уж-жасно! Вы не то что постарѣли, вы одряхлѣли... вы поразили меня, когда я васъ увидѣла давеча, несмотря на вашъ красный галстукъ... *quelle idée rouge!* Продолжайте о фонъ-Лембке, если въ самомъ дѣлѣ есть что сказать, и кончите когда-нибудь, прошу васъ; я устала.

— *En un mot*, я только вѣдь хотѣлъ сказать, что это одинъ изъ тѣхъ начинающихъ въ сорокъ лѣтъ администраторовъ, которые до сорока лѣтъ прозябаютъ въ ничтожествѣ и потомъ вдругъ выходятъ въ люди, посредствомъ внезапно прибрѣтенной супруги, или какимъ-нибудь другимъ, не менѣе отчаяннымъ средствомъ... То-есть онъ теперь уѣхалъ... то-есть я хочу сказать, что про меня тотчасъ же нашептали въ оба уха, что я развратитель молодежи и разсадникъ губернскаго атеизма... Онъ тотчасъ же началъ справляться.

— Да правда-ли?

— Я даже мѣры принялъ. Когда про васъ „до-ложили“, что вы „управляли губерніей“, *vous savez*, — онъ позволилъ себѣ выразиться, что „подобнаго болѣе не будетъ“.

— Такъ и сказалъ?

— Что „подобнаго болѣе не будетъ“, и *avec cette morgue*... Супругу, Юлію Михайловну, мы узримъ здѣсь въ концѣ августа, прямо изъ Петербурга.

— Изъ-за границы. Мы встрѣтились.

— *Vraiment?*

— Въ Парижѣ и въ Швейцаріи. Она Дроздовымъ родня.

— Родня? Какое замѣчательное совпаденіе! Говорятъ, честолюбива и... съ большими будто бы связями?

— Вздоръ, связिशки! До сорока пяти лѣтъ просидѣла въ дѣвкахъ безъ копейки, а теперь выскочила за своего фонъ-Лембке и, конечно, вся ея цѣль теперь его въ люди вытащить. Оба интриганы.

— И, говорятъ, двумя годами старше его?

— Пятью. Мать ея въ Москвѣ хвостъ обшлепала у меня на порогѣ; на балы ко мнѣ, при Всеволодѣ Николаевичѣ, какъ изъ милости напрашивалась. А эта, бывало, всю ночь одна въ углу сидитъ безъ танцевъ, со своею

бирюзовою мухой на лбу, такъ что я ужъ въ третьемъ часу, только изъ жалости, ей перваго кавалера посылаю. Ей тогда двадцать пять лѣтъ уже было, а ее все какъ дѣвчонку въ коротенькомъ платьицѣ вывозили. Ихъ пускать къ себѣ стало неприлично.

— Эту муху я точно вижу.

— Я вамъ говорю, я пріѣхала и прямо на интригу наткнулась. Вы вѣдь читали сейчасъ письмо Дроздовой, что могло быть лѣпше? Что же застаю? Сама же эта дура Дроздова,—она всегда только дурой была,—вдругъ смотритъ вопросительно: зачѣмъ, дескать, я пріѣхала? Можете представить, какъ я была удивлена! Гляжу, а тутъ финтитъ эта Лембке и при ней этотъ кузень, старика Дроздова племянникъ — все ясно! Разумѣется, я мигомъ все передѣлала; и Прасковья опять на моей сторонѣ, но интрига, интрига!

— Которую вы, однакоже, побѣдили. О, вы Бисмаркъ!

— Не будучи Бисмаркомъ, я способна однакоже разсмотрѣть фальшь и глупость, гдѣ встрѣчу. Лембке, это — фальшь, а Прасковья — глупость. Рѣдко я встрѣчала болѣе раскисшую женщину, и вдобавокъ ноги распухли, и вдобавокъ добра. Что можетъ быть глупѣе глупаго добряка?

— Злой дуракъ, ma bonne amie, злой дуракъ еще глупѣе, благородно оппонировалъ Степанъ Трофимовичъ.

— Вы, можетъ-быть, и правы, вы вѣдь Лизу помните?

— Charmante enfant!

— Но теперь уже не enfant, а женщина, и женщина съ характеромъ. Благородная и пылкая, и люблю въ ней, что матери не спускаетъ, довѣрчивой дурѣ. Тутъ изъ-за этого кузена чуть не вышла исторія.

— Ба, да вѣдь и въ самомъ дѣлѣ онъ Лизаветѣ Николаевнѣ совсѣмъ не родня... Видишь что-ли имѣетъ?

— Видите, это молодой офицеръ, очень неразговорчивый, даже скромный. Я всегда желаю быть справедливою. Мнѣ кажется, онъ самъ противъ всей этой интриги и ничего не желаетъ, а финтила только Лембке. Очень уважалъ Nicolas. Вы понимаете, все дѣло зависитъ отъ Лизы, но я ее въ превосходныхъ отношеніяхъ къ Nicolas оставила, и онъ самъ обѣщался мнѣ непременно пріѣхать къ намъ въ ноябрѣ. Стало-быть, интригуетъ тутъ одна Лембке, а Прасковья только слѣпая женщина. Вдругъ говорить мнѣ, что всѣ мои подозрѣнія — фантазія; я въ глаза

ей отвѣчаю, что она дура. Я на страшномъ судѣ готова подтвердить. И если-бъ не просьбы Nicolas, чтобъ я оставила до времени, то я бы не уѣхала оттуда, не обнаруживъ эту фальшивую женщину. Она у графа К. чрезъ Nicolas заискивала, она сына съ матерью хотѣла раздѣлить. Но Лиза на нашей сторонѣ, а съ Прасковьей я сговорилась. Вы знаете, ей Кармазиновъ родственникъ?

— Какъ? Родственникъ мадамъ фонъ-Лембке!

— Ну, да, ей. Дальній.

— Кармазиновъ, нувеллистъ?

— Ну, да, писатель, чего вы удивляетесь? Конечно, онъ самъ себя почитаетъ великимъ. Надутая тварь! Она съ нимъ вмѣстѣ пріѣдетъ, а теперь тамъ съ нимъ носитя. Она намѣрена что-то завести здѣсь, литературныя собранія какія - то. Онъ на мѣсяць пріѣдетъ, послѣднее имѣніе продавать здѣсь хочетъ. Я чуть было не встрѣтилась съ нимъ въ Швейцаріи и очень того не желала. Впрочемъ, надѣюсь, что меня - то онъ удостоитъ узнать. Въ старину ко мнѣ письма писалъ, въ домѣ бывалъ. Я бы желала, чтобы вы получше одѣвались, Степанъ Трофимовичъ; вы съ каждымъ днемъ становитесь такъ неряшливы... О, какъ вы меня мучаете! Что вы теперь читаете?

— Я... я...

— Понимаю. Попрежнему пріятели, попрежнему попойки, клубъ и карты, и репутація атеиста. Мнѣ эта репутація не нравится, Степанъ Трофимовичъ. Я бы не желала, чтобы васъ называли атеистомъ, особенно теперь не желала бы. Я и прежде не желала, потому что вѣдь все это одна только пустая болтовня. Надо же, наконецъ, сказать.

— Mais, ma chère...

— Слушайте, Степанъ Трофимовичъ, во всемъ ученомъ я, конечно, предъ вами невѣжда, но я ѣхала сюда и много о васъ думала. Я пришла къ одному убѣжденію.

— Къ какому же?

— Къ такому, что не мы одни съ вами умнѣе всѣхъ на свѣтѣ, а есть и умнѣе насъ.

— И остроумно, и мѣтко. Есть умнѣе, значитъ, есть и правѣе насъ, стало - быть, и мы можемъ ошибаться, не такъ-ли? Mais ma bonne amie, положимъ, я ошибусь, но вѣдь имѣю же я мое всечеловѣческое, всегдашнее, верховное право свободной совѣсти? Имѣю же я право не

быть ханжой и изувѣромъ, если того хочу, а за это естественно буду разными господами ненавидимъ до скончанія вѣка. Et puis comme on trouve toujours plus de moines que de raison, и такъ какъ я совершенно съ этимъ согласенъ...

— Какъ, какъ вы сказали?

— Я сказалъ: on trouve toujours plus de moines que de raison, и такъ какъ я съ этимъ...

— Это вѣрно не ваше; вы вѣрно откудова-нибудь взяли?

— Это Паскаль сказалъ.

— Такъ я и думала... что не вы! Почему вы сами никогда такъ не скажете, такъ коротко и мѣтко, а всегда такъ длинно тянете? Это гораздо лучше, чѣмъ давеча про административный восторгъ...

— Ma foi, chère... почему? Во-первыхъ, потому, вѣроятно, что я все-таки не Паскаль et puis... во-вторыхъ, мы, русскіе, ничего не умѣемъ на своемъ языкѣ сказать... По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ ничего еще не сказали...

— Гм! Это, можетъ-быть, и неправда. По крайней мѣрѣ, вы бы записывали и запоминали такія слова, знаете, въ случаѣ разговора... Ахъ, Степанъ Трофимовичъ, я съ вами серьезно, серьезно ѣхала говорить.

— Chère, chère amie!

— Теперь, когда всѣ эти Лембки, всѣ эти Кармазиновы... О, Боже, какъ вы опустили! О, какъ вы меня мучаете!.. Я бы желала, чтобъ эти люди чувствовали къ вамъ уваженіе, потому что они пальца вашего, вашего мизинца не стоятъ, а вы какъ себя держите! Чтò они увидятъ? Чтò я имъ покажу? Вмѣсто того, чтобы благородно стоять свидѣтельствомъ, продолжать собою примѣръ, вы окружаете себя какою-то сволочью, вы приобрѣли какія-то невозможныя привычки, вы одряхлѣли, вы не можете обойтись безъ вина и безъ картъ, вы читаете одного только Поль-де-Кока и ничего не пишете, тогда какъ всѣ они тамъ пишутъ; все ваше время уходитъ на болтовню. Можно-ли, позволительно-ли дружитья съ такою сволочью, какъ вашъ неразлучный Липутинъ?

— Почему же онъ мой и неразлучный? робко протестовалъ Степанъ Трофимовичъ.

— Гдѣ онъ теперь? строго и рѣзко продолжала Варвара Петровна.

— Онъ... онъ васъ безпредѣльно уважаетъ и уѣхалъ въ С—къ, послѣ матери получить наслѣдство.

— Онъ, кажется, только и дѣлаетъ, что деньги получаетъ. Что Шатовъ, все то же?

— Irascible mais bon.

— Терпѣть не могу вашего Шатова; и золь, и о себѣ много думаетъ!

— Какъ здоровье Дарьи Павловны?

— Вы это про Дашу? Что это вамъ вздумалось? любопытно поглядѣла на него Варвара Петровна. — Здорова, у Дроздовыхъ оставила... Я въ Швейцаріи что-то про вашего сына слышала, дурное, а не хорошее.

— Oh, c'est une histoire bien bête! Je vous attendais, ma bonne amie, pour vous raconter...

— Довольно, Степанъ Трофимовичъ, дайте покой; измучилась. Успѣемъ наговориться, особенно про дурное. Вы начинаете брызгаться, когда засмѣтесъ, это уже дряхлость какая-то! И какъ странно вы теперь стали смѣяться... Боже, сколько у васъ накопилось дурныхъ привычекъ! Кармазиновъ къ вамъ не поѣдетъ! А тутъ и безъ того всему рады... Вы всего теперь себя обнаружили. Ну, довольно, довольно, устала! Можно же, наконецъ, пощадить человѣка!

Степанъ Трофимовичъ „пощадилъ человѣка“, но удался въ смущеніи.

V.

Дурныхъ привычекъ, дѣйствительно, завелось у нашего друга не мало, особенно въ самое послѣднее время. Онъ видимо и быстро опустился, и это правда, что онъ сталъ неряшливъ. Пилъ больше, сталъ слезливѣе и слабѣе нервами; сталъ ужъ слишкомъ чутокъ къ изящному. Лицо его получило странную способность измѣняться необыкновенно быстро, съ самаго, напиримѣръ, торжественнаго выраженія на самое смѣшное и даже глупое. Не выносилъ одиночества и непрерывно жаждалъ, чтобъ его поскорѣе развлекли. Надо было непременно рассказать ему какую-нибудь сплетню, городской анекдотъ и притомъ ежедневно новое. Если же долго никто не приходилъ, то онъ тоскливо бродилъ по комнатамъ, подходилъ къ окну, въ задумчивости жевалъ губами, вздыхалъ глубоко, а подъ конецъ чуть не хныкалъ. Онъ все что-то предчувствовалъ, боялся чего-то неожиданнаго, неминуемаго; сталъ пугливъ; сталъ большое вниманіе обращать на сны.

Весь день этотъ и вечеръ провелъ онъ чрезвычайно грустно, послалъ за мной, очень волновался, долго гово-

рилъ, долго рассказывалъ, но все довольно безсвязно. Варвара Петровна давно уже знала, что онъ отъ меня ничего не скрываетъ. Мнѣ показалось, наконецъ, что его заботить что-то особенное и такое, чего, пожалуй, онъ и самъ не можетъ представить себѣ. Обыкновенно, прежде, когда мы сходились наединѣ и онъ начиналъ мнѣ жаловаться, то всегда почти, послѣ нѣкотораго времени, приносилась бутылочка и становилось гораздо уютнѣе. Въ этотъ разъ вина не было, и онъ видимо подавлялъ въ себѣ неоднократно желаніе послать за нимъ.

— И чего она все сердится! жаловался онъ поминутно, какъ ребенокъ.—*Tous les hommes de génie et de progrès en Russie étaient, sont et seront toujours des картежники et des пьяницы, qui boivent en zapoi...* а я еще вовсе не такой картежникъ и не такой пьяница... Укоряетъ, зачѣмъ я ничего не пишу! Странная мысль!.. Зачѣмъ я лежу? Вы, говоритъ, должны стоять „примѣромъ и укоризной“. *Mais entre nous soit dit*, что же и дѣлать человѣку, которому предназначено стоять „укоризной“, какъ не лежать,—знаетъ-ли она это?

И, наконецъ, разъяснилась мнѣ та главная, особенная тоска, которая такъ неотвязчиво въ этотъ разъ его мучила. Много разъ въ этотъ вечеръ подходилъ онъ къ зеркалу и подолгу предъ нимъ останавливался. Наконецъ, повернулся отъ зеркала ко мнѣ и съ какимъ-то страннымъ отчаяніемъ проговорилъ:

— *Mon cher, je suis un опустившійся человекъ!*

Да, дѣйствительно, до сихъ поръ, до самаго этого дня, онъ въ одномъ только оставался постоянно увѣреннымъ, несмотря на всѣ „новые взгляды“ и на всѣ „перемѣны идей“ Варвары Петровны, именно въ томъ, что онъ все еще обворожителемъ для ея женскаго сердца, то-есть не только какъ изгнанникъ или какъ славный ученый, но и какъ красивый мужчина. Двадцать лѣтъ коренилось въ немъ это льстивое и успокоительное убѣжденіе и, можетъ-быть, изъ всѣхъ его убѣжденій, ему всего тяжелѣе было бы разстаться съ этимъ. Предчувствовалъ-ли онъ въ тотъ вечеръ, какое колоссальное испытаніе готовилось ему въ такомъ близкомъ будущемъ?

VI.

Приступлю теперь къ описанію того, отчасти забытаго, случая, съ котораго, по-настоящему, и начинается моя хроника.

Въ самомъ концѣ августа возвратились, наконецъ, и Дроздовы. Появленіе ихъ немногимъ предшествовало пріѣзду давно ожидаемой всѣмъ городомъ родственницы ихъ, нашей новой губернаторши, и вообще произвело замѣчательное впечатлѣніе въ обществѣ. Но обо всѣхъ этихъ любопытныхъ событіяхъ скажу послѣ; теперь же ограничусь лишь тѣмъ, что Прасковья Ивановна привезла такъ нетерпѣливо ожидавшей ее Варварѣ Петровнѣ одну самую хлопотливую загадку: Nicolas разстался съ ними еще въ іюль и, встрѣтивъ на Рейнѣ графа К., отправился съ нимъ и съ семействомъ его въ Петербургъ. (NB. У графа всѣ три дочери невѣсты).

— Отъ Лизаветы, по гордости и строптивости ея, я ничего не добила, заключила Прасковья Ивановна, — но видѣла своими глазами, что у ней съ Николаемъ Всеволодовичемъ что-то произошло. Не знаю причинъ, но, кажется, придется вамъ, другъ мой, Варвара Петровна, спросить о причинахъ вашу Дарью Павловну. По-моему, такъ Лиза была обижена. Рада-радѣшенька, что привезла вамъ, наконецъ, вашу фаворитку и сдаю съ рукъ на руки: съ плечъ долой.

Произнесены были эти ядовитыя слова съ замѣчательнымъ раздраженіемъ. Видно было, что „раскисшая женщина“ заранѣе ихъ приготовила и впередъ наслаждалась ихъ эффектомъ. Но не Варвару Петровну можно было озадачить сентиментальными эффектами и загадками. Она строго потребовала самыхъ точныхъ и удовлетворительныхъ объясненій. Прасковья Ивановна немедленно понизила тонъ и даже кончила тѣмъ, что расплакалась и пустилась въ самыя дружескія изліянія. Эта раздражительная, но сентиментальная дама, тоже какъ и Степанъ Трофимовичъ, непрерывно нуждалась въ истинной дружбѣ, и главнѣйшая ея жалоба на дочь ея, Лизавету Николаевну, состояла именно въ томъ, что „дочь ей не другъ“.

Но изъ всѣхъ ея объясненій и изліяній оказалось точнымъ лишь одно то, что дѣйствительно между Лизой и Nicolas произошла какая-то размолвка, но какого рода была эта размолвка — о томъ Прасковья Ивановна, очевидно, не сумѣла составить себѣ опредѣленнаго понятія. Отъ обвиненій же, изводимыхъ на Дарью Павловну, она не только совсѣмъ, подъ конецъ, отказалась, но даже особенно просила не давать давешнимъ словамъ ея никакого значенія, потому что сказала она ихъ „въ раздра-

женіи". Однимъ словомъ, все выходило очень неясно, даже подозрительно. По рассказамъ ея, размолвка началась отъ „строптиваго и насмѣшливаго“ характера Лизы; „гордый же Николай Всеволодовичъ, хоть и сильно былъ влюбленъ, но не могъ насмѣшекъ перенести, и самъ сталъ насмѣшливъ“. Вскорѣ затѣмъ познакомились мы съ однимъ молодымъ человѣкомъ, кажется, вашего „профессора“ племянникъ, да и фамилія та же..

— Сынъ, а не племянникъ, поправила Варвара Петровна.

Прасковья Ивановна и прежде никогда не могла упомянуть фамиліи Степана Трофимовича и всегда называла его „профессоромъ“.

— Ну, сынъ, такъ сынъ, тѣмъ лучше, а мнѣ вѣдь и все равно. Обыкновенный молодой человѣкъ, очень живой и свободный, но ничего такого въ немъ нѣтъ. Ну, тутъ ужъ сама Лиза поступила нехорошо, молодого человѣка къ себѣ приблизила изъ видовъ, чтобы въ Николаѣ Всеволодовичѣ ревность возбудить. Не осуждаю я этого очень-то: дѣло дѣвичье, обыкновенное, даже милое. Только Николай Всеволодовичъ, вмѣсто того, чтобы приревновать, напротивъ, самъ съ молодымъ человѣкомъ подружился, точно и не видитъ ничего, и какъ будто ему все равно. Лизу-то это и взорвало. Молодой человѣкъ въ скорости уѣхалъ (спѣшилъ очень куда-то), а Лиза стала при всякомъ удобномъ случаѣ къ Николаю Всеволодовичу придираться. Замѣтила она, что тотъ съ Дашей иногда говорить, ну, и стала бѣситься, тутъ ужъ и мнѣ, матушка, житья не стало. Раздражаться мнѣ доктора запретили, и такъ это хваленое озеро ихнее мнѣ надоѣло, только зубы отъ него разболѣлись, такой ревматизмъ получила. Печатаютъ даже про то, что отъ Женевскаго озера зубы болятъ; свойство такое. А тутъ Николай Всеволодовичъ вдругъ отъ графини письмо получилъ и тотчасъ же отъ насъ и уѣхалъ, въ одинъ день собрался. Простились-то они по-дружески, да и Лиза, провожая его, стала очень весела и легкомысленна и много хохотала. Только напускное все это. Уѣхалъ онъ,—стала очень задумчива, да и поминать о немъ совсѣмъ перестала и мнѣ не давала. Да и вамъ бы я совѣтовала, милая Варвара Петровна, ничего теперъ съ Лизой насчетъ этого предмета не начинать, только дѣлу повредите. А будете молчать, она первая сама съ вами заговорить; тогда болѣе узнаете. По-

моему, опять сойдутся, если только Николай Всеволодович не замедлит приѣхать, какъ общалъ.

— Напишу ему тотчасъ же. Коли все было такъ, то пустая размолвка; все вздоръ! Да и Дарью я слишкомъ знаю; вздоръ.

— Про Дашеньку я, покаюсь, — согрѣшила. Одни только обыкновенные были разговоры, да и то вслухъ. Да ужъ очень меня, матушка, все это тогда разстроило. Да и Лиза, видѣла я, сама же съ нею опять сошлась съ прежнею лаской...

Варвара Петровна въ тотъ же день написала къ Nicolas и умоляла его хоть однимъ мѣсяцемъ приѣхать раньше положеннаго имъ срока. Но все-таки оставалось тутъ для нея нѣчто неясное и неизвѣстное. Она продумала весь вечеръ и всю ночь. Мнѣніе „Прасковья“ казалось ей слишкомъ невиннымъ и сентиментальнымъ.

„Прасковья всю жизнь была слишкомъ чувствительна, съ самаго еще пансіона“, думала она, — „не таковъ Nicolas, чтобъ убѣжать изъ-за насмѣшекъ дѣвчонки. Тутъ другая причина, если точно размолвка была. Офицеръ этотъ, однако, здѣсь, съ собой привезли, и въ домѣ у нихъ какъ родственникъ поселился. Да и насчетъ Дарьи, Прасковья слишкомъ ужъ скоро повинилась: вѣрно что-нибудь про себя оставила, чего не хотѣла сказать“...

Къ утру у Варвары Петровны созрѣлъ проектъ разомъ покончить, по крайней мѣрѣ, хоть съ однимъ недоумѣніемъ — проектъ замѣчательный по своей неожиданности. Чтò было въ сердцѣ ея, когда она создала его? — трудно рѣшить, да и не возьмусь я растолковывать заранѣе всѣ противорѣчія, изъ которыхъ онъ состоялъ. Какъ хроникеръ, я ограничиваюсь лишь тѣмъ, что представляю событія въ точномъ видѣ, точно такъ, какъ они произошли, и не виноватъ, если они покажутся невѣроятными. Но, однако, долженъ еще разъ засвидѣтельствовать, что подозрѣній на Дашу у ней, къ утру, никакихъ не осталось, а по правдѣ никогда и не начиналось; слишкомъ она была въ ней увѣрена. Да и мысли она не могла допустить, чтобъ ея Nicolas могъ увлечься ея... „Дарьей“. Утромъ, когда Дарья Павловна за чайнымъ столикомъ разливала чай, Варвара Петровна долго и пристально въ нее всматривалась и, можетъ-быть, въ двадцатый разъ со вчерашняго дня, съ увѣренностію произнесла про себя:

— Все вздоръ!

Замѣтила только, что у Даши какой-то усталый видъ и что она еще тише прежняго, еще апатичнѣе. Послѣ чаю, по заведенному разѣ навсегда обычаю, обѣ сѣли за рукодѣлье. Варвара Петровна велѣла ей дать себѣ полный отчетъ объ ея заграничныхъ впечатлѣніяхъ, преимущественно о природѣ, жителяхъ, городахъ, обычаяхъ, ихъ искусствѣ, промышленности, — обо всемъ, что успѣла замѣтить. Ни одного вопроса о Дроздовыхъ и о жизни съ Дроздовыми. Даша, сидѣвшая подлѣ нея за рабочимъ столикомъ и помогавшая ей вышивать, рассказывала уже съ полчаса своимъ ровнымъ, однообразнымъ, но нѣсколько слабымъ голосомъ.

— Дарья, прервала ее вдругъ Варвара Петровна, — ничего у тебя нѣтъ такого особеннаго, о чемъ хотѣла бы ты сообщить?

— Нѣтъ, ничего, капельку подумала Даша и взглянула на Варвару Петровну своими свѣтлыми глазами.

— На душѣ, на сердцѣ, на совѣсти?

— Ничего, тихо, но съ какою-то угрюмою твердостію повторила Даша.

— Такъ я и знала! Знай, Дарья, что я никогда не усомнюсь въ тебѣ. Теперь сиди и слушай. Перейди на этотъ стулъ, садись напротивъ, я хочу всю тебя видѣть. Вотъ такъ. Слушай, — хочешь замужъ?

Даша отвѣчала вопросительнымъ длиннымъ взглядомъ, не слишкомъ, впрочемъ, удивленнымъ.

— Стой; молчи. Во-первыхъ, есть разница въ лѣтахъ, большая очень; но вѣдь ты лучше всѣхъ знаешь, какой это вздоръ. Ты разсудительна и въ твоей жизни не должно быть ошибокъ. Впрочемъ, онъ еще красивый мужчина... Однимъ словомъ, Степанъ Трофимовичъ, котораго ты всегда уважала. Ну?

Даша посмотрѣла еще вопросительнѣе и на этотъ разъ не только съ удивленіемъ, но и замѣтно покраснѣла.

— Стой, молчи; не спѣши! Хоть у тебя и есть деньги, по моему завѣщанію, но умри я, что съ тобой будетъ, хотя бы и съ деньгами? Тебя обмануть и деньги отнимутъ, ну, и погибла. А за нимъ ты жена извѣстнаго чело-вѣка. Смотри теперь съ другой стороны: умри я сейчасъ, — хотя я и обезпечу его, — что съ нимъ будетъ? А на тебя-то ужъ я поназдѣюсь. Стой, я не договорила: онъ легкомысленъ, мямля, жестокъ, эгоистъ, низкія привычки, но ты его цѣни, во-первыхъ, ужъ потому, что есть и го-

раздо хуже. Вѣдь не за мерзавца же какого я тебя сбить съ рукъ хочу, ты ужъ не подумала-ли чего? А, главное, потому что я прошу, потому и будешь цѣнить, оборвала она вдругъ раздражительно.—Слышишь? Чтѣ же ты уперлась?

Даша все молчала и слушала.

— Стой, подожди еще. Онъ баба — но вѣдь тебѣ же лучше. Жалкая, впрочемъ, баба; его совсѣмъ не стоило бы любить женщинѣ. Но его стоитъ за беззащитность его любить, и ты люби его за беззащитность. Ты вѣдь меня понимаешь? Понимаешь?

Даша кивнула головой утвердительно.

— Я такъ и знала, меньше не ждала отъ тебя. Онъ тебя любить будетъ, потому что долженъ, долженъ; онъ обожать тебя долженъ! какъ-то особенно раздражительно взвизгнула Варвара Петровна,—а, впрочемъ, онъ и безъ долгу въ тебя влюбится, я вѣдь знаю его. Къ тому же я сама буду тутъ. Не безпокойся, я всегда буду тутъ. Онъ станетъ на тебя жаловаться, онъ клеветать на тебя начнетъ, шептаться будетъ о тебѣ съ первымъ встрѣчнымъ, будетъ ныть, вѣчно ныть; письма тебѣ будетъ писать изъ одной комнаты въ другую, въ день по два письма, но безъ тебя все-таки не проживетъ, а въ этомъ и главное. Заставь слушаться; не сумѣешь заставить — дура будешь. Повѣситься захочетъ, грозить будетъ—не вѣрь; одинъ только вздоръ! Не вѣрь, а все-таки держи ухо востро, не ровень часъ и повѣсится; съ этакими-то и бываетъ; не отъ силы, а отъ слабости вѣшаются; а потому никогда не доводи до послѣдней черты,—и это первое правило въ супружествѣ. Помни тоже, что онъ поэтъ. Слушай, Дарья: нѣтъ выше счастья какъ собою пожертвовать. И къ тому же ты миѣ сдѣлаешь большое удовольствіе, а это главное. Ты не думай, что я по глупости сейчасъ сбрендила: я понимаю, чтѣ говорю. Я эгоистка, будь и ты эгоисткой. Я вѣдь не неволю; все въ твоей волѣ, какъ скажешь, такъ и будетъ. Ну, что-жъ усѣлась, говори что-нибудь!

— Миѣ вѣдь все равно, Варвара Петровна, если ужъ непременно надобно замужъ выйти, твердо проговорила Даша.

— Непремѣнно? Ты на чтѣ это намекаешь? строго и пристально посмотрѣла Варвара Петровна.

Даша молчала, ковыряя въ пальцахъ иголкой.

— Ты хоть и умна, но ты сбрендила. Это хоть и

правда, что я непременно теперь тебя вздумала замужъ выдать, но это не по необходимости, а потому только, что мнѣ такъ придумалось, и за одного только Степана Трофимовича. Не будь Степана Трофимовича, я бы и не подумала тебя сейчасъ выдавать, хоть тебѣ ужъ и двадцать лѣтъ... Ну?

— Я какъ вамъ угодно, Варвара Петровна.

— Значить, согласна! Стой, молчи, куда торопишься, я не договорила: по завѣщанію тебѣ отъ меня пятнадцать тысячъ рублей положено. Я ихъ теперь же тебѣ выдамъ, послѣ вѣнца. Изъ нихъ восемь тысячъ ты ему отдашь, то-есть не ему, а мнѣ. У него есть долгъ въ восемь тысячъ; я и уплачу, но надо, чтобъ онъ зналъ, что твоими деньгами. Семь тысячъ останутся у тебя въ рукахъ, отнюдь ему не давай ни рубля никогда. Долговъ его не плати никогда. Разъ заплатишь — потомъ не оберешься. Впрочемъ, я всегда буду тутъ. Вы будете получать отъ меня ежегодно по тысячѣ двѣсти рублей содержанія, а съ экстренными тысячу пятьсотъ, кромѣ квартиры и стола, которые тоже отъ меня будутъ, точно такъ, какъ и теперь онъ пользуется. Прислугу только свою заведите. Годовыя деньги я тебѣ буду всѣ разомъ выдавать, прямо тебѣ на руки. Но будь и добра; иногда выдай и ему что-нибудь, и пріятелямъ ходитъ позволяй, разъ въ недѣлю, а если чаще, то гони. Но я сама буду тутъ. А коли умру, пенсіонъ вашъ не прекратится до самой его смерти, слышишь до *его* только смерти, потому, это его пенсіонъ, а не твой. А тебѣ, кромѣ теперешнихъ семи тысячъ, которыя у тебя останутся въ цѣлости, если не будешь сама глупа, еще восемь тысячъ въ завѣщаніи оставлю. И больше тебѣ отъ меня ничего не будетъ, надо чтобы ты знала. Ну, согласна, что-ли? Скажешь-ли, наконецъ, что-нибудь?

— Я уже сказала, Варвара Петровна.

— Вспомни, что твоя полная воля, какъ захочешь, такъ и будетъ.

— Такъ позволѣте, Варвара Петровна, развѣ Степанъ Трофимовичъ вамъ уже говорилъ что-нибудь?

— Нѣтъ, онъ ничего не говорилъ и не знаетъ, но... онъ сейчасъ заговорить!

Она мигомъ вскочила и набросила на себя черную шаль. Даша опять пемного покраснѣла и вопросительнымъ взглядомъ слѣдила за нею. Варвара Петровна вдругъ обернулась къ ней съ шлепающимъ отъ гнѣва лицомъ:

— Дура ты! накинута она на нее какъ ястребъ.— Дура неблагодарная! Что у тебя на умѣ? Неужто ты думаешь, что я скомпрометирую тебя хоть чѣмъ-нибудь, хоть на столько вотъ! Да онъ самъ на колѣнкахъ будетъ ползать просить, онъ долженъ отъ счастья умереть, вотъ какъ это будетъ устроено! Ты вѣдь знаешь же, что я тебя въ обиду не дамъ! Или ты думаешь, что онъ тебѣ за эти восемь тысячъ возьметъ, а я бѣгу теперь тебя продавать? Дура, дура, всѣ вы дуры неблагодарныя! Подай зонтикъ!

И она полетѣла пѣшкомъ, по мокрымъ кирпичнымъ тротуарамъ и по деревяннымъ мосткамъ, къ Степану Трофимовичу.

VII.

Это правда, что „Дарью“ она не дала бы въ обиду; напротивъ, теперь-то и считала себя ея благодѣтельницами. Самое благородное и безупречное негодование загорѣлось въ душѣ ея, когда, надѣвая шаль, она поймала на себѣ смущенный и недовѣрчивый взглядъ своей воспитанницы. Она искренно любила ее съ самаго ея дѣтства. Прасковья Ивановна справедливо назвала Дарью Павловну ея фавориткой. Давно уже Варвара Петровна рѣшила раз навсегда, что „Даринъ“ характеръ не похожъ на братининъ“ (то-есть на характеръ брата ея, Ивана Шатова), что она тиха и кротка, способна къ большому самопожертвованію, отличается преданностью, необыкновенною скромностью, рѣдкою разсудительностью и, главное, благодарностью. До сихъ поръ, повидимому, Даша оправдывала всѣ ея ожиданія. „Въ этой жизни не будетъ ошибокъ“, сказала Варвара Петровна, когда дѣвчкѣ было еще двѣнадцать лѣтъ, и такъ какъ она имѣла свойство привязываться упрямо и страстно къ каждой плѣнившей ее мечтѣ, къ каждому своему новому предначертанію, къ каждой мысли своей, показавшейся ей свѣтлою, то тотчасъ же и рѣшила воспитывать Дашу какъ родную дочь. Она немедленно отложила ей капиталъ и пригласила въ домъ гувернантку, миссъ Кригсъ, которая и прожила у нихъ до шестнадцатилѣтняго возраста воспитанницы, но ей вдругъ, почему-то, было отказано. Ходили учителя изъ гимназій, между ними одинъ настоящій французъ, который и обучилъ Дашу по-французски. Этому тоже было отказано вдругъ, точно прогнали. Одна бѣдная, заѣзжая дама, вдова изъ благородныхъ, обучала на фортепьяно.

Но главнымъ педагогомъ былъ все-таки Степанъ Трофимовичъ. По-настоящему, онъ первый и открылъ Дашу: онъ сталъ обучать тихаго ребенка еще тогда, когда Варвара Петровна о ней и не думала. Опять повторяю: удивительно, какъ къ нему привязывались дѣти! Лизавета Николаевна Тушина училась у него съ восьми лѣтъ до одиннадцати (разумѣется, Степанъ Трофимовичъ училъ ее безъ вознагражденія и ни за что бы не взялъ его отъ Дроздовыхъ). Но онъ самъ влюбился въ прелестнаго ребенка и рассказывалъ ей какія-то поэмы объ устройствѣ міра, земли, объ исторіи человѣчества. Лекціи о первобытныхъ народахъ и о первобытномъ человѣкѣ были занимательнѣе арабскихъ сказокъ. Лиза, которая млѣла за этими рассказами, чрезвычайно смѣшно передразнивала у себя дома Степана Трофимовича. Тотъ узналъ про это и разъ подглядѣлъ ее врасплохъ. Сконфуженная Лиза бросилась къ нему въ объятія и заплакала, Степанъ Трофимовичъ тоже, отъ восторга. Но Лиза скоро уѣхала, и осталась одна Даша. Когда къ Дашѣ стали ходить учителя, то Степанъ Трофимовичъ оставилъ съ нею свои занятія и мало-по-малу совсѣмъ пересталъ обращать на нее вниманіе. Такъ продолжалось долгое время. Разъ, когда уже ей было семнадцать лѣтъ, онъ былъ вдругъ пораженъ ея миловидностью. Это случилось за столомъ у Варвары Петровны. Онъ заговорилъ съ молодою дѣвушкой, былъ очень доволенъ ея отвѣтами и кончилъ предложеніемъ прочесть ей серьезный и обширный курсъ исторіи русской литературы. Варвара Петровна похвалила и поблагодарила его за прекрасную мысль, а Даша была въ восторгѣ. Степанъ Трофимовичъ сталъ особенно приготовляться къ лекціямъ, и, наконецъ, онѣ наступили. Начали съ древнѣйшаго періода; первая лекція прошла увлекательно; Варвара Петровна присутствовала. Когда Степанъ Трофимовичъ кончилъ и, уходя, объявилъ ученицѣ, что въ слѣдующій разъ приступитъ къ разбору *Слова о полку Игоревѣ*, Варвара Петровна вдругъ встала и объявила, что лекцій больше не будетъ. Степанъ Трофимовичъ покоробился, но смолчалъ, Даша вспыхнула; тѣмъ и кончилась, однакоже, затѣя. Произошло это ровно за три года до теперешней неожиданной фантазіи Варвары Петровны.

Бѣдный Степанъ Трофимовичъ сидѣлъ одинъ и ничего не предчувствовалъ. Въ грустномъ раздумьи давно уже

поглядывалъ онъ въ окно, не подойдетъ-ли кто изъ знакомыхъ. Но никто не хотѣлъ подходить. На дворѣ моросило, становилось холодно; надо было протопить печку; онъ вздохнулъ. Вдругъ страшное видѣніе предстало его очамъ. Варвара Петровна въ такую погоду и въ такой неурочный часъ къ нему! И пѣшкомъ! Онъ до того былъ пораженъ, что забылъ переѣнить костюмъ и принялъ ее какъ былъ: въ своей всегдашней розовой ватной фуфайкѣ.

— Ma bonne amie!.. слабо крикнулъ онъ ей навстрѣчу.

— Вы одни, я рада; терпѣть не могу вашихъ друзей! Какъ вы всегда накурите; Господи, что за воздухъ! Вы и чай не допили, а на дворѣ двѣнадцатый часъ! Ваше блаженство—безпорядокъ! Ваше наслажденіе — соръ! Что это за разорванныя бумажки на полу? Настасья, Настасья! Что дѣлаетъ ваша Настасья? Отвори, матушка, окна, форточки, двери, все настезь. А мы въ залу пойдѣте; я къ вамъ за дѣломъ. Да подмети ты хоть разъ въ жизни, матушка!

— Сорять - съ! раздражительно - жалобнымъ голосомъ пропищала Настасья.

— А ты мети, пятнадцать разъ въ день мети! Дрянная у васъ зала (когда вышли въ залу). Затворите крѣпче двери, она станетъ подслушивать. Непремѣнно надо обои переѣнить. Я вѣдь вамъ присылала обойщика съ образчиками, что же вы не выбрали? Садитесь и слушайте. Садитесь же, наконецъ, прошу васъ. Куда же вы? Куда же вы? Куда же вы?

— Я... сейчасъ, крикнулъ изъ другой комнаты Степанъ Трофимовичъ.—Вотъ я и опять!

— А, вы переѣнили костюмъ! насмѣшливо оглядѣла она его. (Онъ накинулъ сюртукъ сверхъ фуфайки). Этакъ дѣйствительно будетъ болѣе подходить... къ нашей рѣчи. Садитесь же, наконецъ, прошу васъ.

Она объяснила ему все сразу, рѣзко и убѣдительно. Намекнула и о восьми тысячахъ, которыя были ему до зарѣзу нужны. Подробно рассказала о придапомъ. Степанъ Трофимовичъ таращилъ глаза и трепеталъ. Слышалъ все, но ясно не могъ сообразить. Хотѣлъ заговорить, но все обрывался голосъ. Зналъ только, что все такъ и будетъ, какъ она говоритъ, что возражать и не соглашаться дѣло пустое, а онъ женатый человѣкъ безвозвратно.

— Mais, ma bonne amie, въ третій разъ и въ моихъ лѣ-

тахъ... и съ такимъ ребенкомъ! проговорилъ опъ, наконецъ.—*Mais c'est une enfant.*

— Ребенокъ, которому двадцать лѣтъ, слава Богу! Не вертите, пожалуйста, зрѣчками, прошу васъ, вы не на театрѣ. Вы очень умны и учены, но ничего не понимаете въ жизни, за вами постоянно должна нянька ходить. Я умру, и что съ вами будетъ? А она будетъ вамъ хорошею нянькой: это дѣвушка скромная, твердая, разсудительная; къ тому же я сама буду тутъ, не сейчасъ же умру. Она домосѣдка, она ангелъ кротости. Эта счастливая мысль мнѣ еще въ Швейцаріи приходила. Понимаете-ли вы, если я сама вамъ говорю, что она ангелъ кротости! вдругъ яростно вскричала она. — У васъ соръ, она заведетъ чистоту, порядокъ, все будетъ, какъ зеркало... Э, да пеужто же вы мечтаете, что я еще кланяться вамъ должна съ такимъ сокровищемъ, исчислять всѣ выгоды, свататы! Да вы должны бы на колѣняхъ... О, пустой, пустой, малодушный человѣкъ!

— Но... я уже старикъ!

— Что значать ваши пятьдесятъ три года. Пятьдесятъ лѣтъ не конецъ, а половина жизни. Вы красивый мужчина, и сами это знаете. Вы знаете тоже, какъ она васъ уважаетъ. Умри я, что съ нею будетъ? А за вами она спокойна, и я спокойна. У васъ значеніе, имя, любящее сердце; вы получаете пенсію, который я считаю своею обязанностью. Вы, можетъ-быть, спасете ее, спасете! Во всякомъ случаѣ честь доставите. Вы сформируете ее къ жизни, разовьете ея сердце, направите мысли. Нынче сколько погибаютъ оттого, что дурно направлены мысли! Къ тому времени поснѣтъ ваше сочиненіе, и вы разомъ о себѣ напомнимте.

— Я именно, пробормоталъ опъ уже польщенный ловкою лестью Варвары Петровны, — я именно собираюсь теперь присѣсть за мои *Разказы изъ испанской исторіи*...

— Ну, вотъ! видите, какъ разъ и сошлось.

— Но... она? Вы ей говорили?

— О ней не безпокойтесь, да, и нечего вамъ любопытствовать. Конечно, вы должны ее сами просить, умолять сдѣлать вамъ честь, понимаете? Но не безпокойтесь, я сама буду тутъ. Къ тому же вы ее любите.

У Степана Трофимовича закружилась голова: стѣны пошли кругомъ. Тутъ была одна страшная идея, съ которою онъ никакъ не могъ сладить.

— Excellente amie! задрожалъ вдругъ его голосъ,—я... и никакъ не могъ вообразить, что вы рѣшитесь выдать меня... за другую... женщину!

— Вы не дѣвица, Степанъ Трофимовичъ; только дѣвицъ выдаютъ, а вы сами женитесь, ядовито прошипѣла Варвара Петровна.

— Oui, j'ai pris un mot pour un autre. Mais... c'est égal, усталъ онъ на нее съ потеряннымъ видомъ.

— Вижу, что c'est égal, презрительно процѣдила она.— Господи! да съ нимъ обморокъ! Настасья, Настасья! Воды!

Но до воды не дошло. Онъ очнулся. Варвара Петровна взяла свой зонтикъ.

— Я вижу, что съ вами теперь нечего говорить...

— Oui, oui, je suis incarable.

— Но къ завтраму вы отдохнете и обдумаете. Сидите дома, если что случится, дайте знать, хотя бы ночью. Писемъ не пишите, и читать не буду. Завтра же въ это время приду сама, одна, за окончательнымъ отвѣтомъ, и надѣюсь, что онъ будетъ удовлетворителенъ. Постарайтесь, чтобы никого не было и чтобы сору не было, а это на что похоже? Настасья, Настасья!

Разумѣется, на завтра онъ согласился; да и не могъ не согласиться. Тутъ было одно особое обстоятельство...

VIII.

Такъ-называемое у насъ имѣніе Степана Трофимовича (душъ пятьдесятъ по старинному счету, и смежное со Скворешниками) было вовсе не его, а принадлежало первой супругѣ, а, стало-быть, теперь ихъ сыну, Петру Степановичу Верховенскому. Степанъ Трофимовичъ только опекуновалъ, а потому, когда пленецъ оперился, дѣйствовалъ по формальной отъ него довѣренности на управленіе имѣніемъ. Сдѣлка для молодого человѣка была выгодна: онъ получалъ съ отца въ годъ до тысячи рублей въ видѣ дохода съ имѣнія, тогда какъ оно при новыхъ порядкахъ не давало и пятисотъ (а, можетъ-быть, и того менѣе). Богъ знаетъ, какъ установились подобныя отношенія. Впрочемъ, всю эту тысячу цѣликомъ высылала Варвара Петровна, а Степанъ Трофимовичъ ни единымъ рублемъ въ ней не участвовалъ. Напротивъ, весь доходъ съ земли оставялъ у себя въ карманѣ и, кромѣ того, разорилъ ее въ конецъ, сдавъ ее въ аренду какому-то промышленнику и, тихонько отъ Варвары Петровны, про-

давъ на срубъ рощу, то-есть главную ея цѣнность. Эту рощичу онъ уже давно продавалъ урывками! Вся она стоила, по крайней мѣрѣ, тысячъ восемь, а онъ взялъ за нее только пять. Но онъ иногда слишкомъ много проигрывалъ въ клубѣ, а просить у Варвары Петровны боялся. Она скрежетала зубами, когда, наконецъ, обо всемъ узнала. И вдругъ теперь сынокъ извѣщалъ, что пріѣдетъ самъ продавать свои владѣнія во что бы то ни стало, а отцу поручалъ неотлагательно позаботиться о продажѣ. Ясное дѣло, что при благородствѣ и безкорыстїи Степана Трофимовича, ему стало совѣстно предъ се *cher enfant* (котораго онъ въ послѣдній разъ видѣлъ цѣлыхъ девять лѣтъ тому назадъ въ Петербургѣ, студентомъ). Первоначально все имѣніе могло стоить тысячъ тринадцать или четырнадцать, теперь врядъ-ли кто бы далъ за него и пять. Безъ сомнѣнія, Степанъ Трофимовичъ имѣлъ полное право, по смыслу формальной довѣренности, продать лѣсъ и, поставивъ въ счетъ тысячерублевый невозможный ежегодный доходъ, столько лѣтъ выславшійся аккуратно, сильно оградить себя при расчетѣ. Но Степанъ Трофимовичъ былъ благороденъ, со стремленіями высшими. Въ головѣ его мелькнула одна удивительно-красивая мысль: когда пріѣдетъ Петруша, вдругъ благородно выложить на столъ самый высшій максимумъ цѣны, то-есть даже пятнадцать тысячъ, безъ малѣйшаго намека на выславшіеся до сихъ поръ суммы, и крѣпко-крѣпко, со слезами, прижать къ груди се *cher fils*, чѣмъ и покончить всѣ счеты. Отдаленно и осторожно началъ онъ развертывать эту картину предъ Варварой Петровной. Онъ намекалъ, что это даже придастъ какой-то особый, благородный оттѣнокъ ихъ дружеской связи... ихъ „идеи“. Это выставило бы въ такомъ безкорыстномъ и великодушномъ видѣ прежнихъ отцовъ и вообще прежнихъ людей, сравнительно съ новою легкомысленною и соціальною молодежью. Много еще онъ говорилъ, но Варвара Петровна все отмалчивалась. Наконецъ, сухо объявила ему, что согласна купить ихъ землю и дать за нее максимумъ цѣны, то-есть тысячъ шесть-семь (и за четыре можно было купить). Объ остальныхъ же восьми тысячахъ, улетѣвшихъ съ рощей, не сказала ни слова.

— Это случилось за мѣсяць до сватовства. Степанъ Трофимовичъ былъ пораженъ и началъ задумываться. Прежде еще могла быть надежда, что сынокъ, пожалуй, и совѣмъ

не прїѣдетъ,—то-есть надежда, судя со стороны, по мнѣнію кого-нибудь посторонняго. Степанъ же Трофимовичъ, какъ отецъ, съ негодованіемъ отвергъ бы самую мысль о подобной надеждѣ. Какъ бы тамъ ни было, но до сихъ поръ о Петрушѣ доходили къ намъ все такіе странные слухи. Сначала, кончивъ курсъ въ университетѣ, лѣтъ шесть тому назадъ, онъ слонялся въ Петербургѣ безъ дѣла. Вдругъ получилось у насъ извѣстіе, что онъ участвовалъ въ составленіи какой-то подметной прокламаціи и притянуть къ дѣлу. Потомъ, что онъ ступилъ вдругъ за границей, въ Швейцаріи, въ Женевѣ, — бѣжалъ, чего добраго.

— Удивительно мнѣ это, проповѣдывалъ намъ тогда Степанъ Трофимовичъ, сильно сконфузившійся,—Петруша *c'est une si pauvre tête!* Онъ добръ, благороденъ, очень чувствителенъ, и я такъ тогда, въ Петербургѣ, порадовался, сравнивъ его съ современною молодежью, но *c'est un pauvre sire tout de même...* И, знаете, все отъ той же недостиженности, септимальности! Ихъ плѣняетъ не реализмъ, а чувствительная, идеальная сторона социализма, такъ сказать, религіозный отгѣнокъ его, поэзія его... съ чужого голоса, разумѣется. И, однако, мнѣ-то, мнѣ каково! У меня здѣсь столько враговъ, тамъ еще болѣе, припишутъ вліянію отца... Боже! Петруша двигателемъ! Въ какія времена мы живемъ!

Петруша выслалъ, впрочемъ, очень скоро свой точный адресъ изъ Швейцаріи для обычной ему высылки денегъ: стало-быть, не совсѣмъ же былъ эмигрантомъ. И вотъ теперь, пробывъ за границей года четыре, вдругъ появляется опять въ своемъ отечествѣ и извѣщаетъ о скоромъ своемъ прибытіи: стало-быть, ни въ чемъ не обвиненъ. Мало того, даже какъ будто кто-то принималъ въ немъ участіе и покровительствовалъ ему. Онъ писалъ теперь съ юга Россіи, гдѣ находился по чьему-то частному, но важному порученію и о чемъ-то тамъ хлопоталъ. Все это было прекрасно, но, однако, гдѣ же взять остальные семь-восемь тысячъ, чтобы составить приличный *maximum* дѣны за имѣніе? А что, если подыметъ крикъ, и вмѣсто величественной картины дойдетъ до процесса? Что-то говорило Степану Трофимовичу, что чувствительный Петруша не отступится отъ своихъ интересовъ. „Почему это, я замѣтилъ“, шепнулъ мнѣ разъ тогда Степанъ Трофимовичъ, „почему это всѣ эти отчаянные социалисты и коммунисты

въ то же время и такіе неимовѣрные скряги, пріобрѣтатели, собственники, и даже такъ, что чѣмъ больше онъ социалистъ, чѣмъ дальше пошелъ, тѣмъ сильнѣе и собственникъ... почему это? Неужели тоже отъ сентиментальности?" Я не знаю, есть-ли правда въ этомъ замѣчаніи Степана Трофимовича; я знаю только, что Петруша имѣлъ нѣкоторыя свѣдѣнія о продажѣ роши и о прочемъ, а Степанъ Трофимовичъ зналъ, что тотъ имѣеть эти свѣдѣнія. Мнѣ случалось тоже читать и Петрушины письма къ отцу: писалъ онъ до крайности рѣдко, разъ въ годъ и еще рѣже. Только въ послѣднее время, увѣдомляя о близкомъ своемъ пріѣздѣ, прислалъ два письма, почти одно за другимъ. Всѣ письма его были коротенькія, сухія, состояли изъ однихъ лишь распоряженій, и такъ какъ отецъ съ сыномъ еще съ самаго Петербурга были по-молному, на ты, то и письма Петруши рѣшительно имѣли видъ тѣхъ старинныхъ предписаній прежнихъ помѣщиковъ изъ столицъ ихъ дворовымъ людямъ, поставленнымъ ими въ управляющіе ихъ имѣній. И вдругъ теперь эти восемь тысячъ, разрешающія дѣло, вылетаютъ изъ предложенія Варвары Петровны, и при этомъ она даетъ ясно почувствовать, что они ни откуда болѣе и не могутъ вылетѣть. Разумѣется, Степанъ Трофимовичъ согласился.

Онъ тотчасъ же по ея уходѣ прислалъ за мной, а отъ всѣхъ другихъ заперся на весь день. Конечно, поплакалъ, много и хорошо говорилъ, много и сильно сбивался, сказалъ случайно каламбуръ и остался имъ доволенъ, потому была легкая холерина,—однимъ словомъ, все произошло въ порядкѣ. Послѣ чего онъ вытащилъ портретъ своей, уже двадцать лѣтъ тому назадъ скончавшейся нѣмочки, и жалобно началъ взывать: „Простишь-ли ты меня?“ Вообще онъ былъ какъ-то сбить съ толку. Съ горя мы пемножко и выпили. Впрочемъ, опъ скоро и сладко заснулъ. На утро мастерски повязалъ себѣ галстукъ, тщательно одѣлся и часто подходилъ смотрѣться въ зеркало. Платокъ sprиснулъ духами, Впрочемъ, лишь чуть-чуть, и только завидѣлъ Варвару Петровну въ окно, поскорѣй взялъ другой платокъ, а надушенный сиряталъ подъ подушку.

— И прекрасно! похвалила Варвара Петровна, выслушавъ его согласіе.—Во-первыхъ, благородная рѣшимость, а во-вторыхъ, вы вняли голосу разсудка, которому вы такъ рѣдко внимаете въ вашихъ частныхъ дѣлахъ. Спѣ-

пить, впрочемъ, нечего, прибавила она, разглядывая узелъ его бѣлаго галстука,—покажѣтъ молчите, и я буду молчать. Скоро день вашего рожденія: я буду у васъ вмѣстѣ съ нею: Сдѣлайте вечерній чай и пожалуйста безъ вина и безъ закусокъ; впрочемъ, я сама все устрою. Пригласите вашихъ друзей,—впрочемъ, мы вмѣстѣ сдѣлаемъ выборъ. Наканунѣ вы съ нею переговорите, если надо будетъ; а на вашемъ вечерѣ мы не то что объявимъ, или тамъ сговоръ какой-нибудь сдѣлаемъ, а только такъ напомнимъ или дадимъ знать, безо всякой торжественности. А тамъ недѣли черезъ двѣ и свадьба, по возможности безъ всякаго шума... Даже обоемъ вамъ можно бы и уѣхать на время, тотчасъ изъ-подъ вѣнца, хоть въ Москву, напримѣръ. Я тоже, можетъ-быть, съ вами поѣду... А, главное, до тѣхъ поръ молчите.

Степанъ Трофимовичъ былъ удивленъ. Онъ заикнулся было, что невозможно же ему такъ, что надо же переговорить съ невѣстой, но Варвара Петровна раздражительно на него накинулась:

— Это зачѣмъ? Во-первыхъ, ничего еще, можетъ-быть, и не будетъ...

— Какъ не будетъ! пробормоталъ женихъ, совсѣмъ уже ошеломленный.

— Такъ. Я еще посмотрю... А, впрочемъ, все такъ будетъ, какъ я сказала, и не беспокойтесь, я сама ее приготовлю. Вамъ совсѣмъ незачѣмъ. Все нужное будетъ сказано и сдѣлано, а вамъ туда незачѣмъ. Для чего? Для какой роли? И сами не ходите, и писемъ не пишите. И ни слуху, ни духу, прошу васъ. Я тоже буду молчать.

Она рѣшительно не хотѣла объясняться и ушла, видимо разстроенная. Кажется, чрезмѣрная готовность Степана Трофимовича поразила ее. Увы, онъ рѣшительно не понималъ своего положенія и вопросъ еще не представился ему съ нѣкоторыхъ другихъ точекъ зрѣнія. Напротивъ, явился какой-то новый тонъ, что-то побѣдоносное и легкомысленное. Онъ куражился.

— Это мнѣ нравится! восклицалъ онъ, останавливаясь предо мной и разводя руками.—Вы слышали? Она хочетъ довести до того, чтобъ я, наконецъ, не захотѣлъ. Вѣдь я тоже могу терпѣнїе потерять и... не захотѣть! „Сидите и нечего вамъ туда ходить“, но почему я, наконецъ, непременно долженъ жениться? Потому только, что у ней явилась смѣшная фантазія? Но я человѣкъ серьезный, и

могу не захотѣть подчиняться празднымъ фантазіямъ взыбалмошной женщины! У меня есть обязанности къ моему сыну и... и къ самому себѣ! Я жертву приношу—понимаетъ-ли она это? Я, можетъ-быть, потому согласился, что мнѣ наскучила жизнь и мнѣ все равно. Но она можетъ меня раздражить, и тогда мнѣ будетъ уже не все равно; я обижусь и откажусь. Et enfin le ridicule... Что скажутъ въ клубѣ? Что скажетъ... Липутинъ? „Можетъ, ничего еще и не будетъ“—каково! Но вѣдь это верхъ! Это ужъ... это что же такое?—Je suis un forçat, un Badinguet, un припертый къ стѣнѣ человѣкъ!..

И въ то же время какое-то капризное самодовольствие, что-то легкомысленно-игривое проглядывало среди всѣхъ этихъ жалобныхъ восклицаній. Вечеромъ мы опять выпили.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Чужіе грѣхи.

I.

Прошло съ недѣлю, и дѣло начало нѣсколько раздвигаться.

Замѣчу вскользь, что въ эту несчастную недѣлю я вынесъ много тоски, — оставаясь почти безотлучно подлѣ бѣднаго сосватаннаго друга моего, въ качествѣ ближайшаго его конфидента. Тяготилъ его, главное, стыдъ, хотя мы въ эту недѣлю никого не видали и все сидѣли одни, но онъ стыдился даже и меня, и до того, что чѣмъ болѣе самъ открывалъ мнѣ, тѣмъ болѣе и досадовалъ на меня за это. По мнительности же подозрѣвалъ, что все уже всѣмъ извѣстно, всему городу, и не только въ клубѣ, но даже въ своемъ кружкѣ боялся показаться. Даже гулять выходилъ, для необходимаго моціону, только въ полныя сумерки, когда уже совершенно темнѣло.

Прошла недѣля, а онъ все еще не зналъ, женихъ онъ или нѣтъ, и никакъ не могъ узнать объ этомъ навѣрно, какъ ни бился. Съ невѣстой онъ еще не видался, даже не зналъ, невѣста-ли она ему; даже не зналъ, есть-ли тутъ во всемъ этомъ хоть что-нибудь серьезное! Къ себѣ почему-то Варвара Петровна рѣшительно не хотѣла его допустить. На одно изъ первоначальныхъ писемъ его (а онъ написалъ ихъ къ ней множество) она прямо отвѣтила ему просьбой избавить ее на время отъ всякихъ съ

нимъ сношеній, потому что она занята, а имѣя и сама сообщить ему много очень важнаго, нарочно ждетъ для этого болѣе свободной, чѣмъ теперь, минуты, и сама дастъ ему *современемъ* знать, когда къ ней можно будетъ придти. Письма же общала присылать обратно нераспечатанными, потому что это „одно только баловство“. Эту записку я самъ читалъ; онъ же мнѣ и показывалъ.

И, однако, всѣ эти грубости и неопредѣленности, все это было ничто въ сравненіи съ главною его заботой. Эта забота мучила его чрезвычайно, неотступно; отъ нея онъ худѣлъ и падалъ духомъ. Это было нѣчто такое, чего онъ уже болѣе всего стыдился и о чемъ никакъ не хотѣлъ заговорить даже со мной; напротивъ, при случаѣ лгалъ и вилялъ предо мною какъ маленькій мальчикъ; а между тѣмъ самъ же посылалъ за мною ежедневно, двухъ часовъ безъ меня пробыть не могъ, нуждаясь во мнѣ, какъ въ водѣ или въ воздухѣ.

Такое поведеніе оскорбляло нѣсколько мое самолюбіе... Само собою разумѣется, что я давно уже угадалъ про себя эту главную тайну его и видѣлъ все насквозь. По глубочайшему тогдашнему моему убѣжденію, обнаруженіе этой тайны, этой главной заботы Степана Трофимовича, не прибавило бы ему чести, и потому я, какъ человѣкъ еще молодой, нѣсколько негодовалъ на грубость чувствъ его и на некрасивость нѣкоторыхъ его подозрѣній. Сторяча,—и, признаюсь, отъ скуки быть конфидентомъ,—я, можетъ-быть, слишкомъ обвинялъ его. По жестокости моей я добивался его собственнаго признанія предо мною во всемъ, хотя, впрочемъ, и допускалъ, что признаваться въ иныхъ вещахъ, пожалуй, и затруднительно. Онъ тоже меня насквозь понималъ, то-есть ясно видѣлъ, что я понимаю его насквозь и даже злюсь на него, и самъ злился на меня за то, что я злюсь на него и понимаю его насквозь. Пожалуй, раздраженіе мое было мелко и глупо; но взаимное уединеніе чрезвычайно иногда вредитъ истинной дружбѣ. Съ извѣстной точки онъ вѣрно понималъ нѣкоторыя стороны своего положенія и даже весьма тонко опредѣлялъ его въ тѣхъ пунктахъ, въ которыхъ таиться не находилъ нужнымъ.

— О, такова-ли она была тогда! проговаривался онъ иногда мнѣ о Варварѣ Петровнѣ. — Такова-ли она была прежде, когда мы съ нею говорили... Знаете-ли вы, что

тогда она умѣла еще говорить? Можете-ли вы повѣрить, что у нея тогда были мысли, свои мысли. Теперь все переѣнилось! Она говоритъ, что все это одна только старинная болтовня! Она презираетъ прежнее... Теперь она какой-то приказчикъ, экономъ, ожесточенный человекъ, и все сердится...

— За что же ей теперь сердиться, когда вы исполнили ей требованіе? возразилъ я ему.

Онъ тонко посмотрѣлъ на меня.

— *Сher ami*, если-бъ я не согласился, она бы разсердилась ужасно, ужа-а-сно! Но все-таки менѣе, чѣмъ теперь, когда я согласился.

Этимъ словечкомъ своимъ онъ остался доволенъ, и мы роспили въ тотъ вечеръ бутылочку. Но это было только мгновеніе; на другой день онъ былъ ужаснѣе и угрюмѣе, чѣмъ когда-либо.

Но всего болѣе досадовалъ я на него за то, что онъ не рѣшался даже пойти сдѣлать необходимый визитъ пріѣхавшимъ Дроздовымъ, для возобновленія знакомства, чего, какъ слышно, они и сами желали, такъ какъ спрашивали уже о немъ, о чемъ и онъ тосковалъ ежедневно. О Лизаветѣ Николаевнѣ онъ говорилъ съ какимъ-то непонятнымъ для меня восторгомъ. Безъ сомнѣнія, онъ вспоминалъ въ ней ребенка, котораго такъ когда-то любилъ; но кромѣ того, онъ, неизвѣстно почему, воображалъ, что тотчасъ же найдетъ подлѣ нея облегченіе всѣмъ своимъ настоящимъ мѣкамъ и даже разрѣшить свои важнѣйшія сомнѣнія. Въ Лизаветѣ Николаевнѣ онъ предполагалъ встрѣтить какое-то необычайное существо. И все-таки къ ней не шелъ, хотя и каждый день собирался. Главное было въ томъ, что мнѣ самому ужасно хотѣлось тогда быть ей представленнымъ и отрекомендованнымъ, въ чемъ могъ я рассчитывать единственно на одного лишь Степана Трофимовича. Чрезвычайное впечатлѣніе производили на меня тогда частыя встрѣчи мои съ нею, разумѣется, на улицѣ, когда она выѣзжала прогуливаться верхомъ, въ амазонкѣ и на прекрасномъ конѣ, въ сопровожденіи такъ-называемаго родственника ея, красиваго офицера, племянника покойнаго генерала Дроздова. Ослѣпленіе мое продолжалось одно лишь мгновеніе, и я самъ очень скоро потомъ созналъ всю невозможность моей мечты,—но хоть мгновеніе, а оно существовало дѣйствительно, а потому можно себя представить, какъ него-

довалъ я иногда въ то время на бѣднаго друга моего за его упорное затворничество.

Всѣ наши еще съ самаго начала были официально предвѣдомлены о томъ, что Степанъ Трофимовичъ нѣкоторое время принимать не будетъ и просить оставить его въ совершенномъ покоѣ. Онъ настоялъ на циркулярномъ предвѣдомленіи, хотя я и отсовѣтывалъ. Я же и обошелъ всѣхъ, по его просьбѣ, и всѣмъ наговорилъ, что Варвара Петровна поручила нашему „старика“ (такъ всѣ мы между собою звали Степана Трофимовича) какую-то экстренную работу, привести въ порядокъ какую-то переписку за нѣсколько лѣтъ; что онъ заперся, а я ему помогаю и проч., и проч. Къ одному только Липутину я не успѣлъ зайти и все откладывалъ, — а вѣрнѣе сказать, я боялся зайти. Я зналъ впередъ, что онъ ни одному слову моему не повѣритъ, непременно вообразитъ себѣ, что тутъ секретъ, который собственно отъ него одного хотять скрыть, и только что я выйду отъ него, тотчасъ же пустится по всему городу разузнавать и сплетничать. Пока я все это себѣ представлялъ, случилось такъ, что я нечаянно столкнулся съ нимъ на улицѣ. Оказалось, что онъ уже обо всемъ узналъ отъ нашихъ, мною только-что предвѣдомленныхъ. Но, странное дѣло, онъ не только не любопытствовалъ и не спрашивалъ о Степанѣ Трофимовичѣ, а, напротивъ, самъ еще прервалъ меня, когда я сталъ было извиняться, что не зашелъ къ нему раньше, и тотчасъ же перескочилъ на другой предметъ. Правда, у него накопилось, что рассказать; онъ былъ въ чрезвычайно возбужденномъ состояніи духа и обрадовался тому, что поймалъ во мнѣ слушателя. Онъ сталъ говорить о городскихъ новостяхъ, о приѣздѣ губернаторши „съ новыми разговорами“, объ образовавшейся уже въ клубѣ оппозиціи, о томъ, что всѣ кричатъ о новыхъ идеяхъ, и какъ это ко всѣмъ пристало, и проч., и проч. Онъ проговорилъ съ четверть часа, и такъ забавно, что я не могъ оторваться. Хотя я терпѣть его не могъ, но сознаюсь, что у него былъ даръ заставить себя слушать и особенно когда онъ очень на что-нибудь злился. Человѣкъ этотъ, по-моему, былъ настоящій и прирожденный шпионъ. Онъ зналъ во всякую минуту всѣ самыя послѣднія новости и всю подноготную нашего города, преимущественно по части мерзостей, и дивиться надо было, до какой степени онъ принималъ къ сердцу вещи, иногда совершенно

до него не касавшіяся. Мнѣ всегда казалось, что главною чертой его характера была зависть. Когда я, въ тотъ же вечеръ, передалъ Степану Трофимовичу о встрѣчѣ моей утромъ съ Липутинымъ и о нашемъ разговорѣ,—тотъ, къ удивленію моему, чрезвычайно взволновался и задалъ мнѣ дикій вопросъ: „знаетъ Липутинъ или нѣтъ?“ Я сталъ ему доказывать, что возможности не было узнать такъ скоро, да и не отъ кого; но Степанъ Трофимовичъ стоялъ на своемъ:

— Вотъ вѣрьте или нѣтъ, заключилъ онъ подъ конецъ неожиданно, — а я убѣжденъ, что ему не только уже извѣстно все со всѣми подробностями о *нашемъ* положеніи, но что онъ и еще что-нибудь сверхъ того знаетъ, что-нибудь такое, чего ни вы, ни я еще не знаемъ, а, можетъ-быть, никогда и не узнаемъ, или узнаемъ, когда уже будетъ поздно, когда уже нѣтъ возврата!..

Я промолчалъ, но слова эти на многое намекали. Послѣ того, цѣлыхъ пять дней мы ни слова не упоминали о Липутинѣ; мнѣ ясно было, что Степанъ Трофимовичъ очень жалѣлъ о томъ, что обнаружилъ предо мною такія подозрѣнія и проговорился.

II.

Однажды поутру, — то-есть на седьмой или восьмой день послѣ того, какъ Степанъ Трофимовичъ согласился стать женихомъ, — часовъ около одиннадцати, когда я спѣшилъ, по обыкновенію, къ моему скорбному другу, дорогой произошло со мной приключеніе.

Я встрѣтилъ Кармазинова, „великаго писателя“, какъ величалъ его Липутинъ. Кармазинова я читалъ съ дѣтства. Его повѣсти и рассказы извѣстны всему прошлому и даже нашему поколѣнію; я же упивался ими; они были наслажденіемъ моего отрочества и моей молодости. Потомъ и нѣсколько охладѣлъ къ его перу; повѣсти съ направлениемъ, которыя онъ все писалъ въ послѣднее время, мнѣ уже не такъ понравились, какъ первыя, первоначальныя его созданія, въ которыхъ было столько непосредственной поэзій; а самыя послѣднія сочиненія его такъ даже мнѣ не нравились.

Вообще говоря, если осмѣлюсь выразить и мое мнѣніе въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ, всѣ эти наши господа таланты средней руки, принимаемые по обыкновенію при жизни ихъ чуть не за гениевъ, — не только исчезаютъ чуть

не безслѣдно и какъ-то вдругъ изъ памяти людей, когда умирають, но случается, что даже и при жизни ихъ, чуть лишь подрастетъ новое поколѣніе, смѣняющее то, при которомъ они дѣйствовали,—забываются и пренебрегаются всѣми непостижимо скоро. Какъ-то это вдругъ у насъ происходитъ, точно перемѣна декораціи на театрѣ. О, тутъ совсѣмъ не то, что съ Пушкиными, Гоголями, Мольерами, Вольтерами, со всѣми этими дѣятелями, приходившими сказать свое новое слово! Правда и то, что и сами эти господа таланты средней руки, на склонѣ почтенныхъ лѣтъ своихъ обыкновенно самымъ жалкимъ образомъ у насъ исписываются, совсѣмъ даже и не замѣчая того. Нерѣдко оказывается, что писатель, которому долго приписывали чрезвычайную глубину идей и отъ котораго ждали чрезвычайнаго и серьезнаго вліянія на движеніе общества, обнаруживаетъ подъ конецъ такую жидкость и такую крохотность своей основной идейки, что никто даже и не жалѣетъ о томъ, что онъ такъ скоро умѣлъ исписаться. Но сѣдые старички не замѣчаютъ того и сердятся. Самолюбіе ихъ, именно подъ конецъ ихъ поприща, принимаетъ иногда размѣры, достойные удивленія. Богъ знаетъ, за кого они начинаютъ принимать себя,— по крайней мѣрѣ, за боговъ. Про Кармазинова рассказывали, что онъ дорожитъ связями своими съ сильными людьми и съ обществомъ высшимъ чуть не больше души своей. Рассказывали, что онъ васъ встрѣтитъ, обласкаетъ, прельститъ, обворожитъ своимъ простодушіемъ, особенно если вы ему почему-нибудь нужны и, ужъ разумѣется, если вы предварительно были ему зарекомендованы. Но при первомъ князѣ, при первой графинѣ, при первомъ человѣкѣ, котораго онъ боится, онъ почтетъ священнѣйшимъ долгомъ забыть васъ съ самымъ оскорбительнымъ пренебреженіемъ, какъ щепку, какъ муху, тутъ же, когда вы еще не успѣли отъ него выйти; онъ серьезно считаетъ это самымъ высокимъ и прекраснымъ тономъ. Несмотря на полную поддержку и совершенное знаніе хорошихъ манеръ, онъ до того, говорятъ, самолюбивъ, до такой истерики, что никакъ не можетъ скрыть своей авторской раздражительности даже и въ тѣхъ кругахъ общества, гдѣ мало интересуются литературой. Если же случайно кто-нибудь озадачивалъ его своимъ равнодушіемъ, то онъ обижался болѣзненно и старался отомстить.

Съ годъ тому назадъ я читалъ въ журналѣ статью его,

написанную со страшною претензіей на самую наивную поэзію и при этомъ на психологію. Онъ описывалъ гибель одного парохода гдѣ-то у англійскаго берега, чему самъ былъ свидѣтелемъ и видѣлъ, какъ спасали погибавшихъ и вытаскивали утопленниковъ. Вся статья эта, довольно длинная и многорѣчивая, написана была единственно съ цѣлію выставить себя самого. Такъ и читалось между строками: „Интересуйтесь мною, смотрите, каковъ я былъ въ эти минуты. Зачѣмъ вамъ это море, буря, скалы, разбитыя щепки корабля? Я вѣдь достаточно описалъ вамъ все это моимъ могучимъ перомъ. Чего вы смотрите на эту утопленницу съ мертвымъ ребенкомъ въ мертвыхъ рукахъ? Смотрите лучше на меня, какъ я не вынесъ этого зрѣлища и отъ него отвернулся. Вотъ я сталъ спиной; вотъ я въ ужасѣ и не въ силахъ оглянуться назадъ; я жмурю глаза—не правда-ли, какъ это интересно?“ Когда я передалъ мое мнѣніе о статьѣ Кармазинова Степану Трофимовичу, онъ со мной согласился.

Когда пошли у насъ недавніе слухи, что пріѣдетъ Кармазиновъ, я, разумѣется, ужасно пожелалъ его увидать и, если возможно, съ нимъ познакомиться. Я зналъ, что могъ бы это сдѣлать чрезъ Степана Трофимовича; они когда-то были друзьями. И вотъ вдругъ я встрѣчаюсь съ нимъ на перекресткѣ. Я тотчасъ узналъ его; мнѣ уже его показали дня три тому назадъ, когда онъ проѣзжалъ въ коляскѣ съ губернаторшей.

Это былъ очень невысокій, чопорный старичокъ, лѣтъ, впрочемъ, не болѣе пятидесяти пяти, съ довольно румянымъ личикомъ, съ густыми сѣденькими локопчиками, выбившимися изъ-подъ круглой цилиндрической шляпы и завивавшимися около чистенькихъ, розовенькихъ, маленькихъ ушковъ его. Чистенькое личико его было не совсѣмъ красиво, съ тонкими, длинными, хитро сложенными губами, съ нѣсколько мясистымъ носомъ и съ востренькими, умными, маленькими глазками. Онъ былъ одѣтъ какъ-то ветхо, въ какомъ-то плащѣ въ пакидку, какой, на примѣръ, носили бы въ этотъ сезонъ гдѣ-нибудь въ Швейцаріи или въ Сѣверной Италіи. Но, по крайней мѣрѣ, всѣ мелкія вещицы его костюма: запоночки, воротнички, пуговики, черепаховый лорнетъ на черной тоненькой ленточкѣ, перстенекъ, непременно были такія же, какъ и у людей безукоризненно хорошаго тона. Я увѣренъ, что лѣтомъ онъ ходитъ непременно въ какихъ-нибудь цвѣтныхъ,

прюнелевыхъ ботиночкахъ съ перламутровыми пуговками сбоку. Когда мы столкнулись, онъ пріостановился на поворотѣ улицы и осматривался со вниманіемъ. Замѣтивъ, что я любопытно смотрю на него, онъ медовымъ, хотя нѣсколько крикливымъ голоскомъ, спросилъ меня:

— Позвольте узнать, какъ мнѣ ближе выйти на Быкову улицу?

— На Быкову улицу? Да это здѣсь, сейчасъ же, вскричалъ я въ необыкновенномъ волненіи.—Все прямо по этой улицѣ и потомъ второй поворотъ налѣво.

— Очень вамъ благодаренъ.

Проклятіе на эту минуту: я, кажется, оробѣлъ и смотрѣлъ подобострастно! Онъ мигомъ все это замѣтилъ и, конечно, тотчасъ же все узналъ, то-есть узналъ, что мнѣ уже извѣстно, кто онъ такой, что я его читалъ и благоговѣлъ предъ нимъ съ самага дѣтства, что я теперь оробѣлъ и смотрю подобострастно. Онъ улыбнулся, кивнулъ еще разъ головой и пошелъ прямо, какъ я указалъ ему. Не знаю для чего я повернулъ за нимъ назадъ; не знаю для чего я пробѣжалъ подлѣ него десять шаговъ. Онъ вдругъ опять остановился.

— А не могли бы вы мнѣ указать, гдѣ здѣсь всего ближе стоятъ извозчики? прокричалъ онъ мнѣ оиать.

Скверный крикъ; скверный голосъ!

— Извозчики? Извозчики всего ближе отсюда... у собора стоятъ, тамъ всегда стоятъ.

И вотъ я чуть было не повернулся бѣжать за извозчикомъ. Я подозрѣваю, что онъ именно этого и ждалъ отъ меня. Разумѣется, я тотчасъ же опомнился и остановился, но движеніе мое онъ замѣтилъ очень хорошо и слѣдилъ за мною съ тою же скверною улыбкой. Тутъ случилось то, чего я никогда не забуду.

Онъ вдругъ уронилъ крошечный сакъ, который держалъ въ своей лѣвой рукѣ. Впрочемъ, это былъ не сакъ, а какая-то коробочка, или, вѣрнѣе, какой-то портфельчикъ, или, еще лучше, ридикюльчикъ, въ родѣ старинныхъ дамскихъ ридикюлей, впрочемъ, не знаю, что это было, но знаю только, что я, кажется, бросился его поднимать.

Я совершенно убѣжденъ, что я его не поднялъ, но первое движеніе, сдѣланное мною, было неоспоримо: скрыть его я уже не могъ и покраснѣлъ какъ дуракъ. Хитрецъ тотчасъ же извлекъ изъ обстоятельства все, что ему можно было извлечь.

— Не беспокойтесь, я самъ, очаровательно проговорилъ онъ, то-есть, когда уже вполне замѣтилъ, что я не подниму ему ридикюль, поднялъ его, какъ будто предупреждая меня, кивнулъ еще разъ головой и отправился своею дорогой, оставивъ меня въ дуракахъ. Было все равно, какъ бы я самъ поднялъ. Минуть съ пять я считалъ себя вполне и навѣки опозореннымъ; но подойдя къ дому Степана Трофимовича, я вдругъ расхохотался. Встрѣча показалась мнѣ такъ забавною, что я немедленно рѣшилъ потѣшить рассказомъ Степана Трофимовича и изобразить ему всю сцену даже въ лицахъ.

III.

Но на этотъ разъ, къ удивленію моему, я засталъ его въ чрезвычайной перемѣнѣ. Онъ, правда, съ какой-то жадностью набросился на меня только что я вошелъ и сталъ меня слушать, но съ такимъ растеряннымъ видомъ, что сначала видимо не понималъ моихъ словъ. Но только что я произнесъ имя Кармазинова, онъ совершенно вдругъ вышелъ изъ себя.

— Не говорите мнѣ, не произносите! воскликнулъ онъ чуть не въ бѣшенствѣ. — Вотъ, вотъ, смотрите, читайте! Читайте!

Онъ выдвинулъ ящикъ и выбросилъ на столъ три небольшіе клочка бумаги, писанные наскоро карандашомъ, всѣ отъ Варвары Петровны. Первая записка была отъ третьяго дня, вторая отъ вчерашняго, а послѣдняя пришла сегодня, всего часъ назадъ; содержанія самаго пустого, всѣ о Кармазиновѣ и обличали суетное и честолюбивое волненіе Варвары Петровны отъ страха, что Кармазиновъ забудетъ ей сдѣлать визитъ. Вотъ первая, отъ третьяго дня (вѣроятно, была и отъ четвертаго дня, а можетъ-быть, и отъ пятаго).

„Если онъ, наконецъ, удостоитъ васъ сегодня, то обо мнѣ прошу ни слова. Ни малѣйшаго намека. Не заговаривайте и не напоминайте.

„В. С.“

Вчерашняя:

„Если онъ рѣшится, наконецъ, сегодня утромъ вамъ сдѣлать визитъ, всего благороднѣе, я думаю, совсѣмъ не принять его. Такъ по-моему, не знаю, какъ по-вашему.

„В. С.“

Сегодняшняя, послѣдняя:

„Я убѣждена, что у васъ сору цѣлый возъ и дымъ столбомъ отъ табаку. Я вамъ пришлю Марью и Омушку; они въ полчаса приберутъ. А вы не мѣшайте и посидите въ кухнѣ, пока прибираютъ. Посылаю бухарскій коверъ и двѣ китайскія вазы, давно собиралась вамъ подарить, и сверхъ того моего Теньера (на время). Вазы можно поставить на окошко, а Теньера повѣсьте справа, подъ портретомъ Гѣте, тамъ виднѣе и по утрамъ всегда свѣтъ. Если онъ, наконецъ, появится, примите утонченно-вѣжливо, но постарайтесь говорить о пустякахъ, о чемъ-нибудь ученомъ, и съ такимъ видомъ, какъ будто вы вчера только разстались. Обо мнѣ ни слова. Можетъ-быть, найду взглянуть у васъ вечеромъ“.

„В. С.“

„P. S. Если и сегодня не приѣдетъ, то совсѣмъ не приѣдетъ“.

Я прочелъ и удивился, что онъ въ такомъ волненіи отъ такихъ пустяковъ. Взглянувъ на него вопросительно, я вдругъ замѣтилъ, что онъ, пока я читалъ, успѣлъ перемѣнить свой всегдашній бѣлый галстукъ на красный. Шляпа и палка его лежали на столѣ. Самъ же былъ блѣденъ и даже руки его дрожали.

— Я знать не хочу ея волненій! изступленно закричалъ онъ, отвѣчая на мой вопросительный взглядъ. — Je m'en fiche! Она имѣетъ духъ волноваться о Кармазиновѣ, а мнѣ на мои письма не отвѣчаетъ! Вотъ, вотъ нераспечатанное письмо мое, которое она вчера воротила мнѣ, вотъ тутъ на столѣ, подъ книгой, подъ *L'Homme qui rit*. Какое мнѣ дѣло, что она убивается о Николенькѣ! Je m'en fiche et je proclame ma liberté. Au diable le Karma-zinoff! Au diable la Lembke! Я вазы спряталъ въ переднюю, а Теньера въ комодъ, а отъ нея потребовалъ, чтобъ она сейчасъ же приняла меня. Слышите: потребовалъ! Я послалъ ей такой же клочокъ бумаги, карандашомъ, незапечатанный, съ Настасьей, и жду. Я хочу, чтобы Дарья Павловна сама объявила мнѣ изъ своихъ устъ и передъ лицомъ неба, или, по крайней мѣрѣ, предъ вами. Vous me seconderez, n'est-ce pas, comme ami et témoin. Я не хочу краснѣть, я не хочу лгать, я не хочу тайнъ, я не допущу тайнъ въ этомъ дѣлѣ! Пусть мнѣ во всемъ признаются, откровенно, простодушно, благородно, и тогда... тогда я, можетъ-быть, удивлю все поколѣніе великоду-

шіемъ!.. Подлецъ я или нѣтъ, милостивый государь? заключилъ онъ вдругъ, грозно смотря на меня, какъ будто я-то и считалъ его подлецомъ.

Я попросилъ его выпить воды; я еще не видалъ его въ такомъ видѣ. Все время, пока говорилъ, онъ бѣгалъ изъ угла въ уголъ по комнатѣ, но вдругъ остановился предо мной въ какой-то необычайной позѣ.

— Неужели вы думаете, началъ онъ опять съ болѣзненнымъ высокомѣріемъ, оглядывая меня съ ногъ до головы, — неужели вы можете предположить, что я, Степанъ Верховенскій, не найду въ себѣ столько нравственной силы, чтобы, взявъ мою коробку, — нищенскую коробку мою! — и, взваливъ ее на слабыя плечи, выйти за ворота и исчезнуть отсюда навѣки, когда того потребуетъ честь и великій принципъ независимости? Степану Верховенскому не въ первый разъ отражать деспотизмъ великодушіемъ, хотя бы и деспотизмъ сумасшедшей женщины, то-есть самый обидный и жестокій деспотизмъ, какой только можетъ осуществиться на свѣтѣ, несмотря на то, что вы сейчасъ, кажется, позволили себѣ усмѣхнуться словамъ моимъ, милостивый государь мой! О, вы не вѣрите, что я смогу найти въ себѣ столько великодушія, чтобы сумѣть кончить жизнь у кушца гувернеромъ или умереть съ голоду подъ заборомъ! Отвѣчайте, отвѣчайте немедленно: вѣрите вы или не вѣрите?

Но я смолчалъ нарочно. Я даже сдѣлалъ видъ, что не рѣшаюсь обидѣть его отвѣтомъ отрицательнымъ, но не могу отвѣчать утвердительно. Во всемъ этомъ раздраженіи было нѣчто такое, что рѣшительно обижало меня, и не лично, о, нѣтъ! Но... я потомъ объяснюсь.

Онъ даже поблѣднѣлъ.

— Можетъ-быть, вамъ скучно со мной, Г—въ (это моя фамилія) и вы бы желали... не приходитъ ко мнѣ вовсе? проговорилъ онъ тѣмъ тономъ блѣднаго спокойствія, который обыкновенно предшествуетъ какому-нибудь необычайному взрыву.

Я вскочилъ въ испугъ; въ то же мгновеніе вошла Настасья и молча протянула Степану Трофимовичу бумажку, на которой написано было что-то карандашомъ. Онъ взглянулъ и перебросилъ мнѣ. На бумажкѣ, рукой Варвары Петровны, написаны были всего только два слова: „сидите дома“.

Степанъ Трофимовичъ молча схватилъ шляпу и палку

и быстро пошелъ изъ комнаты; я машинально за нимъ. Вдругъ голоса и шумъ чьихъ-то скорыхъ шаговъ послышались въ коридорѣ. Онъ остановился, какъ пораженный громомъ.

— Это Липутинъ, и я пропалъ! прошепталъ онъ, схвативъ меня за руку.

Въ ту же минуту въ комнату вошелъ Лицутинъ.

IV.

Почему бы онъ пропалъ отъ Липутина, я не зналъ, да и цѣны не придавалъ слову; я все приписывалъ первамъ. Но, все-таки, испугъ его былъ необычайный, и я рѣшился пристально наблюдать.

Ужъ одинъ видъ входившаго Липутина заявлялъ, что на этотъ разъ онъ имѣетъ особенное право войти, несмотря на всѣ запрещенія. Онъ велъ за собою одного неизвѣстнаго господина, должно-быть, прїѣзжаго. Въ отвѣтъ на бессмысленный взглядъ остолбенѣвшаго Степана Трофимовича, онъ тотчасъ же и громко воскликнулъ:

— Гостя веду, и особеннаго! Осмѣливаюсь нарушить уединеніе. Господинъ Кирилловъ, замѣчательнѣйшій инженеръ-строитель. А, главное, сына вашего знаютъ, многоуважаемаго Петра Степановича; очень коротко-съ; и порученіе отъ нихъ имѣютъ. Вотъ только что пожаловали.

— О порученіи вы прибавили, рѣзко замѣтилъ гость,— порученія совсѣмъ не бывало, а Верховенскаго я, вправдѣ, знаю. Оставилъ въ X—ской губерніи, десять дней передъ нами.

Степанъ Трофимовичъ машинально подаль руку и указалъ садиться; посмотрѣлъ на меня, посмотрѣлъ на Липутина, и вдругъ, какъ бы опомнившись, поскорѣе сѣлъ самъ, но все еще держа въ рукѣ шляпу и палку и не замѣчая того.

— Ба, да вы сами на выходѣ! А мнѣ-то вѣдь сказали, что вы совсѣмъ прихворнули отъ занятій.

— Да, я боленъ, и вотъ теперь хотѣлъ гулять, я...

Степанъ Трофимовичъ остановился, быстро откинулъ на диванъ шляпу и палку, и—покраснѣлъ.

Я между тѣмъ наскоро разсматривалъ гостя. Это былъ еще молодой человѣкъ, лѣтъ около двадцати семи, прилично одѣтый, стройный и сухощавый брюнетъ, съ блѣдыми, нѣсколько грязноватаго оттѣнка лицомъ и съ чер-

ными глазами безъ блеску. Онъ казался нѣсколько задумчивымъ и разсѣяннымъ, говорилъ отрывисто и какъ-то не грамматически, какъ-то странно переставлялъ слова и путался, если приходилось составить фразу подлиннѣе. Липутинъ совершенно замѣтилъ чрезвычайный испугъ Степана Трофимовича и, видимо, былъ доволенъ. Онъ усѣлся на плетеномъ стулѣ, который вытащилъ чуть не на середину комнаты, чтобы находиться въ одинаковомъ разстояніи между хозяиномъ и гостемъ, размѣстившимися одинъ противъ другого на двухъ противоположныхъ диванахъ. Вострые глаза его съ любопытствомъ шныряли по всѣмъ угламъ.

— Я... давно уже не видалъ Петрушу... Вы за границей встрѣтились? пробормоталъ кое-какъ Степанъ Трофимовичъ гостю.

— И здѣсь, и за границей.

— Алексѣй Нилычъ сами только что изъ-за границы, послѣ четырехлѣтняго отсутствія, подхватилъ Липутинъ, — ѣздили для усовершенствованія себя въ своей специальности, и къ намъ прибыли, имѣя основаніе надѣяться получить мѣсто при постройкѣ нашего желѣзнодорожнаго моста, и теперь отвѣта ожидаютъ. Они съ господами Дроздовыми, съ Лизаветой Николаевной, знакомы чрезъ Петра Степановича.

Инженеръ сидѣлъ какъ будто нахохлившись и прислушивался съ неловкимъ нетерпѣніемъ. Мнѣ показалось, что онъ былъ на что-то сердитъ.

— Они и съ Николаемъ Всеволодовичемъ знакомы-съ.

— Знаете и Николая Всеволодовича? освѣдомился Степанъ Трофимовичъ.

— Знаю и этого.

— Я... я чрезвычайно давно уже не видалъ Петрушу и... такъ мало нахожу себя въ правѣ называться отцомъ... *c'est le mot*; я... какъ же вы его оставили?

— Да такъ и оставилъ... Онъ самъ пріѣдетъ, опять поспѣшилъ отдѣлаться господинъ Кирилловъ.

Рѣшительно онъ сердился.

— Пріѣдетъ! Наконецъ-то я... Видите-ли, я слишкомъ давно уже не видалъ Петрушу! завязъ на этой фразѣ Степанъ Трофимовичъ.— Жду теперь моего бѣднаго мальчика, предъ которымъ... о, предъ которымъ я такъ виновать! То-есть, я собственно хочу сказать, что, оставляя его тогда въ Петербургѣ, я... однимъ словомъ, я считалъ

его за ничто, quelque chose dans ce genre. Мальчикъ, знаете, нервный, очень чувствительный и.. боязливый. Ложась спать, клалъ земные поклоны и крестилъ подушку, чтобы ночью не умереть... je m'en souviens. Enfin, чувства изящнаго никакого, то-есть чего-нибудь высшаго, основнаго, какого-нибудь зародыша будущей идеи... c'était comme un petit idiot. Впрочемъ, я самъ, кажется, спутался, извините, я.. вы меня застали...

— Вы серьезно, что онъ подушку крестилъ? съ какимъ-то особеннымъ любопытствомъ вдругъ освѣдомился инженеръ.

— Да, крестилъ...

— Нѣтъ, я такъ; продолжайте.

Степанъ Трофимовичъ вопросительно поглядѣлъ на Липутина.

— Я очень вамъ благодаренъ за ваше посѣщеніе, но, признаюсь, я теперь... не въ состояніи... Позвольте, однако, узнать, гдѣ квартируете?

— Въ Богоявленской улицѣ, въ домѣ Филиппова.

— Ахъ, это тамъ же, гдѣ Шатовъ живетъ, замѣтилъ я невольно.

— Именно, въ томъ же самомъ домѣ, воскликнулъ Липутинъ,—только Шатовъ наверху стоитъ, въ мезонинѣ, а они внизу помѣстились, у капитана Лебядкина. Они и Шатова знаютъ, и супругу Шатова знаютъ. Очень близко съ нею за границей встрѣчались.

— Comment! Такъ неужели вы что-нибудь знаете объ этомъ несчастномъ супружествѣ de ce pauvre ami и эту женщину? воскликнулъ Степанъ Трофимовичъ, вдругъ увлекшись чувствомъ.—Васъ перваго человѣка встрѣчаю, лично знающаго; и если только...

— Какой вздоръ! отрѣзалъ инженеръ, весь вспыхнувъ.— Какъ вы, Липутинъ, прибавляете! Никакъ я не видалъ жену Шатова; разъ только издали, а вовсе не близко... Шатова знаю. Зачѣмъ же вы прибавляете разныя вещи?

Онъ круто повернулся на диванѣ, захватилъ свою шляпу, потомъ опять отложилъ и, снова усѣвшись попрежнему, съ какимъ-то вызовомъ уставился своими черными вспыхнувшими глазами на Степана Трофимовича. Я никакъ не могъ понять такой странной раздражительности.

— Извините меня, внушительно замѣтилъ Степанъ Трофимовичъ,—я понимаю, что это дѣло можетъ быть деликатнѣйшимъ...

— Никакого тутъ деликатнѣйшаго дѣла нѣтъ и даже это стыдно, а я не вамъ кричалъ, что „вздоръ“, а Липутину, зачѣмъ онъ прибавляетъ. Извините меня, если на свое имя приняли. Я Шатова знаю, а жену его совсѣмъ не знаю... совсѣмъ не знаю!

— Я понялъ, понялъ, и если настаивалъ, то потому лишь, что очень люблю нашего бѣднаго друга, *notre irascible ami*, и всегда интересовался... Человѣкъ этотъ слишкомъ круто измѣнилъ, на мой взглядъ, свои прежнія, можетъ-быть, слишкомъ молодыя, но все-таки правильныя мысли. И до того кричитъ теперь объ *notre sainte Russie* разныя вещи, что я давно уже приписываю этотъ переломъ въ его организмъ—иначе назвать не хочу—какому-нибудь сильному семейному потрясенію, и именно неудачной его женитьбѣ. Я, который изучилъ мою бѣдную Россію какъ два мои пальца, а русскому народу отдалъ всю мою жизнь, я могу васъ завѣрить, что онъ русскаго народа не знаетъ, и вдобавокъ...

— Я тоже совсѣмъ не знаю русскаго народа и... вовсе нѣтъ времени изучать! отрѣзалъ опять инженеръ и опять груто повернулся на диванѣ.

Степанъ Трофимовичъ осѣкся на половинѣ рѣчи.

— Они изучаютъ, изучаютъ, подхватилъ Липутинъ, — они уже начали изученіе и составляютъ любопытнѣйшую статью о причинахъ участившихся случаевъ самоубійства въ Россіи и вообще о причинахъ учащающихся или задерживающихся распространеніе самоубійства въ обществѣ. Дошли до удивительныхъ результатовъ.

Инженеръ страшно взволновался.

— Это вы вовсе не имѣете права, гнѣвно забормоталъ онъ,—я вовсе не статью. Я не стану глупостей. Я васъ конфиденціально спросилъ, совсѣмъ нечаянно. Тутъ не статья вовсе; я не публикую, а вы не имѣете права...

Липутинъ видимо наслаждался.

— Виновать-съ, можетъ-быть, и ошибся, называя вашъ литературный трудъ статьей. Они только наблюденія собираютъ, а до сущности вопроса или, такъ сказать, до нравственной его стороны совсѣмъ не прикасаются, и даже самую нравственность совсѣмъ отвергаютъ, а держатся новѣйшаго принципа всеобщаго разрушенія для добрыхъ окончательныхъ цѣлей. Они уже больше чѣмъ сто милліоновъ головъ требуютъ для водворенія здраваго разсудка въ Европѣ, гораздо больше, чѣмъ на послѣднемъ

конгрессѣ мира потребовали. Въ этомъ смыслѣ Алексѣй Нилычъ дальше всѣхъ пошли.

Инженеръ слушалъ съ презрительною и блѣдною улыбкой. Съ полминуты всѣ помолчали.

— Все это глупо, Липутинъ, проговорилъ, наконецъ, господинъ Кирилловъ съ нѣкоторымъ достоинствомъ. — Если я нечаянно сказалъ вамъ нѣсколько пунктовъ, а вы подхватили, то какъ хотите. Но вы не имѣете права, потому что я никогда никому не говорю. Я презираю, чтобы говорить... Если есть убѣжденія, то для меня ясно... а это вы глупо сдѣлали. Я не разсуждаю о тѣхъ пунктахъ, гдѣ совсѣмъ кончено. Я терпѣть не могу разсуждать. Я никогда не хочу разсуждать...

— И, можетъ-быть, прекрасно дѣлаете, не утерпѣлъ Степанъ Трофимовичъ.

— Я вамъ извинюсь, но я здѣсь ни на кого не сержусь, продолжалъ гость горячею скороговоркой, — и четыре года видѣлъ мало людей... Я мало четыре года разговаривалъ и старался не встрѣчать, для моихъ цѣлей, до которыхъ нѣтъ дѣла, четыре года. Липутинъ это нашелъ и смѣется. Я понимаю и не смотрю. Я не обидливъ, а только досадно на его свободу. А если я съ вами не излагаю мыслей, заключилъ онъ неожиданно и обводя всѣхъ насъ твердымъ взглядомъ, — то вовсе не съ тѣмъ, что боюсь отъ васъ доносить правительству; это нѣтъ; пожалуйста, не подумайте пустяковъ въ этомъ смыслѣ...

На эти слова уже никто ничего не отвѣтилъ, а только переглянулись. Даже самъ Липутинъ позабылъ хихикнуть.

— Господа, мнѣ очень жаль, съ рѣшимостью поднялся съ дивана Степанъ Трофимовичъ, — но я чувствую себя нездоровымъ и разстроеннымъ. Извините.

— Ахъ, это чтобъ уходить, спохватился господинъ Кирилловъ, схватывая картузь. — Это хорошо, что сказали, а то я забывчивъ.

Онъ всталъ и съ простодушнымъ видомъ подошелъ съ протянутою рукой къ Степану Трофимовичу.

— Жаль, что вы нездоровы, а я пришелъ.

— Желаю вамъ всякаго у насъ успѣха, отвѣтилъ Степанъ Трофимовичъ, доброжелательно и неторопливо пожимая его руку. — Понимаю, что если вы, по вашимъ словамъ, такъ долго прожили за границей, чуждаясь для своихъ цѣлей людей и — забыли Россію, то, конечно, вы на насъ, коренныхъ русаковъ, поневолѣ должны смотрѣть

съ удивленіемъ, а мы равномѣрно на васъ. Mais cela passe. Въ одномъ только я затрудняюсь: вы хотите строить нашъ мостъ и въ то же время объявляете, что стоите за принципъ всеобщаго разрушенія! Не дадутъ вамъ строить нашъ мостъ!

— Какъ? Какъ это вы сказали... ахъ, чортъ! воскликнулъ пораженный Кирилловъ и вдругъ разсмѣялся самымъ веселымъ и яснымъ смѣхомъ.

На мгновеніе лицо его приняло самое дѣтское выраженіе и, мнѣ показалось, очень къ нему идущее. Липутинъ потиралъ руки въ восторгѣ отъ удачнаго слова Степана Трофимовича. А я все дивился про себя: чего Степанъ Трофимовичъ такъ испугался Липутина и почему вскричалъ: „я пропалъ“, услыжавъ его.

V.

Мы всѣ стояли на порогѣ въ дверяхъ. Былъ тотъ мигъ, когда хозяева и гости обмѣниваются наскоро послѣдними и самыми любезными словечками, а затѣмъ благополучно расходятся.

— Это все оттого они такъ угрюмы сегодня, вернулъ вдругъ Липутинъ, совсѣмъ уже выходя изъ комнаты и, такъ сказать, на-лету, — оттого, что съ капитаномъ Лебядкинымъ шумъ у нихъ давеча вышелъ изъ-за сестрицы. Капитанъ Лебядкинъ ежедневно свою прекрасную сестрицу, помѣшанную, нагайкой стегаетъ, настоящей казацкой-съ, по утрамъ и по вечерамъ. Такъ Алексѣй Нилычъ въ томъ же домѣ флигель даже заняли, чтобы не участвовать. Ну-съ, до свиданья.

— Сестру? Больную? Нагайкой? такъ и вскрикнулъ Степанъ Трофимовичъ, точно его самого вдругъ охлестнули нагайкой.—Какую сестру? Какой Лебядкинъ?

Давешній испугъ воротился въ одно мгновеніе.

— Лебядкинъ! А это отставной капитанъ; прежде онъ только штабсъ-капитаномъ себя называлъ...

— Э, какое мнѣ дѣло до чина? Какую сестру? Боже мой... вы говорите, Лебядкинъ? Но вѣдь у насъ былъ Лебядкинъ...

— Тотъ самый и есть, *нашъ* Лебядкинъ, вотъ, помните, у Виргинскаго?

— Но вѣдь тотъ съ фальшивыми бумажками попался.

— А вотъ и воротился, ужъ почти три недѣли и при самыхъ особенныхъ обстоятельствахъ.

— Да вѣдь это негодяй!

— Точно у насъ и не можетъ быть негодяя? осклабился вдругъ Липутинъ, какъ бы ощупывая своими вороватенькими глазками Степана Трофимовича.

— Ахъ, Боже мой, я совѣмъ не про то... хотя, впрочемъ, о негодяѣ съ вами совершенно согласенъ, именно съ вами. Но что-жъ дальше, дальше? Что вы хотѣли этимъ сказать? Вѣдь вы непременно что-то хотите этимъ сказать!

— Да все это такіе пустяки-съ... то-есть этотъ капитанъ, по всѣмъ видимостямъ, уѣзжалъ отъ насъ тогда не для фальшивыхъ бумажекъ, а единственно затѣмъ только, чтобъ эту сестрицу свою разыскать, а та будто бы отъ него приталась въ неизвѣстномъ мѣстѣ; ну, а теперь привезъ, вотъ и вся исторія. Чего вы точно испугались, Степанъ Трофимовичъ? Впрочемъ, я все съ его же пьяной болтовни говорю, а трезвый онъ и самъ объ этомъ прималчиваетъ. Человѣкъ раздражительный и, какъ бы, такъ сказать, военно-эстетическій, но дурного только вкуса. А сестрица эта не только сумасшедшая, но даже хромоногая. Была будто бы кѣмъ-то обольщена въ своей чести, и за это вотъ господинъ Лебядкинъ, уже многіе годы, будто бы съ обольстителя ежегодную дань беретъ, въ вознагражденіе благородной обиды, такъ, по крайней мѣрѣ, изъ его болтовни выходитъ — а по-моему, пьяныя только слова-съ. Просто хвастается. Да и дѣлается это гораздо дешевле. А что суммы у него есть, такъ это совершенно ужъ вѣрно; полторы недѣли назадъ на босу ногу ходилъ, а теперь, самъ видѣлъ, сотни въ рукахъ. У сестрицы припадки какіе-то ежедневные, визжитъ она, а онъ-то ее „въ порядокъ приводитъ“ нагайкой. Въ женщину, говоритъ, надо вселять уваженіе. Вотъ не пойму, какъ еще Шатовъ надъ ними уживается. Алексѣй Нилычъ только три денька и простояли съ ними, еще съ Петербурга были знакомы, а теперь флигелекъ отъ безпокойства занимаютъ.

— Это все правда? обратился Степанъ Трофимовичъ къ инженеру.

— Вы очень болтаете, Липутинъ, пробормоталъ тотъ гнѣвно.

— Тайны, секреты! Откуда у насъ вдругъ столько тайнъ и секретовъ явилось! не сдерживая себя, восклицалъ Степанъ Трофимовичъ.

Инженеръ нахмурился, покраснѣлъ, вскинулъ плечами и пошелъ было изъ комнаты.

— Алексѣй Нилычъ даже нагайку вырвали-съ, изломали и въ окошко выбросили и очень поссорились, прибавилъ Липутинъ.

— Зачѣмъ вы болтаете, Липутинъ, это глупо, зачѣмъ? мигомъ повернулся опять Алексѣй Нилычъ.

— Зачѣмъ же скрывать, изъ скромности, благороднѣйшія движенія своей души, то-есть вашей души-съ, я не про свою говорю.

— Какъ это глупо... и совсѣмъ не нужно... Лебядкинъ глупъ и совершенно пустой, и для дѣйствія бесполезный, и... совершенно вредный. Зачѣмъ вы болтаете разныя вещи? Я ухожу.

— Ахъ, какъ жаль, воскликнулъ Липутинъ съ ясною улыбкою, — а то бы я васъ, Степанъ Трофимовичъ, еще однимъ анекдотцемъ насмѣшилъ-съ. Даже и шелъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы сообщить, хотя вы, впрочемъ, навѣрно ужъ и сами слышали. Ну, да ужъ въ другой разъ, Алексѣй Нилычъ такъ торопятся... До свиданья-съ. Съ Варварой Петровной анекдотикъ-то вышелъ, насмѣшила она меня третьяго дня, нарочно за мной посылала, просто умора. До свиданья-съ.

Но ужъ тутъ Степанъ Трофимовичъ такъ и вцѣпился въ него: онъ схватилъ его за плечи, круто повернулъ назадъ въ комнату и посадилъ на стулъ. Липутинъ даже струсиль.

— Да какъ же-съ, началъ онъ самъ, осторожно смотря на Степана Трофимовича со своего стула, — вдругъ призывали меня и спрашиваютъ „конфиденціально“, какъ я думаю въ собственномъ мнѣніи: помѣшанъ-ли Николай Всеволодовичъ или въ своемъ умѣ? Какъ же не удивительно?

— Вы съ ума сошли! пробормоталъ Степанъ Трофимовичъ и вдругъ точно вышелъ изъ себя. — Липутинъ, вы слишкомъ хорошо знаете, что только затѣмъ и пришли, чтобы сообщить какую-нибудь мерзость въ этомъ родѣ и... еще что-нибудь хуже!

Въ одинъ мигъ припомнилась мнѣ его догадка о томъ, что Липутинъ знаетъ въ нашемъ дѣлѣ не только больше нашего, но и еще что-нибудь, чего мы сами никогда не узнаемъ.

— Помилуйте, Степанъ Трофимовичъ! бормоталъ Липутинъ будто бы въ ужасномъ испугѣ. — Помилуйте...

— Молчите и начинайте! Я васъ очень прошу, господинъ Кирилловъ, тоже воротиться и присутствовать, очень прошу! Садитесь. А вы, Липутинъ, начинайте прямо, просто и безъ малѣйшихъ отговорокъ!

— Зналъ бы только, что это васъ такъ фрапируетъ, такъ я бы совѣмъ и не началъ-съ... А и-то вѣдь думалъ, что вамъ уже все извѣстно отъ самой Варвары Петровны!

— Совѣмъ вы этого не думали! Начинайте, начинайте же, говорятъ вамъ!

— Только сдѣлайте одолженіе, присядьте ужъ и сами, а то что же я буду сидѣть, а вы въ такомъ волненіи будете передо мною... бѣгать. Не складно выйдетъ-съ.

Степанъ Трофимовичъ сдержалъ себя и внушительно опустился въ кресло. Инженеръ пасмурно наставился въ землю. Липутинъ съ неистовымъ наслажденіемъ смотрѣлъ на нихъ.

— Да что же начинать... такъ сконфузили...

VI.

— Вдругъ, третьяго дня, присылаютъ ко мнѣ своего человѣка: просятъ, дескать, побывать васъ завтра въ двѣнадцать часовъ. Можете представить? Я дѣло бросилъ, и вчера ровнѣшенько въ полдень звоню. Вводятъ меня прямо въ гостиную; подождалъ съ минутку — вышли; посадили, сами напротивъ сѣли. Сижу и вѣрить отказываюсь; сами знаете, какъ она меня всегда третировала! Начинаютъ прямо безъ изворотовъ, по ихъ всегдашней манерѣ. „Вы помните, говорятъ, что четыре года назадъ Николай Всеволодовичъ, будучи въ болѣзни, сдѣлалъ нѣсколько странныхъ поступковъ, такъ что недоумѣвалъ весь городъ, пока все объяснилось. Одинъ изъ этихъ поступковъ касался васъ лично. Николай Всеволодовичъ тогда къ вамъ заѣзжалъ по выздоровленіи, и по моей просьбѣ. Мнѣ извѣстно тоже, что онъ и прежде нѣсколько разъ съ вами разговаривалъ. Скажите откровенно и прямодушно, какъ вы... (тутъ замаялись немного) — какъ вы находили тогда Николая Всеволодовича... Какъ вы смотрѣли на него вообще... какое мнѣніе о немъ могли составить и... теперь имѣете?“ Тутъ ужъ совершенно замаялись, такъ что даже переждали полную минутку и вдругъ покраснѣли. Я перепугался. Начинаютъ опять не то, чтобы трогательнымъ, къ нимъ это не идетъ, а такимъ внушительнымъ очень тономъ: „Я желаю, говорить, чтобы вы меня хорошо и безошибочно, говорить, поняли. Я

послала теперь за вами, потому что считаю насъ прозорливымъ и остроумнымъ человѣкомъ, способнымъ составить вѣрное наблюденіе (каковы комплименты!). Вы, говорить, поймете, конечно, и то, что съ вами говорить мать... Николай Всеволодовичъ испыталъ въ жизни нѣкоторыя несчастія и многіе перевероты. Все это, говорить, могло повліять на настроеніе ума его. Разумѣется, говорить, я не говорю про помѣшательство, этого никогда быть не можетъ! (твердо и съ гордостію высказано). Но могло быть нѣчто странное, особенное, нѣкоторый оборотъ мыслей, склонность къ нѣкоторому особому воззрѣнію (все это точныя слова ихъ, и я подивился, Степанъ Трофимовичъ, съ какою точностію Варвара Петровна умѣетъ объяснить дѣло. Высокаго ума дама!) По крайней мѣрѣ, говорить, я сама замѣтила въ немъ нѣкоторое постоянное безпокойство и стремленіе къ особеннымъ склонностямъ. Но я мать, а вы человѣкъ посторонній, значить, способны, при вашемъ умѣ, составить болѣе независимое мнѣніе. Умоляю васъ, наконецъ (такъ и было выговорено: умоляю), сказать мнѣ всю правду, безо всякихъ ужимокъ, и если вы при этомъ дадите мнѣ обѣщаніе не забыть потомъ никогда, что я говорила съ вами конфиденціально, то можете ожидать моей совершенной и впредь всегдашней готовности отблагодарить васъ при всякой возможности". Ну-съ, каково-съ!

— Вы... вы такъ фразировали меня... пролепеталъ Степанъ Трофимовичъ, — что я вамъ не вѣрю...

— Нѣтъ, замѣйте, замѣйте, подхватилъ Липутинъ, какъ бы и не слыхавъ Степана Трофимовича, — каково же должно быть волненіе и безпокойство, когда съ такимъ вопросомъ обращаются съ такой высоты къ такому человѣку, какъ я, да еще снисходятъ до того, что сами просятъ секрета. Это что же-съ? Ужъ не получили-ли извѣстій какихъ-нибудь о Николаѣ Всеволодовичѣ неожиданныхъ?

— Я не знаю... извѣстій никакихъ... я нѣсколько дней не видался, но... но замѣчу вамъ... лепеталъ Степанъ Трофимовичъ, видимо едва справляясь со своими мыслями, — но замѣчу вамъ, Липутинъ, что если вамъ передано конфиденціально, а вы теперь при всѣхъ...

— Совершенно конфиденціально! Да разрази меня Богъ, если я... А коли здѣсь... такъ вѣдь что же-съ? Развѣ мы чужіе, взять даже хоть бы и Алексѣя Нилыча?

— Я такого воззрѣнія не раздѣляю; безъ сомнѣнія, мы

здѣсь трое сохранимъ секретъ, но васъ, четвертаго, я боюсь и не вѣрю вамъ ни въ чемъ!

— Да что вы это-сь? Да я пуще всѣхъ заинтересованъ, вѣдь мнѣ вѣчная благодарность обѣщана! А вотъ я именно хотѣлъ, по сему же поводу, на чрезвычайно странный случай одинъ указать, болѣе, такъ сказать, психологическій, чѣмъ просто странный. Вчера вечеромъ, подъ вліяніемъ разговора у Варвары Петровны (сами можете представить, какое впечатлѣніе на меня произвело), обратился я къ Алексѣю Нилычу съ отдаленнымъ вопросомъ: вы, говорю, и за границей, и въ Петербургѣ еще прежде знали Николая Всеволодовича; какъ вы, говорю, его находите относительно ума и способностей? Они и отвѣчаютъ этакъ лаконически, по ихъ манерѣ, что, дескать, тонкаго ума и со здравымъ сужденіемъ, говорятъ, человѣкъ. А не замѣтили-ли вы въ теченіе лѣтъ, говорю, нѣкотораго, говорю, какъ бы уклоненія идей, или особеннаго оборота мыслей, или нѣкотораго, говорю, какъ бы, такъ сказать, помѣшательства? Однимъ словомъ, повторяю вопросъ самой Варвары Петровны. Представьте же себѣ: Алексѣй Нилычъ вдругъ задумались и сморщились вотъ точно такъ, какъ теперь: „Да, говорятъ, мнѣ иногда казалось нѣчто странное“. Замѣтите при этомъ, что если ужъ Алексѣю Нилычу могло показаться нѣчто странное, то что же на самомъ дѣлѣ можетъ оказаться, а?

— Правда это? обратился Степанъ Трофимовичъ къ Алексѣю Нилычу.

— Я желалъ бы не говорить объ этомъ, отвѣчалъ Алексѣй Нилычъ, вдругъ подымая голову и сверкая глазами.— Я хочу оспорить ваше право, Липутинъ. Вы никакого не имѣете права на этотъ случай про меня. Я вовсе не говорилъ моего всего мнѣнія. Я хоть и знакомъ былъ въ Петербургѣ, но это давно, а теперь хоть и встрѣтилъ, но мало очень знаю Николая Ставрогина. Прошу васъ меня устранить и... все это похоже на сплетню.

Липутинъ развелъ руками въ видѣ угнетенной невинности.

— Сплетникъ! Да ужъ не шпионъ-ли? Хорошо вамъ, Алексѣй Нилычъ, критиковать, когда вы во всемъ себя устраняете. А вы вотъ не повѣрите, Степанъ Трофимовичъ, чего ужъ, кажется-сь, капитанъ Лебядкинъ, вѣдь ужъ, кажется, глупъ какъ... то-есть стыдно только сказать какъ глупъ; есть такое одно русское сравненіе, озна-

чающее степень; а вѣдь и онъ себя отъ Николая Всеволодовича обиженнымъ почитаетъ, хотя и преклоняется предъ его остроуміемъ: „Пораженъ, говоритъ, этимъ человекомъ: премудрый змій“ (собственные слова). А я ему (все подъ тѣмъ же вчерашнимъ вліяніемъ и уже послѣ разговора съ Алексѣемъ Нилычемъ): а что, говорю, капитанъ, какъ вы полагаете съ своей стороны: помѣшанъ вашъ премудрый змій или нѣтъ? Такъ, вѣрите-ли, точно я его вдругъ сзади кнутомъ охлеснулъ, безъ его позволенія; просто привскочилъ съ мѣста: „Да, говоритъ... да, говоритъ, только это, говоритъ, не можетъ повліять“... на что повліять,—не досказалъ; да такъ потомъ горестно задумался, такъ задумался, что и хмель соскочилъ. Мы въ Филипповомъ трактирѣ сидѣли-сь. И только черезъ полчаса развѣ ударилъ вдругъ кулакомъ по столу: „да, говоритъ, пожалуй, и помѣшанъ, только это не можетъ повліять“... и опять не досказалъ, на что повліять. Я вамъ, разумеется, только экстрактъ разговора передаю, но вѣдь мысль-то понятна; кого ни спроси, всѣмъ одна мысль приходитъ, хотя бы прежде никому и въ голову не входила: „да, говорятъ, помѣшанъ; очень уменъ, но, можетъ-быть, и помѣшанъ“.

Степанъ Трофимовичъ сидѣлъ въ задумчивости и усиленно соображалъ.

— А почему Лебядкинъ знаетъ?

— А объ этомъ не угодно-ли у Алексѣя Нилыча справиться, который меня сейчасъ здѣсь шпиономъ обозвалъ. Я шпионъ—и не знаю, а Алексѣй Нилычъ знаютъ всю подноготную и молчатъ-сь.

— Я ничего не знаю, или мало, съ тѣмъ же раздраженіемъ отвѣчалъ инженеръ. — Вы Лебядкина пьянымъ поите, чтобъ узнавать. Вы и меня сюда привели, чтобъ узнать и чтобъ я сказалъ. Стало-быть, вы шпионъ!

— И еще его не поилъ-сь, да и денегъ такихъ онъ не стоить, со всѣми его тайнами, вотъ что онъ для меня значать, не знаю какъ для васъ. Напротивъ, это онъ деньгами сыпетъ, тогда какъ двѣнадцать дней назадъ ко мнѣ приходилъ пятнадцать копеекъ выпрашивать, и это онъ меня шампанскимъ поитъ, а не я его. Но вы мнѣ мысль подасте, и коли надо будетъ, то и я его напою, и именно чтобъ разузнать, и, можетъ, и разузнаю-сь... секретниги всѣ ваши-сь, злобно огрызнулся Липутинъ.

Степанъ Трофимовичъ въ недоумѣніи смотрѣлъ на

обоихъ спорщиковъ. Оба сами себя выдавали и, главное, не церемонились. Мнѣ подумалось, что Липутинъ привелъ къ намъ этого Алексѣя Нилыча именно съ цѣлью втянуть его въ нужный разговоръ черезъ третье лицо, — любимый его маневръ.

— Алексѣй Нилычъ слишкомъ хорошо знаютъ Николая Всеволодовича, раздражительно продолжалъ онъ, — но только скрываютъ-сь. А что вы спрашиваете про капитана Лебядкина, то тотъ раньше всѣхъ насъ съ нимъ познакомился въ Петербургѣ, лѣтъ пять или шесть тому, въ ту малоизвѣстную, если можно такъ выразиться, эпоху жизни Николая Всеволодовича, когда еще онъ и не думалъ насъ здѣсь прїѣздомъ своимъ осчастливить. Нашъ принцъ, надо заключить, довольно странный тогда выборъ знакомства въ Петербургѣ около себя завелъ. Тогда вотъ и съ Алексѣемъ Нилычемъ, кажется, познакомились.

— Берегитесь, Липутинъ, предупреждаю васъ, что Николай Всеволодовичъ скоро самъ хотѣлъ быть, а онъ умѣетъ за себя постоять.

— Такъ меня-то за что же-сь? Я первый кричу, что тончайшаго и изящнѣйшаго ума человѣкъ, и Варвару Петровну вчера въ этомъ смыслѣ совсѣмъ успокоилъ. „Вотъ въ характерѣ его, говорю ей, не могу поручиться“. Лебядкинъ тоже въ одно слово вчера: „отъ характера его, говорить, пострадалъ“. Эхъ, Степанъ Трофимовичъ, хорошо вамъ кричать, что сплетни да шпіонство, и замѣтте, когда уже сами отъ меня все выпытали, да еще съ такимъ чрезмѣрнымъ любопытствомъ. А вотъ Варвара Петровна—такъ та прямо вчера въ самую точку: „вы, говорить, лично заинтересованы были въ дѣлѣ, потому къ вамъ и обращаюсь“. Да еще бы нѣтъ-сь! Какія ужъ тутъ цѣли, когда я личную обиду при всемъ обществѣ отъ его превосходительства скушалъ! Кажется, имѣю причины и не для однихъ сплетенъ поинтересоваться. Сегодня жметъ вамъ руку, а завтра, ни съ того, ни съ сего, за хлѣбъ-соль вашу, васъ же бьетъ по щекамъ при всемъ честномъ обществѣ, какъ только ему полюбится. Съ жиру-сь! А, главное, у нихъ женскій полъ; мотыльки и храбрые пѣтушки! Помѣщики съ крылышками, какъ у древнихъ амуровъ, Печорины-сердцеѣды! Вамъ хорошо, Степанъ Трофимовичъ, холостяку завязтому, такъ говорить и за его превосходительство меня сплетникомъ называть. А вотъ женились бы, такъ какъ вы и теперь еще такой молодецъ

изъ себя, на хорошенькой да на молоденькой, такъ, пожалуй, отъ нашего принца двери крючкомъ заложите, да баррикады въ своемъ же домѣ выстроите! Да чего ужъ тутъ: вотъ только будь эта м-ле Лебядкина, которую съкутъ внутьями, не сумасшедшая и не кривоногая, такъ ей-Богу подумалъ бы, что она-то и есть жертва страстей нашего генерала, и что отъ этого самаго и пострадалъ капитанъ Лебядкинъ „въ своемъ фамильномъ достоинствѣ“, какъ онъ самъ выражается. Только развѣ вкусу ихъ изящному противорѣчить, да для нихъ и то не бѣда. Всякая ягодка въ ходъ идетъ, только чтобы попалась подъ извѣстное ихъ настроеніе. Вы вотъ про сплетни, а развѣ я это кричу, когда ужъ весь городъ стучитъ, а я только слушаю да поддакиваю: поддакивать-то не запрещено-сь.

— Городъ кричить? О чемъ же кричить городъ?

— То-есть это капитанъ Лебядкинъ кричитъ въ пьяномъ видѣ на весь городъ, ну, а вѣдь это не все-ли равно, что вся площадь кричитъ? Чѣмъ же я виноватъ? Я интересуюсь только между друзей-сь, потому что я все-таки здѣсь считаю себя между друзей-сь, съ невиннымъ видомъ обвелъ онъ насъ глазами.—Тутъ случай вышелъ-сь, сообразите-ка: выходитъ, что его превосходительство будто бы выслали еще изъ Швейцаріи съ одною наиблагороднѣйшею дѣвицей, и, такъ сказать, скромною сиротой, которую я имѣю честь знать, триста рублей для передачи капитану Лебядкину. А Лебядкинъ, немного спустя, получилъ точнѣйшее извѣстіе, отъ кого не скажу, но тоже отъ наиблагороднѣйшаго лица, а, стало-быть, достовѣрнѣйшаго, что не триста рублей, а тысяча была выслана!.. Стало-быть, кричитъ Лебядкинъ, дѣвица семьсотъ рублей у меня утащила, и вытребовать хочеть чуть не полицейскимъ порядкомъ, по крайней мѣрѣ, угрожаетъ и на весь городъ стучитъ...

— Это подло, подло отъ васъ! вскочилъ вдругъ инженеръ со стула.

— Да вѣдь вы сами же и есть это наиблагороднѣйшее лицо, которое подтвердило Лебядкину отъ имени Николая Всеволодовича, что не триста, а тысяча рублей были высланы. Вѣдь мнѣ самъ капитанъ сообщилъ въ пьяномъ видѣ.

— Это... это несчастное недоумѣніе. Кто-нибудь ошибся и вышло... Это вздоръ, а вы подло!..

— Да и я хочу вѣрить, что вздоръ, и съ прискорбіемъ

слушаю, потому что, какъ хотите, наиблагороднѣйшая дѣвушка замѣшана, во-первыхъ, въ семистахъ рубляхъ, а во-вторыхъ, въ очевидныхъ интимностяхъ съ Николаемъ Всеволодовичемъ. Да вѣдь его превосходительству что стоитъ дѣвушку благороднѣйшую осрамить или чужую жену обезславить, подобно тому, какъ тогда со мной казусъ вышелъ-съ? Подвернется имъ полный великодушiя человекъ, они и заставятъ его прикрыть своимъ честнымъ именемъ чужiе грѣхи. Такъ точно и я вѣдь вынесъ-съ; я про себя говорю-съ...

— Берегитесь, Липутинъ! привсталъ съ кресель Степанъ Трофимовичъ и поблѣднѣлъ.

— Не вѣрьте, не вѣрьте! Кто-нибудь ошибся, а Лебядкинъ пьянъ... восклицалъ инженеръ въ невыразимомъ волненiи.—Все объяснится, а я больше не могу... и считаю низостью... и довольно, довольно!

Онъ выбѣжалъ изъ комнаты.

— Такъ что же вы? Да вѣдь и я съ вами! всполохнулся Липутинъ, вскочилъ и побѣжалъ вслѣдъ за Алексѣемъ Нилычемъ.

VII.

Степанъ Трофимовичъ постоялъ съ минуту въ раздумьи, какъ-то не глядя посмотрѣлъ на меня, взялъ свою шляпу, палку и тихо пошелъ изъ комнаты. Я опять за нимъ, какъ и давеча. Выходя изъ воротъ, онъ, замѣтивъ, что я провожаю его, сказалъ:

— Ахъ, да, вы можете служить свидѣтелемъ... de l'accident. Vous m'accompagnez n'est-ce pas?

— Степанъ Трофимовичъ, неужели вы опять туда? Подумайте, что можетъ выйти?

Съ жалкою и потерянною улыбкой, — улыбкой стыда и совершеннаго отчаянiя, и въ то же время какого-то страннаго восторга, прошепталъ онъ мнѣ, на мигъ приостанавливаясь:

— Не могу же я жениться на „чужихъ грѣхахъ“!

Я только и ждалъ этого слова. Наконецъ-то это завѣтное, скрываемое отъ меня слово, было произнесено послѣ дѣлой недѣли вилянiй и ужимокъ. Я рѣшительно вышелъ изъ себя.

— И такая грязная, такая... низкая мысль могла появиться у васъ, у Степана Верховенскаго, въ вашемъ свѣтломъ умѣ, въ вашемъ добромъ сердцѣ и... еще до Липутина!

Онъ посмотрѣлъ на меня, не отвѣтилъ и пошелъ тою же дорогой. Я не хотѣлъ отставать. Я хотѣлъ свидѣтельствовать передъ Варварой Петровной. Я бы простилъ ему, если бъ онъ повѣрилъ только Липутину, по бабьему малодушію своему, но теперь уже ясно было, что онъ самъ все выдумалъ еще гораздо прежде Липутина, а Липутинъ только теперь подтвердилъ его подозрѣнія и подлилъ масла въ огонь. Онъ не задумался заподозрить дѣвушку съ самаго перваго дня, еще не имѣя никакихъ основаній, даже Липутинскихъ. Деспотическія дѣйствія Варвары Петровны онъ объяснилъ себѣ только отчаяннымъ желаніемъ ея поскорѣе замазать свадьбой съ почтеннымъ челоуѣкомъ дворянскіе грѣшки ея безцѣннаго Nicolas! Мнѣ непремѣнно хотѣлось, чтобъ онъ былъ наказанъ за это.

— O! Dieu, qui est si grand et si bon! O, кто меня успокоить! воскликнулъ онъ, пройдя еще шаговъ сотню и вдругъ остановившись.

— Пойдемте сейчасъ домой, и я вамъ все объясню! вскричалъ я, силой поворачивая его къ дому.

— Это онъ! Степанъ Трофимовичъ, это вы? Вы? раздался свѣжій, рѣзвый, юный голосъ, какъ кака-то музыка подлѣ насъ.

Мы ничего не видали, а подлѣ насъ вдругъ появилась наѣздница, Лизавета Николаевна, со своимъ всегдашнимъ провозатымъ. Она остановила коня.

— Идите, идите же скорѣе! звала она громко и весело.—Я двѣнадцать лѣтъ не видала его и узнала, а онъ... Неужто не узнаете меня?

Степанъ Трофимовичъ схватилъ ея руку, протянутую къ нему, и благоговѣнно поцѣловалъ ее. Онъ глядѣлъ на нее какъ бы съ молитвой и не могъ выговорить слова.

— Узналъ и радъ! Маврикій Николаевичъ, онъ въ восторгѣ, что видитъ меня! Что же вы не шли всѣ двѣ недѣли? Тетя убѣждала, что вы больны и что васъ нельзя потревожить; но вѣдь я знаю, тетя лжетъ. Я все топала ногами и васъ бранила, но я непремѣнно, непремѣнно хотѣла, чтобы вы сами первый пришли, потому и не посылала. Воже, да онъ нисколько не перемѣнился! разсматривала она его, наклоняясь съ сѣдла. — Онъ до смѣшнаго не перемѣнился! Ахъ, нѣтъ, есть морщинки, много морщинокъ у глазъ и на щекахъ, и сѣдые волосы есть, но глаза тѣ же! А я перемѣнилась? Перемѣнилась? Но что же вы все молчите?

Мнѣ вспомнился въ это мгновеніе рассказъ о томъ, что она была чуть не больна, когда ее увезли одиннадцати лѣтъ въ Петербургъ; въ болѣзни будто бы плакала и спрашивала Степана Трофимовича.

— Вы... я... лепеталъ онъ теперь обрывавшимся отъ радости голосомъ.—Я сейчасъ вскричалъ: „кто успокоитъ меня!“ и раздался вашъ голосъ... Я считаю это чудомъ *et je commence à croire.*

— *En Dieu? En Dieu, qui est là haut et qui est si grand et si bon?* Видите, я всѣ ваши лекціи наизусть помню. Маврикій Николаевичъ, какую онъ мнѣ тогда вѣру преподавалъ *en Dieu, qui est si grand et si bon!* А помните ваши рассказы о томъ, какъ Колумбъ открывалъ Америку, и какъ всѣ закричали: земля, земля! Няня, Алена Фроловна, говоритъ, что я послѣ того ночью бредила и во снѣ кричала: земля, земля! А помните, какъ вы мнѣ исторію принца Гамлета рассказывали? А помните, какъ вы мнѣ описывали, какъ изъ Европы въ Америку бѣдныхъ эмигрантовъ перевозятъ? И все-то неправда, я потомъ все узнала, какъ перевозятъ, но какъ онъ мнѣ хорошо лгалъ тогда, Маврикій Николаевичъ, почти лучше правды! Чего вы такъ смотрите на Маврикія Николаевича? Это самый лучший и самый вѣрный человѣкъ на всемъ земномъ шарѣ, и вы его непременно должны полюбить какъ меня! *Il fait tout ce que je veux.* Но, голубчикъ, Степанъ Трофимовичъ, стало-быть, вы опять несчастны, коли среди улицы кричите о томъ, кто васъ успокоитъ? Несчастны, вѣдь такъ? Такъ?

— Теперь счастливъ...

— Тети обижаютъ? продолжала она, не слушая.—Все га же злая, несправедливая и вѣчно намъ безцѣнная тетька! А помните, какъ вы бросались ко мнѣ въ объятія въ саду, а я васъ утѣшала и плакала? Да не бойтесь же Маврикія Николаевича, онъ про васъ все, все знаетъ, давно, вы можете плакать на его плечѣ сколько угодно, и онъ сколько угодно будетъ стоять!.. Приподнимите шляпу, снимите совсѣмъ на минутку, протяните голову, станьте на дыпочки, я васъ сейчасъ поцѣлую въ лобъ, какъ въ послѣдній разъ поцѣловала, когда мы прощались. Видите, та барышня изъ окна на насъ любитъ... Ну, ближе, ближе! Боже, какъ онъ посѣдѣлъ!

И она, припагнувшись въ сѣдлѣ, поцѣловала его въ лобъ.

— Ну, теперь къ вамъ домой! Я знаю гдѣ вы живете.

Я сейчас, сию минуту буду у васъ. Я вамъ, упряму, сдѣлаю первый визитъ и потомъ на цѣлый день васъ къ себѣ затащу. Ступайте же, приготовьтесь встрѣчать меня,

И она ускакала со своимъ кавалеромъ. Мы воротились. Степанъ Трофимовичъ сѣлъ на диванъ и заплакалъ.

— Dieu, Dieu! воскликнулъ онъ. — Enfin une minute de bonheur!

Не болѣе какъ черезъ десять минутъ она явилась, по обѣщанію, въ сопровожденіи своего Маврикія Николаевича.

— Vous et le bonheur, vous arrivez en même temps! поднялся онъ ей навстрѣчу.

— Вотъ вамъ букетъ; сейчасъ ѣздила къ m-me Шевалье, у ней всю зиму для именинницъ букеты будутъ. Вотъ вамъ и Маврикій Николаевичъ, прошу познакомиться. Я хотѣла было пирогъ вмѣсто букета, но Маврикій Николаевичъ увѣряетъ, что это не въ русскомъ духѣ.

Этотъ Маврикій Николаевичъ былъ артиллерійскій капитанъ, лѣтъ тридцати трехъ, высокаго роста господинъ, красивой и безукоризненно порядочной наружности, съ внушительною и на первый взглядъ даже строгою фizioноміей, несмотря на его удивительную и деликатнѣйшую доброту, о которой всякій получалъ понятіе чуть не съ первой минуты своего съ нимъ знакомства. Онъ, впрочемъ, былъ молчаливъ, казался очень хладнокровенъ и на дружбу не напрашивался. Говорили потомъ у насъ многіе, что онъ недалекъ: это было не совсѣмъ справедливо.

Я не стану описывать красоту Лизаветы Николаевны. Весь городъ уже кричалъ объ ея красотѣ, хотя нѣкоторыя наши дамы и дѣвицы съ негодованіемъ не соглашались съ кричавшими. Были изъ нихъ и такія, которыя уже возненавидѣли Лизавету Николаевну, и, во-первыхъ, за гордость: Дроздовы почти еще не начинали дѣлать визитовъ, что оскорбляло, хотя виной задержки дѣйствительно было болѣзненное состояніе Прасковьи Ивановны. Во-вторыхъ, ненавидѣли ее за то, что она родственница губернаторши; въ-третьихъ, за то, что она ежедневно прогуливается верхомъ. У насъ до сихъ поръ никогда еще не бывало амазонокъ; естественно, что появленіе Лизаветы Николаевны, прогуливавшейся верхомъ и еще не сдѣлавшей визитовъ, должно было оскорблять общество. Впрочемъ, всѣ уже знали, что она ѣздитъ верхомъ по приказанію докторовъ и при этомъ ѣдко говорили объ

ея болѣзненности. Она дѣйствительно была больна. Что выдавалось въ ней съ перваго взгляда—это ея болѣзненное, нервное, непрерывное безпокойство. Увы! Бѣдняжка очень страдала, и все объяснилось впоследствии. Теперь, вспоминая прошедшее, я уже не скажу, что она была красавица, какою казалась мнѣ тогда. Можетъ-быть, она была даже и совсѣмъ нехороша собой. Высокая, тоненькая, но гибкая и сильная, она даже поражала неправильностью линий своего лица. Глаза ея были поставлены какъ-то по-калмыцки, криво; была блѣдна, скулиста и худа лицомъ; но было же нѣчто въ этомъ лицѣ побѣждающее и привлекающее! Какое-то могущество сказывалось въ горящемъ взглядѣ ея темныхъ глазъ; она являлась „какъ побѣдительница и чтобы побѣдить“. Она казалась гордою, а иногда даже дерзкою; не знаю, удавалось-ли ей быть доброю; но я знаю, что она ужасно хотѣла и мучилась тѣмъ, чтобы заставить себя быть нѣсколько доброю. Въ этой натурѣ, конечно, было много прекрасныхъ стремленій и самыхъ справедливыхъ начинаній; но все въ ней какъ бы вѣчно искало своего уровня и не находило его, все было въ хаосѣ, въ волненіи, въ безпокойствѣ. Можетъ-быть, она уже со слишкомъ строгими требованіями относилась къ себѣ, никогда не находя въ себѣ силы удовлетворить этимъ требованіямъ.

Она сѣла на диванъ и оглядывала комнату.

— Почему мнѣ въ такія минуты всегда становится грустно, разгадайте, ученый человѣкъ? Я всю жизнь думала, что и Богъ знаетъ какъ буду рада, когда васъ увижу и все припомню, и вотъ совсѣмъ какъ будто не рада, несмотря на то, что васъ люблю... Ахъ, Боже, у него виситъ мой портретъ! Дайте сюда, я его помню, помню!

Превосходный миниатюрный портретъ акварелью двѣнадцатилѣтней Лизы былъ высланъ Дроздовыми Степану Трофимовичу изъ Петербурга еще лѣтъ девять назадъ. Съ тѣхъ поръ онъ постоянно висѣлъ у него на стѣнѣ.

— Неужто я была такимъ хорошенькимъ ребенкомъ? Неужто это мое лицо?

Она встала и съ портретомъ въ рукахъ посмотрѣлась въ зеркало.

— Поскорѣй возьмите! воскликнула она, отдавая портретъ.—Не вѣшайте теперь, послѣ, не хочу и смотрѣть на него.—Она сѣла опять на диванъ.—Одна жизнь про-

шла, началась другая, потомъ другая прошла—началась третья, и все безъ конца. Всѣ концы точно какъ ножницами обрѣзываютъ. Видите, какія я старыя вещи рассказываю, а вѣдь сколько правды!

Она усмѣхнувшись посмотрѣла на меня; уже нѣсколько разъ она на меня взглядывала, но Степанъ Трофимовичъ въ своемъ волненіи и забылъ, что обѣщалъ меня представить.

— А зачѣмъ мой портретъ висить у васъ подъ кинжалами? И зачѣмъ у васъ столько кинжаловъ и сабель?

У него, дѣйствительно, висѣли на стѣнѣ, не знаю для чего, два ятагана на-крестъ, а надъ ними настоящая черкесская пашка. Спрашивая, она такъ прямо на меня посмотрѣла, что я хотѣлъ было что-то отвѣтить, но осѣкся. Степанъ Трофимовичъ догадался, наконецъ, и меня представилъ.

— Знаю, знаю, сказала она,—я очень рада. Мама объ васъ тоже много слышала. Познакомьтесь и съ Маврикіемъ Николаевичемъ, это прекрасный человекъ. Я объ васъ уже составила смѣшное понятіе: вѣдь вы конфидентъ Степана Трофимовича?

Я покраснѣлъ.

— Ахъ, простите пожалуйста, я совсѣмъ не то слово сказала, вовсе не смѣшное, а такъ... (Она покраснѣла и сконфузилась). Впрочемъ, чтó же стыдиться того, что вы прекрасный человекъ? Ну, пора намъ, Маврикій Николаевичъ! Степанъ Трофимовичъ, черезъ полчаса чтобы вы у насъ были. Боже, сколько мы будемъ говорить! Теперь ужъ я вашъ конфидентъ, и обо всемъ, обо всемъ, понимаете?

Степанъ Трофимовичъ тотчасъ же испугался.

— О, Маврикій Николаевичъ все знаетъ, его не конфузьтеся!

— Чтó же знаетъ?

— Да чего вы! вскричала она въ изумленіи.—Ба, да вѣдь и правда, что они скрываютъ. Я вѣрить не хотѣла. Дашу тоже скрываютъ. Тетя давеча меня не пустила къ Дашѣ, говорить, что у ней голова болить.

— Но... но какъ вы узнали?

— Ахъ, Боже, такъ же, какъ и всѣ. Эка мудрость!

— Да развѣ всѣ?..

— Ну, да какъ же? Мамаша, правда, сначала узнала черезъ Алену Фроловну, мою няню; ей ваша Настасья

прибѣжала сказать. Вѣдь вы говорили же Настасьѣ? Она говоритъ, что вы ей сами говорили.

— Я.. я говорилъ однажды.. пролепеталъ Степанъ Трофимовичъ, весь покраснѣвъ,—но.. я лишь намекнулъ...
j'étais si nerveux et malade et puis..

Она захохотала.

— А конфидента подъ рукой не случилось, а Настасьѣ подвернулась,—ну, и довольно! А у той цѣлый городъ кумушекъ! Ну, да полноте, вѣдь это все равно; ну, пусть знаютъ, даже лучше. Скорѣе же приходите, мы обѣдаемъ рано... Да, забыла, усѣлась она опять, — слушайте, что такое Шатовъ?

— Шатовъ? Это братъ Дарьи Павловны..

— Знаю, что братъ, какой вы, право, перебила она въ нетерпѣніи. — Я хочу знать, что онъ такое, какой человѣкъ?

— *C'est une pense-creux d'ici. C'est le meilleur et le plus irascible homme du monde.*

— Я сама слышала, что онъ какой-то странный. Впрочемъ, не о томъ. Я слышала, что онъ знаетъ три языка, и англійскій, и можетъ литературною работою заниматься. Въ такомъ случаѣ, у меня для него много работы; мнѣ нуженъ помощникъ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Возьметъ онъ работу или нѣтъ? Мнѣ его рекомендовали.

— О, непременно, *et vous ferez un bienfait..*

— Я вовсе не для *bienfait*, мнѣ самой нуженъ помощникъ.

— Я довольно хорошо знаю Шатова, сказалъ я, — и если вы мнѣ поручите передать ему, то сію минуту схожу.

— Передайте ему, чтобъ онъ завтра утромъ пришелъ въ двѣнадцать часовъ. Чудесно! Благодарю васъ. Маврикій Николаевичъ, готовы?

Они уѣхали. Я, разумѣется, тотчасъ же побѣжалъ къ Шатову.

— *Mon ami!* догналъ меня на крыльцѣ Степанъ Трофимовичъ, — непременно будьте у меня въ десять или въ одиннадцать часовъ, когда я вернусь. О, я слишкомъ, слишкомъ виноватъ предъ вами и... предъ всѣми, предъ всѣми.

VIII.

Шатова я не засталъ дома; забѣжалъ черезъ два часа—опять нѣтъ. Наконецъ, уже въ восьмомъ часу, я направился къ нему, чтобъ или застать его, или оставить за-

писку; опять не засталъ. Квартира его была заперта, а онъ жилъ одинъ, безо всякой прислуги. Мнѣ было подумалось, не толкнуться-ли внизъ къ капитану Лебядкину, чтобы спросить о Шатовѣ; но тутъ было тоже заперто, и ни слуху, ни свѣту оттуда, точно пустое мѣсто. Я съ любопытствомъ прошелъ мимо дверей Лебядкина, подъ влияніемъ давешнихъ разказовъ. Въ концѣ концовъ я рѣшилъ зайти завтра пораньше. Да и на записку, правда, я не очень надѣялся.. Шатовъ могъ пренебречь, онъ былъ такой упрямый, застѣнчивый. Проклиная неудачу и уже выходя изъ воротъ, я вдругъ наткнулся на господина Кириллова; онъ входилъ въ домъ и первый узналъ меня. Такъ какъ онъ самъ началъ спрашивать, то я и разсказалъ ему все въ главныхъ чертахъ, и что у меня есть записка.

— Пойдемте, сказалъ онъ,—я все сдѣлаю.

Я вспомнилъ, что онъ, по словамъ Липутина, занялъ съ утра деревянный флигель на дворѣ. Въ этомъ флигелѣ, слишкомъ для него просторномъ, квартировала съ нимъ вмѣстѣ какая-то старая, глухая баба, которая ему и прислуживала. Хозяинъ дома, въ другомъ новомъ домѣ своемъ, и въ другой улицѣ, содержалъ трактиръ, а эта старуха, кажется, родственница его, осталась смотрѣть за всѣмъ старымъ домомъ. Комнаты во флигелѣ были довольно чисты, по обои грязны. Въ той, куда мы вошли, мебель была сборная, разнокалиберная и совершенный бракъ: два ломберныхъ стола, комодъ ольховаго дерева, большой тесовый столъ изъ какой-нибудь избы или кухни, стулья и диванъ съ рѣшетчатыми спинками и съ твердыми кожаными подушками. Въ углу помѣщался старинный образъ, предъ которымъ баба еще до насъ затеплила лампадку, а на стѣнахъ висѣли два большихъ тусклыхъ масляныхъ портрета, одинъ покойнаго императора Николая Павловича, снятый, судя по виду, еще въ двадцатыхъ годахъ столѣтія; другой изображалъ какого-то архіерея.

Господинъ Кирилловъ, войдя, засвѣтилъ свѣчу, и изъ своего чемодана, стоявшаго въ углу и еще не разобраннымъ, досталъ конвертъ, сургучъ и хрустальную печатку.

— Запечатайте вашу записку и надпишите конвертъ.

Я было возразилъ, что не надо, но онъ настоялъ. Написавъ конвертъ, я взялъ фуражку.

— А я думалъ, вы чаю, сказалъ онъ,—я чай купилъ. Хотите?

Я не отказался. Баба скоро внесла чай, то-есть большій чайникъ горячей воды, маленькій чайникъ съ обильно завареннымъ чаемъ, двѣ большія каменные, грубо разрисованныя чашки, калачъ и цѣлую тарелку колотаго сахару.

— Я чай люблю, сказалъ онъ, — ночью; много хожу, и пью; до разсвѣта. За границей чай ночью неудобно.

— Вы ложитесь на разсвѣтѣ?

— Всегда; давно. Я мало ѣмъ; все чай. Липутинъ хитеръ, но нетерпѣливъ.

Меня удивило, что онъ хотѣлъ разговаривать; я рѣшился воспользоваться минутой.

— Давеча вышли непріятныя недоразумѣнія, замѣтилъ я.

Онъ очень нахмурился.

— Это глупость; это большіе пустяки. Тутъ все пустяки, потому что Лебядкинъ пьянъ. Я Липутину не говорилъ, а только объяснилъ пустяки; потому что тотъ перевралъ. У Липутина много фантазіи; вмѣсто пустяковъ, горы выстроилъ. Я вчера Липутину вѣрилъ.

— А сегодня мнѣ? засмѣялся я.

— Да вѣдь вы уже про все знаете давеча. Липутинъ или слабъ, или нетерпѣливъ, или вреденъ, или... заводитъ.

Послѣднее слово меня поразило.

— Впрочемъ, вы столько категорій наставили, не мудро, что подъ какую-нибудь и подойдетъ.

— Или ко всѣмъ вмѣстѣ.

— Да, и это правда. Липутинъ—это хаосъ! Правда, онъ вралъ давеча, что вы хотите какое-то сочиненіе писать?

— Почему же вралъ? нахмурился онъ опять, уставившись въ землю.

Я извинился, и сталъ увѣрять, что не выштываю. Онъ покраснѣлъ.

— Онъ правду говорилъ; я пишу. Только это все равно.

Съ минуту помолчали; онъ вдругъ улыбнулся давешнею дѣтскою улыбкой.

— Онъ это про головы самъ выдумалъ изъ книги, и самъ сначала мнѣ говорилъ, и понимаетъ худо, а я только ищу причины, почему люди не смѣютъ убивать себя; вотъ и все. И это все равно.

— Какъ не смѣютъ? Развѣ мало самоубійствъ?

— Очень мало.

— Неужели вы такъ находите?

Онъ не отвѣтилъ, всталъ и въ задумчивости началъ ходить взадъ и впередъ.

— Что же удерживаетъ людей, по-вашему, отъ самоубійства? спросилъ я.

Онъ разсѣянно посмотрѣлъ, какъ бы припоминая, о чемъ мы говорили.

— Я... я еще мало знаю... два предразсудка удерживаютъ, двѣ вещи; только двѣ; одна очень маленькая, другая очень большая. Но и маленькая тоже очень большая.

— Какая же маленькая-то?

— Боль.

— Боль? Неужто это такъ важно... въ этомъ случаѣ?

— Самое первое. Есть два рода: тѣ, которые убиваютъ себя или съ большой грусти, или со злости, или сумасшедшіе, или тамъ все равно... тѣ вдругъ. Тѣ мало о боли думаютъ, а вдругъ. А которые съ разсудка—тѣ много думаютъ.

— Да развѣ есть такіе, что съ разсудка?

— Очень много. Если бъ предразсудка не было, было бы больше; очень много; всѣ.

— Ну, ужъ и всѣ?

Онъ промолчалъ.

— Да развѣ нѣтъ способовъ умирать безъ боли?

— Представьте, остановился онъ предо мною, — представьте камень такой величины, какъ съ большой домъ; онъ виситъ, а вы подъ нимъ; если онъ упадетъ на васъ, на голову—будетъ вамъ больно?

— Камень съ домъ? Конечно, страшно.

— Я не про страхъ; будетъ больно?

— Камень съ гору, милліонъ пудовъ? Разумѣется, ничего не больно.

— А станьте вправду, и пока виситъ, вы будете очень бояться, что больно. Всякій первый ученый, первый докторъ, всѣ, всѣ будутъ очень бояться. Всякій будетъ знать, что не больно, и всякій будетъ очень бояться, что больно.

— Ну, а вторая причина, большая-то?

— Тотъ свѣтъ.

— То-есть, наказаніе?

— Это все равно. Тотъ свѣтъ; одинъ тотъ свѣтъ.

— Развѣ нѣтъ такихъ атеистовъ, что совсѣмъ не вѣрятъ въ тотъ свѣтъ?

Опять онъ промолчалъ.

— Вы, можетъ-быть, по себѣ судите?

— Всякій не можетъ судить какъ по себѣ, проговорилъ онъ, покраснѣвъ.—Вся свобода будетъ тогда, когда будетъ все равно жить или не жить. Вотъ всему цѣль.

— Цѣль? Да тогда никто, можетъ, и не захочетъ жить?

— Никто, произнесъ онъ рѣшительно.

— Человѣкъ смерти боится, потому что жизнь любить, вотъ какъ я понимаю, замѣтилъ я, — и такъ природа велѣла.

— Это подло и тутъ весь обманъ! глаза его засверкали.—Жизнь есть боль, жизнь есть страхъ, и человѣкъ несчастенъ. Теперь все боль и страхъ. Теперь человѣкъ жизнь любить, потому что боль и страхъ любить. И такъ сдѣлали. Жизнь дается теперь за боль и страхъ, и тутъ весь обманъ. Теперь человѣкъ еще не тотъ человѣкъ. Будетъ новый человѣкъ, счастливый и гордый. Кому будетъ все равно жить или не жить, тотъ будетъ новый человѣкъ. Кто побѣдитъ боль и страхъ, тотъ самъ богъ будетъ. А тотъ Богъ не будетъ.

— Стало-быть, тотъ Богъ есть же, по-вашему?

— Его нѣтъ, но Онъ есть. Въ камнѣ боли нѣтъ, но въ страхѣ отъ камня есть боль. Богъ есть боль страха смерти. Кто побѣдитъ боль и страхъ, тотъ самъ станетъ богъ. Тогда новая жизнь, тогда новый человѣкъ, все новое... Тогда исторію будутъ дѣлить на двѣ части: отъ гориллы до уничтоженія Бога, и отъ уничтоженія Бога до...

— До гориллы?..

— ...до перемѣны земли и человѣка физически. Будетъ богомъ человѣкъ и перемѣнится физически. И міръ перемѣнится, и дѣла перемѣнятся, и мысли, и всѣ чувства. Какъ вы думаете, перемѣнится тогда человѣкъ физически?

— Если будетъ все равно жить или не жить, то всѣ убьютъ себя, и вотъ въ чемъ, можетъ-быть, перемѣна будетъ.

— Это все равно. Обманъ убьютъ. Всякій, кто хочетъ главной свободы, тотъ долженъ смѣть убить себя. Кто смѣетъ убить себя, тотъ тайну обмана узналъ. Дальше нѣтъ свободы; тутъ все, а дальше нѣтъ ничего. Кто смѣетъ убить себя, тотъ богъ. Теперь всякій можетъ сдѣлать, что Бога не будетъ и ничего не будетъ. Но никто еще ни разу не сдѣлалъ.

— Самоубійцъ милліоны были.

— Но все не за тѣмъ, все со страхомъ и не для того.

Не для того, чтобы страхъ убить. Кто убьетъ себя только для того, чтобы страхъ убить, тотъ тотчасъ богъ станетъ.

— Не успѣеть, можетъ-быть, замѣтилъ я.

— Это все равно, отвѣтилъ онъ тихо, съ покойною гордостью, чуть не съ презрѣніемъ. — Мнѣ жаль, что вы какъ будто смѣтаетесь, прибавилъ онъ черезъ полминуты.

— А мнѣ странно, что вы давеча были такъ раздражительны, а теперь такъ спокойно, хотя и горячо говорите.

— Давеча? Давеча было смѣшно, отвѣтилъ онъ съ улыбкой. — Я не люблю бранить и никогда не смѣюсь, прибавилъ онъ грустно.

— Да, не весело вы проводите ваши ночи за чаемъ.

Я всталъ и взялъ фуражку.

— Вы думаете? улыбнулся онъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ. — Почему же? Нѣтъ, я... я не знаю, смѣшался онъ вдругъ, — не знаю какъ у другихъ, и я такъ чувствую, что не могу, какъ всякій. Всякій думаетъ и потомъ сейчасъ о другомъ думаетъ. Я не могу о другомъ, я всю жизнь обо одномъ. Меня Богъ всю жизнь мучилъ, заключилъ онъ вдругъ съ удивительною экспансивностью.

— А скажите, если позволите, почему вы не такъ правильно по-русски говорите? Неужели за границей въ пять лѣтъ разучились?

— Развѣ я неправильно? Не знаю. Нѣтъ, не потому, что за границей. Я такъ всю жизнь говорилъ... мнѣ все равно.

— Еще вопросъ болѣе деликатный: я совершенно вамъ вѣрю, что вы не склонны встрѣчаться съ людьми и мало съ людьми говорите. Почему вы со мной теперь разговаривали?

— Съ вами? Вы давеча хорошо сидѣли и вы... впрочемъ, все равно... вы на моего брата очень похожи, много, чрезвычайно, проговорилъ онъ, покраснѣвъ. — Онъ семь лѣтъ умеръ; старшій; очень, очень много.

— Должно-быть, имѣлъ большое вліяніе на вашъ образъ мыслей.

— Н-нѣтъ, онъ мало говорилъ: онъ ничего не говорилъ. Я вашу записку отдамъ.

Онъ проводилъ меня съ фонаремъ до воротъ, чтобы запереть за мной. „Разумѣется, помѣшанный“, рѣшилъ я про себя. Въ воротахъ произошла новая встрѣча.

IX.

Только что я занесъ ногу за высокій порогъ калитки, вдругъ чья-то сильная рука схватила меня за грудь.

— Кто сей? заревѣлъ чей-то голосъ. — Другъ или недругъ? Кайся!

— Это нашъ, нашъ! завизжалъ подлѣ голосокъ Липутина.—Это господинъ Г—въ, классическаго воспитанія и въ связяхъ съ самымъ высшимъ обществомъ молодой чело-вѣкъ.

— Люблю, коли съ обществомъ, классициес... значить, о-бразо-о-ваннѣйшій... отставной капитанъ Игнатъ Лебядкинъ, къ услугамъ міра и друзей... если вѣрны, если вѣрны, подлецы!

Капитанъ Лебядкинъ, вершковъ десять росту, толстый, мясистый, курчавый, красный и чрезвычайно пьяный, едва стоялъ предо мной и съ трудомъ выговаривалъ слова. Я, впрочемъ, его и прежде видалъ издали.

— А, и этотъ! взревѣлъ онъ опять, замѣтивъ Кириллова, который все еще не уходилъ со своимъ фонаремъ; онъ поднялъ было кулакъ, но тотчасъ опустилъ его.

— Прощаю за ученость! Игнатъ Лебядкинъ—образо-о-ваннѣйшій...

Любви пылающей граната
Лопнула въ груди Игната.
И вновь заплакалъ горькой мукой
По Севастополю безрукій.

— Хоть въ Севастополѣ не былъ и даже не безрукій, но каковы же рѣшмы! лѣзъ онъ ко мнѣ со своей пьяной рожей.

— Имъ некогда, некогда, они домой пойдутъ, уговаривалъ Липутинъ.—Они завтра Лизаветѣ Николаевнѣ перескажутъ.

— Лизаветѣ!... завопилъ онъ опять. — Стой - неиди!.. Варьянтъ:

И порхаетъ звѣзда на конѣ
Въ хороводѣ другихъ амазонокъ;
Улыбается съ лошати мнѣ
Ари-сто-кратическій ребенокъ.

„Звѣздѣ-амазонкѣ“.

— Да, вѣдь, это же гимнъ! Это гимнъ, если ты не осель! Бездѣльники, не понимаютъ! Стой! уцѣпился онъ за мое пальто, хотя я рвался изо всѣхъ силъ въ калитку.— Передай, что я рыцарь чести, а Дашка... Дашку я двумя пальцами... крѣпостная раба и не смѣть...

Тутъ онъ упалъ, потому что я съ силой вырвался у него изъ рукъ и побѣжалъ по улицѣ. Липутинъ увязался за мной.

— Его Алексѣй Нилычъ подымутъ. Знаете-ли, что я сейчасъ отъ него узналъ? болталъ онъ впопыхахъ.— Стишки-то слышали? Ну, вотъ онъ эти самые стихи къ „Звѣздѣ-амазонкѣ“ запечаталъ и завтра посылаетъ къ Лизаветѣ Николаевнѣ за своею полною подписью. Каковъ!

— Бьюсь объ закладъ, что вы сами его подговорили.

— Проиграете! захохоталъ Липутинъ.— Влюбленъ, влюбленъ, какъ кошка, а знаете-ли, что началось, вѣдь, съ ненависти. Онъ до того сперва возненавидѣлъ Лизавету Николаевну за то, что она ѣздитъ верхомъ, что чуть не ругалъ ее вслухъ на улицѣ; да и ругалъ-же! Еще третьяго дня выругалъ, когда она проѣзжала; къ счастью, не разслышала, и вдругъ сегодня стихи! Знаете-ли, что онъ хочетъ рискнуть предложеніе? Серьезно, серьезно!

— Я вамъ удивляюсь. Липутинъ, вездѣ-то вы вотъ, гдѣ только этакая дрянь заведется, вездѣ-то вы тутъ руководите! проговорилъ я въ ярости.

— Однакоже, вы далеко заходите, господинъ Г—въ; не сердчишко-ли у васъ ёкнуло, испугавшись соперника,—а?

— Что-о-о? закричалъ я, останавливаясь.

— А вотъ же вамъ въ наказаніе и ничего не скажу дальше! А вѣдь какъ бы вамъ хотѣлось услышать! Ужъ одно то, что этотъ дуралей теперь не простой капитанъ, а помѣщикъ нашей губерніи, да еще довольно значительный, потому что Николай Всеволодовичъ ему все свое помѣстье, бывшія свои двѣсти душъ па-дняхъ продали, и вотъ же вамъ Богъ—не лгу! Сейчасъ узналъ, но зато изъ наивѣрнѣйшаго источника. Ну, а теперь дощучивайтесь-ка сами; больше ничего не скажу; до свиданья-съ!

Х.

Степанъ Трофимовичъ ждалъ меня въ истерическомъ нетерпѣніи. Уже съ часъ какъ онъ воротился. И засталъ его какъ бы пьянаго; первыя пять минутъ, по крайней мѣрѣ, я думалъ, что онъ пьянъ. Увы, визитъ къ Дроздовымъ сбилъ его съ послѣдняго толку.

— Mon ami, я совсѣмъ потерялъ мою нитку... Lise... я люблю и уважаю этого ангела попрежнему; именно попрежнему; но, мнѣ кажется, онѣ ждали меня обѣ единственно чтобы кое-что вывѣдать, то-есть попросту вытянуть изъ меня, а тамъ и стуай себѣ съ Богомъ... Это такъ.

— Какъ вамъ не стыдно! вскричалъ я, не вытерпѣвъ.

— Другъ мой, я теперь совершенно одинъ. Enfin c'est ridicule. Представьте, что и тамъ все это напицкано тайнами. Такъ на меня и накинудись объ этихъ носахъ и ухахъ и еще о какихъ-то петербургскихъ тайнахъ. Онъ вѣдь объ только здѣсь въ первый разъ провѣдали объ этихъ здѣшнихъ исторiяхъ съ Nicolas четыре года назадъ: „Вы тутъ были, вы видѣли, правда-ли, что онъ сумасшедшій?“ И откуда эта идея вышла, не понимаю. Почему Прасковья непременно такъ хочется, чтобы Nicolas оказался сумасшедшимъ? Хочется этой женщиной, хочется! Се Maurice, или, какъ его, Маврикій Николаевичъ, brave homme tout de même, но неужели въ его пользу, и послѣ того, какъ сама же первая писала изъ Парижа къ cette pauvre amie... Enfin, эта Прасковья, какъ называетъ ее cette chère amie, это типъ, это безсмертной памяти Гоголева Коробочка, но только злая Коробочка, задорная Коробочка и въ безконечно увеличенномъ видѣ.

— Да вѣдь это сундукъ выйдетъ; ужь и въ увеличенномъ?

— Ну, въ уменьшенномъ, все равно, только не перебивайте, потому что у меня все это вертится. Тамъ онъ совсѣмъ расплевались; кромѣ Lise, та все еще: „Тѣтя, тѣтя“, но Lise хитра и, тутъ еще что-то есть. Тайны. Но со старухой рассорились. Cette pauvre тѣтя, правда, всѣхъ деспотируетъ... а тутъ и губернаторша, и непочтительность общества, и „непочтительность“ Кармазинова; а тутъ вдругъ эта мысль о помѣшательствѣ, се Lipoutine, се que je ne comprends pas... и-и, говорятъ, голову укусомъ обмочила, а тутъ и мы съ вами, съ нашими жалобами и съ нашими письмами... О, какъ я мучилъ ее и въ такое время! Je suis un ingrat! Вообразите, возвращаюсь и нахожу отъ нея письмо; читайте, читайте! О, какъ благородно было съ моей стороны.

Онъ подаль мнѣ только что полученное письмо отъ Варвары Петровны. Она, кажется, раскаялась въ утрешнемъ своемъ: „сидите дома“. Письмецо было вѣжливое, но все-таки рѣшительное и немногословное. Послѣзавтра, въ воскресенье, она просила къ себѣ Степана Трофимовича ровно въ двѣнадцать часовъ и совѣтовала привести съ собой кого-нибудь изъ друзей своихъ (въ скобкахъ стояло мое имя). Съ своей стороны, обѣщалась позвать Шатова, какъ брата Дарьи Павловны. „Вы можете получить отъ нея окончательный отвѣтъ: довольно-ли

съ васъ будетъ? Этой-ли формальности вы такъ доби-
вались?"

— Замѣтите эту раздражительную фразу въ концѣ о
формальности. Бѣдная, бѣдная, другъ всей моей жизни!
Признаюсь, это *внззатное* рѣшеніе судьбы меня точно при-
давило... Я, признаюсь, все еще надѣялся, а теперь, *tout*
est dit, я ужъ знаю, что кончено; *c'est terrible*. О, кабы
не было совсѣмъ этого воскресенья, а все по-старому: вы
бы ходили, а я бы тутъ...

— Васъ сбили съ толку всѣ эти давленія Липутинскія
мерзости, сплетни.

— Другъ мой, вы сейчасъ попали въ другое больное
мѣсто, вашимъ дружескимъ пальцемъ. Эти дружескіе
пальцы вообще безжалостны, а иногда безтолковы, *rag-
don*, но, вотъ вѣрите-ли, а я почти забылъ обо всемъ
этомъ, о мерзостяхъ-то, то-есть я вовсе не забылъ, но я,
по глупости моей, все время, пока былъ у *Lise*, старался
быть счастливымъ и увѣрялъ себя, что я счастливъ. Но
теперь... о, теперь я про эту великодушную, гуманную,
терпѣливую къ моимъ подлымъ недостаткамъ женщину,—
то-есть хоть и не совсѣмъ терпѣливую, но вѣдь и самъ-
то я каковъ, съ моимъ пустымъ, сквернымъ характеромъ!
Вѣдь я блажной ребенокъ, со всѣмъ эгоизмомъ ребенка,
но безъ его невинности. Она двадцать лѣтъ ходила за
мною какъ нянька, *cette pauvre tѣta*, какъ граціозно на-
зывается ея *Lise*... И вдругъ, послѣ двадцати лѣтъ, ребе-
нокъ захотѣлъ жениться, жени, да жени, письмо за пись-
момъ, а у ней голова въ уксусѣ и... и, вотъ и достигъ,
въ воскресенье, женатый человѣкъ, шутка сказать... И
чего самъ настаивалъ, ну, зачѣмъ я письма писалъ? Да,
забылъ: *Lise* боготворитъ Дарью Павловну, говоритъ, по
крайней мѣрѣ; говоритъ про нее: „*c'est un ange*, но только
нѣсколько скрытный“. Обѣ совѣтовали, даже Прасковья...
впрочемъ, Прасковья не совѣтовала. О, сколько яду за-
перто въ этой Коробочкѣ! Да и *Lise* собственно не совѣ-
товала: „къ чему вамъ жениться, довольно съ васъ и
ученыхъ наслаждений“. Хохочетъ. Я ей простилъ ея хо-
хоть, потому что у ней у самой скребетъ на сердцѣ. Вамъ,
однако, говорятъ онѣ, безъ женщины невозможно. При-
ближаются ваши немощи, а она васъ укроетъ, или какъ
тамъ... *Ma foi* я и самъ, все это время съ вами сидя, ду-
малъ про себя, что Провидѣніе посылаетъ ея на склонѣ
бурныхъ дней моихъ, и что она меня укроетъ или какъ

тамъ... enfin понадобится въ хозяйствѣ. Вонъ у меня такой соръ, вонъ смотрите, все это валлется, давеча велѣлъ прибрать, и книга на полу. La pauvre amie все сердилась, что у меня соръ... О, теперь ужъ не будетъ раздаваться голосъ ея! Vingt ans! И-и у нихъ, кажется, анонимныя письма, вообразите, Nicolas продалъ, будто бы, Лебядкину имѣніе. C'est un monstre: et enfin кто такой Лебядкинъ? Lise слушаетъ, слушаетъ, ухъ какъ она слушаетъ! Я простилъ ей ея хохоть, я видѣлъ съ какимъ лицомъ она слушала, и се Maurice... я бы не желалъ быть въ его теперешней роли, brave homme tout de même. но нѣсколько застѣнчивъ; впрочемъ, Богъ съ нимъ...

Онъ замолчалъ; онъ усталъ и сбился и сидѣлъ, понуривъ голову, смотря неподвижно въ полъ усталыми глазами. Я воспользовался промежуткомъ и рассказалъ о моемъ посѣщеніи дома Филиппова, при чемъ рѣзко и сухо выразилъ мое мнѣніе, что дѣйствительно сестра Лебядкина (которую я не видалъ) могла быть когда-то какой-нибудь жертвой Nicolas, въ загадочную пору его жизни, какъ выражался Липутинъ, и что очень можетъ быть, что Лебядкинъ почему-нибудь получаетъ съ Nicolas деньги, но вотъ и все. Насчетъ же сплетень о Дарѣ Павловнѣ, то все это вздоръ, все это натяжки мерзавца Липутина, и что такъ, по крайней мѣрѣ, съ жаромъ утверждаетъ Алексѣй Нилычъ, которому нѣтъ основаній не вѣрить. Степанъ Трофимовичъ прослушалъ мои увѣренія съ разсѣяннымъ видомъ, какъ будто до него не касалось. Я, встати, упомянулъ и о разговорѣ моемъ съ Кирилловымъ и прибавилъ, что Кирилловъ, можетъ-быть, сумасшедшій.

— Онъ не сумасшедшій, но это люди съ коротенькими мыслями, вяло и какъ бы нехотя промямлилъ онъ.— Ces gens-là supposent la nature et la société humaine autres que Dieu ne les a faites et qu'elles ne sont réellement. Съ ними заигрываютъ, но, по крайней мѣрѣ, не Степанъ Верховенскій. Я видѣлъ ихъ тогда въ Петербургѣ, avec cette chère amie (о, какъ я тогда оскорблялъ ее!) и не только ихъ ругательствъ,—я даже ихъ похвалъ не испугался. Не испугаюсь и теперь, mais parlons d'autre chose... я, кажется, ужасныхъ вещей надѣлалъ; вообразите, я отослалъ Дарѣ Павловнѣ вчера письмо и... какъ я клянусь себя за это!

— О чемъ же вы писали?

— О, другъ мой, повѣрьте, что все это съ такимъ бла-

городствомъ. Я увѣдомилъ ее, что я написалъ къ Nicolas, еще дней пять назадъ и тоже съ благородствомъ.

— Понимаю теперь! вскричалъ я съ жаромъ.—И какое право имѣли вы ихъ такъ сопоставить?

— Но, mon cher, не давите же меня окончательно, не кричите на меня; я и то весь раздавленъ какъ... какъ тараканъ, и, наконецъ, я думаю, что все это такъ благородно. Предположите, что тамъ что-нибудь дѣйствительно было... en Suisse... или начиналось. Долженъ же я спросить сердца ихъ предварительно, чтобы... enfin, чтобы не помѣшать сердцамъ и не стать столбомъ на ихъ дорогѣ... Я единственно изъ благородства.

— О, Боже, какъ вы глупо сдѣлали! невольно сорвалось у меня.

— Глупо, глупо, подхватили онъ даже съ жадностью.— Никогда ничего не сказали вы умнѣе, c'était bête, mais que faire, tout est dit. Все равно женюсь, хоть и на „чужихъ грѣхахъ“, такъ къ чему же было и писать? Не правда-ли?

— Вы опять за то же!

— О, теперь меня не испугаете вашимъ крикомъ, теперь предъ вами уже не тотъ Степанъ Верховенскій; тотъ похороненъ; enfin tout est dit. Да и чего кричите вы? Единственно потому, что не сами женитесь и не вамъ придется носить извѣстное головное украшеніе. Опять васъ коробить? Вѣднѣй другъ мой, вы не знаете женщину, а я только и дѣлалъ, что изучалъ ее. „Если хочешь побѣдить весь міръ, побѣди себя“, единственно, что удалось хорошо сказать другому такому же, какъ и вы, романтику, Шатову, братцу супруги моей. Охотно у него заимствую его изреченіе. Ну, вотъ и я готовъ побѣдить себя, и женюсь, а между тѣмъ что завуюю, вмѣсто цѣлаго-то міра? О, другъ мой, бракъ — это нравственная смерть всякой гордой души, всякой независимости. Брачная жизнь развратитъ меня, отниметъ энергію, мужество въ служеніи дѣлу, пойдутъ дѣти, еще, пожалуй, не мои, — то-есть, разумѣется, не мои: мудрый не боится заглянуть въ лицо истинѣ... Липутинъ предлагалъ давеча спастись отъ Nicolas баррикадами; онъ глупъ, Липутинъ. Женщина обманетъ само всевидящее око. Le bon Dieu, создавая женщину, ужъ конечно, зналъ чему подвергался, но я увѣренъ, что она сама помѣшала Ему и сама заставила себя создать въ такомъ видѣ и... съ такими атри-

бутами; иначе кто же захотѣлъ бы наживать себѣ такія хлопоты даромъ? Настасья, я знаю, можетъ и разсердится на меня за вольнодумство, но... Enfin tout est dit.

Онъ не былъ бы самъ собою, если бы обошелся безъ дешевенькаго, каламбурнаго вольнодумства, такъ процвѣтавшаго въ его время, по крайней мѣрѣ, теперь утѣшили себя каламбурчикомъ, но не надолго.

— О, почему бы совсѣмъ не быть этому послѣзавтра, этому воскресенью! воскликнулъ онъ вдругъ, но уже въ совершенномъ отчаяніи. — Почему бы не быть хоть одной этой недѣлѣ безъ воскресенья — si le miracle existe? Ну, что бы стоило Провидѣнію вычеркнуть изъ календаря хоть одно воскресенье, ну, хоть для того, чтобы доказать атеисту свое могущество et que tout soit dit! О, какъ я любилъ ее! Двадцать лѣтъ, всѣ двадцать лѣтъ и никогда-то она не понимала меня!

— Но про кого вы говорите? — и я васъ не понимаю! спросилъ я съ удивленіемъ.

— Vingt ans! И ни разу не поняла меня, о, это жестоко! И неужели она думаетъ, что я женюсь изъ страха, изъ нужды? О, позоръ! Тетя, тетя, я для тебя! О, пусть узнаетъ она, эта тетя, что она единственная женщина, которую я обожалъ двадцать лѣтъ! Она должна узнать это, иначе не будетъ, иначе только силой потащатъ меня подъ этотъ се qu'on appelle le въпецъ!

Я въ первый разъ слышалъ это признаніе и такъ энергически высказанное. Не скрою, что мнѣ ужасно хотѣлось засмѣяться. Я былъ не правъ.

— Одианъ, одинъ онъ мнѣ остался теперь, одна надежда моя! всплеснулъ онъ вдругъ руками, какъ бы внезапно пораженный новою мыслию. — Теперь одинъ только онъ, мой бѣдный мальчикъ, спасетъ меня и, — о, что же онъ не ѣдетъ! О, сынъ мой, о, мой Петруша... и хотя я недостойнъ названія отца, а скорѣе тигра, но... laissez moi, mon ami, я немножко полежу, чтобы собраться съ мыслями. Я такъ усталъ, такъ усталъ, да и вамъ, я думаю, пора спать, voyez vous, двѣнадцать часовъ...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Хромоножка.

I.

Шатовъ не заупрямился и, по запискѣ моей, явился въ полдень къ Лизаветѣ Николаевнѣ. Мы вошли почти

вмѣстѣ; я тоже явился сдѣлать мой первый визитъ. Они всѣ, то-есть Лиза, мамѣ и Маврикій Николаевичъ, сидѣли въ большой залѣ и спорили. Мамѣ требовала, чтобы Лиза сыграла ей какой-то вальсъ на фортепіано, и когда та начала требуемый вальсъ, то стала увѣрять, что вальсъ не тотъ. Маврикій Николаевичъ, по простотѣ своей, заступился за Лизу и сталъ увѣрять, что вальсъ тотъ самый; старуха со злости расплакалась. Она была больна и съ трудомъ даже ходила. У ней распухли ноги, и вотъ уже нѣсколько дней только и дѣлала, что капризничала и ко всѣмъ придиралась, несмотря на то, что Лизу всегда побаивалась. Приходу нашему обрадовались. Лиза покраснѣла отъ удовольствія и, проговоривъ мнѣ тегсі, конечно, за Шатова, пошла къ нему, любопытно его разсматривая.

Шатовъ неуклюже остановился въ дверяхъ. Поблагодаривъ его за приходъ, она подвела его къ мамѣ.

— Это господинъ Шатовъ, про котораго я вамъ говорила, а это вотъ господинъ Г—въ, большой другъ мнѣ и Степану Трофимовичу. Маврикій Николаевичъ вчера тоже познакомился.

— А который профессоръ?

— А профессора вовсе и нѣтъ, мамѣ.

— Нѣтъ есть, ты сама говорила, что будетъ профессоръ; вѣрно вотъ тотъ, она брезгливо указала на Шатова.

— Во все никогда я вамъ не говорила, что будетъ профессоръ. Господинъ Г—въ служить, а господинъ Шатовъ—бывшій студентъ.

— Студентъ, профессоръ, все одно изъ университета. Тебѣ только бы спорить. А швейцарскій былъ въ усахъ и съ бородкой.

— Это, мамѣ, сына Степана Трофимовича все профессоромъ называетъ, сказала Лиза и увела Шатова на другой конецъ зала, на диванъ.—Когда у ней ноги распухнутъ, она всегда такая, вы понимаете, больная, шепнула она Шатову, продолжая разсматривать его съ тѣмъ же чрезвычайнымъ любопытствомъ и особенно его вихоръ на головѣ.

— Вы военный? обратилась ко мнѣ старуха, съ которою меня такъ безжалостно бросила Лиза.

— Нѣтъ-съ, я служу...

— Господинъ Г—въ большой другъ Степана Трофимовича, отозвалась тотчасъ же Лиза.

— Служите у Степана Трофимовича? Да вѣдь и онъ профессоръ?

— Ахъ, мамâ, вамъ вѣрно и ночью снятся профессора, съ досадой крикнула Лиза.

— Слишкомъ довольны и на-яву. А ты вѣчно чтобы матери противорѣчить. Вы здѣсь, когда Николай Всеволодовичъ пріѣзжалъ, были четыре года назадъ?

Я отвѣчалъ, что былъ.

— А англичанинъ тутъ былъ какой-нибудь вмѣстѣ съ вами?

— Нѣтъ, не былъ.

Лиза засмѣялась.

— А видишь, что и не было совсѣмъ англичанина, стало-быть, враки. И Варвара Петровна, и Степанъ Трофимовичъ оба врутъ. Да и всѣ врутъ.

— Это тетя и вчера Степанъ Трофимовичъ нашли будто бы сходство у Николая Всеволодовича съ принцемъ Гарри, у Шекспира въ Генрихѣ IV, и мамâ на это говорить, что не было англичанина, объяснила намъ Лиза.

— Коли Гарри не было, такъ и англичанина не было. Одинъ Николай Всеволодовичъ куролесилъ.

— Увѣрю васъ, что это мамâ нарочно, нашла нужнымъ объяснить Шатову Лиза. — Она очень хорошо про Шекспира знаетъ. Я ей сама первый актъ „Отелло“ читала; но она теперь очень страдаетъ. Мамâ, слышите, двѣнадцать часовъ бьетъ, вамъ лѣкарство принимать пора.

— Докторъ пріѣхалъ, появилась въ дверяхъ горничная. Старуха привстала и начала звать собачку:

— Земирка, Земирка, пойдемъ хоть ты со мной.

Скверная, старая, маленькая собачонка Земирка не слушалась и залѣзла подъ диванъ, гдѣ сидѣла Лиза.

— Не хочешь? Такъ и я тебя не хочу. Прощайте, батюшка, не знаю вашего имени-отчества, обратилась она ко мнѣ.

— Антонъ Лаврентьевичъ...

— Ну, все равно, у меня въ одно ухо вошло, въ другое вышло. Не провожайте меня, Маврикій Николаевичъ, я только Земирку звала. Слава Богу, еще и сама хожу, а завтра гулять поѣду.

Она сердито вышла изъ залы.

— Антонъ Лаврентьевичъ, вы тѣмъ временемъ поговорите съ Маврикіемъ Николаевичемъ; увѣрю васъ, что вы оба выиграете, если поближе познакомитесь, сказала Лиза

и дружески усмѣхнулась Маврикію Николаевичу, который такъ весь и просіялъ отъ ея взгляда.

Я, нечего дѣлать, остался говорить съ Маврикіемъ Николаевичемъ.

II.

Дѣло у Лизаветы Николаевны до Шатова, къ удивленію моему, оказалось въ самомъ дѣлѣ только литературнымъ. Не знаю почему, но мнѣ все думалось, что она звала его за чѣмъ-то другимъ. Мы, то-есть я съ Маврикіемъ Николаевичемъ, видя, что отъ насъ не таятся и говорятъ очень громко, стали прислушиваться; потомъ и насъ пригласили въ совѣтъ. Все состояло въ томъ, что Лизавета Николаевна давно уже задумала изданіе одной полезной, по ея мнѣнію, книги, но, по совершенной неопытности, нуждалась въ сотрудникѣ. Серьезность, съ которою она принялась объяснять Шатову свой планъ, даже меня изумила.

„Должно-быть, изъ новыхъ“, подумалъ я,—„не даромъ въ Швейцаріи побывала“.

Шатовъ слушалъ со вниманіемъ, уткнувъ глаза въ землю, и безъ малѣйшаго удивленія тому, что свѣтская, разсѣянная барышня беретъ за такія, казалось бы, не подходящія ей дѣла.

Литературное предпріятіе было такого рода. Издается въ Россіи множество столичныхъ и провинціальныхъ газетъ и другихъ журналовъ, и въ нихъ ежедневно сообщается о множествѣ происшествій. Годъ отходить, газеты повсемѣстно складываются въ шкапы, или соряются, рвутся, идутъ на обертки и колпаки. Многіе опубликованные факты производятъ впечатлѣніе и остаются въ памяти, но потомъ съ годами забываются. Многіе желали бы потомъ справиться, но какой же трудъ разыскивать въ этомъ морѣ листовъ, часто не зная ни дня, ни мѣста, ни даже года случившагося происшествія? А между тѣмъ если бы совокупить всѣ эти факты за цѣлый годъ въ одну книгу, по извѣстному плану и по извѣстной мысли, съ оглавленіями, указаніями, съ разрядомъ по мѣсяцамъ и числамъ, то такая совокупность въ одно цѣлое могла бы обрисовать всю характеристику русской жизни за весь годъ, несмотря даже на то, что фактовъ публикуется чрезвычайно малая доля въ сравненіи со всѣми случившимися.

— Въмѣсто множества листовъ выйдетъ нѣсколько толстыхъ книгъ, вотъ и все, замѣтилъ Шатовъ.

Но Лизавета Николаевна горячо отстаивала свой замысел, несмотря на трудность и неумѣлость высказаться. Книга должна быть одна, даже не очень толстая — увѣряла она. Но, положимъ, хоть и толстая, но ясная, потому что главное въ планѣ и въ характерѣ представленія фактовъ. Конечно, не все собирать и перепечатывать. Указы, дѣйствія правительства, мѣстные распоряженія, законы, все это хоть и слишкомъ важные факты, но въ предполагаемомъ изданіи этого рода факты можно совсѣмъ выпустить. Можно многое выпустить и ограничиться лишь выборомъ происшествій болѣе или менѣе выражающимъ нравственную личную жизнь народа, личность русскаго народа въ данный моментъ. Конечно, все можетъ войти: курьезы, пожары, пожертвованія, всякія добрыя и дурныя дѣла, всякія слова и рѣчи, пожалуй, даже извѣстія о разливахъ рѣкъ, пожалуй, даже и нѣкоторые указы правительства, но изо всего выбирать только то, что рисуетъ эпоху; все войдетъ съ извѣстнымъ взглядомъ, съ указаніемъ, съ намѣреніемъ, съ мыслью, освѣщающею все цѣлое, всю совокупность. И, наконецъ, книга должна быть любопытна даже для легкаго чтенія, не говоря уже о томъ, что необходима для справокъ! Это была бы, такъ сказать, картина духовной, нравственной, внутренней русской жизни за цѣлый годъ. „Нужно, чтобы всѣ покупали, нужно, чтобы книга обратилась въ настольную“, утверждала Лиза.—„Я понимаю, что все дѣло въ планѣ, а потому къ вамъ и обращаюсь“, заключила она. Она очень разгорячилась и, несмотря на то, что объяснялась темно и не полно, Шатовъ сталъ понимать.

— Значить, выйдетъ нѣчто съ направленіемъ, подборъ фактовъ подъ извѣстное направленіе, пробормоталъ онъ, все еще не поднимая головы.

— Отнюдь нѣтъ, не надо подбирать подъ направленіе, и никакого направленія не надо. Одно безпристрастіе, вотъ направленіе.

— Да направленіе и не бѣда, зашевелился Шатовъ,— да и нельзя его избѣжать, чуть лишь обнаружится хоть какой-нибудь подборъ. Въ подборѣ фактовъ и будетъ уважаніе, какъ ихъ понимать. Ваша идея недурна.

— Такъ возможна, стало-быть, такая книга? обрадовалась Лиза.

— Надо посмотрѣть и сообразить. Дѣло это—огромное. Сразу ничего не выдумаешь. Опытъ нуженъ. Да и когда

издадимъ книгу, врядъ-ли еще научимся, какъ ее издавать. Развѣ послѣ многихъ опытовъ; но мысль наклеивается. Мысль полезная.

Онъ поднялъ, наконецъ, глаза, и они даже засіяли отъ удовольствія, такъ онъ былъ заинтересованъ.

— Это вы сами выдумали? ласково и какъ бы стыдливо спросилъ онъ у Лизы.

— Да вѣдь выдумать не бѣда, планъ бѣда, улыбалась Лиза. — Я мало понимаю и не очень умна и преслѣдую только то, чтò мнѣ самой ясно...

— Преслѣдуете?

— Вѣроятно не то слово? быстро освѣдомилась Лиза.

— Можно и это слово; я ничего.

— Мнѣ показалось еще за границей, что можно и мнѣ быть чѣмъ-нибудь полезною. Деньги у меня свои и даромъ лежать, почему же и мнѣ не поработать для общаго дѣла? Къ тому же мысль какъ-то сама собой вдругъ пришла; я нисколько ее не выдумывала и очень ей обрадовалась; но сейчас увидала, что нельзя безъ сотрудника, потому что ничего сама не умѣю. Сотрудникъ, разумѣется, станетъ и соиздателемъ книги. Мы пополамъ: вашъ планъ и работа, моя первоначальная мысль и средства къ изданію. Вѣдь окупится книга!

— Если откапаемъ вѣрный планъ, то книга пойдетъ.

— Предупреждаю васъ, что я не для барышей, но очень желаю расходу книги и буду горда барышами.

— Ну, а я тутъ при чемъ?

— Да вѣдь я же васъ и зову въ сотрудники... пополамъ. Вы планъ выдумаете.

— Почему же вы знаете, что я въ состояніи планъ выдумать?

— Мнѣ о васъ говорили, и здѣсь я слышала... я знаю, что вы очень умны и... занимаетесь дѣломъ и... думаете много; мнѣ о васъ Петръ Степановичъ Верховенскій въ Швейцаріи говорилъ, торопливо прибавила она. — Онъ очень умный человѣкъ, неправда-ли?

Шатовъ мгновеннымъ, едва скользнувшимъ взглядомъ посмотрѣлъ на нее, но тотчасъ же опустилъ глаза.

— Мнѣ и Николай Всеволодовичъ о васъ тоже много говорилъ.

Шатовъ вдругъ покраснѣлъ.

— Впрочемъ, вотъ газеты, торопливо схватила Лиза со стула приготовленную и перевязанную пачку газетъ. — Я

здѣсь попробовала на выборъ отмѣтить факты, подборъ сдѣлать и нумера поставила... вы увидите.

Шатовъ взялъ свертокъ.

— Возьмите домой, посмотрите, вы вѣдь гдѣ живете?

— Въ Богоявленской улицѣ, въ домѣ Филиппова.

— Я знаю. Тамъ тоже, говорятъ, кажется, какой-то капитанъ живетъ подлѣ васъ, господинъ Лебядкинъ? все по-прежнему торопилась Лиза.

Шатовъ съ пачкой въ рукѣ, на отлетѣ, какъ взять, такъ и просидѣлъ цѣлую минуту безъ отвѣта, смотря въ землю.

— На эти дѣла вы бы выбрали другого, а я вамъ все не годенъ буду, проговорилъ онъ, наконецъ, какъ-то ужасно странно понизивъ голосъ, почти шопотомъ.

Лиза вспыхнула.

— Про какія дѣла вы говорите? Маврикій Николаевичъ! крикнула она,—пожалуйте сюда давешнее письмо.

Я тоже за Маврикіемъ Николаевичемъ подошелъ къ столу.

— Посмотрите это, обратилась она вдругъ ко мнѣ, въ большомъ волненіи развертывая письмо. — Видали-ли вы когда что-нибудь похожее? Пожалуйста, прочтите вслухъ; мнѣ надо, чтобъ и господинъ Шатовъ слышалъ.

Съ немалымъ изумленіемъ прочелъ я вслухъ слѣдующее посланіе:

„Совершенству двѣицы Тушиной.

„Милостивая государыня

„Елизавета Николаевна!

„О, какъ мила она,

„Елизавета Тушина,

„Когда съ рождественкомъ на дамскомъ сѣдлѣ летаетъ.

„А локонъ ся съ вѣтрами играетъ,

„Или когда съ матерью въ церкви надаютъ пидъ,

„И зрится румянецъ благоговѣйныхъ лицъ!

„Тогда брачныхъ и законныхъ наслажденій желаю

„И вслѣдъ ей, вмѣстѣ съ матерью, слезу посылаю.

„Составилъ неученый за споромъ.

„Милостивая государыня!

„Всѣхъ болѣе жалѣю себя, что въ Севастополѣ не лишился руки для славы, не бывъ тамъ вовсе, а служилъ всю кампанію по сдачѣ подлаго провіанта, считая низостью. Вы богиня въ древности, а я ничто и догадался о безпредѣльности. Смотрите, какъ на стихи, но не болѣе,

ибо стихи все-таки вздоръ и оправдываютъ то, что въ прозѣ считается дерзостью. Можетъ-ли солнце разсердиться на инфузорию, если та сочинить ему изъ капли воды, гдѣ ихъ множество, если въ микроскопъ? Даже самый клубъ человѣколюбія къ крупнымъ скотамъ въ Петербургѣ при высшемъ обществѣ, сострадая по праву собакамъ и лошади, презираетъ краткую инфузорию, не упоминая о ней вовсе, потому что не доросла. Не доросъ и я. Мысль о бракѣ показалась бы уморительною; но скоро буду имѣть бывшія двѣсти душъ чрезъ человѣконенавистника, котораго презирайте. Могу многое сообщить и выываюсь по документамъ даже въ Сибирь. Не презирайте предложенія. Письмо отъ инфузоріи разумѣть въ стихахъ.

„Капитанъ Лебядкинъ, покорнѣйшій другъ и имѣетъ досугъ“.

— Это писалъ человѣкъ въ пьяномъ видѣ и негодяй! вскричалъ я въ негодованіи.—Я его знаю!

— Это письмо я получила вчера, покраснѣвъ и торопясь стала объяснять намъ Лиза.—Я тотчасъ же и сама поняла, что отъ какого-нибудь глупца, и до сихъ поръ еще не показала шатап, чтобы не разстроить ее еще болѣе. Но если онъ будетъ опять продолжать, то я не знаю, какъ сдѣлать. Маврикій Николаевичъ хочетъ сходить запретить ему. Такъ какъ я на васъ смотрѣла, какъ на сотрудника, обратилась она къ Шатову,—и такъ какъ вы тамъ живете, то я и хотѣла васъ разспросить, чтобы судить, чего еще отъ него ожидать можно.

— Пьяный человѣкъ и негодяй, пробормоталъ какъ бы нехотя Шатовъ.

— Что жъ, онъ все такой глупый?

— И, вѣтъ, онъ не глупый совсѣмъ, когда не пьяный.

— Я зналъ одного генерала, который писалъ точь-въ-точь такіе стихи, замѣтилъ я, смѣясь.

— Даже и по этому письму видно, что себѣ на умѣ, неожиданно ввернулъ молчаливый Маврикій Николаевичъ.

— Онъ, говорятъ, съ какой-то сестрой? спросила Лиза.

— Да, съ сестрой.

— Онъ, говорятъ, ее тиранить, правда это?

Шатовъ опять поглядѣлъ на Лизу, насунился, и проворчавъ: „какое мнѣ дѣло!“ подвинулся къ дверямъ.

— Ахъ, постойте, тревожно вскричала Лиза,—куда же вы? Намъ такъ много еще остается переговорить...

— О чемъ же говорить? Я завтра дамъ знать...

— Да о самомъ главномъ, о типографіи! Повѣрьте же, что я не въ шутку, а серьезно хочу дѣло дѣлать, увѣряла Лиза все въ возрастающей тревогѣ. Если рѣшимъ издавать, то гдѣ же печатать? Вѣдь, это самый важный вопросъ, потому что въ Москву мы для этого не поѣдемъ, а въ здѣшней типографіи невозможно для такого изданія. Я давно рѣшилась завести свою типографію, на ваше хоть имя, и мамѣ, я знаю, позволить, если только на ваше имя...

— Почему же вы знаете, что я могу быть типографщикомъ? угрюмо спросилъ Шатовъ.

— Да мнѣ еще Петръ Степановичъ въ Швейцаріи именно на васъ указалъ, что вы можете вести типографію и знакомы съ дѣломъ. Даже записку хотѣлъ отъ себя къ вамъ дать, да я забыла.

Шатовъ, какъ припоминаю теперь, измѣнился въ лицѣ. Онъ постоялъ еще нѣсколько секундъ и вдругъ вышелъ изъ комнаты.

Лиза разсердилась.

— Онъ всегда такъ выходитъ? повернулась она ко мнѣ.

Я пожалъ было плечами, но Шатовъ вдругъ воротился, прямо подошелъ къ столу и положилъ взятый имъ свертокъ газетъ.

— Я не буду сотрудникомъ, не имѣю времени...

— Почему же, почему же? Вы, кажется, разсердились? огорченнымъ и умоляющимъ голосомъ спрашивала Лиза.

Звукъ ея голоса какъ будто поразилъ его; нѣсколько мгновеній онъ пристально въ нее всматривался, точно желая проникнуть въ самую ея душу.

— Все равно, пробормоталъ онъ тихо,—я не хочу...

И ушелъ совсѣмъ. Лиза была совершенно поражена, даже какъ-то совсѣмъ и не въ мѣру; такъ показалось мнѣ.

— Удивительно странный человекъ! громко замѣтилъ Маврикій Николаевичъ.

III.

Конечно, „странный“, но во всемъ этомъ было чрезвычайно много неяснаго. Тутъ что-то подразумѣвалось. Я рѣшительно не вѣрилъ этому изданію; потомъ это глупое письмо, но въ которомъ слишкомъ ясно предлагался какой-то доносъ „по документамъ“ и о чемъ всѣ они промолчали, а говорили совсѣмъ о другомъ, наконецъ, эта типографія и внезапный уходъ Шатова именно потому, что заговорили о типографіи. Все это навело меня на

мысль, что тутъ еще прежде меня что-то произошло и о чемъ я не знаю; что, стало-быть, я лишній, и что все это не мое дѣло. Да и пора было уходить, довольно было для перваго визита. Я подошелъ откланяться Лизаветѣ Николаевнѣ.

Она, кажется, и забыла, что я въ комнатѣ, и стояла все на томъ же мѣстѣ у стола, очень задумавшись, склонивъ голову и неподвижно смотря въ одну избранную на коврѣ точку.

— Ахъ, и вы, до свиданія, пролепетала она привычно-ласковымъ тономъ.—Передайте мой поклонъ Степану Трофимовичу и уговорите его придти ко мнѣ поскорѣй. Маврикій Николаевичъ, Антонъ Лаврентьевичъ уходятъ. Извините, мама не можетъ выйти съ вами проститься...

Я вышелъ и даже сошелъ уже съ лѣстницы, какъ вдругъ лакей догналъ меня на крыльцѣ.

— Барыня очень просили воротиться...

— Барыня или Лизавета Николаевна?

— Онѣ-съ.

Я нашелъ Лизу уже не въ той большой залѣ, гдѣ мы сидѣли, а въ ближайшей приѣмной комнатѣ. Въ ту залу, въ которой остался теперь Маврикій Николаевичъ одинъ, дверь была притворена на-глухо.

Лиза улыбнулась мнѣ, но была блѣдна. Она стояла посреди комнаты въ видимой нерѣшимости, въ видимой борьбѣ; но вдругъ взяла меня за руку и молча, быстро подвела къ окну.

— Я немедленно хочу *ее* видѣть, прошептала она, устремивъ на меня горячій, сильный, нетерпѣливый взглядъ, недопускающій и тѣни противорѣчія.—Я должна *ее* видѣть собственными глазами и прошу вашей помощи.

Она была въ совершенномъ изступленіи и—въ отчаяніи.

— Кого вы желаете видѣть, Лизавета Николаевна? освѣдомился я въ испугѣ.

— Эту Лебядкину, эту хромую... Правда, что она хромая?

Я былъ пораженъ.

— Я никогда не видалъ ея, но я слышалъ, что она хромая, вчера еще слышалъ, лепеталъ я съ торопливою готовностью и тоже шопотомъ.

— Я должна *ее* видѣть непременно. Могли бы вы это устроить сегодня же?

Мнѣ стало ужасно *ее* жалко.

— Это невозможно, и къ тому же я совершенно не по-

нималъ бы, какъ это сдѣлать, началъ было я уговаривать,—пойду къ Шатову...

— Если вы не устроите къ завтраму, то я сама къ ней пойду, одна, потому что Маврикій Николаевичъ отказался. Я надѣюсь только на васъ и больше у меня нѣтъ никого; я глупо говорила съ Шатовымъ... Я увѣрена, что вы совершенно честный и, можетъ-быть, преданный мнѣ человекъ, только устроите.

У меня явилось страстное желаніе помочь ей во всемъ.

— Вотъ, что я сдѣлаю, подумалъ я капельку,—я пойду самъ и сегодня, навѣрно, *навѣрно* ее увижу! Я такъ сдѣлаю, что увижу, даю вамъ честное слово; но только позвольте мнѣ ввѣриться Шатову.

— Скажите ему, что у меня такое желаніе и что я больше ждать не могу, но что я его сейчасъ не обманывала. Онъ, можетъ-быть, ушелъ потому, что онъ очень честный и ему не понравилось, что я какъ будто обманывала. Я не обманывала, я въ самомъ дѣлѣ хочу издавать и основать типографію...

— Онъ честный, честный, подтверждалъ я съ жаромъ.

— Впрочемъ, если къ завтраму не устроится, то я сама пойду, что бы ни вышло и хотя бы всѣ узнали.

— Я раньше, какъ къ тремъ часамъ, не могу у васъ завтра быть, замѣтилъ я нѣсколько опомнившись.

— Стало-быть, въ три часа? Стало-быть, правду я предположила вчера у Степана Трофимовича, что вы—нѣсколько преданный мнѣ человекъ? улыбнулась она, торопливо пожимая мнѣ на прощаньи руку и спѣша къ оставленному Маврикію Николаевичу.

Я вышелъ подавленный моимъ общаніемъ и не понималъ, что такое произошло. Я видѣлъ женщину въ настоящемъ отчаяніи, не побоявшуюся скомпрометировать себя довѣренностью почти къ незнакомому ей человеку. Ея женственная улыбка въ такую трудную для нея минуту и намекъ, что она уже замѣтила вчера мои чувства, точно рѣзнулъ меня по сердцу; но мнѣ было жалко, жалко,—вотъ и все! Секреты ея стали для меня вдругъ чѣмъ-то священнымъ и если бы даже мнѣ стали открывать ихъ теперь, то я бы, кажется, заткнулъ уши и не захотѣлъ слушать ничего дальше. Я только нѣчто предчувствовалъ... И, однакожь, я совершенно не понималъ, какимъ образомъ я что-нибудь тутъ устрою. Мало того, я все-таки и теперь не зналъ, что именно надо устроить: свиданье, но

какое свиданье? Да и какъ ихъ свести? Вся надежда была на Шатова, хотя я и могъ знать заранѣе, что онъ ни въ чемъ не поможетъ. Но я все-таки бросился къ нему.

IV.

Только вечеромъ, уже въ восьмомъ часу, я засталъ его дома. Къ удивленію моему, у него сидѣли гости—Алексѣй Нилычъ и еще одинъ полупознакомый мнѣ господинъ, нѣкто Шигалевъ, родной братъ жены Виргинскаго.

Этотъ Шигалевъ, должно-быть, уже мѣсяца два какъ гостилъ у насъ въ городѣ; не знаю, откуда пріѣхаль; я слышалъ про него только, что онъ печаталъ въ одномъ прогрессивномъ петербургскомъ журналѣ какую-то статью. Виргинскій познакомилъ меня съ нимъ случайно, на улицѣ. Въ жизнь мою не видалъ въ лицѣ человѣка такой мрачности, нахмуренности и пасмурности. Онъ смотрѣлъ такъ, какъ будто ждалъ разрушенія міра и не то, чтобы когда-нибудь, по пророчествамъ, которыя не могли бы и состояться, и совершенно опредѣленно, такъ этакъ послѣзавтра утромъ, ровно въ двадцать пять минутъ одиннадцатаго. Мы, впрочемъ, тогда почти ни слова и не сказали, а только пожали другъ другу руки съ видомъ двухъ заговорщиковъ. Всего болѣе поразили меня его уши неестественной величины, длинныя, широкія и толстыя, какъ-то особенно врозь торчавшія. Движенія его были неуклюжи и медленны. Если Липутинъ и мечталъ когда-нибудь, что фаланстера могла бы осуществиться въ нашей губерніи, то этотъ навѣрное зналъ день и часъ, когда это сбудется. Онъ произвелъ на меня впечатлѣніе зловѣщее; встрѣтивъ же его у Шатова теперь, я подивился, тѣмъ болѣе, что Шатовъ и вообще былъ до гостей не охотникъ.

Еще съ лѣтницы слышно было, что они разговариваютъ очень громко, всѣ трое разомъ, и, кажется, спорятъ; но только что я появился, всѣ замолчали. Ови спорили стоя, а теперь вдругъ всѣ сѣли, такъ что и я долженъ былъ сѣсть. Глупое молчаніе не нарушалось минуты три полныхъ. Шигалевъ хотя и узналъ меня, но сдѣлалъ видъ, что не знаетъ, и навѣрно не по враждѣ, а такъ. Съ Алексѣемъ Нилычемъ мы слегка раскланялись, но молча и почему-то не пожали другъ другу руки. Шигалевъ началъ, наконецъ, смотрѣть на меня строго и нахмуренно, съ самую наивную увѣренность, что я вдругъ встану и уйду. Наконецъ, Шатовъ привсталъ со стула, и всѣ тоже

вдругъ вскочили. Они вышли не прощаясь, только Шигалевъ уже въ дверяхъ сказалъ провожавшему Шатову:

— Помните, что вы обязаны отчетомъ.

— Наплевать на ваши отчеты и никакому чорту я не обязанъ, проводилъ его Шатовъ и заперъ дверь на крюкъ.

— Кулики! сказалъ онъ, поглядѣвъ на меня, и какъ-то криво усмѣхнувшись.

Лицо у него было сердитое, и странно мнѣ было, что онъ самъ заговорилъ. Обыкновенно случалось прежде, всегда, когда я заходилъ къ нему (впрочемъ, очень рѣдко), что онъ нахмуренно садился въ уголь, сердито отвѣчалъ и только послѣ долгаго времени совершенно оживлялся и начиналъ говорить съ удовольствіемъ. Зато, прощаясь, опять, всякій разъ, непременно нахмуривался и выпускалъ васъ, точно выживалъ отъ себя своего личнаго не-пріятеля.

— Я у этого Алексѣя Нилыча вчера чай пилъ, замѣтилъ я.—Онъ, кажется, помѣшанъ на атеизмѣ.

— Русскій атеизмъ никогда дальше каламбура не заходилъ, проворчалъ Шатовъ, вставляя новую свѣчку вмѣсто прежняго огарка.

— Нѣтъ, этотъ, мнѣ показалось, не каламбурщикъ, онъ и просто говорить, кажется, не умѣетъ, не то что каламбурить.

— Люди изъ бумажки; отъ лакейства мысли все это, спокойно замѣтилъ Шатовъ, присѣвъ въ углу на стулѣ и упершись обѣими ладонями въ колѣни.

— Ненависть тоже тутъ есть, произнесъ онъ, помолчавъ съ минуту.—Они первые были бы страшно несчастливы, если бы Россія какъ-нибудь вдругъ перестроилась, хотя бы даже на ихъ ладъ, и какъ-нибудь вдругъ стала безмѣрно богата и счастлива. Некого было бы имъ тогда ненавидѣть, не на кого плевать, не надъ чѣмъ издѣваться! Тутъ одна только животная, безкопечная ненависть къ Россіи, въ организмъ вѣвшааяся... И никакихъ невидимыхъ міру слезъ изъ-подъ видимаго смѣха тутъ нѣту! Никогда не было еще сказано на Руси болѣе фальшиваго слова, какъ про эти незримыя слезы! вскричалъ онъ почти съ яростью.

— Ну, ужъ это вы Богъ знаетъ что! засмѣялся я.

— А вы „умѣренный либераль“, усмѣхнулся и Шатовъ.—Знаете, подхватилъ онъ вдругъ,—я, можетъ, и смо-

розиль про „лакѣйство мысли“; вы вѣрно мнѣ тотчасъ же скажете: „Это ты родился отъ лакея, а я не лакей“.

— Вовсе я не хотѣлъ сказать... что вы!

— Да вы не извиняйтесь, я васъ не боюсь. Тогда я только отъ лакея родился, а теперь и самъ сталъ лакеемъ, такимъ же, какъ и вы. Нашъ русскій либераль прежде всего лакей, и только и смотритъ, какъ бы кому-нибудь сапоги вычистить.

— Какіе сапоги? Что за аллегорія!

— Какая тутъ аллегорія! Вы, я вижу, смѣтаетесь... Степанъ Трофимовичъ правду сказалъ, что я подъ камнемъ лежу, раздавленъ, да не задавленъ, и только корчусь; это онъ хорошо сравнилъ.

— Степанъ Трофимовичъ увѣряетъ, что вы помѣшались на нѣмцахъ, смѣялся я.—Мы съ нѣмцевъ все же что-нибудь да стащили себѣ въ карманъ.

— Двугривенный взяли, а сто рублей своихъ отдали.

Съ минуту мы помолчали.

— А это онъ въ Америкѣ себѣ належалъ.

— Кто? Что належалъ?

— Я про Кирилова. Мы съ нимъ тамъ четыре мѣсяца въ избѣ на полу пролежали.

— Да развѣ вы ѣздили въ Америку? удивился я.—Вы никогда не говорили.

— Чего рассказывать. Третьяго года мы отправились втроемъ на эмигрантскомъ пароходѣ въ Американскіе Штаты на послѣднія деньжишки, „чтобы испробовать на себѣ жизнь американскаго рабочаго и, такимъ образомъ, личнымъ опытомъ провѣрить на себѣ состояніе человѣка въ самомъ тяжеломъ его общественномъ положеніи“. Вотъ съ какою цѣлью мы отправились.

— Господи! засмѣялся я,—да вы бы лучше для этого куда-нибудь въ губернію нашу отправились въ страдную пору, „чтобъ испытать личнымъ опытомъ“, а то понесло въ Америку!

— Мы тамъ нанялись въ работники къ одному эксплуататору; всѣхъ насъ русскихъ собралось у него человѣкъ шесть,—студенты, даже помѣщики изъ своихъ помѣстій, даже офицеры были, и все съ тою же величественною цѣлью. Ну, и работали, мокли, мучились, уставали, наконецъ, я и Кириловъ — ушли, заболѣли, не выдержали. Эксплуаторъ-хозяинъ насъ при расчетѣ обсчиталъ, вмѣсто тридцати долларовъ по условію заплатилъ мнѣ восемь,

а ему пятнадцать; тоже и бивали насъ тамъ не разъ. Ну, тутъ-то безъ работы мы и пролежали съ Кириловымъ въ городишкѣ на полу четыре мѣсяца рядомъ; онъ объ одномъ думалъ, а я о другомъ.

— Неужто хозяинъ васъ билъ, это въ Америкѣ-то? Ну, какъ, должно-быть, вы ругали его!

— Ничуть. Мы, напротивъ, тотчасъ рѣшили съ Кириловымъ, что „мы, русскіе, передъ американцами маленькіе ребяташки, и нужно родиться въ Америкѣ или, по крайней мѣрѣ, сжитья долгими годами съ американцами, чтобы стать съ ними въ уровень“. Да что: когда съ насъ за копеечную вещь спрашивали по доллару, то мы платили не только съ удовольствіемъ, но даже съ увлеченіемъ. Мы все хвалили: спиритизмъ, законъ Линча, револьверы, бродягъ. Разъ мы ѣдемъ, а человѣкъ полѣзъ въ мой карманъ, вынулъ мою головную щетку и сталъ причесываться; мы только переглянулись съ Кириловымъ и рѣшили, что это хорошо и что это намъ очень нравится...

— Странно, что это у насъ не только заходитъ въ голову, но и исполняется, замѣтилъ я.

— Люди изъ бумажки, повторилъ Шатовъ.

— Но, однакожъ, переплывать океанъ на эмигрантскомъ пароходѣ, въ неизвѣстную землю, хотя бы и съ цѣлью „узнать личнымъ опытомъ“ и т. д.—въ этомъ, ей-Богу, есть какъ будто какая-то великодушная твердость... Да какъ же вы оттуда выбрались?

— Я къ одному человѣку въ Европу написалъ, и онъ мнѣ прислалъ сто рублей.

Шатовъ, разговаривая, все время, по обычаю своему, упорно смотрѣлъ въ землю, даже когда и горячился. Тутъ же вдругъ поднялъ голову:

— А хотите знать имя человѣка?

— Кто же таковъ?

— Николай Ставрогинъ.

Онъ вдругъ всталъ, повернулся къ своему липовому письменному столу и началъ на немъ что-то шарить. У насъ ходилъ неясный, но достовѣрный слухъ, что жена его нѣкоторое время находилась въ связи съ Николаемъ Ставрогинымъ въ Парижѣ, и именно года два тому назадъ, значить, когда Шатовъ былъ въ Америкѣ,—правда, уже давно послѣ того, какъ оставила его въ Женевѣ. „Если

такъ, то зачѣмъ же его дернуло теперь съ именемъ вы-
зваться и размазывать?“ подумалось мнѣ.

— Я еще ему до сихъ поръ не отдалъ, оборотился онъ
ко мнѣ вдругъ опять и, поглядѣвъ на меня пристально,
услѣлся на прежнее мѣсто въ углу и отрывисто спросилъ,
совсѣмъ уже другимъ голосомъ:

— Вы, конечно, зачѣмъ-то пришли; что вамъ надо?

Я тотчасъ же рассказалъ все, въ точномъ историческомъ
порядкѣ, и прибавилъ, что хоть я теперь и успѣлъ оду-
маться послѣ давешней горячки, но еще болѣе спутался:
понялъ, что тутъ что-то очень важное для Лизаветы Ни-
колаевны, крѣпко желалъ бы помочь, но вся бѣда въ
томъ, что не только не знаю, какъ сдержатъ данное ей
обѣщаніе, но даже не понимаю теперь, что именно ей
обѣщаль. Затѣмъ внушительно подтвердилъ ему еще разъ,
что она не хотѣла и не думала его обманывать, что тутъ
вышло какое-то недоразумѣніе и что она очень огорчена
его необыкновеннымъ давешнимъ уходомъ.

Онъ очень внимательно выслушалъ.

— Можетъ-быть, я, по моему обыкновенію, дѣйстви-
тельно давеча глупость сдѣлалъ... Ну, если она сама не
поняла, отчего я такъ ушелъ, такъ... ей же лучше.

Онъ всталъ, подошелъ къ двери, пріотворилъ ее и сталъ
слушать на лѣстницу.

— Вы желаете эту особу сами увидѣть?

— Этого-то и надо, да какъ это сдѣлать? вскочилъ я,
обрадовавшись.

— А просто пойдите, пока одна сидитъ. Онъ придетъ,
такъ избеетъ ее, коли узнаетъ, что мы приходили. Я
часто хожу потихоньку. Я его давеча прибилъ, когда онъ
опять ее бить началъ.

— Что вы это?

— Именно; за волосы отъ нея отволокъ; онъ было хо-
тѣлъ меня за это отколотить, да я испугалъ его, тѣмъ и
кончилось. Боюсь, пьяный воротится, припомнить—крѣпко
ее за то исколотить.

Мы тотчасъ же сошли внизъ.

V.

Дверь къ Лебядкинымъ была только притворена, а не
заперта, и мы вошли свободно. Все помѣщеніе ихъ со-
стояло изъ двухъ гаденькихъ небольшихъ комнатокъ, съ
закоптѣлыми стѣнами, на которыхъ буквально висѣли

ключьями грязные обои. Тутъ когда-то нѣсколько лѣтъ содержалась харчевня, пока хозяинъ Филипповъ не перенесъ ее въ новый домъ. Остальныя, бывшія подъ харчевней комнаты, были теперь заперты, а эти двѣ достались Лебядкину. Мебель состояла изъ простыхъ лавокъ и тесовыхъ столовъ, кромѣ одного лишь стараго кресла безъ ручки. Во второй комнатѣ, въ углу, стояла кровать подъ ситцевымъ одѣяломъ, принадлежавшая м-ле Лебядкиной, самъ же капитанъ, ложась на ночь, валился каждый разъ на полъ, нерѣдко въ чемъ былъ. Вездѣ было накрошено, пасорено, намочено; большая, толстая, вся мокрая тряпка лежала въ первой комнатѣ посреди пола и тутъ же, въ той же лужѣ—старый, истоптанный башмакъ. Видно было, что тутъ никто ничѣмъ не занимается; печи не топятся, кушанье не готовится; самовара даже у нихъ не было, какъ подробнѣе рассказалъ Шатовъ. Капитанъ пріѣхалъ съ сестрой совершенно нищимъ и, какъ говорилъ Липутинъ, дѣйствительно сначала ходилъ по инымъ домамъ побираться; но, получивъ неожиданно деньги, тотчасъ же зашилъ и совсѣмъ ошалѣлъ отъ вина, такъ что ему было уже не до хозяйства.

М-ле Лебядкина, которую я такъ желалъ видѣть, смиренно и неслышно сидѣла во второй комнатѣ, въ углу, за тесовымъ кухоннымъ столомъ, на лавкѣ. Она насъ не окликнула, когда мы отворяли дверь, не двинулась даже съ мѣста. Шатовъ говорилъ, что у нихъ и дверь не запирается, а однажды такъ настезъ въ сѣпи всю ночь и простояла. При свѣтѣ тусклой тоненькой свѣчки въ желѣзномъ подсвѣчникѣ, я разглядѣлъ женщину лѣтъ, можетъ-быть, тридцати, болѣзненно-худощавую, одѣтую въ темное старенькое ситцевое платье, съ пичѣмъ неприкрытою длинною шей и съ жиденькими темными волосами, свернутыми на затылкѣ въ узелокъ, толщиной въ кулачокъ двухлѣтняго ребенка. Она посмотрѣла на насъ довольно весело; кромѣ подсвѣчника, предъ нею на столѣ находилось маленькое деревенское зеркальце, старая колода картъ, истрепанная книжка какого-то пѣсенника и нѣмецкая бѣлая булочка, отъ которой было уже разъ или два откушено. Замѣтно было, что м-ле Лебядкина бѣлится и румянится и губы чѣмъ-то мажетъ. Сурьмить тоже брови, и безъ того длинныя, тонкія и темныя. На узкомъ и высокомъ лбу ея, несмотря на бѣлила, довольно рѣзко обозначались три длинныя морщинки. Я уже зналъ, что

она хромая, но въ этотъ разъ при насъ она не вставала и не ходила. Когда-нибудь, въ первой молодости, это исхудавшее лицо могло быть и не дурнымъ; но тихіе, ласковые, сѣрые глаза ея были и теперь еще замѣчательны; что-то мечтательное и искреннее свѣтилось въ ея тихомъ, почти радостномъ взглядѣ. Эта тихая, спокойная радость, выражавшаяся и въ улыbkѣ ея, удивила меня послѣ всего, что я слышалъ о казацкой нагайкѣ и о всѣхъ безчинствахъ брата. Странно, что вмѣсто тяжелаго и даже боязливаго отвращенія, ощущаемаго обыкновенно въ присутствіи всѣхъ подобныхъ, наказанныхъ Богомъ существъ, — мнѣ стало почти пріятно смотрѣть на нее, съ первой же минуты, и только развѣ жалость, но отнюдь не отвращеніе, овладѣла мною потомъ.

— Вотъ такъ и сидитъ, и буквально по цѣлымъ днямъ одна-одинѣшенька, и не двигается, гадаетъ или въ зеркальце смотрится, указалъ мнѣ на нее съ порога Шатовъ.—Онъ вѣдь ее и не кормитъ. Старуха изъ флигеля принесетъ иной разъ чего-нибудь Христа ради; какъ это со свѣчой ее одну оставляютъ!

Къ удивленію моему, Шатовъ говорилъ громко, точно бы ея и не было въ комнатѣ.

— Здравствуй, Шатушка! привѣтливо проговорила м-ле Лебядкина.

— Я тебѣ, Марья Тимоѣевна, гостя привелъ, сказалъ Шатовъ.

— Ну, гостю честь и будетъ. Не знаю, кого ты привелъ, что-то не помню этакого, поглядѣла она на меня пристально изъ-за свѣчки, и тотчасъ же опять обратилась къ Шатову (а мною уже больше совсѣмъ не занималась во все время разговора, точно бы меня и не было подлѣ нея).

— Соскучилось, что-ли, одному по свѣтелкѣ шагать? засмѣялась она, при чемъ открылись два ряда превосходныхъ зубовъ ея.

— И соскучилось, и тебя навѣстить захотѣлось.

Шатовъ подвинулъ къ столу скамейку, сѣлъ и меня посадилъ съ собой рядомъ.

— Разговору я всегда рада, только, все-таки, смѣшонъ ты мнѣ, Шатушка, точно ты монахъ. Когда ты чесался-то? Дай я тебя еще причешу, вынула она изъ кармана гребешокъ.—Небось съ того раза, какъ я причесала, и не притронулся?

— Да у меня гребенки-то нѣтъ, засмѣялся и Шатовъ.

— Вправду? Такъ я тебѣ свою подарю, не эту, а другую, только напомни.

Съ самымъ серьезнымъ видомъ принялась она его причесывать, провела даже сбоку проборъ, откинулась немножко назадъ, поглядѣла хорошо - ли, и положила гребенку опять въ карманъ.

— Знаешь что, Шатушка, покачала она головой,—человѣкъ ты, пожалуй, и разсудительный, а скучаешь. Странно мнѣ на всѣхъ васъ смотрѣть: не понимаю я, какъ это люди скучаютъ. Тоска не скука. Мнѣ весело.

— И съ братцемъ весело?

— Это ты про Лебядкина? Онъ мой лакей. И совсѣмъ мнѣ все равно, тутъ онъ, или нѣтъ. Я ему крикну: Лебядкинъ, принеси воды, Лебядкинъ, подавай башмаки, онъ и бѣжитъ; иной разъ согрѣшишь, смѣшно на него станеть.

— И это точь-въ-точь такъ, опять громко и безъ церемоніи обратился ко мнѣ Шатовъ.—Она его третируетъ совсѣмъ какъ лакея; самъ я слышалъ, какъ она кричала ему: „Лебядкинъ, подай воды“, и при этомъ хохотала; въ томъ только разница, что онъ не бѣжитъ за водой, а бьетъ ее за это; но она нисколько его не боится. У ней какіе-то припадки нервныя, чуть не ежедневныя, и ей память отбиваютъ, такъ что она послѣ нихъ все забываетъ, что сейчасъ было, и всегда время перепутываетъ. Вы думаете, она помнитъ, какъ мы вошли; можетъ, и помнитъ, но ужъ навѣрно передѣлала все по-своему и насъ принимаетъ теперь за какихъ-нибудь иныхъ, чѣмъ мы есть, хоть и помнитъ, что я Шатушка. Это ничего, что я громко говорю; тѣхъ, которые съ нею говорятъ, она тотчасъ же перестаетъ слушать и тотчасъ же бросается мечтать про себя; именно бросается. Мечтательница чрезвычайная; по восьми часовъ, по цѣлому дню сидитъ на мѣстѣ. Вотъ булка лежитъ, она ее, можетъ, съ утра только разъ закусила, а докончить завтра. Вотъ въ карты теперь гадать начала...

— Гадаю-то я гадаю, Шатушка, да не то какъ-то выходитъ, подхватила вдругъ Марья Тимоѣевна, разслышавъ послѣднее слово, и не глядя протянула лѣвую руку къ булкѣ (тоже, вѣроятно, разслышавъ и про булку).

Булочку она, наконецъ, захватила, но, продержавъ нѣ-

сколько времени въ лѣвой рукѣ и увлекшись возникшимъ вновь разговоромъ, положила, не примѣчая, опять на столъ, не откусивъ ни разу.

— Все одно выходитъ: дорога, злой человѣкъ, чье-то коварство, смертная постеля, откудова-то письмо, печальное извѣстіе — враки все это, я думаю, Шатушка, какъ по-твоему? Коли люди врутъ, почему картамъ не врать? смѣшала она вдругъ карты. — Это самое я матери Прасковѣ разъ говорю, почтенная она женщина, забѣгала ко мнѣ все въ келью въ карты погадать, потихоньку отъ мать-игуменьи. Да и не одна она забѣгала. Ахаютъ онѣ, качаютъ головами, судятъ-рядятъ; а я-то смѣюсь: „ну гдѣ вамъ, говорю, мать Прасковья, письмо получить, коли двѣнадцатъ лѣтъ оно не приходило?“ Дочь у ней куда-то въ Турцію мужъ завезъ, и двѣнадцатъ лѣтъ ни слуху, ни духу. Только сижу я это на завтра вечеромъ за чаемъ у мать-игуменьи (княжескаго рода она у насъ), сидитъ у ней какая-то тоже барыня заѣзжая, большая мечтательница, и сидитъ одинъ захожій монашекъ аѳонскій, довольно смѣшной человѣкъ, по моему мнѣнію. Что-жъ ты думаешь, Шатушка, этотъ самый монашекъ, въ то самое утро, матери Прасковѣ изъ Турціи отъ дочери письмо принесъ, — вотъ тебѣ и валеть бубновый — печальное-то извѣстіе! Пьемъ мы это чай, а монашекъ аѳонскій и говоритъ мать-игуменѣ: „и всего болѣе, благословенная мать-игуменья, благословилъ Господь вашу обитель тѣмъ, что такое драгоцѣнное, говоритъ, сокровище сохраняете въ нѣдрахъ ея“. — „Какое это сокровище?“ спрашиваетъ мать-игуменья. — „А мать Лизавету блаженную“. А Лизавета эта блаженная въ оградѣ у насъ вдѣлана въ стѣну, въ клѣтку въ сажень длины и въ два аршина высоты, и сидитъ она тамъ за желѣзною рѣшеткой семнадцатый годъ, зиму и лѣто въ одной посконной рубахѣ, и все аль соломинкой, али прутикомъ какимъ ни на есть въ рубашку свою, въ холстину тычетъ, и ничего не говоритъ и не чешется и не моется семнадцатъ лѣтъ. Зимой тулупчикъ просунуть ей, да каждый день коробочку хлѣбца и кружку воды. Богомольцы смотрятъ, ахаютъ, въздыхаютъ, деньги кладутъ. „Вотъ нашли сокровище, отвѣчаетъ мать-игуменья (разсердилась; страхъ не любила Лизавету): Лизавета съ одной только злобы сидитъ, изъ одного своего упрямства, и все одно притворство“. Не понравилось мнѣ это; сама я хотѣла тогда затвориться: „А по-моему, го-

ворю, Богъ и природа есть все одно“. Они мнѣ всё въ одинъ голосъ: „вотъ на!“ Игуменья разсмѣялась, зашептала о чемъ-то съ барыней, подозвала меня, приласкала, а барыня мнѣ бантикъ розовый подарила, хочешь, покажу? Ну, а монашекъ сталъ мнѣ тутъ же говорить поученіе, да такъ это ласково и смиренно говорилъ и съ такимъ, надо-быть, умомъ; сижу я и слушаю. „Поняла-ли?“ спрашиваетъ. „Нѣтъ, говорю, ничего я не поняла, и оставьте, говорю, меня въ полномъ покоѣ“. Вотъ съ тѣхъ поръ они меня одну въ полномъ покоѣ оставили, Шатушка. А тѣмъ временемъ и шепни мнѣ, изъ церкви выходя, одна наша старица, на покаяніи у насъ жила за пророчество: „Богородица что есть, какъ мнишь?“—„Великая мать, отвѣчаю, упованіе рода человѣческаго“.—„Такъ, говоритъ, Богородица — великая мать сыра-земля есть, и великая въ томъ для человѣка заключается радость. И всякая тоска земная и всякая слеза земная—радость намъ есть; а какъ напоишь слезами своими подъ собой землю на полъ-аршина въ глубину, то тотчасъ же о всемъ и возрадуешься. И пикакой, никакой, говоритъ, горести твоей больше не будетъ, таково, говоритъ, есть пророчество“. Запало мнѣ тогда это слово. Стала я съ тѣхъ поръ на молитвѣ, творя земной поклонъ, каждый разъ землю цѣловать, сама цѣлую и плачу. И вотъ я тебѣ скажу, Шатушка: ничего-то нѣтъ въ этихъ слезахъ дурного; и хотя бы и горя у тебя никакого не было, все равно слезы твои отъ одной радости побѣгутъ. Сами слезы бѣгутъ, это вѣрно. Уйду я, бывало, на берегъ къ озеру: съ одной стороны нашъ монастырь, а съ другой — наша острая гора, такъ и зовутъ ей горой Острою. Взойду я на эту гору, обращусь я лицомъ къ востоку, припаду къ землѣ, плачу, плачу и не помню сколько времени плачу, и не помню я тогда и не знаю я тогда ничего. Встану потомъ, обращусь назадъ, а солнце заходитъ, да такое большое, да пыльное, да славное,—любишь ты на солнце смотрѣть, Шатушка? Хорошо, да грустно. Повернусь я опять назадъ къ востоку, а тѣнь-то, тѣнь-то отъ нашей горы далеко по озеру какъ стрѣла бѣжитъ, узкая, длинная-длинная и на версту дальше, до самаго на озерѣ острова, и тотъ каменный островъ совсѣмъ какъ есть пополамъ его перерѣжетъ, и какъ перерѣжетъ пополамъ, тутъ и солнце совсѣмъ зайдетъ и все вдругъ погаснетъ. Тутъ и я начну совсѣмъ тосковать, тутъ вдругъ и па-

мать придетъ, боюсь сумраку, Шатушка. И все больше о своемъ ребеночкѣ плачу...

— А развѣ былъ? подтолкнулъ меня локтемъ Шатовъ, все время чрезвычайно прилежно слушавшій.

— А какъ же: маленькій, розовенькій, съ крошечными такими ноготочками, и только вся моя тоска въ томъ, что не помню я, мальчикъ аль дѣвочка. То мальчикъ вспомнится, то дѣвочка. И какъ родила я тогда его, прямо въ батистъ да въ кружево завернула, розовыми его ленточками обвязала, цвѣточками обсыпала, снарядила, молитву надъ нимъ сотворила, некрещенаго понесла, и несущу это я его черезъ лѣсъ, и боюсь я лѣсу, и страшно мнѣ, и всего больше я плачу о томъ, что родила я его, а мужа не знаю.

— А, можетъ, и былъ? осторожно спросилъ Шатовъ.

— Смѣшонъ ты мнѣ, Шатушка, съ своимъ разсужденіемъ. Былъ-то, можетъ, и былъ, да что въ томъ, что былъ, коли его все равно что и не было? Вотъ тебѣ и загадка не трудная, отгадай-ка! усмѣхнулась она.

— Куда же ребенка-то снесла?

— Въ прудъ снесла, вздохнула она.

Шатовъ опять подтолкнулъ меня локтемъ.

— А что, коли и ребенка у тебя совсѣмъ не было, и все это одинъ только бредъ, а?

— Трудный ты вопросъ задаешь мнѣ, Шатушка, раздумчиво и безо всякаго удивленія такому вопросу отвѣчала она.— На этотъ счетъ я тебѣ ничего не скажу, можетъ, и не было; по-моему, одно только твое любопытство; я вѣдь все равно о немъ плакать не перестану, не во снѣ же я видѣла?—И крупныя слезы засвѣтились въ ея глазахъ. — Шатушка, Шатушка, а правда, что жена отъ тебя сбѣжала? положила она ему вдругъ обѣ руки на плечи и жалостливо посмотрѣла на него.— Да ты не сердись, мнѣ вѣдь и самой тошно. Знаешь, Шатушка, я сонъ какой видѣла: приходитъ онъ опять ко мнѣ, манить меня, выкликаетъ: „кошечка, говоритъ, моя кошечка, выйди ко мнѣ!“ Вотъ я „кошечкѣ“-то нуще всего и обрадовалась: любить, думаю.

— Можетъ, и на-яву придетъ, вполголоса пробормоталъ Шатовъ.

— Нѣтъ, Шатушка, это ужъ сонъ... не придти ему на-яву. Знаешь пѣсню:

Мнѣ не падобетъ новъ-высокъ теремъ,

И останусь въ этой келейкѣ,
Ужъ я стану жить-спасатися,
За тебя Богу молитися.

Охъ, Шатушка, Шатушка, дорогой ты мой, что ты никогда меня ни о чемъ не спросишь?

— Да вѣдь не скажешь, оттого и не спрашиваю.

— Не скажу, не скажу, хоть зарѣжь меня, не скажу, быстро подхватила она.—Жги меня, не скажу. И сколько бы я ни терпѣла, ничего не скажу, не узнають люди!

— Ну, вотъ, видишь, всякому, значить, свое, еще тише проговорилъ Шатовъ, все больше и больше наклоняя голову.

— А попросилъ бы, можетъ, и сказала бы; можетъ, и сказала бы! восторженно повторила она.—Почему не попросишь? Попроси, попроси меня хорошенько, Шатушка, можетъ, я и тебѣ скажу; умоли меня, Шатушка, такъ, чтобъ я сама согласилась... Шатушка, Шатушка!

Но Шатушка молчалъ; съ минуту продолжалось общее молчаніе. Слезы тихо текли по ея набѣленнымъ щекамъ; она сидѣла, забывъ свои обѣ руки на плечахъ Шатова, но уже не смотря на него.

— Э, что мнѣ до тебя, да и грѣхъ; поднялся вдругъ со скамьи Шатовъ.—Привстаньте-ка! сердито дернулъ онъ изъ-подъ меня скамью, и, взявъ, поставилъ ее на прежнее мѣсто.

— Придетъ, такъ чтобъ не догадался; а намъ пора.

— Ахъ, ты все про лакея моего! засмѣялась вдругъ Марья Тимоѣевна.—Боишься! Ну, прощайте, добрые гости, а послушай одну минутку, что я скажу. Давеча пришелъ это сюда этотъ Нилычъ съ Филипповымъ, хозяиномъ, рыжая бородаща, а мой-то на ту пору на меня налетѣлъ. Какъ хозяинъ-то схватить его, какъ дернетъ по комнатѣ, а мой-то кричить: „Не виновать, за чужую вину терплю!“ Такъ, вѣришь-ли, всѣ мы, какъ были, такъ и покатались со смѣху...

— Эхъ, Тимоѣевна, да вѣдь это я былъ замѣсто рыжей же бороды, вѣдь это я его давеча за волосы отъ тебя отволокъ; а хозяинъ къ вамъ третьяго дня приходилъ, браниться съ вами, ты и смѣшала.

— Постой, вѣдь и въ самомъ дѣлѣ смѣшала, можетъ, и ты. Ну, чего спорить о пустякахъ: не все-ли ему равно, кто его оттаскаетъ, засмѣялась она.

— Пойдемте, вдругъ дернулъ меня Шатовъ, — ворота заскрипѣли: застанетъ насъ, избеетъ ее.

И не успѣли мы еще вбѣжать на лѣстницу, какъ раздался въ воротахъ пьяный крикъ и посыпались ругательства. Шатовъ, впустивъ меня къ себѣ, заперъ дверь на замокъ.

— Посидѣть вамъ придется съ минутою, если не хотите исторіи. Вишь кричитъ, какъ поросенокъ, должно-быть, опять за порогъ зацѣпился; каждый-то разъ растянется.

Безъ исторіи, однако, не обошлось.

VI.

Шатовъ стоялъ у запертой своей двери и прислушивался на лѣстницу; вдругъ отскочилъ.

— Сюда идетъ, я такъ и зналъ! яростно прошепталь онъ.—Пожалуй, до полночи теперь не отвяжется.

Раздалось нѣсколько сильныхъ ударовъ кулакомъ въ двери.

— Шатовъ, Шатовъ, отопри! завопилъ капитанъ.—Шатовъ, другъ!..

Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ,

Р-рассказать, что солнце встало.

Что оно гор-р-рычимъ свѣтомъ

По... лѣсамъ... затр-р-репетаю.

Рассказать тебѣ, что я проснулся, чортъ тебя дерн.

Весь пр-роснулся подь... вѣтвями...

Точно подь розгами, ха-ха!

Каждая птичка... просить жажды.

Рассказать, что пить я буду,

Пить... не знаю, пить что буду...

Ну, да и чортъ побори съ глупымъ любопытствомъ! Шатовъ, понимаешь-ли ты, какъ хорошо жить на свѣтѣ!

— Не отвѣчайте, шепнулъ мнѣ опять Шатовъ.

— Отвори же. Понимаешь-ли ты, что есть нѣчто высшее, чѣмъ драка... между человѣчествомъ; есть минуты блага-ароднаго лица... Шатовъ, я добръ; я прощу тебя... Шатовъ, къ чорту прокламаціи, а?

Молчаніе.

— Понимаешь-ли ты, осель, что я влюбленъ, я фракъ купилъ; посмотри, фракъ любви, пятнадцать цѣлковыхъ; капитанская любовь требуетъ свѣтскихъ приличій... Отвори! дико заревѣлъ онъ вдругъ и неистово застучалъ опять кулаками.

— Убирайся къ чорту! заревѣлъ вдругъ и Шатовъ.

— Р-р-рабъ! Рабъ крѣпостной, и сестра твоя раба и рабыня... вор-ровка!

— А ты свою сестру продалъ.

— Врешь! Терплю напраслину, когда могу однимъ объясненіемъ... понимаешь-ли, кто она такова?

— Кто? съ любопытствомъ подошелъ вдругъ къ дверямъ Шатовъ.

— Да ты понимаешь-ли?

— Да ужъ пойму, ты скажи, кто?

— Я смѣю сказать! Я всегда все смѣю въ публикѣ сказать!..

— Ну, наврядъ смѣешь, поддразнилъ Шатовъ и кивнулъ мнѣ головой, чтобъ я слушалъ.

— Не смѣю?

— По-моему, не смѣешь.

— Не смѣю?

— Да ты говори, если барскихъ розогъ не боишься... Ты вѣдь трусь, а еще капитанъ!

— Я... я... она... она есть... залепеталъ капитанъ дрожащимъ, взволнованнымъ голосомъ.

— Ну? подставилъ ухо Шатовъ.

Наступило молчаніе, по крайней мѣрѣ, на полминуты.

— Па-а-длецъ! раздалось, наконецъ, за дверью, и капитанъ быстро отретировался внизъ, пыхтя, какъ самоваръ, съ шумомъ оступаясь на каждой ступени.

— Нѣтъ, онъ хитеръ, и пьяный не проговорится, отошелъ отъ двери Шатовъ.

— Что же это такое? спросилъ я.

Шатовъ махнулъ рукой, отперъ дверь и сталъ опять слушать на лѣстницу; долго слушалъ, даже сошелъ внизъ потихоньку нѣсколько ступеней. Наконецъ, воротился.

— Не слышать ничего, не дрался; значить, прямо повалился дрыхнуть. Вамъ пора идти.

— Послушайте, Шатовъ, что же мнѣ теперь заключить изъ всего этого?

— Э, заключайте что хотите! отвѣтилъ онъ усталымъ и брезгливымъ голосомъ, и сѣлъ за свой письменный столъ.

Я ушелъ. Одна невѣроятная мысль все болѣе и болѣе укрѣплялась въ моемъ воображеніи. Съ тоской думалъ я о завтрашнемъ днѣ...

VII.

Этотъ „завтрапній день“, то-есть то самое воскресенье, въ которое должна была уже безвозвратно рѣшиться участь Степана Трофимовича, былъ однимъ изъ знаменательнѣйшихъ дней въ моей хроникѣ. Это былъ день неожиданностей, день развязокъ прежняго и завязокъ новаго, рѣзкихъ разъясненій и еще пушей путаницы. Утромъ, какъ уже извѣстно читателю, я обязанъ былъ сопровождать моего друга къ Варварѣ Петровнѣ, по ея собственному назначенію, а въ три часа пополудни я уже долженъ былъ быть у Лизаветы Николаевны, чтобъ рассказать ей—я самъ не зналъ о чемъ, и способствовать ей—самъ не зналъ въ чемъ. И между тѣмъ все разрѣшилось такъ, какъ никто бы не предположилъ. Однимъ словомъ, это былъ день удивительно сошедшихся случайностей.

Началось съ того, что мы со Степаномъ Трофимовичемъ, явившись къ Варварѣ Петровнѣ ровно въ двѣнадцать часовъ, какъ она назначила, не застали ее дома; она еще не возвращалась отъ обѣдни. Бѣдный другъ мой былъ такъ настроенъ или, лучше сказать, такъ разстроенъ, что это обстоятельство тотчасъ же сразило его; почти въ безсиліи опустился онъ на кресло въ гостиной. Я предложилъ ему стаканъ воды; но, несмотря на блѣдность свою и даже на дрожь въ рукахъ, онъ съ достоинствомъ отказался. Кстати, костюмъ его отличался на этотъ разъ необыкновенною изысканностію: почти бальное, батистовое съ вышивкой бѣлье, бѣлый галстукъ, новая шляпа въ рукахъ, свѣжія соломеннаго цвѣта перчатки и даже, чуть-чуть, духи. Только-что мы усѣлись, вошелъ Шатовъ, введенный камердинеромъ, ясное дѣло, тоже по официальному приглашенію. Степанъ Трофимовичъ привсталъ было протянуть ему руку, но Шатовъ, посмотрѣвъ на насъ обоихъ внимательно, поворотилъ въ уголъ, усѣлся тамъ и даже не кивнулъ намъ головой. Степанъ Трофимовичъ опять испуганно поглядѣлъ на меня.

Такъ просидѣли мы еще нѣсколько минутъ въ совершенномъ молчаніи. Степанъ Трофимовичъ началъ было вдругъ мнѣ что-то очень скоро шептать, но я не разслушалъ; да и самъ онъ отъ волненія не докончилъ и бросилъ. Вошелъ еще разъ камердинеръ поправить что-то на столѣ; а вѣрнѣе—поглядѣть на насъ. Шатовъ вдругъ обратился къ нему съ громкимъ вопросомъ:

— Алексѣй Егорычъ, не знаете, Дарья Павловна съ ней отправилась?

— Варвара Петровна изволили поѣхать въ соборъ однѣ-съ, а Дарья Павловна изволили остаться у себя наверху, и не такъ здоровы-съ, назидательно и чинно доложилъ Алексѣй Егорычъ.

Бѣдный другъ мой опять бѣгло и тревожно со мной переглянулся, такъ что я, наконецъ, сталъ отъ него отворачиваться. Вдругъ у подъѣзда прогремѣла карета и нѣкоторое отдаленное движеніе въ домѣ возвѣстило намъ, что хозяйка воротилась. Всѣ мы привскочили съ кресель, но опять неожиданность: послышался шумъ многихъ шаговъ, значило, что хозяйка возвратилась не одна, а это дѣйствительно было уже нѣсколько странно, такъ какъ сама она назначила намъ этотъ часъ. Послышалось, наконецъ, что кто-то входилъ до странности скоро, точно бѣжалъ, а такъ не могла входить Варвара Петровна. И вдругъ она почти влетѣла въ комнату, запыхавшись и въ чрезвычайномъ волненіи. За нею, нѣсколько пріотставъ и гораздо тише, вошла Лизавета Николаевна, съ Лизаветой Николаевной рука-въ-руку — Марья Тимоѣевна Лебядкина! Если бы я увидѣлъ это во снѣ, то и тогда бы не повѣрилъ.

Чтобъ объяснить эту совершенную неожиданность, необходимо взять часомъ назадъ и рассказать подробнѣе о необыкновенномъ приключеніи, происшедшемъ съ Варварой Петровной въ соборѣ.

Во-первыхъ, къ обѣднѣ собрался почти весь городъ, то-есть разумѣя высшій слой нашего общества. Знали, что пожалуетъ губернаторша, въ первый разъ послѣ своего къ намъ прибытія. Замѣчу, что у насъ уже пошли слухи о томъ, что она вольнодумка и „новыхъ правилъ“. Всѣмъ дамамъ извѣстно было тоже, что она великолѣпно и съ необыкновеннымъ изяществомъ будетъ одѣта; а потому наряды нашихъ дамъ отличались на этотъ разъ изысканностью и пышностью. Одна лишь Варвара Петровна была скромно и по-всегдашнему одѣта во все черное; такъ безсмѣнно одѣвалась она въ продолженіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ. Прибывъ въ соборъ, она помѣстилась на обычномъ своемъ мѣстѣ, налѣво, въ первомъ ряду, и ливрейный лакей положилъ предъ нею бархатную подушку для колѣнопреклоненій, однимъ словомъ, все по-обыкновенному. Но замѣтили тоже, что на этотъ разъ она, во все время

продолженія службы, чрезвычайно какъ усердно молилась; увѣряли даже потомъ, когда все припомнили, что даже слезы стояли въ глазахъ ея. Кончилась, наконецъ, обѣдня, и нашъ протоіерей, отецъ Павелъ, вышелъ сказать торжественную проповѣдь. У насъ любили его проповѣди и цѣнили ихъ высоко; уговаривали его даже напечатать, но онъ все не рѣшался. На этотъ разъ проповѣдь вышла какъ-то особенно длинна.

И вотъ, во время уже проповѣди, подкатила къ собору одна дама на легковыхъ извозчичьихъ дрожжахъ прежняго фасона, то-есть на которыхъ дамы могли сидѣть только сбоку, придерживаясь за кушакъ извозчика и колыхаясь отъ толчковъ экипажа какъ полевая былинка отъ вѣтра. Эти ваньки въ нашемъ городѣ до сихъ поръ еще развѣзжаютъ. Остановясь у угла собора, — ибо у вратъ стояло множество экипажей и даже жандармы, — дама соскочила съ дрожжекъ и подала ванькѣ четыре копейки серебромъ.

— Что-жь, мало развѣ, Ваня! вскрикнула она, увидавъ его гримасу. — У меня все что есть, прибавила она жалобно.

— Ну, да Богъ съ тобой, не рядясь садилъ, махнулъ рукою ванька и поглядѣлъ на нее, какъ бы думая: — „Да и грѣхъ тебя обижать-то“.

Затѣмъ, сунувъ за пазуху кожаный кошель, тронулъ лошадь и укатилъ, напутствуемый насмѣшками близъ стоявшихъ извозчиковъ. Насмѣшки и даже удивленіе сопровождали и даму все время, пока она пробиралась къ соборнымъ вратамъ между экипажами и ожидавшимъ скорого выхода господъ лакействомъ. Да и дѣйствительно было что-то необыкновенное и неожиданное для всѣхъ въ появленіи такой особы вдругъ откуда-то на улицѣ среди народа. Она была болѣзненно худа и прихрамывала, крѣпко набѣлена и нарумянена, съ совершенно оголенною длинною шеей, безъ платка, безъ бурнуса, въ одномъ только старенькомъ, темномъ платьѣ, несмотря на холодный и вѣтреный, хоть и ясный сентябрьскій день; съ совершенно открытою головою, съ волосами, подвязанными въ крошечный узелокъ на затылкѣ, въ которые съ праваго боку воткнута была одна только искусственная роза, изъ такихъ, которыми украшаютъ вербныхъ херувимовъ. Такого вербнаго херувима въ вѣнкѣ изъ бумажныхъ розъ я именно замѣтилъ вчера въ углу, подъ образами, когда сидѣлъ у Марьи Тимоѣевны. Къ довершенію

всего, дама шла, хоть и скромно опустивъ глаза, но въ то же время весело и лукаво улыбаясь. Если бъ она еще капельку промедлила, то ее бы, можетъ-быть, и не пропустили бы въ соборъ... Но она успѣла проскользнуть, а, войдя во храмъ, протиснулась незамѣтно впередъ.

Хотя проповѣдь была на половинѣ, и вся сплошная толпа, наполнявшая храмъ, слушала ее съ полнымъ и беззвучнымъ вниманіемъ, но все-таки нѣсколько глазъ съ любопытствомъ и недоумѣніемъ покосились на вошедшую. Она упала на церковный помостъ, склонивъ на него свое набѣленное лицо, лежала долго и, повидимому, плакала; но, поднявъ опять голову и привставъ съ колѣнъ, очень скоро оправилась и развлеклась. Весело, съ видимымъ чрезвычайнымъ удовольствіемъ, стала скользить она глазами по лицамъ, по стѣнамъ собора; съ особеннымъ любопытствомъ вглядывалась въ иныхъ дамъ, приподымаясь для этого даже на цыпочки, и даже раза два засмѣялась, какъ-то странно при этомъ хихикая. Но проповѣдь кончилась и вынесли крестъ. Губернаторша пошла къ кресту первая, но, не дойдя двухъ шаговъ, приостановилась, видимо желая уступить дорогу Варварѣ Петровнѣ, со своей стороны, подходившей слишкомъ ужъ прямо и какъ бы не замѣчая никого впереди себя. Необычайная учтивость губернаторши, безъ сомнѣнія, заключала въ себѣ явную и остроумную въ своемъ родѣ колкость; такъ всѣ поняли; такъ попяла, должно-быть, и Варвара Петровна; но по-прежнему никого не замѣчая и съ самымъ непоколебимымъ видомъ достоинства приложилась она ко кресту и тотчасъ же направилась къ выходу. Ливрейный лакей расчищалъ предъ ней дорогу, хотя и безъ того всѣ разступались. Но у самаго выхода, на паперти, тѣсно сбившаяся кучка людей на мгновеніе загородила путь. Варвара Петровна приостановилась, и вдругъ странное, необыкновенное существо, женщина съ бумажной розой на головѣ, протиснувшись между людей, опустилась предъ нею на колѣни. Варвара Петровна, которую трудно было чѣмъ-нибудь озадачить, особенно въ публикѣ, поглядѣла важно и строго.

Поспѣшу замѣтить здѣсь, по возможности вкратцѣ, что Варвара Петровна хотя и стала въ послѣдніе годы излишне, какъ говорили, расчетлива, и даже скупенька, но иногда не жалѣла денегъ, собственно на благотворительность. Она состояла членомъ одного благотворитель-

наго общества въ столицѣ. Въ недавній голодный годъ, она отослала въ Петербургъ, въ главный комитетъ для пріема пособій потерпѣвшимъ, пятьсотъ рублей, и объ этомъ у насъ говорили. Наконецъ, въ самое послѣднее время, передъ назначеніемъ новаго губернатора, она было совсѣмъ уже основала мѣстный дамскій комитетъ для пособія самымъ бѣднѣйшимъ родильницамъ въ городѣ и въ губерніи. У насъ сильно упрекали ее въ честолюбіи; но извѣстная стремительность характера Варвары Петровны и въ то же время настойчивость чуть не восторжествовали надъ препятствіями; общество почти уже устроилось, а первоначальная мысль все шире и шире развивалась въ восхищенномъ умѣ основательницы: она уже мечтала объ основаніи такого же комитета въ Москвѣ, о постепенномъ распространеніи его дѣйствій по всѣмъ губерніямъ. И вотъ, съ внезапною переменой губернатора, все пріостановилось; а новая губернаторша, говорятъ, уже успѣла высказать въ обществѣ нѣсколько колкихъ и, главное, мѣткихъ и дѣльныхъ возраженій насчетъ будто бы непрактичности основной мысли подобнаго комитета, что, разумѣется, съ прикрасами, было уже передано Варварѣ Петровнѣ. Одинъ Богъ знаетъ глубину сердець, но полагаю, что Варвара Петровна даже съ нѣкоторымъ удовольствіемъ пріостановилась теперь въ самыхъ соборныхъ вратахъ, зная, что мимо должна сейчасъ же пройти губернаторша, а затѣмъ и всѣ, и „пусть сама увидитъ, какъ мнѣ все равно, что бы она тамъ ни подумала и что бы ни сострила еще насчетъ тщеславія моей благотворительности. Вотъ же вамъ всѣмъ!“

— Что вы, милая, о чемъ вы просите? внимательно всмотрѣлась Варвара Петровна въ колѣнопреклоненную передъ нею просительницу.

Та глядѣла на нее ужасно оробѣвшимъ, застыдившимся, но почти благоговѣйнымъ взглядомъ, и вдругъ усмѣхнулась съ тѣмъ же страннымъ хихиканьемъ.

— Что она? Кто она?

Варвара Петровна обвела кругомъ присутствующихъ повелительнымъ и вопросительнымъ взглядомъ. Всѣ молчали.

— Вы несчастны? Вы нуждаетесь въ вспоможеніи?

— Я нуждаюсь... я пріѣхала... лепетала „несчастливая“ прерывавшимся отъ волненія голосомъ. — Я пріѣхала только, чтобы вашу ручку поцѣловать... и опять хихикнула.

Съ самымъ дѣтскимъ взглядомъ, съ какимъ дѣти ласкаются, что-нибудь выпрашивая, потянулась она схватить ручку Варвары Петровны, но, какъ бы испугавшись, вдругъ отдернула свои руки назадъ.

— Только за этимъ и прибыли? улыбнулась Варвара Петровна съ сострадательною улыбкой, но тотчасъ же быстро вынула изъ кармана свой перламутровый портмоне, а изъ него десятирублевую бумажку и подала незнакомѣ.

Та взяла. Варвара Петровна была очень заинтересована, и видимо не считала незнакомку какою-нибудь простонародною просительницей.

— Вишь, десять рублей дала, проговорилъ кто-то въ толпѣ.

— Ручку-то пожалуйста, лепетала „несчастливая“, крѣпко прихвативъ пальцами лѣвой руки за уголокъ полученную десятирублевую бумажку, которую свивало вѣтромъ.

Варвара Петровна почему-то немного нахмурилась, и съ серьезнымъ, почти строгимъ видомъ протянула руку; та съ благоговѣніемъ поцѣловала ее. Благодарный взглядъ ея заблесталъ какимъ-то даже восторгомъ. Вотъ въ это-то самое время подошла губернаторша и прихлынула цѣлая толпа нашихъ дамъ и старшихъ сановниковъ. Губернаторша поневолѣ должна была на минутку пріостановиться въ тѣснотѣ; многіе остановились.

— Вы дрожите, вамъ холодно? замѣтила вдругъ Варвара Петровна.

И, сбросивъ съ себя свой бурнусъ, на-лету подхваченный лакеемъ, сняла съ плечъ свою черную (очень не дешевую) шаль и собственными руками окутала обнаженную шею все еще стоявшей на колѣняхъ просительницы.

— Да встаньте же, встаньте съ колѣнъ, прошу васъ! Та встала.

— Гдѣ вы живете? Неужели никто, наконецъ, не знаетъ, гдѣ она живетъ? снова нетерпѣливо оглянулась кругомъ Варвара Петровна.

Но прежней кучки уже не было: виднѣлись все знакомыя, свѣтскія лица, разглядывавшія сцену, одни съ строгимъ удивленіемъ, другіе съ лукавымъ любопытствомъ и въ то же время съ невинною жаждой скандальчика, а третьи начинали даже посмѣиваться.

— Кажется, это Лебядкиныхъ-съ, выискался, наконецъ, одинъ добрый человѣкъ съ отвѣтомъ на запросъ Варвары Петровны, нашъ почтенный и многими уважаемый купецъ

Андреевъ, въ очкахъ, съ сѣдою бородой, въ русскомъ платьѣ, и съ круглою цилиндрическою шляпой, которую держалъ теперь въ рукахъ. — Они у Филипповыхъ въ домѣ проживаютъ, въ Богоявленской улицѣ.

— Лебядкинъ? Домъ Филиппова? Я что-то слышала... благодарю васъ, Никонъ Семенычъ, но кто этотъ Лебядкинъ?

— Капитаномъ прозывается, человекъ, надо бы такъ сказать, неосторожный. А это завѣрное ихъ сестрица. Она, полагать надо, изъ-подъ надзору теперь ушла, сбавивъ голосъ, проговорилъ Никонъ Семеновичъ, и значительно взглянулъ на Варвару Петровну.

— Понимаю васъ; благодарю, Никонъ Семенычъ. Вы, милая моя, госпожа Лебядкина?

— Нѣтъ, я не Лебядкина.

— Такъ, можетъ-быть, вашъ братъ Лебядкинъ?

— Братъ мой Лебядкинъ.

— Вотъ что я сдѣлаю, я васъ теперь, моя милая, съ собой возьму, а отъ меня васъ уже отвезутъ къ вашему семейству; хотите ѣхать со мной?

— Ахъ, хочу! сплеснула ладошками госпожа Лебядкина.

— Тетя, тетя! Возьмите и меня съ собой къ вамъ, раздался голосъ Лизаветы Николаевны.

Замѣчу, что Лизавета Николаевна прибыла къ обѣднѣ вмѣстѣ съ губернаторшей, а Прасковья Ивановна, по предписанію доктора, поѣхала тѣмъ временемъ покататься въ каретѣ, а для развлечения увезла съ собой и Маврикія Николаевича. Лиза вдругъ оставила губернаторшу и подскочила къ Варварѣ Петровнѣ.

— Милая моя, ты знаешь, я всегда тебѣ рада, но что скажетъ твоя мать? начала было осанисто Варвара Петровна, но вдругъ смутилась, замѣтивъ необычайное волненіе Лизы.

— Тетя, тетя, непременно теперь съ вами, умоляла Лиза, дѣлуя Варвару Петровну.

— Mais qu'avez vous donc, Lise! съ выразительнымъ удивленіемъ проговорила губернаторша.

— Ахъ, простите, голубчикъ, chère cousine, я къ тетѣ, на лету повернулась Лиза къ неприятно-удивленной своей chère cousine, и поцѣловала ее два раза.—И татап тоже скажите, чтобы сейчасъ же пріѣзжала за мной къ тетѣ, татап непременно, непременно хотѣла заѣхать, она давеча сама говорила, я забыла васъ предувѣдомить, тре-

щала Лиза,—виновата, не сердитесь, Julie, chère... cousine... тетья, я готова!

— Если вы, тетя, меня не возьмете, то я за вашу каретой побѣгу и закричу, быстро и отчаянно прошептала она совсѣмъ на ухо Варварѣ Петровнѣ.

Хорошо еще, что никто не слыхалъ. Варвара Петровна даже на шагъ отшатнулась и пронзительнымъ взглядомъ посмотрѣла на сумасшедшую дѣвушку. Этотъ взглядъ все рѣшилъ: она непременно положила взять съ собою Лизу!

— Этому надо положить конецъ, вырвалось у ней.— Хорошо, я съ удовольствіемъ беру тебя, Лиза, тотчасъ же громко прибавила она, — разумѣется, если Юлія Михайловна согласится тебя отпустить, съ открытымъ видомъ и съ прямодушнымъ достоинствомъ повернулась она прямо къ губернаторшѣ.

— О, безъ сомнѣнія, я не хочу лишить ее этого удовольствія, тѣмъ болѣе, что я сама... съ удивительною любовью залепетала вдругъ Юлія Михайловна,—я сама хорошо... знаю, какаѣ на нашихъ плечикахъ фантастическая, всевластная головка (Юлія Михайловна очаровательно улыбнулась).

— Благодарю васъ чрезвычайно, отблагодарила вѣжливымъ и осанистымъ поклономъ Варвара Петровна.

— И мнѣ тѣмъ болѣе пріятно, почти уже съ восторгомъ продолжала свой лепетъ Юлія Михайловна, даже вся покраснѣвъ отъ пріятнаго волненія,—что кромѣ удовольствія быть у васъ, Лизу увлекаетъ теперь такое прекрасное, такое, могу сказать, высокое чувство... состраданіе... (она взглянула на „несчастную“)... и... и на самой пацерти храма...

— Такой взглядъ дѣлаетъ вамъ честь, великолѣпно одобрила Варвара Петровна.

Юлія Михайловна стремительно протянула свою руку, и Варвара Петровна съ полною готовностью дотронулась до нея своими пальцами. Всеобщее впечатлѣніе было прекрасное, лица нѣкоторыхъ присутствующихъ просіяли удовольствиемъ, показалось нѣсколько сладкихъ и заискивающихъ улыбокъ.

Однимъ словомъ, всему городу вдругъ ясно открылось, что это не Юлія Михайловна пренебрегала до сихъ поръ Варварой Петровной и не сдѣлала ей визита, а сама Варвара Петровна, напротивъ, „держала въ границахъ Юлію Михайловну, тогда какъ та пѣшкомъ бы, можетъ,

побѣжала къ ней съ визитомъ, если бы только была увѣрена, что Варвара Петровна ея не прогонитъ“. Авторитетъ Варвары Петровны поднялся до чрезвычайности.

— Садитесь же, милая, указала Варвара Петровна м-ше Лебядвиной на подѣхавшую карету.

„Несчастливая“ радостно побѣжала къ дверцамъ, у которыхъ подхватила ее лакей.

— Какъ! Вы хромаете! вскричала Варвара Петровна совершенно какъ въ испугѣ, и поблѣднѣла. (Всѣ тогда это замѣтили, но не поняли)...

Карета покатила. Домъ Варвары Петровны находился очень близко отъ собора. Лиза сказывала мнѣ потомъ, что Лебядкина смѣялась истерически всѣ эти три минуты переѣзда, а Варвара Петровна сидѣла „какъ будто въ какомъ-то магнетическомъ снѣ“, собственное выраженіе Лизы.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Премудрый змій.

I.

Варвара Петровна позволила въ колокольчикъ и бросилась въ кресла у окна.

— Сядьте здѣсь, моя милая, указала она Марьѣ Тимофеевнѣ мѣсто посреди комнаты, у большого круглаго стола. — Степанъ Трофимовичъ, что это такое? Вотъ, вотъ, смотрите на эту женщину, что это такое?

— Я... я... залепеталъ было Степанъ Трофимовичъ...

Но явился лакей.

— Чашку кофею, сейчасъ, особенно какъ можно скорѣе! Карету не откладывать.

— *Mais chère et excellente amie, dans quelle inquiétude!*.. замирающимъ голосомъ воскликнулъ Степанъ Трофимовичъ.

— Ахъ! По-французски, по-французски! Сейчасъ видно, что высшій свѣтъ! хлопнула въ ладоши Марья Тимофеевна, въ упоеніи приговарывая послушать разговоръ по-французски.

Варвара Петровна уставилась на нее почти въ испугѣ.

Всѣ мы молчали и ждали какой-нибудь развязки. Шатовъ не поднималъ головы, а Степанъ Трофимовичъ былъ въ смятеніи, какъ будто во всемъ виноватый; потъ выступилъ на его вискахъ. Я взглянулъ на Лизу (она сидѣла въ углу, почти рядомъ съ Шатовымъ). Ея глаза

Щад
тет

...гали отъ Варвары Петровны къ хромой жеп-
тно; на губахъ ея кривилась улыбка, но не-
...ара Петровна видѣла эту улыбку. А между
...Тимоѣевна увлеклась совершенно: она съ
...и нимало не конфузясь разсматривала
...ую гостиную Варвары Петровны, — мебелировку,
...ры, картины на стѣнахъ, старинный расписной пото-
локъ, большое бронзовое Распятіе въ углу, фарфоровую
лампу, альбомы, вещицы на столѣ.

— Такъ и ты тутъ, Шатушка! воскликнула она вдругъ.—
Представь, я давно тебя вижу, да думаю: не онъ! Какъ
онъ сюда проѣдетъ!

И весело разсмѣялась.

— Вы знаете эту женщину? тотчасъ обернулась къ
нему Варвара Петровна.

— Знаю-съ, пробормоталъ Шатовъ, тронулся было на
стулѣ, но остался сидѣть.

— Чтò же вы знаете? Пожалуйста поскорѣй!

— Да чтò... ухмыльнулся онъ ненужной улыбкой и за-
пнулся.—Сами видите...

— Чтò вижу? Да ну же, говорите что-нибудь!

— Живетъ въ томъ домѣ, гдѣ я... съ братомъ... офи-
церъ одинъ.

— Ну?

Шатовъ запнулся опять.

— Говорить не стоитъ... промычалъ онъ и рѣшительно
смолкъ. Даже покраснѣлъ отъ своей рѣшимости.

— Конечно, отъ васъ нечего больше ждать! съ него-
дованіемъ оборвала Варвара Петровна.

Ей ясно было теперь, что всѣ что-то знаютъ и между
тѣмъ всѣ чего-то трусятъ и уклоняются предъ ея вопро-
сами, хотятъ что-то скрыть отъ нея.

Вошелъ лакей и поднесъ ей на маленькомъ серебря-
номъ подносѣ заказанную особо чашку кофе, но тотчасъ
же, по ея мановенію, направился къ Марьѣ Тимоѣевнѣ.

— Вы, моя милая, очень озябли давеча, выпейте по-
скорѣй и согрѣйтесь.

— Мерсі, взяла чашку Марья Тимоѣевна.

И вдругъ прыснула со смѣху надъ тѣмъ, что сказала
лакею мерсі. Но, встрѣтивъ грозный взглядъ Варвары
Петровны, оробѣла и поставила чашку на столѣ.

— Тетя, да ужъ вы не сердитесь-ли? пролетела она
съ какою-то легкомысленною игривостью.

— Что-о-о? вспрынула и выпрямилась въ креслахъ Варвара Петровна.—Какая я вамъ тѣтя? Что вы подра-зумѣвали?

Марья Тимоѣевна, не ожидавшая такого гнѣва, такъ и задрожала вся мелкою конвульсивною дрожью, точно въ припадкѣ, и отшатнулась на спинку кресель.

— Я... я думала такъ надо, пролепетала она, смотря во всѣ глаза на Варвару Петровну.— Такъ васъ Лиза звала.

— Какая еще Лиза?

— А вотъ эта барышня, указала пальчикомъ Марья Тимоѣевна.

— Такъ вамъ она уже Лизой стала?

— Вы такъ сами ее давеча звали, ободрилась нѣсколько Марья Тимоѣевна.—А во снѣ я точно такую же красоту видѣла, усмѣхнулась она какъ бы нечаянно.

Варвара Петровна сообразила и нѣсколько успокоилась; даже чуть-чуть улыбнулась послѣднему словцу Марьи Тимоѣевны. Та, поймавъ улыбку, встала съ кресель и, хромая, робко подошла къ ней.

— Возьмите, забыла отдать, не сердитесь за неучтливость, сняла она вдругъ съ плечъ своихъ черную шаль, надѣтую на нее давеча Варварой Петровной.

— Надѣньте ее сейчасъ же опять и оставьте навсегда при себѣ. Ступайте и сядьте, пейте вашъ кофе и, пожалуйста, не бойтесь меня, моя милая, успокойтесь. Я начинаю васъ понимать.

— *Chère amie*... позволилъ было себѣ опять Степанъ Трофимовичъ.

— Ахъ, Степанъ Трофимовичъ, тутъ и безъ васъ всякій толкъ потеряешь, пощадите хоть вы... Пожалуйста, позвоните вотъ въ этотъ звонокъ, подлѣ васъ, въ дѣвичью.

Наступило молчаніе. Взглядъ ея подозрительно и раздражительно скользилъ по всѣмъ нашимъ лицамъ. Явилась Агаша, любимая ея горничная.

— Клѣтчатый мнѣ платокъ, который я въ Женевѣ купила. Что дѣлаетъ Дарья Павловна?

— Онѣ-съ несовсѣмъ здоровы-съ.

— Сходи и попроси сюда. Прибавь, что очень прошу, хотя бы и нездорова.

Въ это мгновеніе изъ сосѣднихъ комнатъ опять послышался какой-то необычный шумъ шаговъ и голосовъ, по-

добный давешнему, и вдругъ на порогѣ показалась запыхавшаяся и „разстроенная“ Прасковья Ивановна. Маврикій Николаевичъ поддерживалъ ее подъ руку.

— Охъ, батюшки, насилу доплелась; Лиза, что ты, сумасшедшая, съ матерью дѣлаешь! взвизгнула она, кладя въ этотъ взвизгъ, по обыкновенію всѣхъ слабыхъ, но очень раздражительныхъ особъ, все что накопилось раздраженія.

— Матушка, Варвара Петровна, я къ вамъ за дочерью!

Варвара Петровна взглянула на нее исподлобья, полупривстала навстрѣчу и, едва скрывая досаду, проговорила:

— Здравствуй, Прасковья Ивановна, сдѣлай одолженіе, садись. Я такъ и знала вѣдь, что пріѣдешь.

II.

Для Прасковьи Ивановны въ такомъ приѣмѣ не могло заключаться ничего неожиданнаго. Варвара Петровна и всегда, съ самаго дѣтства, третировала свою бывшую пансіонскую подругу деспотически и, подъ видомъ дружбы, чуть не съ презрѣніемъ. Но въ настоящемъ случаѣ и положеніе дѣлъ было особенное. Въ послѣдніе дни между обоими домами пошло на совершенный разрывъ, о чемъ уже и было мною вскользь упомянуто. Причины начинающагося разрыва покаместъ были еще для Варвары Петровны таинственны, а, стало-быть, еще пуще обидны; но главное въ томъ, что Прасковья Ивановна успѣла принять предъ нею какое-то необычайно-высокомѣрное положеніе. Варвара Петровна, разумѣется, была уязвлена, а между тѣмъ и до нея уже стали доходить нѣкоторые странные слухи, тоже чрезмѣрно ее раздражавшіе и именно своею неопредѣленностью. Характеръ Варвары Петровны былъ прямой и гордо-открытый, съ насकोмомъ, если такъ позволительно выразиться. Пуще всего она не могла выносить тайныхъ, прячущихся обвиненій и всегда предпочитала войну открытую. Какъ бы то ни было, но вотъ уже пять дней какъ обѣ дамы не видѣлись. Послѣдній визитъ былъ со стороны Варвары Петровны, которая и уѣхала „отъ Дроздихи“ обиженная и смущенная. Я безъ ошибки могу сказать, что Прасковья Ивановна вошла теперь въ наивномъ убѣжденіи, что Варвара Петровна почему-то должна предъ нею струсить; это видно было уже по выраженію лица ея. Но видно тогда-то и овладѣвалъ

Варварой Петровной бѣсъ самой заносчивой гордости, когда она чуть-чуть лишь могла заподозрить, что ее почему-либо считают униженною. Прасковья же Ивановна, какъ и многія слабыя особы, сами долго позволяющія себя обижать безъ протеста, отличалась необыкновеннымъ азартомъ нападенія при первомъ выгодномъ для себя оборотѣ дѣла. Правда, теперь она была нездорова, а въ болѣзни становилась всегда раздражительнѣе. Прибавлю, наконецъ, что всѣ мы, находившіеся въ гостиной, не могли особенно стѣснить нашимъ присутствіемъ обѣихъ подругъ дѣтства, если бы между ними возгорѣлась ссора; мы считались людьми своими и чуть не подчиненными. Я не безъ страха сообразилъ это тогда же. Степанъ Трофимовичъ, не сядившійся съ самаго прибытія Варвары Петровны, въ изнеможеніи опустился на стулъ, услыхавъ взвизгъ Прасковьи Ивановны, и съ отчаяніемъ сталъ ловить мой взглядъ. Шатовъ круто повернулся на стулѣ и что-то даже промывчалъ про себя. Мнѣ кажется, онъ хотѣлъ встать и уйти. Лиза чуть-чуть было привстала, но тотчасъ же опять опустилась на мѣсто, даже не обративъ должнаго вниманія на взвизгъ своей матери, но не отъ „строптивости характера“, а потому, что, очевидно, вся была подъ властью какого-то другого могучаго впечатлѣнія. Она смотрѣла теперь куда-то въ воздухъ, почти разсѣянно, и даже на Марью Тимоѣевну перестала обращать прежнее вниманіе.

III.

— Охъ, сюда! указала Прасковья Ивановна на кресло у стола и тяжело въ него опустилась съ помощью Мавриція Николаевича.— Не сѣла-бъ у васъ, матушка, если бы не ноги! прибавила она надрывнымъ голосомъ.

Варвара Петровна приподняла немного голову, съ болѣзненнымъ видомъ прижимая пальцы правой руки къ правому виску и видимо ощущая въ немъ сильную боль (tic douloureux).

— Что такъ, Прасковья Ивановна, почему бы тебѣ и не сѣсть у меня? Я отъ покойнаго мужа твоего всю жизнь искреннею пріязнью пользовалась, а мы съ тобой еще дѣвчонками вмѣстѣ въ куклы въ пансіонѣ играли.

Прасковья Ивановна замахала руками.

— Ужъ такъ и знала! Вѣчно про пансіонъ начнете, когда попрекать собираетесь,—уловка вапа. А по-моему,

одно краснорѣчіе. Терпѣть не могу этого вашего пансіона.

— Ты, кажется, слишкомъ ужъ въ дурномъ расположеніи пріѣхала; что твои ноги? Вотъ тебѣ кофе несутъ, милости просимъ, кушай и не сердись.

— Матушка, Варвара Петровна, вы со мной точно съ маленькой дѣвочкой. Не хочу я кофею, вотъ!

И она задирчиво махнула рукой подносившему ей кофе слугѣ. (Отъ кофею, впрочемъ, и другіе отказались, кромѣ меня и Маврикія Николаевича. Степанъ Трофимовичъ взялъ было, но отставилъ чашку на столъ. Марьѣ Тимоѣевнѣ хоть и очень хотѣлось взять другую чашку, она ужъ и руку протянула, но одумалась и чинно отказалась, видимо довольная за это собой).

Варвара Петровна криво улыбнулась.

— Знаешь что, другъ мой, Прасковья Ивановна, ты вѣрно опять что-нибудь вообразила себѣ, съ тѣмъ и вошла сюда. Ты всю жизнь однимъ воображеніемъ жила. Ты вотъ про пансіонъ разозлилась; а помнишь, какъ ты пріѣхала и весь классъ увѣрила, что за тебя гусарь Шаблыкинъ посватался, и какъ *m-me Lefebure* тебя тутъ же избличила во лжи. А вѣдь ты и не лгала, просто навоображала себѣ для утѣхи. Ну, говори, съ чѣмъ ты теперь? Что еще вообразила, чѣмъ недовольна?

— А вы въ пансіонѣ въ попа влюбилась, что Законъ Божій преподавалъ. Вотъ вамъ, коли до сихъ поръ въ васъ такая злопамятность! Ха-ха-ха!

Она желчно расхохоталась и раскашлялась.

— А-а, ты не забыла про попа... ненавистно глянула на нее Варвара Петровна.

Лицо ея позеленѣло. Прасковья Ивановна вдругъ пріосанилась.

— Мнѣ, матушка, теперь не до смѣху; зачѣмъ вы мою дочь при всемъ городѣ въ вашъ скандалъ замѣшали, вотъ зачѣмъ я пріѣхала?

— Въ мой скандалъ? грозно выпрямилась вдругъ Варвара Петровна.

— Мама, я васъ тоже очень прошу быть умѣреннѣе, проговорила вдругъ Лизавета Николаевна.

— Какъ ты сказала? приготовилась было опять взвизнуть мамаша, но вдругъ осѣла предъ засверкавшимъ взглядомъ дочери.

— Какъ вы могли, мама, сказать про скандалъ? вспыхнула Лиза. — Я поѣхала сама, съ позволенія Юліи Михай-

ловны, потому что хотѣла узнать исторію этой несчастной, чтобы быть ей полезною.

— „Исторію этой несчастной“! со злобнымъ смѣхомъ протянула Прасковья Ивановна. — Да статья-ли тебѣ мѣшаться въ такія „исторіи“? Охъ, матушка! Довольно намъ вашего деспотизма! бѣшено повернулась она къ Варварѣ Петровнѣ. — Говорять, правда-ли, нѣтъ-ли, весь городъ здѣшній замуштровали, да видно пришла и на васъ пора!

Варвара Петровна сидѣла выпрямившись, какъ стрѣла, готовая выскочить изъ лука. Секундъ десять строго и неподвижно смотрѣла она на Прасковью Ивановну.

— Ну, моли Бога, Прасковья, что всё здѣсь свои, говорила она, наконецъ, съ зловѣщимъ спокойствіемъ, — много ты сказала лишняго.

— А я, мать моя, свѣтскаго мнѣнія не такъ боюсь, какъ иныя; это вы, подѣ видомъ гордости, предѣ мнѣніемъ свѣта трепещете. А что тутъ свои люди, таеъ для васъ же лучше, чѣмъ если бы чужіе слышали.

— Поумнѣла ты, что-ль, въ эту недѣлю?

— Не поумнѣла я въ эту недѣлю, а видно правда наружу вышла въ эту недѣлю.

— Какая правда наружу вышла въ эту недѣлю? Слушай, Прасковья Ивановна, не раздражай ты меня, объяснись сію минуту, прошу тебя честию: какая правда наружу вышла и что ты подѣ этимъ подразумѣваешь?

— Да вотъ она вся-то правда сидитъ! указала вдругъ Прасковья Ивановна пальцемъ на Марью Тимоѣевну, съ тою отчаянною рѣшимостью, которая уже не заботится о послѣдствіяхъ, только чтобы теперь поразить.

Марья Тимоѣевна, все время смотрѣвшая на нее съ веселымъ любопытствомъ, радостно засмѣялась при видѣ устремленнаго на нее пальца гнѣвливой гостыи и весело зашевелилась въ креслахъ.

— Господи Іисусе Христе, рехнулись они всё, что-ли! воскликнула Варвара Петровна и, поблѣднѣвъ, откинулась на спинку кресла.

Она такъ поблѣднѣла, что произошло даже смятеніе. Степанъ Трофимовичъ бросился къ ней первый; я тоже приблизился; даже Лиза встала съ мѣста, хотя и осталась у своего кресла; но всёхъ болѣе испугалась сама Прасковья Ивановна: она вскрикнула, какъ могла приподнялась и почти завопила плачевнымъ голосомъ:

— Матушка, Варвара Петровна, простите вы мою злобную дурость! Да воды-то хоть подайте ей кто-нибудь!

— Не хнычь, пожалуйста, Прасковья Ивановна, прошу тебя, и отстранитесь, господа, сдѣлайте одолженіе, не надо воды! твердо, хоть и не громко, выговорила поблѣднѣвшими губами Варвара Петровна.

— Матушка! продолжала Прасковья Ивановна, капельку успокоившись,—другъ вы мой, Варвара Петровна, и хоть и виновата въ неосторожныхъ словахъ, да ужъ раздражили меня пуще всего безыменные письма эти, которыми меня какіе-то людишки бомбардируютъ; ну, и писали бы къ вамъ, коли про васъ же пишутъ, а у меня, матушка, дочь!

Варвара Петровна безмолвно смотрѣла на нее широко открытыми глазами и слушала съ удивленіемъ. Въ это мгновеніе неслышно отворилась въ углу боковая дверь и появилась Дарья Павловна. Она приостановилась и оглядѣлась кругомъ; ее поразило наше смятеніе. Должно-быть, она не сейчасъ различила и Марью Тимоѣевну, о которой никто ее не предувѣдомилъ. Степанъ Трофимовичъ первый замѣтилъ ее, сдѣлавъ быстрое движеніе, покраснѣлъ и громко для чего-то возгласилъ: „Дарья Павловна!“ такъ что всѣ глаза разомъ обратились на вошедшую.

— Какъ, такъ это-то ваша Дарья Павловна! воскликнула Марья Тимоѣевна. — Ну, Шатушка, не похожа на тебя твоя сестрица! Какъ же мой-то этакую прелесть крѣпостною дѣвкой Дашкой зоветъ!

Дарья Павловна межъ тѣмъ приблизилась уже къ Варварѣ Петровнѣ; но пораженная восклицаніемъ Марьи Тимоѣевны, быстро обернулась и такъ и осталась предъ своимъ стуломъ, смотря на юродивую длиннымъ, приковавшимся взглядомъ.

— Садись, Даша, проговорила Варвара Петровна съ ужасающимъ спокойствіемъ, — ближе, вотъ такъ; ты можешь и сидя видѣть эту женщину. Знаешь ты ее?

— Я никогда ея не видала, тихо отвѣтила Даша и, помолчавъ, тотчасъ прибавила,—должно-быть, это больная сестра одного господина Лебядкина.

— И я васъ, душа моя, въ первый только разъ теперь увидала, хотя давно уже съ любопытствомъ желала познакомиться, потому что въ каждомъ жестѣ вашемъ вижу воспитаніе! съ увлеченіемъ прокричала Марья Тимоѣевна.—А что мой лакей бранится, такъ вѣдь возможно-ли,

чтобы вы у него деньги взяли, такая воспитанная и милая? Потому что вы милая, милая, милая, это и вамъ отъ себя говорю! съ восторгомъ заключила она, махая предъ собою своею ручкой.

— Понимаешь ты что-нибудь? съ гордымъ достоинствомъ спросила Варвара Петровна.

— Я все понимаю-съ...

— Про деньги слышала?

— Это вѣрно тѣ самыя деньги, которыя я, по просьбѣ Николая Всеволодовича, еще въ Швейцаріи, взялась передать этому господину Лебядкину, ея брату.

Послѣдовало молчаніе.

— Тебя Николай Всеволодовичъ самъ просилъ передать?

— Ему очень хотѣлось переслать эти деньги, всего триста рублей, господину Лебядкину. А такъ какъ онъ не зналъ его адреса, а зналъ лишь, что онъ прибудетъ къ намъ въ городъ, то и поручилъ мнѣ передать, на случай, если господинъ Лебядкинъ пріѣдетъ.

— Какія же деньги... пропали? Про что эта женщина сейчасъ говорила?

— Этого я ужъ не знаю-съ, до меня тоже доходило, что господинъ Лебядкинъ говорилъ про меня вслухъ, будто я не все ему доставила; но я этихъ словъ не понимаю. Было триста рублей, я и переслала триста рублей.

Дарья Павловна почти совсѣмъ уже успокоилась. И вообще замѣчу, что трудно было чѣмъ-нибудь надолго изумить эту дѣвушку и сбить ее съ толку,—что бы она тамъ про себя ни чувствовала. Проговорила она теперь всѣ свои отвѣты не торопясь, тотчасъ же отвѣчала на каждый вопросъ съ точностью, тихо, ровно, безо всякаго слѣда первоначальнаго внезапнаго своего волненія и безъ малѣйшаго смущенія, которое могло бы свидѣтельствовать о сознаниіи хотя бы какой-нибудь за собою вины. Взглядъ Варвары Петровны не отрывался отъ нея все время, пока она говорила. Съ минуту Варвара Петровна подумала.

— Если, произнесла она, наконецъ, съ твердостью и видимо къ зрителямъ, хотя и глядѣла на одну Дашу,—если Николай Всеволодовичъ не обратился со своимъ порученіемъ даже ко мнѣ, а просилъ тебя, то, конечно, имѣлъ свои причины такъ поступить. Не считаю себя въ правѣ о нихъ любопытствовать, если изъ нихъ дѣлаютъ для меня секретъ. Но уже одно твое участіе въ этомъ дѣлѣ совершенно меня за нихъ успокаиваетъ, знай это,

Дарья, прежде всего. Но видишь-ли, другъ мой, ты и съ чистою совѣстью могла, по незнанію свѣта, сдѣлать какую-нибудь неосторожность; и сдѣлала ее, принявъ на себя сношенія съ какимъ-то мерзавцемъ. Слухи, распущенные этимъ негодяемъ, подтверждаютъ твою ошибку. Но я раз-узнаю о немъ, и такъ какъ защитница твоя я, то сумѣю за тебя заступиться. А теперь это все надо кончить.

— Лучше всего, когда онъ къ вамъ придетъ, подхватила вдругъ Марья Тимоѳеевна, высовываясь изъ своего кресла,—то пошлите его въ лакейскую. Пусть онъ тамъ на залавкѣ въ свои козыри съ ними поиграетъ, а мы будемъ здѣсь сидѣть кофей пить. Чашку-то кофейю еще можно ему послать, но я глубоко его презираю.

И она выразительно мотнула головой.

— Это надо кончить, повторила Варвара Петровна, тщательно выслушавъ Марью Тимоѳеевну.— Прошу васъ, позвоните, Степанъ Трофимовичъ.

Степанъ Трофимовичъ позвонилъ и вдругъ выступилъ впередъ, весь въ волненіи.

— Если... если я... залепеталъ онъ въ жару, краснѣя, обрываясь и заикаясь,—если я тоже слышалъ самую отвратительную повѣсть или, лучше сказать, клевету, то... въ совершенномъ негодованіи... enfin c'est un homme perdu et quelque chose comme un forçat évadé.

Онъ оборвалъ и не докончилъ; Варвара Петровна, прищурившись, оглядѣла его съ ногъ до головы. Вошелъ чинный Алексѣй Егоровичъ.

— Карету, приказала Варвара Петровна,— а ты, Алексѣй Егорычъ, приготовься отвезти госпожу Лебядкину домой, куда она тебѣ сама укажетъ.

— Господинъ Лебядкинъ нѣкоторое время сами ихъ внизу ожидаютъ-съ и очень просили о себѣ доложить-съ.

— Это невозможно, Варвара Петровна, съ безпокойствомъ выступилъ вдругъ все время невозмутимо молчавшій Маврикій Николаевичъ.—Если позволите, это не такой человѣкъ, который можетъ войти въ общество, это... это... это невозможный человѣкъ, Варвара Петровна.

— Повременить, обратилась Варвара Петровна къ Алексѣю Егорычу, и тотъ скрылся.

— C'est un homme malhônnete et je crois même, que c'est un forçat évadé, ou quelque chose dans ce genre, пробормоталъ опять Степанъ Трофимовичъ, опять покраснѣлъ и опять оборвался.

— Лиза, ѣхать пора, брезгливо возгласила Прасковья Ивановна и приподнялась съ мѣста. Ей, кажется, жаль уже стало, что она давеча, въ испугѣ, сама себя обозвала душой. Когда говорила Дарья Павловна, она уже слушала съ высокою складкой на губахъ. Но всего болѣе поразилъ меня видъ Лизаветы Николаевны съ тѣхъ поръ, какъ вошла Дарья Павловна: въ глазахъ засверкали ненависть и презрѣніе, слишкомъ ужъ нескрываемыя.

— Повремени одну минутку, Прасковья Ивановна, прошу тебя, остановила Варвара Петровна, все съ тѣмъ же чрезмѣрнымъ спокойствіемъ. — Сдѣлай одолженіе, присядь, я намѣрена все высказать, а у тебя ноги болятъ. Вотъ такъ, благодарю тебя. Давеча я вышла изъ себя и сказала тебѣ нѣсколько нетерпѣливыхъ словъ. Сдѣлай одолженіе, прости меня: я сдѣлала глупо и первая каюсь, потому что во всемъ люблю справедливость. Конечно, тоже изъ себя выйдя, ты упомянула о какомъ-то анонимѣ. Всякій анонимный извѣтъ достоинъ презрѣнія уже потому, что онъ не подписанъ. Если ты понимаешь иначе, я тебѣ не завидую. Во всякомъ случаѣ, я бы не полѣзла на твою мѣстѣ за такую дрянью въ карманъ, я не стала бы мараться. А ты вымаралась. Но такъ какъ ты уже начала сама, то скажу тебѣ, что и я получила дней шесть тому назадъ тоже анонимное шутовское письмо. Въ немъ какой-то негодяй увѣряетъ меня, что Николай Всеволодовичъ сошелъ съ ума и что мнѣ надо бояться какой-то хромой женщины, которая „будетъ играть въ судьбѣ моей чрезвычайную роль“, я запомнила выраженіе. Сообразивъ и зная, что у Николая Всеволодовича чрезвычайно много враговъ, я тотчасъ же послала за однимъ здѣсь человѣкомъ, за однимъ тайнымъ и самымъ мстительнымъ и презрѣннымъ изъ всѣхъ враговъ его, и изъ разговоровъ съ нимъ мигомъ убѣдилась въ презрѣнномъ происхожденіи анонима. Если и тебя, моя бѣдная Прасковья Ивановна, беспокоили *из-за* меня такими же презрѣнными письмами и, какъ ты выразилась, „бомбардировали“, то, конечно, первая жалѣю, что послужила невинною причиною. Вотъ и все, что я хотѣла тебѣ сказать въ объясненіе. Съ сожалѣніемъ вижу, что ты такъ устала и внѣ себя. Къ тому же, я непременно рѣшилась *впустить* сейчасъ этого подозрительнаго человѣка, про котораго Маврикій Николаевичъ выразился не совсѣмъ идущимъ словомъ: что его невозможно *принять*. Особенно Лизѣ тутъ нечего будетъ

дѣлать. Подойди ко мнѣ, Лиза, другъ мой, и дай мнѣ еще разъ поцѣловать тебя.

Лиза перешла комнату и молча остановилась передъ Варварой Петровной. Та поцѣловала ее, взяла за руки, отдалила немного отъ себя, съ чувствомъ на нее посмотрѣла, потомъ перекрестила и опять поцѣловала ее.

— Ну, прощай, Лиза (въ голосѣ Варвары Петровны слышались почти слезы), — вѣрь, что не перестану любить тебя, что бы не сулила тебѣ судьба отнынѣ... Богъ съ тобою. Я всегда благословляла святую десницу Его...

Она что-то хотѣла еще прибавить, но скрѣпила себя и смолкла. Лиза пошла было къ своему мѣсту, все въ томъ же молчаніи и какъ бы въ задумчивости, но вдругъ остановилась предъ мамашей.

— Я, мама, еще не поѣду, а останусь на время у тети, проговорила она тихимъ голосомъ, но въ этихъ тихихъ словахъ прозвучала желѣзная рѣшимость.

— Богъ ты мой, что такое! возопила Прасковья Ивановна, бессильно сплеснувъ руками.

Но Лиза не отвѣтила и какъ бы даже не слышала; она сѣла въ прежній уголъ и опять стала смотрѣть куда-то въ воздухъ.

Что-то побѣдоносное и гордое засвѣтилось въ лицѣ Варвары Петровны.

— Маврикій Николаевичъ, я къ вамъ съ чрезвычайною просьбой: сдѣлайте мнѣ одолженіе, сходите взглянуть на этого человѣка внизу, и если есть хоть какая-нибудь возможность его *впустить*, то приведите его сюда.

Маврикій Николаевичъ поклонился и вышелъ. Черезъ минуту онъ привелъ господина Лебядкина.

IV.

Я какъ-то говорилъ о наружности этого господина: высокій, курчавый, плотный парень, лѣтъ сорока, съ багровымъ, нѣсколько опухшимъ и обрюзглымъ лицомъ, со вздрагивающими при каждомъ движеніи головы щеками, съ маленькими, кровяными, иногда довольно хитрыми глазками, въ усахъ, въ бакенбардахъ и съ зарождающимся мясистымъ кадыкомъ, довольно непріятнаго вида. Но всего болѣе поражало въ немъ то, что онъ явился теперь во фракѣ и въ чистомъ бѣльѣ. „Есть люди, которымъ чистое бѣлье даже неприлично-съ“, какъ возразилъ разъ когда-то Ли-

путинь на шуточный упрекъ ему Степана Трофимовича въ неряшество. У капитана были и перчатки черныя, изъ которыхъ правую, еще ненадѣванную, онъ держалъ въ рукѣ, а лѣвая, туго напыленная и не застегнувшаяся, до половины прикрывала его мясистую, лѣвую лапу, въ которой онъ держалъ совершенно новую, глянцевою и навѣрно въ первый еще разъ служившую круглую шляпу. Выходило, стало-быть, что вчерашній „фракъ любви“, о которомъ онъ кричалъ Шатову, существовалъ дѣйствительно. Все это, то-есть и фракъ, и бѣлье, было припасено (какъ узналъ я послѣ) по совѣту Липутина, для какихъ-то таинственныхъ цѣлей. Сомнѣнія не было, что и пріѣхалъ онъ теперь (въ извозничьей каретѣ) непременно тоже по постороннему наущенію и съ чьею-нибудь помощью; одинъ онъ не успѣлъ бы догадаться, а равно одѣться, собраться и рѣшиться въ какія-нибудь три четверти часа, предполагая даже, что сцена на соборной паперти стала ему тотчасъ извѣстною. Онъ былъ не пьянъ, но въ томъ тяжеломъ, грузномъ, дымномъ состояніи человѣка, вдругъ проснушагося послѣ многочисленныхъ дней запоя. Кажется, стоило бы покачнуть только его раза два рукой за плечо, и онъ тотчасъ бы опять охмѣлялъ.

Онъ было разлетѣлся въ гостиную, но вдругъ споткнулся въ дверяхъ о коверъ. Марья Тимоѣевна такъ и померла со смѣху. Онъ звѣрски поглядѣлъ на нее, и вдругъ сдѣлалъ нѣсколько быстрыхъ шаговъ къ Варварѣ Петровнѣ.

— Я пріѣхалъ, сударыня... прогремѣлъ было онъ, какъ въ трубу.

— Сдѣлайте мнѣ одолженіе, милостивый государь, выпрямилась Варвара Петровна,—возьмите мѣсто вотъ тамъ, на томъ стулѣ. Я васъ услышу и оттуда, а мнѣ отсюда виднѣе будетъ на васъ смотрѣть.

Капитанъ остановился, тупо глядя передъ собой, но, однако, повернулся и сѣлъ на указанное мѣсто, у самыхъ дверей. Сильная въ себѣ неувѣренность, а вмѣстѣ съ тѣмъ наглость и какая-то непрерывная раздражительность сказывались въ выраженіи его физиономіи. Онъ трусилъ ужасно, это было видно, но страдало и его самолюбіе, и можно было угадать, что изъ раздраженнаго самолюбія, онъ можетъ рѣшиться, несмотря на трусость, даже на всякую наглость, при случаѣ. Онъ видимо боялся за каждое движеніе своего неуклюжаго тѣла. Извѣстно, что самое глав-

ное страданіе всѣхъ подобныхъ господъ, когда они какимъ-нибудь чуднымъ случаемъ появляются въ обществѣ, составляютъ ихъ собственныя руки и ежеминутно сознаваемая невозможность куда-нибудь прилично дѣваться съ ними. Капитанъ замеръ на стулѣ съ своею шляпой и перчатками въ рукахъ и не сводя безсмысленнаго взгляда своего со строгаго лица Варвары Петровны. Ему, можетъ-быть, и хотѣлось бы внимательнѣе осмотрѣться кругомъ, но онъ пока еще не рѣшался. Марья Тимоѣевна, вѣроятно, найдя фигуру его опять ужасно смѣшною, захотала снова, но онъ не шевельнулся. Варвара Петровна безжалостно долго, цѣлую минуту выдержала его въ такомъ положеніи, безпощадно его разглядывая.

— Сначала позвольте узнать ваше имя отъ васъ самихъ? мѣрно и выразительно произнесла она.

— Капитанъ Лебядкинъ, прогремѣлъ капитанъ.—Я пріѣхалъ, сударыня... шевельнулся было онъ опять.

— Позвольте! опять остановила Варвара Петровна.— Эта жалкая особа, которая такъ заинтересовала меня, дѣйствительно ваша сестра?

— Сестра, сударыня, ускользнувшая изъ-подъ надзора, ибо она въ такомъ положеніи...

Онъ вдругъ запнулся и побагровѣлъ.

— Не примите превратно, сударыня, сбился онъ ужасно,—родной братъ не станетъ марать... въ такомъ положеніи, это значитъ не въ такомъ положеніи... въ смыслѣ пятнающемъ репутацію... на послѣднихъ порахъ...

Онъ вдругъ оборвалъ.

— Милостивый государь! подняла голову Варвара Петровна.

— Вотъ въ какомъ положеніи! внезапно заключилъ онъ, ткнувъ себя пальцемъ въ середину лба.

Послѣдовало нѣкоторое молчаніе.

— И давно она этимъ страдаетъ? протянула нѣсколько Варвара Петровна.

— Сударыня, я пріѣхалъ отблагодарить за выказанное на паперти великодушіе по-русски, по-братски...

— По-братски?

— То-есть не по-братски, а единственно въ томъ смыслѣ, что я братъ моей сестрѣ, сударыня, и повѣрьте, сударыня, зачастилъ онъ, опять побагровѣвъ,—что я не такъ необразованъ, какъ могу показаться съ перваго взгляда въ вашей гостиной. Мы съ сестрой ничто, сударыня, сравни-

тельно съ пышностію, которую здѣсь замѣчаемъ. Имѣя къ тому же клеветниковъ. Но до репутаціи Лебядкинь гордь, сударыня, и... и... я пріѣхалъ отблагодарить... Вотъ деньги, сударыня!

Тутъ онъ выхватилъ изъ кармана бумажникъ, рванулъ изъ него пачку кредитокъ и сталъ перебирать ихъ дрожащими пальцами въ неистовомъ припадкѣ нетерпѣнія. Видно было, что ему хотѣлось поскорѣе что-то разяснить, да и очень надо было; но, вѣроятно, чувствуя самъ, что возня съ деньгами придаетъ ему еще болѣе глупый видъ, онъ потерялъ послѣднее самообладаніе; деньги никакъ не хотѣли сосчитаться, пальцы путались, и, къ довершенію срама, одна зеленая депозитка, выскользнувъ изъ бумажника, полетѣла зигзагами на коверъ.

— Двадцать рублей, сударыня, вскочилъ онъ вдругъ съ пачкой въ рукахъ и со вспотѣвшимъ отъ страданія лицомъ; замѣтивъ на полу вылетѣвшую бумажку, онъ нагнулся было поднять ее, но, почему-то устыдившись, махнулъ рукой.

— Вашимъ людямъ, сударыня, лакею, который подберетъ; пусть помнитъ Лебядкину!

— Я этого никакъ не могу позволить, торопливо и съ нѣкоторымъ испугомъ проговорила Варвара Петровна.

— Въ такомъ случаѣ...

Онъ нагнулся, поднялъ, побагровѣлъ и, вдругъ приблизясь къ Варварѣ Петровнѣ, протянулъ ей отсчитанныя деньги.

— Чтò это? совсѣмъ уже, наконецъ, испугалась она и даже попятилась въ креслахъ.

Маврикій Николаевичъ, я и Степанъ Трофимовичъ шагнули каждый впередъ.

— Успокойтесь, успокойтесь, я не сумасшедшій, ей-Богу не сумасшедшій! въ волненіи увѣрялъ капитанъ на всѣ стороны.

— Нѣтъ, милостивый государь, вы съ ума сошли.

— Сударыня, это все не то, чтò вы думаете! Я, конечно, ничтожное звено... О, сударыня, богаты чертоги ваши, но бѣдны они у Маріи Неизвѣстной, сестры моей, урожденной Лебядкиной, но которую назовемъ пока Маріей Неизвѣстной, пока, сударыня, только пока, ибо навѣчно не допустить Самъ Богъ! Сударыня, вы дали ей десять рублей, и она приняла, но потому, что отъ васъ, сударыня! Слышите, сударыня! Ни отъ кого въ мірѣ не возьметъ эта Неизвѣстная Марія, иначе содрогнется во

гробъ штабъ-офицеръ, ея дѣдъ, убитый на Кавказѣ, па глазахъ самого Ермолова, но отъ васъ, сударыня, отъ васъ все возьметъ. Но одною рукой возьметъ, а другою протянетъ вамъ уже двадцать рублей, въ видѣ пожертвованія въ одинъ изъ столичныхъ комитетовъ благотворительности, гдѣ вы, сударыня, состоите членомъ... такъ какъ и сами вы, сударыня, публиковались въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, что у васъ состоитъ здѣшняя, по нашему городу, книга благотворительнаго общества, въ которую всякій можетъ подписываться...

Капитанъ вдругъ оборвалъ; онъ дышалъ тяжело, какъ послѣ какого-то труднаго подвига. Все это насчетъ комитета благотворительности, вѣроятно, было заранѣе подготовлено, можетъ-быть, также подъ редакціей Липутина. Онъ еще пуще вспотѣлъ; буквально капли пота выступали у него на вискахъ. Варвара Петровна пронзительно въ него всматривалась.

— Эта книга, строго проговорила она,—находится всегда внизу, у швейцара моего дома, тамъ вы можете подписать ваше пожертвованіе, если захотите. А потому прошу васъ спрятать теперь ваши деньги и не махать ими по воздуху. Вотъ такъ. Прошу васъ тоже занять ваше прежнее мѣсто. Вотъ такъ. Очень жалѣю, милостивый государь, что я ошиблась насчетъ вашей сестры и подала ей на бѣдность, когда она такъ богата. Не понимаю одного только, почему отъ меня одной она можетъ взять, а отъ другихъ ни за что не захочетъ. Вы такъ на этомъ настаивали, что я желаю совершенно точнаго объясненія.

— Сударыня, это тайна, которая можетъ быть похоронена лишь во гробѣ! отвѣчалъ капитанъ.

— Почему же? какъ-то не такъ уже твердо спросила Варвара Петровна.

— Сударыня, сударыня!..

Онъ мрачно примолкъ, смотря въ землю и приложивъ правую руку къ сердцу. Варвара Петровна ждала, не сводя съ него глазъ.

— Сударыня! взревѣлъ онъ вдругъ,—позволите-ли сдѣлать вамъ одинъ вопросъ, только одинъ, но открыто, прямо, по-русски, отъ души?

— Сдѣлайте одолженіе.

— Страдали вы, сударыня, въ жизни?

— Вы просто хотите сказать, что отъ кого-нибудь страдали или страдаете?

— Сударыня, сударыня! вскочилъ онъ вдругъ опять, вѣроятно, и не замѣчая того, и ударяя себя въ грудь.— Здѣсь, въ этомъ сердцѣ, накопило столько, столько, что удивится Самъ Богъ, когда обнаружится на страшномъ судѣ!

— Гм! сильно сказано.

— Сударыня, я, можетъ-быть, говорю языкомъ раздражительнымъ...

— Не безпокойтесь, я сама знаю, когда васъ надо будетъ остановить.

— Могу-ли предложить вамъ еще вопросъ, сударыня?

— Предложите еще вопросъ.

— Можно-ли умереть единственно отъ благородства своей души?

— Не знаю, не задавала себѣ такого вопроса.

— Не знаете! Не задавали себѣ такого вопроса! прокричалъ онъ съ патетическою проніей.—А коли такъ, коли такъ—

„Молчи безнадежное сердце!“

и онъ неистово стукнулъ себя въ грудь.

Онъ уже опять заходилъ по комнатѣ. Признакъ этихъ людей—совершенное безсиліе сдержать въ себѣ свои желанія; напротивъ, неупорядоченное стремленіе тотчасъ же ихъ обнаружить, со всею даже неопытною, чуть только они зародятся. Попавъ не въ свое общество, такой господинъ обыкновенно начинаетъ робко, но уступите ему на волосокъ, и онъ тотчасъ же перескочитъ на дерзости. Капитанъ уже горячился, ходилъ, махалъ руками, не слушалъ вопросовъ, говорилъ о себѣ шибко-шибко, такъ что языкъ его иногда подвертывался, и, не договоривъ, онъ перескакивалъ на другую фразу. Правда, едва-ли онъ былъ совсѣмъ трезвъ; тутъ сидѣла тоже Лизавета Николаевна, на которую онъ не взглянулъ ни разу, но присутствіе которой, кажется, страшно кружило его. Впрочемъ, это только уже предположеніе. Существовала же, стало-быть, причина, по которой Варвара Петровна, преодолевая отвращеніе, рѣшилась выслушивать такого человѣка. Прасковья Ивановна просто тряслась отъ страха, правда, не совсѣмъ, кажется, понимая, въ чемъ дѣло. Степанъ Трофимовичъ дрожалъ тоже, но, напротивъ, потому, что наклоненъ былъ всегда понимать съ излишкомъ. Маврикій Николаевичъ стоялъ въ позѣ всеобщаго оберегателя. Лиза была блѣдненькая и не отрываясь смотрѣла широко рас-

крытыми глазами на дикаго капитана. Шатовъ сидѣлъ въ прежней позѣ; но что страннѣе всего, Марья Тимоѣевна не только перестала смѣяться, но сдѣлалась ужасно грустна. Она облокотилась правою рукою на столъ и длиннымъ грустнымъ взглядомъ слѣдила за декламировавшимъ братцемъ своимъ. Одна лишь Дарья Павловна казалась мнѣ спокойною.

— Все это вздорныя аллегоріи, разсердилась, наконецъ, Варвара Петровна, — вы не отвѣтили на мой вопросъ: „почему?“ Я настоятельно жду отвѣта?

— Не отвѣтилъ „почему?“ Ждете отвѣта на „почему?“ переговорилъ капитанъ, подмигивая. — Это маленькое словечко „почему“ разлито во всей вселенной съ самаго перваго дня міросозданія, сударыня, и вся природа ежеминутно кричитъ своему Творцу: „почему?“ и вотъ уже семь тысячъ лѣтъ не получаетъ отвѣта. Неужто отвѣчать одному капитану Лебядкину, и справедливо-ли выйдетъ, сударыня?

— Это все вздоръ и не то! гнѣвалась и теряла терпѣніе Варвара Петровна. — Это аллегоріи; кромѣ того, вы слишкомъ пышно изволите говорить, милостивый государь, что я считаю дерзостью.

— Сударыня, не слушалъ капитанъ, — я, можетъ-быть, желалъ бы называться Эрнестомъ, а между тѣмъ принужденъ носить грубое имя Игната, — почему это, какъ вы думаете? Я желалъ бы называться княземъ де-Монбаромъ, а между тѣмъ я только Лебядкинъ, отъ лебеда, — почему это? Я поэтъ, сударыня, поэтъ въ душѣ, и могъ бы получать тысячу рублей отъ издателя, а между тѣмъ принужденъ жить въ лахани, почему, почему? Сударыня! По-моему, Россія есть игра природы — не болѣе!

— Вы рѣшительно ничего не можете сказать опредѣленнѣе?

— Я могу вамъ прочесть піесу „Тараканъ“, сударыня!

— Что-о-о?

— Сударыня, я еще не помѣшанъ! Я буду помѣшанъ, буду, навѣрно, но я еще не помѣшанъ! Сударыня, одинъ мой пріятель — благороднѣйшее лицо — написалъ одну басню Крылова, подъ названіемъ „Тараканъ“, — могу я прочесть ее?

— Вы хотите прочесть какую-то басню Крылова?

— Нѣтъ, не басню Крылова хочу я прочесть, а мою басню, собственную, мое сочиненіе! Повѣрьте же, сударыня, безъ обиды себѣ, что я не до такой степени уже

необразованъ и развращенъ, чтобы не понимать, что Россія обладаетъ великимъ баснописцемъ Крыловымъ, которому министромъ просвѣщенія воздвигнуть памятникъ въ Лѣтнемъ саду, для игры въ дѣтскомъ возрастѣ. Вы вотъ спрашиваете, сударыня: „почему?“ Отвѣтъ на днѣ этой басни, огненными литерами!

— Прочтите вашу басню.

— Жилъ на свѣтѣ тараканъ,
Тараканъ отъ дѣтства.
И потомъ попалъ въ стаканъ
Полный мухоѣдства...

— Господи, что такое? воскликнула Варвара Петровна.

— То-есть, когда лѣтомъ, заторопился капитанъ, ужасно махая руками, съ раздражительнымъ нетерпѣніемъ автора, которому мѣшаютъ читать,—когда лѣтомъ въ стаканъ налѣзутъ мухи, то происходитъ мухоѣдство, всякій дуракъ пойметъ, не перебивайте, не перебивайте, вы увидите, вы увидите... (онъ все махалъ руками).

Мѣсто заплалъ тараканъ,
Мухи возронтали,
Полонъ очень нашъ стаканъ,
Къ Юпитеру закричали.
Но пока у пухъ шелъ крикъ,
Подошелъ Никифоръ,
Бла-го-родивѣйшій старпкъ...

Тутъ у меня еще не dokonчено, но все равно, словами! трещалъ капитанъ. — Никифоръ беретъ стаканъ и, не смотря на крикъ, выплескиваетъ въ лаханъ всю комедію, и мухъ, и таракана, что давно надо было сдѣлать! Но замѣтте, замѣтте, сударыня, тараканъ не ропщеть! Вотъ отвѣтъ на вашъ вопросъ: „почему?“ вскричалъ онъ, торжествуя.— „Та-ра-канъ не ропщеть!“ Что же касается до Никифора, то онъ изображаетъ природу, прибавилъ онъ скороговоркой и самодовольно заходилъ по комнатѣ.

Варвара Петровна разсердилась ужасно.

— А въ какихъ деньгахъ, позвольте васъ спросить, полученныхъ будто бы отъ Николая Всеволодовича и будто бы вамъ не доданныхъ, вы осмѣлились обвинить одно лицо, принадлежащее къ моему дому?

— Клевета! взревѣлъ Лебядкинъ, трагически поднявъ правую руку.

— Нѣтъ, не клевета.

— Сударыня, есть обстоятельства, заставляющія сно-

сить скорѣе фамильный позоръ, чѣмъ провозгласить громко истину. Не проговорится Лебядкинъ, сударыня!

Онъ точно ослѣпъ; онъ былъ во вдохновеніи; онъ чувствовалъ свою значительность; ему навѣрно что-то такое представлялось. Ему уже хотѣлось обидѣть, какъ-нибудь нагадить, показать свою власть.

— Позвоните, пожалуйста, Степанъ Трофимовичъ, попросила Варвара Петровна.

— Лебядкинъ хитеръ, сударыня! подмигнулъ онъ со скверною улыбкой, — хитеръ, но есть и у него препона, есть и у него преддверіе страстей! И это преддверіе — старая боевая гусарская бутылка, воспѣтая Денисомъ Давыдовымъ. Вотъ когда онъ въ этомъ преддверіи, сударыня, тутъ и случается, что онъ отправитъ письмо въ стихахъ, великолѣпнѣйшее, — но которое желалъ бы потомъ возвратитъ обратно слезами всей своей жизни, ибо нарушается чувство прекраснаго. Но вылетѣла птичка — не поймашь за хвостъ! Вотъ въ этомъ-то преддверіи, сударыня, Лебядкинъ могъ проговорить насчетъ и благородной дѣвицы, въ видѣ благороднаго негодованія возмущенной обидами души, чѣмъ и воспользовались клеветники его. Но хитеръ Лебядкинъ, сударыня! И напрасно сидитъ надъ нимъ зловѣщій волкъ, ежеминутно подливая и ожидая конца: не проговорится Лебядкинъ, и на днѣ бутылки, вмѣсто ожидаемаго, оказывается каждый разъ — хитрость Лебядкина! Но довольно, о, довольно! Сударыня, ваши великолѣпные чертоги могли бы принадлежать благороднѣйшему изъ лицъ, но тараканъ не ропщеть! За мѣйте же, замѣйте, наконецъ, что не ропщеть, и познайте великій духъ!

Въ это мгновеніе снизу, изъ швейцарской, раздался звонокъ и почти тотчасъ же появился, нѣсколько замѣшканный на звонъ Степана Трофимовича, Алексѣй Егорычъ. Старый чинный слуга былъ въ какомъ-то необыкновенно возбужденномъ состояніи.

— Николай Всеволодовичъ изволили сію минуту при-быть и идутъ сюда-съ, произнесъ онъ въ отвѣтъ на просительный взглядъ Варвары Петровны.

Я особенно припоминаю ее въ то мгновеніе: сперва она поблѣднѣла, но вдругъ глаза ея засверкали. Она выпрямилась въ креслахъ, съ видомъ необычайной рѣшимости. Да и всѣ были поражены. Совершенно неожиданный пріѣздъ Николая Всеволодовича, котораго ждали у

насъ развѣ что черезъ мѣсяць, былъ страненъ не одною своею неожиданностью, а именно роковымъ какимъ-то совпадениемъ съ настоящею минутой. Даже капитанъ остановился какъ столбъ среди комнаты, разинувъ ротъ и съ ужасно глупымъ видомъ смотря на дверь.

И вотъ изъ сосѣдней залы, длинной и большой комнаты, раздались скорые приближающіеся шаги, маленькіе шаги, чрезвычайно частые; кто-то какъ будто катился, и вдругъ влетѣлъ въ гостиную — совсѣмъ не Николай Всеволодовичъ, а совершенно незнакомый никому молодой человѣкъ.

V.

Позволю себѣ пріостановиться и хотя нѣсколько бѣглыми штрихами очертить это внезапно появляющееся лицо.

Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати семи или около, немного выше средняго роста, съ жидкими бѣлокурыми, довольно длинными волосами и съ влочковаатыми, едва обозначавшимися усами и бородкой. Одѣтый чисто и даже по модѣ, но не щегольски, какъ будто съ перваго взгляда сутуловатый и мѣшковатый, но однакожъ совсѣмъ не сутуловатый и даже развязный. Какъ будто какой-то чудакъ, и однакоже всѣ у насъ находили потому его манеры весьма приличными, а разговоръ всегда идущимъ къ дѣлу.

Никто не скажетъ, что онъ дурень собой, но лицо его никому не нравится. Голова его удлинена къ затылку и какъ бы сплюснута съ боковъ, такъ что лицо его кажется вострымъ. Лобъ его высокъ и узокъ, но черты лица мелки; глазъ вострый, носикъ маленькій и востренькій, губы длинныя и тонкія. Выраженіе лица словно болѣзненное, но это только кажется. У него какая-то сухая складка на щекахъ и около скулъ, что придаетъ ему видъ какъ бы выздоравливающаго послѣ тяжелой болѣзни. И однакоже онъ совершенно здоровъ, силенъ и даже никогда не былъ боленъ.

Онъ ходитъ и движется очень торопливо, но никуда не торопится. Кажется, ничего не можетъ привести его въ смущеніе; при всякихъ обстоятельствахъ и въ какомъ угодно обществѣ онъ останется тотъ же. Въ немъ большое самодовольство, но самъ онъ его въ себѣ не примѣчаетъ нисколько.

Говоритъ онъ скоро, торопливо, но въ то же время са-

моувѣренно, и не лѣзеть за словомъ въ карманъ. Его мысли спокойны, несмотря на торопливый видъ, отчетливы и окончательны,—и это особенно выдается. Выговоръ его удивительно ясенъ; слова его сыплются какъ ровныя, крупныя зернышки, всегда подобранныя и всегда готовыя къ вашимъ услугамъ. Сначала это вамъ и нравится, но потомъ станетъ противно, и именно отъ этого слишкомъ уже яснаго выговора, отъ этого бисера вѣчно готовыхъ словъ. Вамъ какъ-то начинаетъ представляться, что языкъ у него во рту, должно-быть, какой-нибудь особенной формы, какой-нибудь необыкновенно длинный и тонкій, ужасно красный и съ чрезвычайно острыми, непрерывно и невольно вертящимся кончикомъ.

Ну, вотъ этотъ-то молодой человекъ и влетѣлъ теперь въ гостиную и, право, мнѣ до сихъ поръ кажется, что онъ заговорилъ еще изъ сосѣдней залы и такъ и вошелъ говоря. Онъ мигомъ очутился предъ Варварой Петровной.

— ...Представьте же, Варвара Петровна, сыпалъ онъ какъ бисеромъ,—я вхожу и думаю застать его здѣсь уже съ четверть часа; онъ полтора часа какъ пріѣхалъ; мы сошлись у Кириллова; онъ отправился, полчаса тому, прямо сюда и велѣлъ мнѣ тоже сюда приходите черезъ четверть часа...

— Да кто? Кто велѣлъ вамъ сюда приходите? допрашивала Варвара Петровна.

— Да Николай же Всеволодовичъ! Такъ неужели вы въ самомъ дѣлѣ только сію минуту узнаете? Но багажъ же его, по крайней мѣрѣ, долженъ давно прибыть, какъ же вамъ не сказали? Стало-быть, я первый и возвѣщаю. За нимъ можно было бы, однако, послать куда-нибудь, а впрочемъ, навѣрно онъ самъ сейчасъ явится и, кажется, именно то самое время, которое какъ разъ отвѣтствуетъ нѣкоторымъ его ожиданіямъ и, сколько я, по крайней мѣрѣ, могу судить, его нѣкоторымъ расчетамъ. Тутъ онъ обвелъ глазами комнату и особенно внимательно остановилъ ихъ на капитанѣ.—Ахъ, Лизавета Николаевна, какъ я радъ, что встрѣчаю васъ съ перваго же шагу, очень радъ пожать вашу руку, быстро подлетѣлъ онъ къ ней, чтобы подхватить протянувшуюся къ нему ручку весело улыбающейся Лизы, — и, сколько замѣчаю, многоуважаемая Прасковья Ивановна тоже не забыла, кажется, своего „профессора“ и даже на него не сердится, какъ всегда сердилась въ Швейцаріи. Но какъ, однакожъ, здѣсь ваши

ноги, Прасковья Ивановна, и справедливо-ли приговорилъ вамъ швейцарскій консиліумъ климатъ родины?... Какъ-съ? Примочки? Это очень должно-быть полезно. Но какъ я жалѣлъ, Варвара Петровна (быстро повернулся онъ опять), что не успѣлъ васъ застать тогда за границей и засвидѣтельствовать вамъ лично мое уваженіе, притомъ же такъ много имѣлъ сообщить... Я увѣдомлялъ сюда моего старика, но онъ, по своему обыкновенію, кажется...

— Петруша! вскричалъ Степанъ Трофимовичъ мгновенно выходя изъ оцѣпенѣнія; онъ всплеснулъ руками и бросился къ сыну.—*Piege, mon enfant*, а вѣдь я не узналъ тебя! сжалъ онъ его въ объятіяхъ, и слезы покатались изъ глазъ его.

— Ну, не шали, не шали, безъ жестовъ, ну, и довольно, довольно, прошу тебя, торопливо бормоталъ Петруша, стараясь освободиться изъ объятій.

— Я всегда, всегда былъ виноватъ предъ тобой!

— Ну, и довольно; объ этомъ мы послѣ. Такъ вѣдь и зналъ, что зашалишь. Ну, будь же немного потрезвѣе, прошу тебя.

— Но вѣдь я не видалъ тебя десять лѣтъ!

— Тѣмъ менѣе причинъ къ изліяніямъ...

— *Mon enfant*.

— Ну, вѣрю, вѣрю, что любишь, уברי свои руки. Вѣдь ты мѣшаешь другимъ... Ахъ, вотъ и Николай Всеволодовичъ, да не шали же, прошу тебя, наконецъ!

Николай Всеволодовичъ дѣйствительно былъ уже въ комнатѣ; онъ вошелъ очень тихо и на мгновеніе остановился въ дверяхъ, тихимъ взглядомъ окидывая собраніе.

Какъ и четыре года назадъ, когда въ первый разъ я увидалъ его, такъ точно и теперь, я былъ пораженъ съ перваго на него взгляда. Я нимало не забылъ его; но, кажется, есть такія фізіономіи, которыя всегда, каждый разъ, когда появляются, какъ бы приносятъ съ собой нѣчто новое, еще не примѣченное въ нихъ вами, хотя бы вы сто разъ прежде встрѣчались. Повидимому, онъ былъ все тотъ же, какъ и четыре года назадъ; такъ же изящень, такъ же важенъ, такъ же важно входилъ, какъ и тогда, даже почти такъ же молодъ. Легкая улыбка его была такъ же офиціально ласкова и такъ же самодовольна; взглядъ такъ же строгъ, вдумчивъ и какъ бы разсѣянъ. Однимъ словомъ, казалось, мы вчера только разстались. Но одно поразило меня: прежде хоть и считали его кра-

савцемъ, но лицо его дѣйствительно „походило на маску“, какъ выражались нѣкоторыя изъ злоязычныхъ дамъ нашего общества. Теперь же,—теперь же, не знаю почему, онъ съ перваго же взгляда показался мнѣ рѣшительнымъ, неоспоримымъ красавцемъ, такъ что уже никакъ нельзя было сказать, что лицо его походить на маску. Не оттого-ли, что онъ сталъ чуть-чуть блѣднѣе чѣмъ прежде и, кажется, нѣсколько похудѣлъ? Или, можетъ-быть, какая-нибудь новая мысль свѣтилась теперь въ его взглядѣ?

— Николай Всеволодовичъ! вскричала, вся выпрямившись и не сходя съ кресель, Варвара Петровна, останавливая его повелительнымъ жестомъ,—остановись на одну минуту!

Но чтобъ объяснить тотъ ужасный вопросъ, который вдругъ послѣдовалъ за этимъ жестомъ и восклицаніемъ,—вопросъ, возможности котораго я даже и въ самой Варварѣ Петровнѣ не могъ бы предположить, — я попрошу читателя вспомнить, что такое былъ характеръ Варвары Петровны во всю ея жизнь и необыкновенную стремительность его въ иппія чрезвычайныя минуты. Прошу тоже сообразить, что, несмотря на необыкновенную твердость души и на значительную долю разсудка и практическаго, такъ сказать, даже хозяйственнаго такта, которыми она обладала, все-таки въ ея жизни не переводились такія мгновенія, которымъ она отдавалась вдругъ вся, всецѣло и, если позволительно такъ выразиться, совершенно безъ удержа. Прошу взять, наконецъ, во вниманіе, что настоящая минута дѣйствительно могла быть для нея изъ такихъ, въ которыхъ вдругъ, какъ въ фокусѣ, сосредоточивается вся сущность жизни,— всего прожитого, всего настоящаго и, пожалуй, будущаго. Напомню еще вскользь и о полученномъ ею анонимномъ письмѣ, о которомъ она давеча такъ раздражительно проговорила Прасковѣ Ивановнѣ, при чемъ, кажется, умолчала о дальнѣйшемъ содержаніи письма; а въ немъ-то, можетъ-быть, и заключалась разгадка возможности того ужаснаго вопроса, съ которымъ она вдругъ обратилась къ сыну.

— Николай Всеволодовичъ, повторила она, отчеканивая слова твердымъ голосомъ, въ которомъ зазвучалъ грозный вызовъ,—прошу васъ, скажите сейчасъ же, не сходя съ этого мѣста, правда-ли, что эта несчастная, хромяя женщина,—вотъ она, вонъ тамъ, смотрите на нее! Правда-ли, что она... законная жена ваша?

Я слишвомъ помню это мгновеніе; онъ не смигнулъ даже глазомъ и пристально смотрѣлъ на мать; ни малѣйшаго измѣненія въ лицѣ его не послѣдовало. Наконецъ, онъ медленно улыбнулся какой-то снисходящей улыбкой и, не отвѣтивъ ни слова, тихо подошелъ къ мамашѣ, взялъ ея руку, почтительно поднесъ къ губамъ и поцѣловалъ. И до того было сильно всегдашнее, неодолимое вліяніе его на мать, что она и тутъ не посмѣла отдернуть руки. Она только смотрѣла на него, вся обратясь въ вопросъ, и весь видъ ея говорилъ, что еще одинъ мигъ, и она не вынесетъ неизвѣстности.

Но онъ продолжалъ молчать. Поцѣловавъ руку, онъ еще разъ окинулъ взглядомъ всю комнату и попрежнему не слѣша направился прямо къ Марьѣ Тимоѣевнѣ. Очень трудно описывать фізіономіи людей въ нѣкоторыя мгновенія. Мнѣ, напримѣръ, запомнилось, что Марья Тимоѣевна, вся замирая отъ испуга, поднялась къ нему навстрѣчу и сложила, какъ бы умоляя его, предъ собою руки; а вмѣстѣ съ тѣмъ вспоминается и восторгъ въ ея взглядѣ, какой-то безумный восторгъ, почти исказившій ея черты,—восторгъ, который трудно людьми выносятся. Можетъ, было и то, и другое—и испугъ, и восторгъ; но, помню, что я быстро къ ней придвинулся (я стоялъ почти подлѣ), мнѣ показалось, что она сейчасъ упадетъ въ обморокъ.

— Вамъ нельзя быть здѣсь, проговорилъ ей Николай Всеволодовичъ ласковымъ, мелодическимъ голосомъ, и въ глазахъ его засвѣтилась необыкновенная нѣжность.

Онъ стоялъ предъ нею въ самой почтительной позѣ, и въ каждомъ движеніи его сказывалось самое искреннее уваженіе. Бѣдняжка стремительнымъ полушопотомъ, задыхаясь, пролепетала ему:

— А мнѣ можно... сейчасъ... стать предъ вами на колѣни?

— Нѣтъ, этого никакъ нельзя, великолѣпно улыбнулся онъ ей, такъ что и она вдругъ радостно усмѣхнулась.

Тѣмъ же мелодическимъ голосомъ и нѣжно уговаривая ее, точно ребенка, онъ съ важностью прибавилъ:

— Подумайте о томъ, что вы дѣвушка, а я хоть и самый преданный другъ вашъ, но все же вамъ посторонній челоуѣкъ, не мужъ, не отецъ, не женихъ. Дайте же руку вашу и пойдите; я провожу васъ до кареты и, если позволите, самъ отвезу васъ въ вашъ домъ.

Она выслушала и какъ бы въ раздумьи склонила голову.

— Пойдемте, сказала она, вздохнувъ и подавая ему руку.

Но тутъ съ нею случилось маленькое несчастіе. Должно-быть, она неосторожно какъ-нибудь повернулась и ступила на свою больную, короткую ногу, — словомъ, она упала всѣмъ бокомъ на кресло, и не будь этихъ кресель, полетѣла бы на полъ. Онъ мигомъ подхватилъ ее и поддержалъ, крѣпко взявъ подъ руку и, съ участіемъ, осторожно повелъ къ дверямъ. Она видимо была огорчена своимъ паденіемъ, смутилась, покраснѣла и ужасно застыдилась. Молча смотря въ землю, глубоко прихрамывая, она заковыляла за нимъ, почти повиснувъ на его рукѣ. Такъ они и вышли. Лиза, я видѣлъ, для чего-то вдругъ привскочила съ кресла, пока они выходили, и неподвижнымъ взглядомъ прослѣдила ихъ до самыхъ дверей. Потомъ молча сѣла опять, но въ лицѣ ея было какое-то судорожное движеніе, какъ будто она дотронулась до какого-то гада.

Пока шла вся эта сцена между Николаемъ Всеволодовичемъ и Марьей Тимоѣевной, всѣ молчали въ изумленіи; муху бы можно услышать; но только что они вышли, всѣ вдругъ заговорили.

VI.

Говорили, впрочемъ, мало, а болѣе восклицали. Я немножко забылъ теперь, какъ это все происходило тогда по порядку, потому что вышла сумятица. Воскликнулъ что-то Степанъ Трофимовичъ по-французски и сплеснулъ руками, но Варварѣ Петровнѣ было не до него. Даже пробормоталъ что-то отрывисто и скоро Маврикій Николаевичъ. Но всѣхъ болѣе горячился Петръ Степановичъ; онъ въ чемъ-то отчаянно убѣждалъ Варвару Петровну, съ большими жестами, но я долго не могъ понять. Обращался и къ Прасковьѣ Ивановнѣ, и къ Лизаветѣ Николаевнѣ, даже мелькомъ, сгорая, крикнулъ что-то отцу, — однимъ словомъ, очень вертѣлся по комнатѣ. Варвара Петровна, вся раскраснѣвшись, вскочила было съ мѣста и крикнула Прасковьѣ Ивановнѣ: „Слышала, слышала ты, что онъ здѣсь ей сейчасъ говорилъ?“ Но та ужъ и отвѣчать не могла, а только пробормотала что-то, махнувъ рукой. У бѣдной была своя забота: она поминутно поворачивала

голову въ Лизѣ и смотрѣла на нее въ безотчетномъ страхѣ, а встать и уѣхать и думать уже не смѣла, пока не подымется дочь. Тѣмъ временемъ капитанъ навѣрно хотѣлъ улизнуть. Это я подмѣтилъ. Онъ былъ въ сильпомъ и несомнѣнномъ испугѣ, съ самаго того мгновенія, какъ появился Николай Всеволодовичъ; но Петръ Степановичъ схватилъ его за руку и не далъ уйти.

— Это необходимо, необходимо, сыпаль онъ своимъ бисеромъ Варварѣ Петровнѣ, все продолжая ее убѣждать.

Онъ стоялъ предъ нею, а она уже опять сидѣла въ креслахъ, и, помню, съ жадностью его слушала; онъ таки добился того и завладѣлъ ея вниманіемъ.

— Это необходимо. Вы сами видите, Варвара Петровна, что тутъ недоразумѣніе, и на видъ много чуднаго, а между тѣмъ дѣло ясное какъ свѣчка и простое какъ палецъ. Я слишкомъ понимаю, что никѣмъ не уполномоченъ рассказывать и имѣю, пожалуй, смѣшной видъ, самъ напращиваясь. Но, во-первыхъ, самъ Николай Всеволодовичъ не придаетъ этому дѣлу никакого значенія, и, наконецъ, все же есть случаи, въ которыхъ трудно человѣку рѣшиться на личное объясненіе самому, а надо непремѣнно, чтобы взялось за это третье лицо, которому легче высказать нѣкоторыя деликатныя вещи. Повѣрьте, Варвара Петровна, что Николай Всеволодовичъ нисколько не виновать, не отвѣтивъ на вашъ давешній вопросъ тотчасъ же, радикальнымъ объясненіемъ, несмотря на то, что дѣло плевое; я знаю его еще съ Петербурга. Къ тому же весь анекдотъ дѣлаетъ только честь Николаю Всеволодовичу, если ужъ непремѣнно надо употребить это неопредѣленное слово „честь“...

— Вы хотите сказать, что вы были свидѣтелемъ какого-то случая, отъ котораго произошло... это недоумѣніе? спросила Варвара Петровна.

— Свидѣтелемъ и участникомъ, поспѣшно подтвердилъ Петръ Степановичъ.

— Если вы дадите мнѣ слово, что это не обидитъ деликатности Николая Всеволодовича, въ извѣстныхъ мнѣ чувствахъ его ко мнѣ, отъ которой онъ ни-че-го не скрываетъ... и если вы такъ притомъ увѣрены, что этимъ даже сдѣлаете ему удовольствіе...

— Непремѣнно удовольствіе, потому-то и самъ вмѣняю себѣ въ особенное удовольствіе. Я убѣжденъ, что онъ самъ бы меня просилъ.

Довольно странно было и внѣ обыкновенныхъ пріемовъ это навязчивое желаніе этого вдругъ упавшаго съ неба господина рассказывать чужіе анекдоты. Но онъ поймалъ Варвару Петровну на удочку, дотронувшись до слишкомъ наболѣвшаго мѣста. Я еще не зналъ тогда характера этого человѣка вполне, а ужъ тѣмъ болѣе его намѣреній.

— Васъ слушаютъ, сдержанно и осторожно возвѣстила Варвара Петровна, нѣсколько страдая отъ своего снисхожденія.

— Вещь короткая; даже, если хотите, по-настоящему это и не анекдотъ, посыпался бисеръ.— Впрочемъ, романистъ отъ бездѣлья могъ бы испечь романъ. Довольно интересная вещица, Прасковья Ивановна, и я увѣренъ, что Лизавета Николаевна съ любопытствомъ выслушаетъ, потому что тутъ много если не чудныхъ, то причудливыхъ вещей. Лѣтъ пять тому, въ Петербургѣ, Николай Всеволодовичъ узналъ этого господина, — вотъ этого самаго господина Лебядкина, который стоитъ разиня ротъ и, кажется, собирался сейчасъ улизнуть. Извините, Варвара Петровна. Я вамъ, впрочемъ, не совѣтую улепетывать, господинъ отставной чиновникъ бывшаго провіантскаго вѣдомства (видите, я отлично васъ помню). И мнѣ, и Николаю Всеволодовичу слишкомъ извѣстны ваши здѣшнія продѣлки, въ которыхъ, не забудьте это, вы должны будете дать отчетъ. Еще разъ прошу извиненія, Варвара Петровна. Николай Всеволодовичъ называлъ тогда этого господина своимъ Фальстафомъ; это, должно-быть (пояснилъ онъ вдругъ), какой-нибудь бывший характеръ *biglesque*, надъ которымъ всѣ смѣются и который самъ позволяетъ надъ собою всѣмъ смѣяться, лишь бы платили деньги. Николай Всеволодовичъ велъ тогда въ Петербургѣ жизнь, такъ сказать, насмѣшливую, — другимъ словомъ не могу опредѣлить ее, потому что въ разочарованіе этотъ человѣкъ не впадетъ, а дѣломъ онъ и самъ тогда пренебрегалъ заниматься. Я говорю про одно лишь тогдашнее время, Варвара Петровна. У Лебядкина этого была сестра, вотъ эта самая, что сейчасъ здѣсь сидѣла. Братецъ и сестрица не имѣли своего угла и скитались по чужимъ. Онъ бродилъ подъ арками Гостиного двора, непременно въ бывшемъ мундирѣ, и останавливалъ прохожихъ съ виду почище, а что наберетъ — пропивалъ. Сестрица же кормилась, какъ птица небесная. Она тамъ въ углахъ

помогала и за нужду прислуживала. Содомъ былъ ужаснѣйшій; я миную картину этой угловой жизни, — жизни, которой изъ чудачества предавался тогда и Николай Всеволодовичъ. Я только про тогдашнее время, Варвара Петровна; а что касается до „чудачества“, то это его собственное выраженіе. Онъ многое отъ меня не скрываетъ. М-ле Лебядкина, которой одно время слишкомъ часто пришлось встрѣчать Николая Всеволодовича, была поражена его наружностью. Это былъ, такъ сказать, брильянтъ на грязномъ фонѣ ея жизни. Я плохой описатель чувства, а потому пройду мимо; но ее тотчасъ же подняли дрянные людишки на смѣхъ, и она загрустила. Тамъ вообще надъ нею смѣялись, но прежде она вовсе не замѣчала того. Голова ея уже и тогда была не въ порядкѣ, но тогда все-таки не такъ, какъ теперь. Есть основаніе предположить, что въ дѣтствѣ, черезъ какую-то благодѣтельница, она чуть было не получила воспитанія. Николай Всеволодовичъ никогда не обращалъ на нее ни малѣйшаго вниманія и игралъ больше въ старыя замасленныя карты по четверть копейки въ преферансъ съ чиновниками. Но разъ, когда ее обижали, онъ (не спрашивая причины) схватилъ одного чиновника за шиворотъ и спустилъ изъ второго этажа въ окно. Никакихъ рыцарскихъ негодованій въ пользу оскорбленной невинности тутъ не было: вся операція произошла при общемъ смѣхѣ, и смѣялся всѣхъ больше Николай Всеволодовичъ самъ; когда же все кончилось благополучно, то помирились и стали пить пуншъ. Но угнетенная невинность сама про то не забыла. Разумѣется, кончилось окончательнымъ сотрясеніемъ ея умственныхъ способностей. Повторяю, я плохой описатель чувствъ, но тутъ главное мечта. А Николай Всеволодовичъ, какъ нарочно, еще болѣе раздражалъ мечту: вмѣсто того, чтобы разсмѣяться, онъ вдругъ сталъ обращаться къ м-ле Лебядкиной съ неожиданнымъ уваженіемъ. Кирилловъ, тутъ бывший (чрезвычайный оригиналъ, Варвара Петровна, и чрезвычайно отрывистый человекъ; вы, можетъ-быть, когда-нибудь его увидите, онъ теперь здѣсь), ну, такъ вотъ этотъ Кирилловъ, который по обыкновенію все молчитъ, а тутъ вдругъ разгорячился, замѣтилъ, я помню, Николаю Всеволодовичу, что тотъ третируетъ эту госпожу какъ маркизу и тѣмъ окончательно ее добиваетъ. Прибавлю, что Николай Всеволодовичъ нѣсколько уважалъ этого Кириллова. Что-жъ, вы думаете, онъ ему

отвѣтилъ: „Вы полагаете, господинъ Кирилловъ, что я смѣюсь надъ нею; разувѣрьтесь, я въ самомъ дѣлѣ ее уважаю, потому что она всѣхъ насъ лучше“. И, знаете, такимъ серьезнымъ тономъ сказалъ. Между тѣмъ въ эти два-три мѣсяца, онъ кромѣ *здравствуйте*, да *прощайте*, въ сущности не проговорилъ съ ней ни слова. Я, тутъ бывшій, навѣрно помню, что она до того уже, накопецъ, дошла, что считала его чѣмъ-то въ родѣ жениха своего, не смѣющаго ее „похитить“ единственно потому, что у него много враговъ и семейныхъ препятствій, или что-то въ этомъ родѣ. Много тутъ было смѣху! Кончилось тѣмъ, что когда Николаю Всеволодовичу пришлось тогда отпра- вляться сюда, онъ, уѣзжая, распорядился объ ея содержа- нии и, кажется, довольно значительномъ ежегодномъ пен- сionѣ, рублей въ триста, по крайней мѣрѣ, если не болѣе. Однимъ словомъ, положимъ, все это съ его стороны ба- ловство, фантазія преждевременно уставшаго человѣка,— пусть даже, наконецъ, какъ говорилъ Кирилловъ, это былъ новый этюдъ пресыщеннаго человѣка съ цѣлью узнать, до чего можно довести сумасшедшую калѣку. „Вы, гово- рить, нарочно выбрали самое послѣднее существо, калѣку, покрытую вѣчнымъ позоромъ и побоями, — и, вдобавокъ, зная, что это существо умираетъ къ вамъ отъ комической любви своей, и вдругъ вы нарочно принимаетесь ее моро- чить, единственно для того, чтобы посмотреть, что изъ этого выйдетъ!“ Чѣмъ, наконецъ, такъ особенно виноватъ человѣкъ въ фантазіяхъ сумасшедшей женщины, съ кото- рой, замѣтите, онъ врядъ-ли двѣ фразы во все время выговорилъ! Есть вещи, Варвара Петровна, о которыхъ не только нельзя умно говорить, но о которыхъ и начи- нать-то говорить не умно. Ну, пусть, наконецъ, чудаче- ство — но вѣдь болѣе-то ужъ ничего нельзя сказать; а между тѣмъ теперь вотъ изъ этого сдѣлали исторію... Мнѣ отчасти извѣстно, Варвара Петровна, о томъ, что здѣсь происходитъ.

Разсказчикъ вдругъ оборвалъ и повернулся было къ Лебядкину, но Варвара Петровна остановила его; она была въ сильнѣйшей экзальтаціи.

— Вы кончили? спросила она.

— Нѣтъ еще; для полноты мнѣ надо бы, если позво- лите, допросить тутъ кое-въ-чемъ вотъ этого господина... Вы сейчасъ увидите, въ чемъ дѣло, Варвара Петровна.

— Довольно, послѣ, остановитесь на минуту, прошу

вась. О, какъ я хорошо сдѣлала, что допустила вась говорить!

— И замѣьте, Варвара Петровна, встрепенулся Петръ Степановичъ, — ну, могъ-ли Николай Всеволодовичъ самъ объяснить вамъ это все давеча, въ отвѣтъ на вашъ вопросъ, — можетъ-быть, слишкомъ ужъ категорическій?

— О, да, слишкомъ!

— И не правъ-ли я былъ, говоря, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ третьему человѣку гораздо легче объяснить, чѣмъ самому заинтересованному!

— Да, да... Но въ одномъ вы ошиблись, и, съ сожалѣніемъ вижу, продолжаете ошибаться.

— Неужели? Въ чемъ это?

— Видите... А, впрочемъ, если бы вы сѣли, Петръ Степановичъ.

— О, какъ вамъ угодно, я и самъ усталъ, благодарю вась.

Онъ мигомъ выдвинулъ кресло и повернулъ его такъ, что очутился между Варварой Петровной, съ одной стороны, Прасковьей Ивановной у стола съ другой и лицомъ къ господину Лебядкину, съ котораго онъ ни на минутку не спускалъ своихъ глазъ.

— Вы ошибаетесь въ томъ, что называете это „чужаствомъ“...

— О, если только это...

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, подождите, остановила Варвара Петровна, очевидно, приготовляясь много и съ упоеніемъ говорить.

Петръ Степановичъ лишь только замѣтилъ это, весь обратился во вниманіе.

— Нѣтъ, это было бы нѣчто высшее чужаства, и, увѣряю вась, нѣчто даже святое! Человѣкъ гордый и рапо оскорбленный, дошедшій до той „насмѣшливости“, о которой вы такъ мѣтко упомянули; однимъ словомъ, принцъ Гарри, какъ великолѣпно сравнилъ тогда Степанъ Трофимовичъ и что было бы совершенно вѣрно, если бъ онъ не походилъ еще болѣе на Гамлета, по крайней мѣрѣ, по моему взгляду.

— Et vous avez raison, съ чувствомъ и вѣско отозвался Степанъ Трофимовичъ.

— Благодарю вась, Степанъ Трофимовичъ, вась я особенно благодарю и именно за вашу всегдашнюю вѣру въ Nicolas, въ высоту его души и призванія. Эту вѣру вы даже во мнѣ подкрѣпляли, когда я падала духомъ.

— Chère, chère...

Степанъ Трофимовичъ шагнулъ было уже впередъ, но приостановился, разсудивъ, что прерывать опасно.

— И если бы всегда подлѣ Nicolas (отчасти пѣла уже Варвара Петровна) находился тихій, великій въ смиреніи своемъ Гораціо,—другое прекрасное выраженіе ваше, Степанъ Трофимовичъ,—то, можетъ-быть, онъ давно уже былъ бы спасенъ отъ грустнаго и „внезапнаго демона ироніи“, который всю жизнь терзалъ его. (О демонъ ироніи, опять удивительное выраженіе ваше, Степанъ Трофимовичъ). Но у Nicolas никогда не было ни Гораціо, ни Офеліи. У него была лишь одна его мать, но что же можетъ сдѣлать мать одна и въ такихъ обстоятельствахъ? Знаете, Петръ Степановичъ, мнѣ становится даже чрезвычайно понятнымъ, что такое существо, какъ Nicolas, могъ являться даже и въ такихъ грязныхъ трущобахъ, про которыя вы разсказывали. Мнѣ такъ ясно представляется теперь эта „насмѣшливость“ жизни (удивительно мѣткое выраженіе ваше!), эта ненасытимая жажда контраста, этотъ мрачный фонъ картины, на которомъ онъ является какъ брильянтъ, по вашему же опять сравненію, Петръ Степановичъ. И вотъ онъ встрѣчаетъ тамъ всѣми обиженное существо, калѣку и полупомѣшанную, и въ то же время, можетъ-быть, съ благороднѣйшими чувствами!..

— Гм... Да, положимъ.

— И вамъ послѣ этого не понятно, что онъ не смѣется надъ нею, какъ всѣ! О, люди! Вамъ не понятно, что онъ защищаетъ ее отъ обидчиковъ, окружаетъ ее уваженіемъ „какъ маркизу“ (этотъ Кирилловъ, должно-быть, необыкновенно глубоко понимаетъ людей, хотя и онъ не понималъ Nicolas!). Если хотите, тутъ именно черезъ этотъ контрастъ и вышла бѣда; если бы несчастная была въ другой обстановкѣ, то, можетъ-быть, и не дошла бы до такой умоизступленной мечты. Женщина, женщина только можетъ понять это, Петръ Степановичъ, и какъ жаль, что вы... то-есть не то, что вы не женщина, а, по крайней мѣрѣ, на этотъ разъ, чтобы понять!

— То-есть въ томъ смыслѣ, что, чѣмъ хуже, тѣмъ лучше, я понимаю, понимаю, Варвара Петровна. Это въ родѣ какъ въ религій: чѣмъ хуже человѣку жить или чѣмъ забитѣе или бѣднѣе весь народъ, тѣмъ упрямѣе мечтаетъ онъ о вознагражденіи въ раю, а если при этомъ хлопочетъ еще сто тысячъ священниковъ, разжигая мечту

и на нее спекулируя, то... я понимаю васъ, Варвара Петровна, будьте покойны.

— Это, положимъ, не совсѣмъ такъ, но скажите, неужели Nicolas, чтобы погасить эту мечту въ этомъ несчастномъ организмѣ (для чего Варвара Петровна тутъ употребила слово организмъ, я не могъ понять), неужели онъ долженъ былъ самъ надъ нею смѣяться и съ нею обращаться какъ другіе чиновники? Неужели вы отвергаете то высокое состраданіе, ту благородную дрожь всего организма, съ которою Nicolas вдругъ строго отвѣчаетъ Кириллову: „Я не смѣюсь надъ нею“. Высокій, святой отвѣтъ!

— Sublime, пробормоталъ Степанъ Трофимовичъ.

— И замѣтите, онъ вовсе не такъ богатъ, какъ вы думаете; богата я, а не онъ, а онъ у меня тогда почти вовсе не бралъ.

— Я понимаю, понимаю все это, Варвара Петровна, пѣсколько уже нетерпѣливо шевелился Петръ Степановичъ.

— О, это мой характеръ! Я узнаю себя въ Nicolas. Я узнаю эту молодость, эту возможность бурныхъ, грозныхъ порывовъ... И если мы когда-нибудь сблизимся съ вами, Петръ Степановичъ, чего я съ моей стороны желаю такъ искренно, тѣмъ болѣе, что вамъ уже такъ обязана, то вы, можетъ-быть, поймете тогда...

— О, повѣрите, я желаю, съ моей стороны, отрывисто пробормоталъ Петръ Степановичъ.

— Вы поймете тогда тотъ порывъ, по которому въ этой слѣпотѣ благородства вдругъ берутъ человѣка даже недостойнаго себя во всѣхъ отношеніяхъ, человѣка глубоко непонимающаго васъ, готоваго васъ измучить при всякой первой возможности, и такого-то человѣка, наперекоръ всему, воплощаютъ вдругъ въ какой-то идеаль, въ свою мечту, совокупаютъ на немъ всѣ надежды свои, преклоняются предъ нимъ, любятъ его всю жизнь, совершенно не зная за что,—можетъ-быть, именно за то, что онъ недостойнъ того... О, какъ я страдала всю жизнь, Петръ Степановичъ!

Степанъ Трофимовичъ съ болѣзненнымъ видомъ сталъ ловить мой взглядъ; но я во-время увернулся.

— ... И еще недавно, недавно — о, какъ я виновата предъ Nicolas!.. Вы не повѣрите, они измучили меня со всѣхъ сторонъ, всѣ, всѣ, и враги, и людишки, и друзья; друзья, можетъ-быть, больше враговъ. Когда мнѣ при-

слали первое презрѣнное, анонимное письмо, Петръ Степановичъ, то вы не повѣрите этому, у меня недостало, наконецъ, презрѣнія въ отвѣтъ на всю эту злость... Никогда, никогда не прощу себѣ моего малодушія!

— Я уже слышалъ кое-что вообще о здѣшнихъ анонимныхъ письмахъ, оживился вдругъ Петръ Степановичъ, — и я вамъ ихъ разыщу, будьте покойны.

— Но вы не можете вообразить, какія здѣсь начались интриги! — они измучили даже нашу бѣдную Прасковью Ивановну — а ее-то ужъ по какой причинѣ? Я, можетъ-быть, слишкомъ виновата предъ тобой сегодня, моя милая Прасковья Ивановна, прибавила она въ великодушномъ порывѣ умиленія, но не безъ нѣкоторой побѣдоносной ироніи.

— Полноте, матушка, пробормотала та нехотя, — а по моему, это бы все надо кончить; слишкомъ говорено...

И она опять робко поглядѣла на Лизу, но та смотрѣла на Петра Степановича.

— А это бѣдное, это несчастное существо, эту безумную, утратившую все и сохранившую одно сердце, я намѣрена теперь сама усыновить! вдругъ воскликнула Варвара Петровна. — Это долгъ, который я намѣрена свято исполнить. Съ этого же дня беру ее подъ мою защиту!

— И это даже будетъ очень хорошо-съ, въ нѣкоторомъ смыслѣ! совершенно оживился Петръ Степановичъ. — Извините, я давеча не докопчилъ. Я именно о покровительствѣ. Можете представить, что когда уѣхалъ тогда Николай Всеволодовичъ (я начинаю съ того именно мѣста, гдѣ остановился, Варвара Петровна), этотъ господинъ, вотъ этотъ самый господинъ Лебядкинъ мигомъ вообразилъ себя въ правѣ распорядиться пенсіономъ, назначеннымъ его сестрицѣ, безъ остатка; и распорядился. Я не знаю въ точности, какъ это было тогда устроено Николаемъ Всеволодовичемъ, но черезъ годъ, ужъ изъ-за границы, опъ, узнавъ о происходившемъ, принужденъ былъ распорядиться иначе. Опять не знаю подробностей, опъ ихъ самъ расскажетъ, но знаю только, что интересную особу помѣстили гдѣ-то въ отдаленномъ монастырѣ, весьма даже комфортно, но подъ дружескимъ присмотромъ — понимаете? На что же, вы думаете, рѣшается господинъ Лебядкинъ? Онъ употребляетъ сперва всѣ усилія, чтобы разыскать, гдѣ скрываютъ отъ него оброчную статью, то-есть сестрицу, недавно только достигаетъ цѣли, беретъ

ее изъ монастыря, предъявивъ какое-то на нее право, и привозить ее прямо сюда. Здѣсь онъ ее не кормить, бьеть, тиранить, наконецъ, получаетъ какимъ-то путемъ отъ Николая Всеволодовича значительную сумму, тотчасъ же пускается пьянствовать, а вмѣсто благодарности, кончаетъ дерзкимъ вызовомъ Николаю Всеволодовичу, бессмысленными требованіями, угрожая, въ случаѣ неплатежа пенсіона впредь ему прямо въ руки, судомъ. Такимъ образомъ, добровольный даръ Николая Всеволодовича онъ принимаетъ за дань,—можете себѣ представить? Господинъ Лебядкинъ, правда-ли *все* то, что я здѣсь сейчасъ говорилъ?

Капитанъ, до сихъ поръ стоявшій молча и потупивъ глаза, быстро шагнулъ два шага впередъ и весь побавровѣлъ.

— Петръ Степановичъ, вы жестоко со мной поступили, проговорилъ онъ, точно оборвалъ.

— Какъ это жестоко, и почему-съ? Но, позвольте, мы о жестокости или о мягкости послѣ, а теперь я прошу васъ только отвѣтить на первый вопросъ: правда-ли *все* то, что я говорилъ, или нѣтъ? Если вы находите, что неправда, то вы можете немедленно сдѣлать свое заявленіе.

— Я... вы сами знаете, Петръ Степановичъ... пробормоталъ капитанъ, осѣкся и замолчалъ.

Надо замѣтить, что Петръ Степановичъ сидѣлъ въ креслахъ, заложивъ пога на ногу, а капитанъ стоялъ предъ нимъ въ самой почтительной позѣ.

Колебанія господина Лебядкина, кажется, очень не понравились Петру Степановичу: лицо его передернулось какой-то злобной судорогой.

— Да вы уже въ самомъ дѣлѣ не хотите-ли что-нибудь заявить? тонко поглядѣлъ онъ на капитана.—Въ такомъ случаѣ сдѣлайте одолженіе, васъ ждуть.

— Вы сами знаете, Петръ Степановичъ, что я не могу ничего заявлять.

— Нѣтъ, я этого не знаю, въ первый разъ даже слышу; почему такъ вы не можете заявлять?

Капитанъ молчалъ, опустивъ глаза въ землю.

— Позвольте мнѣ уйти, Петръ Степановичъ, проговорилъ онъ рѣшительно.

— Но не ранѣе того, какъ вы дадите какой-нибудь отвѣтъ на мой первый вопросъ: правда *все*, что я говорилъ?

— Правда-съ, глухо проговорилъ Лебядкинъ и вскинулъ глазами на мучителя.

Даже потъ выступилъ на вискахъ его.

— *Все* правда?

— Все правда-съ.

— Не найдете-ли вы что-нибудь прибавить, замѣтить? Если чувствуете, что мы несправедливы, то заявите это; протестуйте, заявляйте вслухъ ваше неудовольствіе.

— Нѣтъ, ничего не нахожу.

— Угрожали вы недавно Николаю Всеволодовичу?

— Это... это, тутъ было больше вино, Петръ Степановичъ. (Онъ подпялъ вдругъ голову).—Петръ Степановичъ! Если фамильная честь и незаслуженный сердцемъ позоръ возопіютъ межъ людей, то тогда—неужели и тогда виновать человѣкъ? взревѣлъ онъ, вдругъ забывшись подавленному.

— А вы теперь трезвы, господинъ Лебядкинъ? пронзительно поглядѣлъ на него Петръ Степановичъ.

— Я... трезвъ.

— Что это такое значить фамильная честь и незаслуженный сердцемъ позоръ?

— Это я про никого, я никого не хотѣлъ. Я про себя... провалился опять капитанъ.

— Вы, кажется, очень обидѣлись моими выраженіями про васъ и ваше поведеніе? Вы очень раздражительны, господинъ Лебядкинъ. Но, позвольте, я вѣдь еще ничего не начиналъ про ваше поведеніе, въ его настоящемъ видѣ. Я начну говорить про ваше поведеніе, въ его настоящемъ видѣ. Я начну говорить, это очень можетъ случиться, но я вѣдь еще не начиналъ въ *настоящемъ* видѣ.

Лебядкинъ вздрогнулъ и дико уставился на Петра Степановича.

— Петръ Степановичъ, я теперь лишь начинаю просыпаться!

— Гм! И это я васъ разбудилъ?

— Да, это вы меня разбудили, Петръ Степановичъ, а я спалъ четыре года подъ висѣвшей тучей. Могу я, наконецъ, удалиться, Петръ Степановичъ?

— Теперь можете, если только сама Варвара Петровна не найдетъ необходимымъ...

Но та замахала руками.

Капитанъ поклонился, шагнулъ два шага къ дверямъ, вдругъ остановился, приложилъ руку къ сердцу, хотѣлъ

было что-то сказать, не сказалъ, и быстро побѣжалъ вонъ. Но въ дверяхъ какъ разъ столкнулся съ Николаемъ Всеволодовичемъ; тотъ посторонился; капитанъ какъ-то весь вдругъ съежился предъ нимъ и такъ и замеръ на мѣстѣ, не отрывая отъ него глазъ, какъ кроликъ отъ удава. Подождавъ немного, Николай Всеволодовичъ слегка отстранилъ его рукой и вошелъ въ гостиную.

VII.

Онъ былъ веселъ и спокоенъ. Можетъ, что-нибудь съ нимъ случилось сейчасъ очень хорошее, еще намъ неизвѣстное; но онъ, казалось, былъ даже чѣмъ-то особенно доволенъ.

— Простишь-ли ты меня, Nicolas? не утерпѣла Варвара Петровна, и поспѣшно встала ему навстрѣчу.

Но Nicolas рѣшительно разсмѣялся.

— Такъ и есть! воскликнулъ онъ добродушно и шуточно.—Вижу, что вамъ уже все извѣстно. А я какъ вышелъ отсюда, и задумался въ каретѣ: „по крайней мѣрѣ, надо было хоть анекдотъ рассказать, а то кто же такъ уходить?“ Но какъ вспомнилъ, что у васъ остается Петръ Степановичъ, то и забота соскочила.

Говоря, онъ бѣгло осматривался кругомъ.

— Петръ Степановичъ рассказалъ намъ одну древнюю петербургскую исторію изъ жизни одного причудливаго, восторженно подхватила Варвара Петровна,—одного капризнаго и сумасшедшаго человѣка, но всегда высокаго въ своихъ чувствахъ, всегда рыцарски-благороднаго...

— Рыцарски? Неужто у васъ до того дошло? смѣялся Nicolas.—Впрочемъ, я очень благодаренъ Петру Степановичу на этотъ разъ за его торопливость (тутъ онъ обмѣнялся съ нимъ мгновеннымъ взглядомъ). Надобно вамъ узнать, шатап, что Петръ Степановичъ—всеобщій примиритель; это его роль, болѣзнь, конекъ, и я особенно рекомендую его вамъ съ этой точки. Догадываюсь, о чемъ онъ вамъ тутъ настрочилъ. Онъ именно строчить, когда рассказываетъ; въ головѣ у него канцелярія. Замѣтите, что, въ качествѣ реалиста, онъ не можетъ солгать, и что истина ему дороже успѣха... разумѣется, кромѣ тѣхъ особенныхъ случаевъ, когда успѣхъ дороже истины. (Говоря это, онъ все осматривался).—Такимъ образомъ, вы видите ясно, шатап, что не вамъ у меня прощенія просить, и что если есть тутъ гдѣ-нибудь сумасшествіе, то, ко-

нечно, прежде всего съ моей стороны, и, значить, въ концѣ концовъ, я все-таки помѣшанный, — надо же поддержать свою здѣшнюю репутацію.

Тутъ ояъ нѣжно обнялъ мать.

— Во всякомъ случаѣ, дѣло это теперь кончено и сказано, а, стало-быть, можно и перестать о немъ, прибавилъ ояъ, и какая-то сухая, твердая нотка прозвучала въ его голосѣ.

Варвара Петровна поняла эту нотку; но экзальтація ея не проходила, даже напротивъ.

— Я никакъ не ждала тебя раньше, какъ черезъ мѣсяць, Nicolas!

— Я, разумѣется, вамъ все объясню, тата, а теперь...

И ояъ направился къ Прасковѣ Ивановнѣ.

Но та едва повернула къ нему голову, несмотря на то, что съ полчаса назадъ была ошеломлена при первомъ его появленіи. Теперь же у ней были новыя хлопоты: съ самаго того мгновенія, какъ вышелъ капитанъ и столкнулся въ дверяхъ съ Николаемъ Всеволодовичемъ, Лиза вдругъ принялась смѣяться, — сначала тихо, порывисто, но смѣхъ разрастался все болѣе и болѣе, громче и явственнѣе. Она раскраснѣлась. Контрастъ съ ея недавнимъ мрачнымъ видомъ былъ чрезвычайный. Пока Николай Всеволодовичъ разговаривалъ съ Варварой Петровной, она раза два поманила къ себѣ Маврикія Николаевича, будто желая ему что-то шепнуть; но лишь только тотъ наклонился къ ней, мигомъ заливалась смѣхомъ; можно было заключить, что она именно надъ бѣднымъ Маврикіемъ Николаевичемъ и смѣется. Она, впрочемъ, видимо старалась скрѣпитъ и прикладывала платокъ къ губамъ. Николай Всеволодовичъ съ самымъ невиннымъ и простодушнымъ видомъ обратился къ ней съ привѣтствіемъ.

— Вы, пожалуйста, извините меня, отвѣтила она скороговоркой. — Вы... вы, конечно, видѣли Маврикія Николаевича... Боже, какъ вы непозволительно высоки ростомъ, Маврикій Николаевичъ!

И опять смѣхъ. Маврикій Николаевичъ былъ роста высокаго, но вовсе не такъ ужъ непозволительно.

— Вы... давно пріѣхали? пробормотала она, опять сдерживаясь, даже конфузясь, но со сверкающими глазами.

— Часа два слишкомъ, отвѣтилъ Nicolas, пристально къ ней присматриваясь. Замѣчу, что ояъ былъ необычно-

венно сдержанъ и вѣжливъ, но, откинувъ вѣжливость, имѣлъ совершенно равнодушный видъ, даже вялый.

— А гдѣ будете жить?

— Здѣсь.

Барвара Петровна тоже слѣдила за Лизой, но ее вдругъ поразила одна мысль.

— Гдѣ же ты былъ, Nicolas, до сихъ поръ всѣ эти два часа слишкомъ? подошла она.—Поѣздъ приходитъ въ десять часовъ.

— Я сначала завезъ Петра Степановича къ Кириллову. А Петра Степановича я встрѣтилъ въ Матвѣевѣ (за три станціи), въ одномъ вагонѣ и доѣхали.

— Я съ разсвѣта въ Матвѣевѣ ждалъ, подхватилъ Петръ Степановичъ, — у насъ задніе вагоны соскочили ночью съ рельсовъ, чуть ногъ не поломали.

— Ноги сломали! вскричала Лиза.—Мама, мама, а мы съ вами хотѣли ѣхать на прошлой недѣлѣ въ Матвѣево, вотъ бы тоже ноги сломали!

— Господи помилуй! перекрестилась Прасковья Ивановна.

— Мама, мама, милая мама, вы не пугайтесь, если я въ самомъ дѣлѣ обѣ ноги сломаю; со мной это такъ можетъ случиться, сами же говорите, что я каждый день скачу верхомъ сломя голову. Маврикій Николаевичъ, будете меня водить хроую? захохотала она опять. — Если это случится, я никому не дамъ себя водить, кромѣ васъ, смѣло рассчитывайте. Ну, положимъ, что я только одну ногу сломаю... Ну, будьте же любезны, скажите, что почете за счастье.

— Что ужъ за счастье съ одной ногой? серьезно нахмурился Маврикій Николаевичъ.

— Зато вы будете водить, одинъ вы, никому больше!

— Вы и тогда меня водить будете, Лизавета Николаевна, еще серьезнѣе проворчалъ Маврикій Николаевичъ.

— Боже, да вѣдь онъ хотѣлъ сказать каламбуръ! почти въ ужасѣ воскликнула Лиза.—Маврикій Николаевичъ, не смѣйте никогда пускаться на этотъ путь! Но только до какой же степени вы эгоистъ! Я убѣждена, къ чести вашей, что вы сами на себя теперь клевете; напротивъ: вы съ утра до ночи будете меня тогда увѣрять, что я стала безъ ноги интереснѣе! Одно непоправимо—вы безмѣрно высоки ростомъ, а безъ ноги я стану премаленькая: какъ же вы меня поведете подъ руку, мы будемъ не пара!

И она болѣзненно размѣялась. Остроты и намеки были плоски, но ей, очевидно, было не до славы.

— Истерика! шепнулъ мнѣ Петръ Степановичъ, — поскорѣ бы воды стаканъ.

Онъ угадалъ; черезъ минуту всѣ суетились, принесли воды. Лиза обнимала свою мамъ, горячо цѣловала ее, плакала на ея плечѣ, и тутъ же, опять откинувшись и за-сматривая ей въ лицо, принималась хохотать. Захнывала, наконецъ, и мамъ. Варвара Петровна увела ихъ обѣихъ поскорѣ къ себѣ, въ ту самую дверь, изъ которой вышла къ намъ давеча Дарья Павловна. Но пребыли онѣ тамъ недолго, минуты четыре—не болѣе...

Я стараюсь припомнить теперь каждую черту этихъ послѣднихъ мгновений этого достопамятнаго утра. Помню, что когда мы остались одни, безъ дамъ (кромѣ одной Дарьи Павловны, не тронувшейся съ мѣста), Николай Всеволодовичъ обошелъ насъ и перездоровался съ каждымъ, кромѣ Шатова, продолжавшаго сидѣть въ своемъ углу, и еще больше чѣмъ давеча наклонившагося въ землю. Степанъ Трофимовичъ началъ было съ Николаемъ Всеволодовичемъ о чемъ-то чрезвычайно остроумномъ, но тотъ поспѣшно направился къ Дарьѣ Павловнѣ. Но на дорогѣ почти силой перехватилъ его Петръ Степановичъ и утащилъ къ окну, гдѣ и началъ о чемъ-то быстро шептать ему, повидимому, объ очень важномъ, судя по выраженію лица и по жестамъ, сопровождавшимъ шопотъ. Николай же Всеволодовичъ слушалъ очень лѣнливо и разсѣянно, съ своей официальной усмѣшкой, а подѣ конецъ даже нетерпѣливо, и все какъ бы порывался уйти. Онъ ушелъ отъ окна именно когда воротились наши дамы. Лизу Варвару Петровну усадила на прежнее мѣсто, увѣряя, что имъ минутъ хотъ десять надо непременно повременить и отдохнуть, и что свѣжій воздухъ врядъ-ли будетъ сейчасъ полезенъ на больные нервы. Очень ужъ она ухаживала за Лизой и сама сѣла съ ней рядомъ. Къ нимъ немедленно подскочилъ освободившійся Петръ Степановичъ и началъ быстрый и веселый разговоръ. Вотъ тутъ-то Николай Всеволодовичъ и подошелъ, наконецъ, къ Дарьѣ Павловнѣ неспѣшной походкой своей; Даша такъ и заколыхалась на мѣстѣ при его приближеніи и быстро привскочила въ видимомъ смущеніи и съ румянцемъ во все лицо.

— Васъ, кажется, можно поздравить... или еще нѣтъ?

проговорилъ онъ съ какою-то особенною складкою въ лицѣ.

Даша что-то ему отвѣтила, но трудно было разслышать.

— Простите за нескромность, возвысилъ онъ голосъ, — но вѣдь вы знаете, я былъ нарочно извѣщенъ. Знаете вы объ этомъ?

— Да, я знаю, что вы были нарочно извѣщены.

— Надѣюсь, однако, что я не помѣшалъ ничему моимъ поздравленіемъ, засмѣялся онъ, — и если Степанъ Трофимовичъ...

— Съ чѣмъ, съ чѣмъ поздравить? подскочилъ вдругъ Петръ Степановичъ, — съ чѣмъ васъ поздравить, Дарья Павловна? Ба! Да ужъ не съ тѣмъ-ли самымъ? Краска ваша свидѣтельствуешь, что я угадалъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ чѣмъ же и поздравлять нашихъ прекрасныхъ и благоправныхъ дѣвицъ и отъ какихъ поздравленій онѣ всего больше краснѣютъ? Ну-съ, примите и отъ меня, если я угадалъ, и заплатите пари: помните, въ Швейцаріи бились объ закладъ, что никогда не выйдете замужъ... Ахъ, да, по поводу Швейцаріи — что-жъ это я? Представьте, наполовину затѣмъ и ѣхалъ, а чуть не забылъ: скажи ты мнѣ, быстро повернулся онъ къ Степану Трофимовичу, — ты-то когда же въ Швейцарію?

— Я... въ Швейцарію? удивился и смутился Степанъ Трофимовичъ.

— Какъ? Развѣ не ѣдешь? Да вѣдь ты тоже женишься... ты писалъ!

— *Pierre!* воскликнулъ Степанъ Трофимовичъ.

— Да что *Pierre*... Видишь, если тебѣ это пріятно, то я лѣтъ заявить тебѣ, что я вовсе не противъ, какъ ты непременно желалъ моего мнѣнія, какъ можно скорѣй: если же (сыпалъ онъ) тебя надо „спасать“, какъ ты тутъ же пишешь и умоляешь, въ томъ же самомъ письмѣ, то опять-таки я къ твоимъ услугамъ. Правда, что онъ женится, Варвара Петровна? быстро повернулся онъ къ ней. — Надѣюсь, что я не нескромничаю; самъ же пишетъ, что весь городъ знаетъ и всѣ поздравляютъ, такъ что онъ, чтобъ избѣжать, выходитъ лишь по ночамъ. Письмо у меня въ карманѣ. Но, повѣрите-ли, Варвара Петровна, что я ничего въ немъ не понимаю! Ты мнѣ только одно скажи, Степанъ Трофимовичъ, поздравлять тебя надо или „спасать“? Вы не повѣрите, рядомъ съ самыми счастливыми строками у него самыя отчаяннѣйшія. Во-первыхъ,

просить у меня прощенія; ну, положимъ, это въ ихъ нравахъ... А, впрочемъ, нельзя не сказать: вообразите, чело-вѣкъ въ жизни видѣлъ меня два раза, да и то нечаянно, и вдругъ теперь, вступая въ третій бракъ, воображаетъ, что нарушаетъ этимъ ко мнѣ какія-то родительскія обя-занности, умоляетъ меня за тысячу верстъ, чтобъ я не сердился и разрѣшилъ ему! Ты, пожалуйста, не обижайся, Степанъ Трофимовичъ, черга времени, я широко смотрю и не осуждаю, и это, положимъ, тебѣ дѣлаетъ честь и т. д., и т. д., но опять-таки главное въ томъ, что главнаго-то не понимаю. Тутъ что-то о какихъ-то „грѣхахъ въ Швейцаріи“. Женюсь, дескать, по грѣхамъ или изъ-за чужихъ грѣховъ, или какъ у него тамъ,—однимъ словомъ, „грѣхи“. „Дѣвушка, говоритъ, перлъ и алмазь“, ну, и, разумѣется, „онъ недостойнъ“ — ихъ слогъ; но изъ-за какихъ-то тамъ грѣховъ или обстоятельствъ „припужденъ идти къ вѣнцу и ѣхать въ Швейцарію“, а потому „бросай и лети спасать“. Понимаете-ли вы что-нибудь послѣ этого? А, впрочемъ... а, впрочемъ, я по выраженію лицъ замѣ-чаю (повертывался онъ съ письмомъ въ рукахъ, съ не-винною улыбкой всматриваясь въ лица), что, по моему обыкновенію, я, кажется, въ чемъ-то далъ маху... по глу-пой моей откровенности, или, какъ Николай Всеволодо-вичъ говоритъ, торопливости. Я вѣдь думалъ, что мы тутъ свои, то-есть твои свои, Степанъ Трофимовичъ, твои свои, а я-то въ сущности чужой, и вижу... и вижу, что всѣ что-то знаютъ, а я-то вотъ именно чего-то и не знаю.

Онъ все продолжалъ осматриваться.

— Степанъ Трофимовичъ такъ и написалъ вамъ, что женится на „чужихъ грѣхахъ, совершенныхъ въ Швей-царіи“, и чтобы вы лѣтели „спасать его“, этими самыми выраженіями? подошла вдругъ Варвара Петровна, вся желтая, съ искривившимся лицомъ, со вздрагивающими губами.

— То-есть видите-ли-съ, если тутъ чего-нибудь я не понялъ, какъ бы испугался и еще пуще заторопился Петръ Степановичъ, — то виновать, разумѣется, онъ, что такъ пишетъ. Вотъ письмо. Знаете, Варвара Петровна, письма безконечныя и непрерывныя, а въ послѣдніе два-три мѣ-сяца, просто письмо за письмомъ, и, признаюсь, я, нако-нецъ, иногда не дочитывалъ. Ты меня прости, Степанъ Трофимовичъ, за мое глупое признаніе, но вѣдь согласишь, пожалуйста, что хоть ты и ко мнѣ адресовалъ, а напи-

салъ вѣдь болѣе для потомства, такъ что тебѣ вѣдь и все равно... Ну, ну, не обижайся: мы-то съ тобой все-таки свои! Но это письмо, Варвара Петровна, это письмо я дочиталъ. Эти „грѣхи“—съ—эти „чужіе грѣхи“—это навѣрно какіе-нибудь наши собственные грѣшки, и объ закладъ бьюсь, самые невиннѣйшіе, но изъ-за которыхъ вдругъ намъ вздумалось поднять ужасную исторію съ благороднымъ отгѣнкомъ—именно ради благороднаго отгѣнка и подняли. Тутъ, видите-ли, что-нибудь по счетной части у насъ прихрамываетъ—надо же, наконецъ, сознаться. Мы, знаете, въ карточки очень повадливы... а, впрочемъ, это лишнее, это совсѣмъ уже лишнее, виновать, я слишкомъ болтливъ, но ей-Богу, Варвара Петровна, онъ меня напугалъ, и я дѣйствительно приготовился отчасти „спасать“ его. Мнѣ, наконецъ, и самому совѣстно. Чтò я, съ ножомъ къ горлу что-ли лѣзу къ нему? Кредиторъ неумолимый я, чтò-ли? Онъ что-то пишетъ тутъ о приданомъ... А, впрочемъ, ужъ женишься-ли ты, полно, Степанъ Трофимовичъ? Вѣдь и это станется, вѣдь мы наговоримъ-наговоримъ, а болѣе для слога... Ахъ, Варвара Петровна, я вѣдь вотъ увѣренъ, что вы, пожалуй, осуждаете меня теперь, и именно тоже за слогъ-съ...

— Напротивъ, напротивъ, я вижу, что вы выведены изъ терпѣнія, и, ужъ конечно, имѣли на то причины, злобно подхватила Варвара Петровна.

Она съ злобнымъ наслажденіемъ выслушала всѣ „правдивыя“ словоизверженія Петра Степановича, очевидно, игравшаго роль (какую—не зналъ я тогда, но роль была очевидная, даже слишкомъ ужъ грубовато сыгранная).

— Напротивъ, продолжала она,—я вамъ слишкомъ благодарна, что вы заговорили; безъ васъ я бы такъ и не узнала. Въ первый разъ въ двадцать лѣтъ я раскрываю глаза. Николай Всеволодовичъ, вы сказали сейчасъ, что и вы были нарочно извѣщены: ужъ не писалъ-ли и къ вамъ Степанъ Трофимовичъ въ этомъ же родѣ?

— Я получилъ отъ него невиннѣйшее и... и... очень благородное письмо...

— Вы затрудняетесь, ищете словъ—довольно! Степанъ Трофимовичъ, я ожидаю отъ васъ чрезвычайнаго одолженія, вдругъ обратилась она къ нему съ засверкавшими глазами,—сдѣлайте мнѣ милость, оставьте насъ сейчасъ же, а впредь не переступайте черезъ порогъ моего дома.

Прошу припомнить недавнюю „экзальтацію“, еще и теперь не прошедшую. Правда, и виновать же былъ Сте-

панъ Трофимовичъ! Но вотъ что рѣшительно изумило меня тогда, то, что онъ съ удивительнымъ достоинствомъ выстоялъ и подъ „обличеніями“ Петруши, не думая прерывать ихъ, и подъ „проклятіемъ“ Варвары Петровны. Откудава взялось у него столько духа? Я узналъ только одно, что онъ несомнѣнно и глубоко оскорбленъ былъ давешнею первою встрѣчей съ Петрушей, именно давешними объятіями. Это было глубокое и *настоящее* уже горе, по крайней мѣрѣ, на его глаза, его сердцу. Было у него и другое горе въ ту минуту, а именно язвительное собственное сознаніе въ томъ, что онъ сподличалъ; въ этомъ онъ мнѣ самъ потомъ признавался со всею откровенностью. А вѣдь *настоящее*, несомнѣнное горе даже феноменально легкомысленнаго человѣка способно иногда сдѣлать солиднымъ и стойкимъ, ну хоть на малое время; мало того, отъ истиннаго, настоящаго горя даже дураки иногда умнѣли, тоже, разумѣется, на время; это ужъ свойство такое горя. А если такъ, то что же могло произойти съ такимъ человѣкомъ, какъ Степанъ Трофимовичъ? Цѣлый переворотъ,—конечно, тоже на время.

Онъ съ достоинствомъ поклонился Варварѣ Петровнѣ и не вымолвилъ слова (правда, ему ничего и не оставалось болѣе). Онъ такъ и хотѣлъ было совсѣмъ уже выйти, но не утерпѣлъ и подошелъ къ Дарьѣ Павловнѣ. Та, кажется, это предчувствовала, потому что тотчасъ же сама, вся въ испугѣ, начала говорить, какъ бы спѣша предупредить его.

— Пожалуйста, Степанъ Трофимовичъ, ради Бога, ничего не говорите, начала она горячею скороговоркой, съ болѣзненнымъ выраженіемъ лица и поспѣшно протягивая ему руку.—Будьте увѣрены, что я васъ все такъ же уважаю... и все такъ же цѣню и... думайте обо мнѣ тоже хорошо, Степанъ Трофимовичъ, и я буду очень, очень это цѣнить...

Степанъ Трофимовичъ низко-низко ей поклонился.

— Воля твоя, Дарья Павловна, ты знаешь, что во всемъ этомъ дѣлѣ твоя полная воля! Была и есть, и теперь и впредь, вѣско заключила Варвара Петровна.

— Ба! Да и я теперь все понимаю! ударилъ себя по лбу Петръ Степановичъ.—Но... но въ какое же положеніе я былъ поставленъ послѣ этого? Дарья Павловна, пожалуйста, извините меня!.. Что ты надѣлалъ со мною послѣ этого, а? обратился онъ къ отцу.

— Pierre, ты бы могъ со мной выразаться иначе, не

правда-ли, другъ мой? совсѣмъ даже тихо промолвилъ Степанъ Трофимовичъ.

— Не кричи, пожалуйста, замахаль Pierre руками,— повѣрь, что все это старье, больные нервы, и кричать ни къ чему не послужить. Скажи ты мнѣ лучше, вѣдь ты могъ бы предположить, что я съ перваго шага заговорю: какъ же было не предувѣдомить.

Степанъ Трофимовичъ проницательно посмотрѣлъ на него.

— Pierre, ты, который такъ много знаешь изъ того, что здѣсь происходитъ, неужели ты и вправду объ этомъ дѣлѣ такъ-таки ничего не зналъ, ничего не слыхалъ!

— Что-о-о! Вотъ люди! Такъ мы мало того, что старья дѣти, мы еще злыя дѣти? Варвара Петровна, вы слышали, что онъ говорить?

Поднялся шумъ, но тутъ разразилось вдругъ такое приключеніе, котораго ужъ никто не могъ ожидать.

VIII.

Прежде всего упомяну, что въ послѣднія двѣ-три минуты Лизаветой Николаевной овладѣло какое-то новое движеніе; она быстро шепталась о чемъ-то съ мамой и съ наклонившимся къ ней Маврикіемъ Николаевичемъ. Лицо ея было тревожно, но въ то же время выражало рѣшимость. Наконецъ, встала съ мѣста, видимо торопясь уѣхать и торопя маму, которую началъ приподымать съ кресель Маврикій Николаевичъ. Но видно не суждено имъ было уѣхать, не досмотрѣвъ всего до конца.

Шатовъ, совершенно всѣми забытый въ своемъ углу (неподалеку отъ Лизаветы Николаевны) и, повидимому, самъ не знавшій, для чего онъ сидѣлъ и не уходилъ, вдругъ поднялся со стула и черезъ всю комнату, неспѣшнымъ, но твердымъ шагомъ направился къ Николаю Всеволодовичу, прямо смотря ему въ лицо. Тотъ еще издали замѣтилъ его приближеніе и чуть-чуть усмѣхнулся; но когда Шатовъ подошелъ къ нему вплотъ, то пересталъ усмѣхаться.

Когда Шатовъ молча передъ нимъ остановился, не спуская съ него глазъ, всѣ вдругъ это замѣтили и утихли, позже всѣхъ Петръ Степановичъ; Лиза и мама остановились посреди комнаты. Такъ прошло секундъ пять; выраженіе дерзкаго недоумѣнія смѣнилось въ лицѣ Николая Всеволодовича гнѣвомъ, онъ нахмурилъ брови и вдругъ...

И вдругъ Шатовъ размахнулся своею длинною, тяжелою

рукою и изо всей силы ударилъ его по щекѣ. Николай Всеволодовичъ сильно качнулся на мѣстѣ.

Шатовъ и ударилъ-то по особенному, вовсе не такъ, какъ обыкновенно принято давать пощечины (если только можно такъ выразиться), не ладонью, а всѣмъ кулакомъ, а кулакъ у него былъ большой, вѣскій, костлявый, съ рыжимъ пухомъ и съ веснушками. Если бъ ударъ пришелся по носу, то раздробилъ бы носъ. Но пришелся онъ по щекѣ, задѣвъ лѣвый край губы и верхнихъ зубовъ, изъ которыхъ тотчасъ же потекла кровь.

Кажется, раздался мгновенный крикъ, можетъ-быть, вскрикнула Варвара Петровна—этого не припомню, потому что все тотчасъ же опять какъ бы замерло. Впрочемъ, вся сцена продолжалась не болѣе какихъ-нибудь десяти секундъ.

Тѣмъ не менѣе, въ эти десять секундъ произошло ужасно много.

Напомню опять читателю, что Николай Всеволодовичъ принадлежалъ къ тѣмъ натурамъ, которыя страха не вѣдаютъ. На дуэли онъ могъ стоять подъ выстрѣломъ противника хладнокровно, самъ цѣлить и убивать до звѣрства спокойно. Если бы кто ударилъ его по щекѣ, то, какъ мнѣ кажется, онъ бы и на дуэль не вызвалъ, а тутъ же, тотчасъ же убилъ бы обидчика: онъ именно былъ изъ такихъ, и убилъ бы съ полнымъ сознаніемъ, а вовсе не внѣ себя. Мнѣ кажется даже, что онъ никогда и не зналъ тѣхъ ослѣпляющихъ порывовъ гнѣва, при которыхъ уже нельзя рассуждать. При безконечной злобѣ, овладѣвавшей имъ иногда, онъ все-таки всегда могъ сохранить полную власть надъ собой, а, стало-быть, и понимать, что за убійство не на дуэли его непременно сошлютъ въ каторгу; тѣмъ не менѣе, онъ все-таки убилъ бы обидчика, и безъ малѣйшаго колебанія.

Николая Всеволодовича я изучалъ все послѣднее время и, по особымъ обстоятельствамъ, знаю о немъ теперь, когда пишу это, очень много фактовъ. Я, пожалуй, сравнилъ бы его съ иными прошедшими господами, о которыхъ уцѣлѣли теперь въ нашемъ обществѣ нѣкоторыя легендарныя воспоминанія. Рассказывали, напримѣръ, про декабриста Л—на, что онъ всю жизнь нарочно искалъ опасности, упивался ощущеніемъ ея, обратилъ его въ потребность своей природы; въ молодости выходилъ на дуэль ни за чтѣ; въ Сибири, съ однимъ ножомъ ходилъ на мед-

вѣдя, любилъ встрѣчаться въ сибирскихъ лѣсахъ съ бѣглыми каторжниками, которые, замѣчу мимоходомъ, страшнѣе медвѣдя. Сомнѣнія нѣтъ, что эти легендарные господа способны были ощущать, и даже, можетъ-быть, въ сильной степени, чувство страха,—иначе были бы гораздо спокойнѣе, и ощущение опасности не обратили бы въ потребность своей природы. Но побѣждать въ себѣ трусость—вотъ что, разумѣется, ихъ прельщало. Безпрерывное упоеніе побѣдой и сознаніе, что нѣтъ надъ тобой побѣдителя—вотъ что ихъ увлекало. Этотъ М—нъ еще прежде ссылки нѣкоторое время боролся съ голодомъ и тяжкимъ трудомъ добывалъ себѣ хлѣбъ, единственно изъ-за того, что ни за что не хотѣлъ подчиниться требованіямъ своего богатаго отца, которыя находилъ несправедливыми. Стало-быть, многосторонне понималъ борьбу; не съ медвѣдями только и не на однѣхъ дуэляхъ цѣнилъ въ себѣ стойкость и силу характера.

Но все-таки съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ, и нервная, измученная и раздвоившаяся природа людей нашего времени даже и вовсе не допускаетъ теперь потребности тѣхъ непосредственныхъ и цѣльныхъ ощущеній, которыхъ такъ искали тогда иные, безпокойные въ своей дѣятельности, господа добраго стараго времени. Николай Всеволодовичъ, можетъ-быть, отнесся бы къ М—ну свысока, даже назвалъ бы его вѣчно храбрящимся трусомъ, пѣтушкомъ,—правда, не сталъ бы высказываться вслухъ. Онъ бы и на дуэли застрѣлилъ противника, и на медвѣдя сходилъ бы, если бы только надо было, и отъ разбойника отбилъ бы въ лѣсу—такъ же усиѣшно и такъ же безстрашно, какъ и М—нъ, но зато ужъ безо всякаго ощущенія наслажденія, а единственно по непріятной необходимости, вяло, лѣнливо, даже со скукой. Въ злобѣ, разумѣется, выходилъ прогрессъ противъ М—на, даже противъ Лермонтова. Злобы въ Николаѣ Всеволодовичѣ было, можетъ-быть, больше чѣмъ въ тѣхъ обоихъ вмѣстѣ, но злоба эта была холодная, спокойная и, если можно такъ выразиться,—разумная, стало-быть, самая отвратительная и самая страшная, какая можетъ быть. Еще разъ повторяю: я и тогда считалъ его и теперь считаю (когда уже все кончено) именно такимъ человѣкомъ, который, если бы получилъ ударъ въ лицо или подобную равносильную обиду, то немедленно убилъ бы своего противника, тотчасъ же, тутъ же на мѣстѣ и безъ вызова на дуэль.

И однакоже въ настоящемъ случаѣ произошло нѣчто иное и чудное.

Едва только онъ выпрямился послѣ того, какъ такъ позорно качнулся на-бокъ, чуть не на цѣлую половину роста, отъ полученной пощечицы, и не затихъ еще, казалось, въ комнатѣ подлый, какъ бы мокрый какой-то звукъ отъ удара кулака по лицу, какъ тотчасъ же онъ схватилъ Шатова обѣими руками за плечи; но тотчасъ же, въ тотъ же почти мигъ, отдернулъ свои обѣ руки назадъ и скрестилъ ихъ у себя за спиной. Онъ молчалъ, смотрѣлъ на Шатова и блѣднѣлъ какъ рубашка. Но странно, взоръ его какъ бы погасалъ. Черезъ десять секундъ, глаза его смотрѣли холодно и—я убѣжденъ, что не лгу—спокойно. Только блѣденъ онъ былъ ужасно. Разумѣется, я не знаю, что было внутри человѣка, я видѣлъ снаружи. Мнѣ кажется, если бы былъ такой человѣкъ, который схватилъ бы, напримѣръ, раскаленную до-красна желѣзную полосу и зажалъ въ рукѣ, съ цѣлью измѣрить свою твердость, и затѣмъ, въ продолженіе десяти секундъ, побѣждалъ бы нестерпимую боль и кончилъ тѣмъ, что ее побѣдилъ, то человѣкъ этотъ, кажется мнѣ, вынесъ бы нѣчто похожее на то, что испыталъ теперь, въ эти десять секундъ, Николай Всеволодовичъ.

Первый изъ нихъ опустилъ глаза Шатовъ, и видимо потому, что принужденъ былъ опустить. Затѣмъ медленно повернулся и пошелъ изъ комнаты, но все ужъ не тою походкой, которою подходилъ давеча. Онъ уходилъ тихо, какъ-то особенно неуклюже приподнявъ сзади плечи, понуривъ голову и какъ бы разсуждая о чемъ-то самъ съ собой. Кажется, онъ что-то шепталъ. До двери дошелъ осторожно, ни за что не зацѣпивъ и ничего не опрокинувъ, дверь же пріотворилъ на маленькую щелочку, такъ что пролѣзъ въ отверстіе почти бокомъ. Когда пролѣзалъ, то вихоръ его волосъ, стоявшій торчкомъ на затылкѣ, былъ особенно замѣтенъ.

Затѣмъ, прежде всѣхъ криковъ, раздался одинъ страшный крикъ. Я видѣлъ, какъ Лизавета Николаевна схватила было свою мамъ за плечо, а Маврикія Николаевича за руку и раза два-три рванула ихъ за собой, увлекая изъ комнаты, но вдругъ вскрикнула и со всего росту упала на полъ въ обморокъ. До сихъ поръ я какъ будто еще слышу, какъ стукнулась она о коверъ затылкомъ.

Часть вторая.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Н о ч ь.

I.

Прошло восемь дней. Теперь, когда уже все прошло, и я пишу хронику, мы уже знаемъ, въ чемъ дѣло; но тогда мы еще ничего не знали, и естественно, что намъ представлялись странными разныя вещи. По крайней мѣрѣ, мы со Степаномъ Трофимовичемъ въ первое время заперлись и съ испугомъ наблюдали издали. Я-то кой-куда еще выходилъ и попрежнему приносилъ ему разныя вѣсти, безъ чего онъ и пробыть не могъ.

Нечего и говорить, что по городу пошли самые разнообразные слухи, то-есть насчетъ пощечины, обморока Лизаветы Николаевны и прочаго случившагося въ то воскресенье. Но удивительно намъ было то: черезъ кого это все могло такъ скоро и точно выйти наружу? Ни одно изъ присутствовавшихъ тогда лицъ не имѣло бы, кажется, ни нужды, ни выгоды нарушить секретъ происшествія. Прислуги тогда не было; одинъ Лебядкинъ могъ бы что-нибудь разболтать, не столько по злобѣ, потому что вышелъ тогда въ крайнемъ испугѣ (а страхъ къ врагу уничтожаетъ и злобу къ нему), а единственно по невоздержности. Но Лебядкинъ, вмѣстѣ съ сестрицей, на другой же день пропалъ безъ вѣсти: въ домѣ Филиппова его не оказалось, онъ переѣхалъ неизвѣстно куда и точно сгинулъ. Шатовъ, у котораго я хотѣлъ было справиться о Марьѣ Тимоѣевнѣ, заперся и, кажется, всѣ эти восемь дней просидѣлъ у себя на квартирѣ, даже прервавъ свои

занятія въ городѣ. Меня онъ не принялъ. Я было зашелъ къ нему во вторникъ и стукнулъ въ дверь. Отвѣта не получилъ, но увѣренный, по несомнѣннымъ даннымъ, что онъ дома, постучался въ другой разъ. Тогда онъ, соскочивъ, повидимому, съ постели, подошелъ крупными шагами къ дверямъ и крикнулъ мнѣ во весь голосъ: „Шатова дома нѣтъ“. Я съ тѣмъ и ушелъ.

Мы со Степаномъ Трофимовичемъ, не безъ страха за смѣлость предположенія, но обоюдно ободряя другъ друга, остановились, наконецъ, на одной мысли: мы рѣшили, что виновникомъ разошедшихся слуховъ могъ быть одинъ только Петръ Степановичъ, хотя самъ онъ, нѣкоторое время спустя, въ разговорѣ съ отцомъ, увѣрялъ, что засталъ уже исторію во всѣхъ устахъ, преимущественно въ клубѣ, и совершенно извѣстною до мельчайшихъ подробностей губернаторшѣ и ея супругу. Вотъ что еще замѣчательно: на второй же день, въ понедѣльникъ ввечеру, я встрѣтилъ Липутина, и онъ уже зналъ все до послѣдняго слова, стало-быть, несомнѣнно узналъ изъ первыхъ.

Многія изъ дамъ (и изъ самыхъ свѣтскихъ) любопытствовали и о „загадочной хромоножкѣ“, такъ называли Марью Тимофеевну. Нашлись даже пожелавшія непременно увидать ее лично и познакомиться, такъ что господы, поспѣшившіе припрятать Лебядкиныхъ, очевидно поступили и кстати. Но на первомъ планѣ все-таки стоялъ обморокъ Лизаветы Николаевны, и этимъ интересовался „весь свѣтъ“, уже по тому одному, что дѣло прямо касалось Юліи Михайловны, какъ родственницы Лизаветы Николаевны и ея покровительницы. И чего-чего не болтали! Болтовнѣ способствовала и таинственность обстановки: оба дома были заперты наглухо; Лизавета Николаевна, какъ рассказывали, лежала въ бѣлой горячкѣ; то же утверждали и о Николаѣ Всеволодовичѣ, съ отвратительными подробностями о выбитомъ будто бы зубѣ и о распухшей отъ флюса щекѣ его. Говорили даже по угламъ, что у насъ, можетъ-быть, будетъ убійство, что Ставрогинъ не таковъ, чтобы снести такую обиду, и убьетъ Шатова, но таинственно, какъ въ корсиканской вендеттѣ. Мысль эта нравилась; но большинство нашей свѣтской молодежи выслушивало все это съ презрѣніемъ и съ видомъ самага пренебрежительнаго равнодушія, разумѣется, напускнаго. Вообще, древняя враждебность нашего общества къ Николаю Всеволодовичу обозначилась ярко. Даже

солидные люди стремились обвинить его, хотя и сами не знали въ чемъ. Шопотомъ рассказывали, что будто бы онъ погубилъ честь Лизаветы Николаевны и что между ними была интрига въ Швейцаріи. Конечно, осторожные люди сдерживались, но всѣ, однакоже, слушали съ аппетитомъ. Были и другіе разговоры, но не общіе, а частныя, рѣдкіе и почти закрытые, чрезвычайно странныя и о существованіи которыхъ я упоминаю лишь для предупрежденія читателей, единственно въ виду дальнѣйшихъ событій моего разсказа. Именно: говорили иные, хмуря брови и Богъ знаетъ на какомъ основаніи, что Николай Всеволодовичъ имѣетъ какое-то особенное дѣло въ нашей губерніи, что онъ черезъ графа К. вошелъ въ Петербургъ въ какія-то высшія отношенія, что онъ даже, можетъ-быть, служить и чуть-ли не снабженъ отъ кого-то какими-то порученіями. Когда очень ужъ солидные и сдержанные люди на этотъ слухъ улыбались, благоразумно замѣчая, что человѣкъ, живущій скандалами и начинающій у насъ съ флюса, не похожъ на чиновника, то имъ шопотомъ замѣчали, что служить онъ не то чтобъ официально, а, такъ сказать, конфиденціально, и что въ такомъ случаѣ самую службой требуется, чтобы служащій какъ можно менѣе походилъ на чиновника. Такое замѣчаніе производило эффектъ; у насъ извѣстно было, что на земство нашей губерніи смотрятъ въ столицѣ съ нѣкоторымъ особымъ вниманіемъ. Повторяю, эти слухи только мелькнули и исчезли безслѣдно, до времени, при первомъ появленіи Николая Всеволодовича; но замѣчу, что причиной многихъ слуховъ было отчасти нѣсколько краткихъ, но злобныхъ словъ, неясно и отрывисто произнесенныхъ въ клубѣ, недавно возвратившимся изъ Петербурга отставнымъ капитаномъ гвардіи, Артеміемъ Павловичемъ Гагановымъ, весьма крупнымъ помѣщикомъ нашей губерніи и уѣзда, столичнымъ свѣтскимъ человѣкомъ и сыномъ покойнаго Павла Павловича Гаганова, того самаго почтеннаго старшины, съ которымъ Николай Всеволодовичъ имѣлъ, четыре слишкомъ года тому назадъ, то необычайное по своей грубости и внезапности столкновеніе, о которомъ я уже упоминалъ прежде, въ началѣ моего разсказа.

Всѣмъ тотчасъ же стало извѣстно, что Юлія Михайловна сдѣлала Варварѣ Петровнѣ чрезвычайный визитъ и что у крыльца дома ей объявили, что „по нездоровью не могутъ принять“. Также и то, что дня черезъ два послѣ

своего визита, Юлія Михайловна посылала узнать о здорovy Варвары Петровны нарочнаго. Наконецъ, принялась вездѣ „защищать“ Варвару Петровну, конечно, лишь въ самомъ высшемъ смыслѣ, то-есть по возможности въ самомъ неопредѣленномъ. Всѣ же первоначальные торопливые намеки о воскресной исторіи выслушала строго и холодно, такъ что въ послѣдующіе дни, въ ея присутствіи, они уже не возобновлялись. Такимъ образомъ и укрѣпилась вездѣ мысль, что Юліи Михайловнѣ извѣстна не только вся эта таинственная исторія, но и весь ея таинственный смыслъ до мельчайшихъ подробностей, и не какъ посторонней, а какъ соучастницѣ. Замѣчу кстати, что она начала уже приобрѣтать у насъ помаленьку то высшее вліяніе, котораго такъ несомнѣнно добивалась и жаждала, и уже начинала видѣть себя „окруженною“. Часть общества признала за нею практической умъ и тактъ... по объ этомъ послѣ. Ея же покровительствомъ объяснялись отчасти и весьма быстрые успѣхи Петра Степановича въ нашемъ обществѣ, — успѣхи, особенно поразившіе тогда Степана Трофимовича.

Мы съ нимъ, можетъ-быть, и преувеличивали. Во-первыхъ, Петръ Степановичъ перезнакомился почти мгновенно со всѣмъ городомъ, въ первые же четыре дня послѣ своего появленія. Появился онъ въ воскресенье, а во вторникъ я уже встрѣтилъ его въ коляскѣ съ Артеміемъ Павловичемъ Гагановымъ, человѣкомъ гордымъ, раздражительнымъ и заносчивымъ, несмотря на всю его свѣтскость, и съ которымъ, по характеру его, довольно трудно было ужиться. У губернатора Петръ Степановичъ былъ тоже принятъ прекрасно, до того, что тотчасъ же сталъ въ положеніе близкаго или, такъ сказать, обласканнаго молодого человѣка; обѣдалъ у Юліи Михайловны почти ежедневно. Познакомился онъ съ нею еще въ Швейцаріи, но въ быстромъ успѣхѣ его въ домѣ его превосходительства дѣйствительно заключалось нѣчто любопытное. Все-таки онъ слылъ же когда-то заграничнымъ революціонеромъ, правда-ли, нѣтъ-ли, участвовалъ въ какихъ-то заграничныхъ изданіяхъ и конгрессахъ, „что можно даже изъ газетъ доказать“, какъ злобно выразился мнѣ при встрѣчѣ Алеша Телятниковъ, теперь, увы! отставной чиновничекъ, а прежде тоже обласканный молодой человѣкъ въ домѣ стараго губернатора. Но тутъ стоялъ, однакоже, фактъ: бывший революціонеръ явился въ любезномъ

отечествѣ не только безъ всякаго безпокойства, но чуть-ли не съ поощреніями; стало-быть, ничего, можетъ, и не было. Липутинъ шепнулъ мнѣ разъ, что, по слухамъ, Петръ Степановичъ будто бы гдѣ-то принесъ покаяніе и получилъ отпущеніе, назвавъ нѣсколько прочихъ именъ, и, такимъ образомъ, можетъ, и успѣлъ уже заслужить вину, обѣщая и впредь быть полезнымъ отечеству. Я передалъ эту ядовитую фразу Степану Трофимовичу, и тотъ, несмотря на то, что былъ не въ состояніи соображать, сильно задумался. Впослѣдствіи обнаружилось, что Петръ Степановичъ пріѣхалъ къ намъ съ чрезвычайно почтенными рекомендательными письмами, по крайней мѣрѣ, привезъ одно къ губернаторшѣ отъ одной чрезвычайно важной петербургской старушки, мужъ которой былъ однимъ изъ самыхъ значительныхъ петербургскихъ старичковъ. Эта старушка, крестная мать Юліи Михайловны, упоминала въ письмѣ своемъ, что и графъ К. хорошо знаетъ Петра Степановича, черезъ Николая Всеволодовича, обласкалъ его и находитъ „достойнымъ молодымъ человѣкомъ, несмотря на бывшія заблужденія“. Юлія Михайловна до крайности цѣнила свои скудные и съ такимъ трудомъ поддерживаемыя связи съ „вышимъ міромъ“, и, ужъ, конечно, была рада письму важной старушки; но все-таки оставалось тутъ нѣчто какъ бы и особенное. Даже супруга своего поставила къ Петру Степановичу въ отношенія почти фамиллярныя, такъ что г. фонъ-Лембке жаловался... но объ этомъ тоже послѣ. Замѣчу тоже для памяти, что и великій писатель весьма благосклонно отнесся къ Петру Степановичу, и тотчасъ же пригласилъ его къ себѣ. Такая поспѣшность такого надутаго собою человѣка кольнула Степана Трофимовича больнѣе всего; но я объяснилъ себѣ иначе: зазывая къ себѣ пигилиста, господинъ Кармазиновъ, ужъ, конечно, имѣлъ въ виду сношенія его съ прогрессивными юношами обѣихъ столицъ. Великій писатель болѣзненно трепеталъ предъ новѣйшею революціонною молодежью, и, воображая, по незнанію дѣла, что въ рукахъ ея ключи русской будущности, унижительно къ нимъ подлизывался, главное, потому, что они не обращали на него никакого вниманія.

II.

Петръ Степановичъ забѣжалъ раза два и къ родителю, и, къ несчастію моему, оба раза въ мое отсутствіе.

Въ первый разъ посѣтилъ его въ среду, то-есть на четвертый лишь день послѣ той первой встрѣчи, да и то по дѣлу. Кстати, расчетъ по имѣнію окончился у нихъ какъ-то неслышно и невидно. Варвара Петровна взяла все на себя и все выплатила, разумѣется, приобрѣтя землицу, а Степана Трофимовича только увѣдомила о томъ, что все кончено, и уполномоченный Варвары Петровны, камердинеръ ея Алексѣй Егоровичъ, поднесъ ему что-то подписать, что онъ и исполнилъ молча и съ чрезвычайнымъ достоинствомъ. Замѣчу по поводу достоинства, что я почти не узнавалъ нашего прежняго старичка въ эти дни. Онъ держалъ себя какъ никогда прежде, сталъ удивительно молчаливъ, даже не написалъ ни одного письма Варварѣ Петровнѣ съ самаго воскресенья, что я счелъ бы чудомъ, а, главное, сталъ спокоенъ. Онъ укрѣпился на какой-то окончательной и чрезвычайной идеѣ, придававшей ему спокойствіе, это было видно. Онъ нашелъ эту идею, сидѣлъ и чего-то ждалъ. Сначала, впрочемъ, былъ боленъ, особенно въ понедѣльникъ; была холерина. Тоже и безъ вѣстей пробыть не могъ все время; но лишь только я, оставляя факты, переходилъ къ сути дѣла и высказывалъ какія-нибудь предположенія, то онъ тотчасъ же начиналъ махать на меня руками, чтобъ я пересталъ. Но оба свиданія съ сыномъ все-таки болѣзненно на него подѣйствовали, хотя и не поколебали. Въ оба эти дни, послѣ свиданій, онъ лежалъ на диванѣ, обмотавъ голову платкомъ, намоченнымъ въ уксусъ; но въ высшемъ смыслѣ продолжалъ оставаться спокойнымъ.

Иногда, впрочемъ, онъ и не махалъ на меня руками. Иногда тоже казалось мнѣ, что принятая таинственная рѣшимость какъ бы оставляла его, и что онъ начиналъ бороться съ какимъ-то новымъ соблазнительнымъ наплывомъ идей. Это было мгновеніями, но я отмѣчаю ихъ. Я подозрѣвалъ, что ему очень бы хотѣлось опять заявить себя, выйти изъ уединенія, предложить борьбу, задать послѣднюю битву.

— Cher, я бы ихъ разгромилъ! вырвалось у него въ четвергъ вечеромъ, послѣ второго свиданія съ Петромъ Степановичемъ, когда онъ лежалъ, протянувшись на диванѣ, съ головой, обернутою полотенцемъ.

До этой минуты онъ во весь день еще ни слова не сказалъ со мной.

— „Fils, fils chéri“ и такъ далѣе, я согласенъ, что всѣ

эти выраженія вздоръ, кухарочный словарь, да и пусть ихъ, я самъ теперь вижу. Я его не кормилъ и не поилъ, я отослалъ его изъ Берлина въ —скую губернію, грудного ребенка, по почтѣ, ну, и такъ далѣе, я согласенъ... „Ты, говоритъ, меня не поилъ и по почтѣ выслалъ, да еще здѣсь ограбилъ“. Но, несчастный, кричу ему, вѣдь болѣлъ же я за тебя сердцемъ всю мою жизнь, хотя и по почтѣ! Il rit. Но, я согласенъ, согласенъ... пусть по почтѣ, закончилъ онъ какъ въ бреду.

— Passons, началъ онъ опять черезъ пять минутъ.— Я не понимаю Тургенева. У него Базаровъ это какое-то фиктивное лицо, несуществующее вовсе, они же первые и отвергли его тогда, какъ ни на что не похожее. Этотъ Базаровъ это какая-то неясная смѣсь Ноздрева съ Байрономъ, c'est le mot! Посмотрите на нихъ внимательно: они кувыркаются и визжать отъ радости, какъ щенки на солнцѣ, они счастливы, они побѣдители! Какой тутъ Байронъ!.. И притомъ какія будни! Какая кухарочная раздражительность самолюбія, какая пошленькая жаждашка faire du bruit autour de son nom, не замѣчая, что son nom... О, карикатура! Помилуй, кричу ему, да неужто ты себя, такого какъ есть, людямъ взамѣнъ Христа предложить желаешь? Il rit. Il rit beaucoup, il rit trop. У него какая-то странная улыбка. У его матери не было такой улыбки. Il rit toujours.

Опять наступило молчаніе.

— Они хитры; въ воскресенъе они сговорились... брякнулъ онъ вдругъ.

— О, безъ сомнѣнія, вскричалъ я, наостривъ уши,— все это стачка и сшито бѣлыми нитками, и такъ дурно разыграно.

— Я не про то. Знаете-ли, что все это было нарочно сшито бѣлыми нитками, чтобы замѣтили тѣ... кому надо. Понимаете это?

— Нѣтъ, не понимаю.

— Tant mieux. Passons. Я очень раздраженъ сегодня.

— Да зачѣмъ же вы съ нимъ спорили, Степанъ Трофимовичъ? проговорилъ я укоризненно.

— Je voulais convertir. Конечно смѣйтесь. Cette pauvre тѣтя, elle entendra de belles choses! О, другъ мой, повѣрите-ли, что я давеча ощутилъ себя патриотомъ! Вро-чемъ, я всегда сознавалъ себя русскимъ... да настоящій

русскій и не можетъ быть иначе, какъ мы съ вами. Il y a là dedans quelque chose d'aveugle et de louche.

— Непремѣнно, отвѣтилъ я.

— Другъ мой, настоящая правда всегда неправдоподобна, знаете-ли вы это? Чтобы сдѣлать правду правдоподобнѣе, нужно неперемѣнно подмѣшвать къ ней лжи. Люди всегда такъ и поступали. Можетъ-быть, тутъ есть, чего мы не понимаемъ. Какъ вы думаете, есть тутъ чего мы не понимаемъ въ этомъ побѣдоносномъ визгѣ? Я бы желалъ, чтобы было. Я бы желалъ.

Я промолчалъ. Онъ тоже очень долго молчалъ.

— Говорять, французскій умъ... залепеталъ онъ вдругъ точно въ жару.— Это ложь, это всегда такъ и было. Зачѣмъ клеветать на французскій умъ? Тутъ просто русская лѣнь, наше унизительное безсиліе произвести идею, наше отвратительное паразитство въ ряду народовъ. Ils sont tout simplement des paresseux, а не французскій умъ. О, русскіе должны бы быть истреблены для блага человѣчества, какъ вредные паразиты! Мы вовсе, вовсе не къ тому стремились; я ничего не понимаю. Я пересталъ понимать! Да понимаешь-ли, кричу ему, понимаешь-ли, что если у васъ гилотина на первомъ планѣ, и съ такимъ восторгомъ, то это единственно потому, что рубить головы всего легче, а имѣть идею всего труднѣе! Vous êtes des paresseux! Votre drapeau est une guenille, une impuissance. Эти телѣги, или какъ тамъ: „стукъ телѣгъ, подвозящихъ хлѣбъ человѣчеству“, полезнѣе Сикстинской Мадонны, или какъ у нихъ тамъ... une bêtise dans ce genre. Но, понимаешь-ли, кричу ему, понимаешь-ли ты, что человѣку, кромѣ счастья, такъ же точно и совершенно во столько же необходимо и несчастье! Il rit. Ты, говорить, здѣсь бонмо отпускаешь „нѣжа свои члены (онъ пакостнѣе выразился) на бархатномъ диванѣ“... И замѣтьте, эта наша привычка на *ты* отца съ сыномъ: хорошо, когда оба согласны, ну, а если ругаются?

Съ минуту они помолчали.

— Cher, заключилъ онъ вдругъ, быстро приподнявшись, — знаете-ли, что это неперемѣнно чѣмъ-нибудь кончится?

— Ужь, конечно, сказалъ я.

— Vous ne comprenez pas. Passons. Но... обыкновенно на свѣтѣ кончается ничѣмъ, но здѣсь будетъ конецъ, неперемѣнно, неперемѣнно!

Онъ всталъ, прошелся по комнатѣ въ сильнѣйшемъ волненіи, и, дойдя опять до дивана, бессильно повалился на него.

Въ пятницу утромъ Петръ Степановичъ уѣхалъ куда-то въ уѣздъ и пробылъ до понедѣльника. Объ отъѣздѣ его я узналъ отъ Липутина, и тутъ же, какъ-то къ разговору, узналъ отъ него, что Лебядкины, братъ и сестрица, оба гдѣ-то за рѣкой въ Горшечной слободкѣ. „Я же и перевозилъ“, прибавилъ Липутинъ, и, прервавъ о Лебядкиныхъ, вдругъ возвѣстилъ мнѣ, что Лизавета Николаевна выходитъ за Маврикія Николаевича, и, хоть это и не объявлено, но помолвка была и дѣло покончено. На завтра я встрѣтилъ Лизавету Николаевну верхомъ въ сопровожденіи Маврикія Николаевича, выѣхавшую въ первый разъ послѣ болѣзни. Она сверкнула на меня издали глазами, засмѣялась и очень дружески кивнула головой. Все это я передалъ Степану Трофимовичу; онъ обратилъ нѣкоторое вниманіе лишь на извѣстіе о Лебядкиныхъ.

А теперь, описавъ наше загадочное положеніе въ продолженіе этихъ восьми дней, когда мы еще ничего не знали, приступлю къ описанію послѣдующихъ событій моей хроники, и уже, такъ сказать, съ знаніемъ дѣла, въ томъ видѣ, какъ все это открылось и объяснилось теперь. Начну именно съ восьмого дня послѣ того воскресенья, то-есть съ понедѣльника вечеромъ—потому что въ сущности съ этого вечера и началась „новая исторія“.

III.

Было семь часовъ вечера. Николай Всеволодовичъ сидѣлъ одинъ въ своемъ кабинетѣ, — комнатѣ имъ еще прежде излюбленной, высокой, устланной коврами, установленной нѣсколько тяжелою, стариннаго фасона мебелью. Онъ сидѣлъ въ углу на диванѣ, одѣтый какъ бы для выхода, но, казалось, никуда не собирался. На столѣ предъ нимъ стояла лампа съ абажуромъ. Бока и углы большой комнаты оставались въ тѣни. Взглядъ его былъ задумчивъ и сосредоточенъ, не совсѣмъ спокоенъ; лицо усталое и нѣсколько похудѣвшее. Боленъ онъ былъ дѣйствительно флюсомъ; но слухъ о выбитомъ зубѣ былъ преувеличенъ. Зубъ только шатался, но теперь снова окрѣлъ; была тоже разсѣчена изнутри верхняя губа, но и это зажило. Флюсъ же не проходилъ всю недѣлю лишь потому, что больной не хотѣлъ принять доктора и во-время дать разрѣзать

опухоль, а ждалъ, пока нарывъ самъ прорвется. Опъ не только доктора, но и мать едва допускалъ къ себѣ, и то на минуту, одинъ разъ на дню и непременно въ сумерки, когда уже становилось темно, а огня еще не подавали. Не принималъ онъ тоже и Петра Степановича, который, однакоже, по два и по три раза въ день забѣгалъ къ Варварѣ Петровнѣ, пока оставался въ городѣ. И вотъ, наконецъ, въ понедѣльникъ, возвратясь поутру послѣ своей трехдневной отлучки, обѣгавъ весь городъ и отобѣдавъ у Юліи Михайловны, Петръ Степановичъ къ вечеру явился, наконецъ, къ нетерпѣливо ожидавшей его Варварѣ Петровнѣ. Запретъ былъ снятъ, Николай Всеволодовичъ принималъ. Варвара Петровна сама подвела гостя къ дверямъ кабинета; она давно желала ихъ свиданья, а Петръ Степановичъ далъ ей слово забѣгать къ ней отъ Nicolas и пересказать. Робко постучалась она къ Николаю Всеволодовичу и, не получая отвѣта, осмѣлилась пріотворить дверь верхка на два.

— Nicolas, могу я ввести къ тебѣ Петра Степановича? тихо и сдержанно спросила она, стараясь разглядѣть Николая Всеволодовича изъ-за лампы.

— Можно, можно, конечно, можно! громко и весело крикнулъ самъ Петръ Степановичъ, отворилъ дверь своею рукою и вошелъ.

Николай Всеволодовичъ не слышалъ стука въ дверь, а слышалъ лишь только робкій вопросъ мамаша, но не успѣлъ на него отвѣтить. Предъ нимъ въ эту минуту лежало только-что прочитанное имъ письмо, надъ которымъ онъ сильно задумался. Онъ вздрогнулъ, слышалъ внезапный окрикъ Петра Степановича, и поскорѣ накрылъ письмо попавшимся подъ руку прессъ-папье, но не совсѣмъ удалось: уголь письма и почти весь конвертъ выглядывали наружу.

— Я нарочно крикнулъ изо всей силы, чтобы вы успѣли приготовиться, торопливо, съ удивительною наивностью, прошепталъ Петръ Степановичъ, подбѣгая къ столу, и мигомъ устоялся на прессъ-папье и на уголь письма.

— И, конечно, успѣли подглядѣть, какъ я пряталъ отъ васъ подъ прессъ-папье только-что полученное мною письмо, спокойно проговорилъ Николай Всеволодовичъ, не трогаясь съ мѣста.

— Письмо? Богъ съ вами и съ вашимъ письмомъ, мнѣ что! воскликнулъ гость. — Но... главное... зашепталъ онъ

опять, обертываясь къ двери, уже запертой, и кивая въ ту сторону головой.

— Она никогда не подслушиваетъ, холодно замѣтилъ Николай Всеволодовичъ.

— То-есть, если бѣ и подслушивала! мигомъ подхватилъ, весело возвышая голосъ и усаживаясь въ кресло, Петръ Степановичъ.— Я ничего противъ этого, я только теперь бѣжалъ поговорить наединѣ. Ну, наконецъ-то я къ вамъ добился! Прежде всего, какъ здоровье? Вижу, что прекрасно и завтра, можетъ-быть, вы явитесь, а?

— Можетъ-быть.

— Разрѣшите ихъ, наконецъ, разрѣшите меня! неистово зажестикуюлировалъ онъ съ шутливымъ и пріятнымъ видомъ. — Если бѣ вы знали, что я долженъ былъ имъ наболтать. А, впрочемъ, вы знаете.

Онъ засмѣялся.

— Всего не знаю. Я слышалъ только отъ матери, что вы очень... двигались.

— То-есть я вѣдь ничего опредѣленнаго, вскинулся вдругъ Петръ Степановичъ, какъ бы защищаясь отъ ужаснаго нападенія. — Знаете, я пустилъ въ ходъ жену Шатова, то-есть слухи о вашихъ связяхъ въ Парижѣ, чѣмъ и объяснился, конечно, тотъ случай въ воскресенье... вы не сердитесь?

— Убѣжденъ, что вы очень старались.

— Ну, я только этого и боялся. А, впрочемъ, что-жъ это значить: „очень старались“? Это вѣдь упрекъ. Впрочемъ, вы прямо ставите, я всего больше боялся идя сюда, что вы не захотите прямо поставить.

— Я ничего и не хочу прямо ставить, проговорилъ Николай Всеволодовичъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ, но тотчасъ же усмѣхнулся.

— Я не про то, не про то, не ошибитесь, не про то! замахалъ руками Петръ Степановичъ, сыпя словами, какъ горохомъ, и тотчасъ же обрадовавшись раздражительности хозяина. — Я не стану васъ раздражать *нашимъ* дѣломъ, особенно въ вашемъ теперешнемъ положеніи. Я прибѣжалъ только о воскресномъ случаѣ, и то въ самую необходимую мѣру, потому, нельзя же вѣдь. Я съ самыми открытыми объясненіями, въ которыхъ нуждаюсь главное я, а не вы,—это для вашего самолюбія, но въ то же время это и правда. Я пришелъ, чтобы быть съ этихъ поръ всегда откровеннымъ.

— Стало-быть, прежде были неоткровенны?

— И вы это знаете сами. Я хитрилъ много разъ... Вы улыгнулись; очень радъ улыбка, какъ предлогу для разъясненія; я вѣдь нарочно вызвалъ улыбку хвастливымъ словомъ „хитрилъ“, для того, чтобы вы тотчасъ же и разсердились: какъ это я смѣлъ подумать, что могу хитрить, а мнѣ, чтобы сейчасъ же объясниться. Видите, видите, какъ я сталъ теперь откровененъ. Ну-съ, угодно намъ выслушать?

Въ выраженіи лица Николая Всеволодовича, презрительно спокойномъ и даже насмѣшливомъ, несмотря на все очевидное желаніе гостя раздражить хозяина пахальностью своихъ, заранѣе наготовленныхъ и съ намѣреніемъ грубыхъ наивностей, — выразилось, наконецъ, нѣсколько тревожное любопытство.

— Слушайте же, завертѣлся Петръ Степановичъ пуще прежняго. — Отправляясь сюда, то-есть вообще сюда, въ этотъ городъ, десять дней назадъ, я, конечно, рѣшился взять роль. Самое бы лучшее, совсѣмъ безъ роли, свое собственное лицо, не такъ-ли? Ничего нѣтъ хитрѣе, какъ собственное лицо, потому что никто не повѣритъ. Я, признаться, хотѣлъ было взять дурачка, потому что дурачокъ легче, чѣмъ собственное лицо; но такъ какъ дурачокъ все-таки крайность, а крайность возбуждаетъ любопытство, то я и остановился на собственномъ лицѣ орончательно. Ну-съ, какое же мое собственное лицо? Золотая середина: ни глупъ, ни уменъ, довольно бездаренъ и съ луны соскочилъ, какъ говорятъ здѣсь благоразумные люди, не такъ-ли?

— Что-жъ, можетъ-быть, и такъ, чуть-чуть улыгнулся Николай Всеволодовичъ.

— А, вы согласны—очень радъ; я зналъ впередъ, что это ваши собственныя мысли... Не безпокойтесь, не безпокойтесь, я не сержусь и вовсе не для того опредѣлилъ себя въ такомъ видѣ, чтобы вызвать ваши обратныя похвалы: „нѣтъ, дескать, вы не бездарны, нѣтъ, дескать, вы умны“... А, вы опять улыбаетесь!.. Я опять попался. Вы не сказали бы: „вы умны“, ну, и положимъ; я все допускаю. Passons, какъ говоритъ папаша, и, въ скобкахъ, не сердитесь на мое многословіе. Кстати, вотъ и примѣръ: я всегда говорю много, то-есть много словъ, и тороплюсь, и у меня всегда не выходитъ. А почему я говорю много словъ и у меня не выходитъ? Потому что говорить не

умѣю. Тѣ, которые умѣютъ хорошо говорить, тѣ коротко говорятъ. Вотъ, стало-быть, у меня и бездарность,— не правда-ли? Но такъ какъ этотъ даръ бездарности у меня уже есть натуральный, такъ почему мнѣ имъ не воспользоваться искусственно. И и пользуюсь. Правда, собираясь сюда, я было подумалъ сначала молчать; но вѣдь молчать—большой талантъ, и, стало-быть, мнѣ неприлично, а, во-вторыхъ, молчать все-таки вѣдь опасно; ну, я и рѣшилъ окончательно, что лучше всего говорить, но именно по-бездарному, то-есть много, много, много, очень торопиться доказывать и подъ конецъ всегда спутаться въ своихъ собственныхъ доказательствахъ такъ, чтобы слушатель отошелъ отъ васъ безъ конца, разведя руки, а всего бы лучше плюнуть. Выйдетъ, во-первыхъ, что вы увѣрили въ своемъ простодушіи, очень надоѣли и были непоняты—всѣ три выгоды разомъ! Помилуйте, кто послѣ этого станетъ васъ подозрѣвать въ таинственныхъ замыслахъ? Да всякій изъ нихъ лично обидится на того, кто скажетъ, что я съ тайными замыслами. А я къ тому же иногда разсмѣшу,— а это ужъ драгоцѣнно. Да они мнѣ теперь все простятъ уже за то одно, что мудрецъ, издававшій тамъ прокламаціи, оказался здѣсь глупѣе ихъ самихъ, не такъ-ли? По вашей улыбкѣ вижу, что одобряете.

Николай Всеволодовичъ вовсе, впрочемъ, не улыбался, а, напротивъ, слушалъ нахмуренно и нѣсколько нетерпѣливо.

— А? Что? Вы, кажется, сказали: „все равно“? затрепалъ Петръ Степановичъ (Николай Всеволодовичъ вовсе ничего не говорилъ). — Конечно, конечно; увѣряю васъ, что я вовсе не для того, чтобы васъ товариществомъ компрометировать. А, знаете, вы ужасно сегодня вскидчивы; я къ вамъ прибѣжалъ съ открытою и веселою душой, а вы каждое мое слово въ лыко ставите; увѣряю же васъ, что сегодня ни о чемъ щекотливомъ не заговорю, слово даю; и на всѣ ваши условія заранѣе согласенъ!

Николай Всеволодовичъ упорно молчалъ.

— А? Чтѣ? Вы что-то сказали? Вижу, вижу, что я опять, кажется, сморозилъ; вы не предлагали условій, да и не предложите; вѣрю, вѣрю, ну, успокойтесь; я и самъ вѣдь знаю, что мнѣ не стоить ихъ предлагать, такъ-ли? Я за васъ впередъ отвѣчаю и,—ужъ конечно, отъ бездарности; бездарность и бездарность.. Вы смѣтаете? А? Чтѣ?

— Ничего, усмѣхнулся, наконецъ, Николай Всеволодо-

вичь, — я припомнилъ сейчасъ, что дѣйствительно обозвалъ васъ какъ-то бездарнымъ, но васъ тогда не было, значить, вамъ передали... И бы васъ просилъ поскорѣе къ дѣлу.

— Да вѣдь я у дѣла и есть, я именно по поводу воскресенья! залепеталъ Петръ Степановичъ. — Ну, чѣмъ, чѣмъ я былъ въ воскресенье, какъ по-вашему? Именно торопливою срединною бездарностью, и я самымъ бездарнѣйшимъ образомъ овладѣлъ разговоромъ силой. Но мнѣ все простили, потому что я, во-первыхъ, съ луны, это, кажется, здѣсь, теперь у всѣхъ рѣшено; а, во-вторыхъ, потому, что милую исторію рассказалъ и всѣхъ васъ выручилъ, такъ-ли, такъ-ли?

— То-есть именно такъ рассказали, чтобъ оставить сомнѣніе и выказать нашу стачку и подтасовку, тогда какъ стачки не было и я васъ ровно ни о чемъ не просилъ.

— Именно, именно! какъ бы въ восторгѣ подхватилъ Петръ Степановичъ. — Я именно такъ и дѣлалъ, чтобы вы всю пружину эту замѣтили; я вѣдь для васъ, главное, и ломался, потому что васъ ловилъ и хотѣлъ компрометировать. Я, главное, хотѣлъ узнать, въ какой степени вы боитесь.

— Любопытно, почему вы такъ теперь откровенны!

— Не сердитесь, не сердитесь, не сверкайте глазами... Впрочемъ, вы не сверкаете. Вотъ любопытно, почему я такъ откровененъ? Да именно потому, что все теперь перемѣнилось, конечно, прошло и пескомъ заросло. Я вдругъ перемѣнилъ о васъ свои мысли. Старый путь конченъ совсѣмъ, теперь я уже никогда не стану васъ компрометировать старымъ путемъ, теперь новымъ путемъ.

— Перемѣнили тактику?

— Тактики нѣтъ. Теперь во всемъ ваша полная воля, то-есть хотите сказать *да*, а хотите, скажите *нѣтъ*. Вотъ вамъ моя новая тактика. А о *нашемъ* дѣлѣ не заикнусь до тѣхъ самыхъ поръ, пока сами не прикажете. Вы смѣетесь? На здоровье; я и самъ смѣюсь. Но я теперь серьезно, серьезно, серьезно, хотя тотъ, кто такъ торопится, конечно, бездаренъ, не правда-ли? Все равно, пусть бездаренъ, а я серьезно, серьезно.

Онъ дѣйствительно проговорилъ серьезно, совсѣмъ другимъ тономъ и въ какомъ-то особенномъ волненіи, такъ что Николай Всеволодовичъ поглядѣлъ на него съ любопытствомъ.

— Вы говорите, что обо мнѣ мысли перемѣнили? спросилъ онъ.

— Я перемѣнилъ о васъ мысли въ ту минуту, какъ вы послѣ Шатова взяли руки назадъ, и довольно, довольно, пожалуйте безъ вопросовъ, больше ничего теперь не скажу.

Онъ было вскочилъ, махая руками, точно отмахиваясь отъ вопросовъ; но такъ какъ вопросовъ не было, а уходить было не зачѣмъ, то онъ и опустился опять въ кресла, нѣсколько успокоившись.

— Кстати, въ скобкахъ, затараторилъ онъ тотчасъ же,— здѣсь одни болтаютъ, будто вы его убьете, и пари держать, такъ что Лембке думалъ даже тронуть полицію, но Юлія Михайловна запретила... Довольно, довольно объ этомъ, и только чтобъ извѣстить. Кстати опять: я Лебядкиныхъ въ тотъ же день переправилъ, вы знаете; получили мою записку съ ихъ адресомъ?

— Получилъ тогда же.

— Это ужъ я не по „бездарности“, это я искренно, отъ готовности. Если вышло бездарно, то зато было искренно.

— Да ничего, можетъ, такъ и надо... раздумчиво промолвилъ Николай Всеволодовичъ.—Только записокъ больше ко мнѣ не пишите, прошу васъ.

— Невозможно было, всего одну.

— Такъ Липутинъ знаетъ?

— Невозможно было; но Липутинъ, сами знаете, не смѣетъ... Кстати надо бы къ нашимъ сходить, то-есть къ нимъ, а не къ *нашимъ*, а то вы опять лыко въ строку. Да не беспокойтесь, не сейчасъ, а когда-нибудь. Сейчасъ дождь идетъ. Я имъ дамъ знать, они соберутся, и мы вечеромъ. Они такъ и ждутъ разиня рта, какъ галчата въ гнѣздѣ, какого мы имъ привезли гостинцу? Горячій народъ. Книжки вынули, спорить собираются. Виргинскій—общечеловѣкъ, Липутинъ—фурьеристъ, при большой наклонности къ полицейскимъ дѣламъ; человекъ, я вамъ скажу, дорогой въ одномъ отношеніи, но требующій во всѣхъ другихъ строгости; и, наконецъ, тотъ съ длинными ушами, тотъ свою собственную систему прочитаетъ. И, знаете, они обижены, что я къ нимъ небрежно и водой ихъ окачиваю, хе-хе! А сходить надо непременно.

— Вы тамъ какимъ-нибудь шефомъ меня представили? какъ можно небрежнѣе выпустилъ Николай Всеволодовичъ.

Петръ Степановичъ быстро посмотрѣлъ на него.

— Кстати, подхватилъ онъ, какъ бы не разслышавъ и поскорѣй заминая, — я вѣдь по два, по три раза являлся къ многоуважаемой Варварѣ Петровнѣ и тоже много при-
нужденъ былъ говорить.

— Воображаю.

— Нѣтъ, не воображайте, я просто говорилъ, что вы не убьете, ну, и тамъ прочія сладкія вещи. И, вообра-
зите: она на другой день уже знала, что я Марью Тимо-
ѳеевну за рѣку переправилъ; это вы ей сказали?

— Не думалъ.

— Такъ и зналъ, что не вы. Кто-жъ бы могъ кромѣ васъ? Интересно.

— Липутинъ, разумѣется.

— Н-нѣтъ, не Липутинъ, пробормоталъ, нахмурился, Петръ Степановичъ. — Это я узнаю кто. Тутъ похоже на Шатова... Впрочемъ, вздоръ, оставимъ это! Это, впрочемъ, ужасно важно... Кстати, я все ждалъ, что ваша матушка такъ вдругъ и брякнетъ мнѣ главный вопросъ... Ахъ, да, всѣ дни сначала она была страшно угрюма, а вдругъ сегодня приѣзжаю — вся такъ и сіяетъ. Это что же?

— Это она потому, что я сегодня ей слово далъ че-
резъ пять дней къ Лизаветѣ Николаевнѣ посвататься, проговорилъ вдругъ Николай Всеволодовичъ съ неожиданною откровенностью.

— А, ну... да, конечно, пролетелъ Петръ Степано-
вичъ, какъ бы замывшись. — Тамъ слухи о помолвкѣ, вы знаете? Вѣрно, однако. Но вы правы, она изъ-подъ вѣнца приѣзжитъ, стѣбитъ вамъ только кликнуть. Вы не сердитесь, что я такъ?

— Нѣтъ, не сержусь.

— Я замѣчаю, что васъ сегодня ужасно трудно раз-
сердить, и начинаю васъ бояться. Мнѣ ужасно любопытно, какъ вы завтра явитесь. Вы навѣрно много штукъ при-
готовили. Вы не сердитесь на меня, что я такъ?

Николай Всеволодовичъ совсѣмъ не отвѣтилъ, что со-
всѣмъ раздражило Петра Степановича.

— Кстати, это вы серьезно мамашѣ насчетъ Лизаветы Николаевны? спросилъ онъ.

Николай Всеволодовичъ пристально и холодно посмо-
трѣлъ на него.

— А, понимаю, чтобы только успокоить, ну, да.

— А если бы серьезно? твердо спросилъ Николай Все-
володовичъ.

— Что-жь, и съ Богомъ, какъ въ этихъ случаяхъ говорится, дѣлу не повредить (видите, я не сказалъ, нашему дѣлу, вы словцо *наше* не любите), а я... а я что-жь, я къ вашимъ услугамъ, сами знаете.

— Вы думаете?

— Я ничего, ничего не думаю, заторошилси, смѣясь, Петръ Степановичъ,—потому что знаю, вы о своихъ дѣлахъ сами напередъ обдумали и что у васъ все придумано. Я только про то, что я серьезно къ вашимъ услугамъ, всегда и вездѣ и во всякомъ случаѣ, то-есть во всякомъ, понимаете это?

Николай Всеволодовичъ зѣвнулъ.

— Надоѣлъ я вамъ, вскочилъ вдругъ Петръ Степановичъ, схватывая свою круглую, совсѣмъ новую шляпу и какъ бы уходя, а между тѣмъ все еще оставаясь и продолжая говорить непрерывно, хотя и стоя; иногда шагая по комнатѣ и въ одушевленныхъ мѣстахъ разговора ударяя себя шляпой по колѣнкѣ.—Я думалъ еще повеселить васъ Лембками! весело вскричалъ онъ.

— Нѣтъ ужъ, послѣ бы. Какъ, однако, здоровье Юліи Михайловны?

— Какой это у васъ у всѣхъ, однако, свѣтскій приемъ: вамъ до ея здоровья все равно, что до здоровья сѣрой кошки, а между тѣмъ спрашиваете. Я это хвалю. Здорова и васъ уважаетъ до суевѣрія, до суевѣрія многого отъ васъ ожидаетъ. О воскресномъ случаѣ молчитъ и увѣрена, что вы все сами побѣдите однимъ появленіемъ. Ей-Богу, она воображаетъ, что вы ужъ Богъ знаетъ что можете. Впрочемъ, вы теперь загадочное и романическое лицо, пуще чѣмъ когда-нибудь—чрезвычайно выгодное положеніе. Всѣ васъ ждуть до невѣроятности. Я вотъ уѣхалъ—было горячо, а теперь еще пуще. Кстати, спасибо еще разъ за письмо. Они всѣ графа К. боятся. Знаете, они считаютъ васъ, кажется, за шпіона! Я поддакиваю, вы не сердитесь?

— Ничего.

— Это ничего; это въ дальнѣйшемъ необходимо. У нихъ здѣсь свои порядки. Я, конечно, поощряю; Юлія Михайловна во главѣ, Гагановъ тоже... Вы смѣтаете? Да вѣдь я съ тактикой; я вру-вру, а вдругъ и умное слово скажу, именно тогда, когда они всѣ его ищутъ. Они окружаютъ меня, а я опять начну врать. На меня уже всѣ махнули: „со способностями, говорятъ, но съ луны соско-

чилъ“. Лембке меня въ службу зоветь, чтобъ я выправился. Знаете, я его ужасно третирую, то-есть компрометирую, такъ и лупить глаза. Юлія Михайловна поощряетъ. Да, кстати, Гагановъ на васъ ужасно сердится. Вчера въ Духовъ говорилъ мнѣ о васъ прескверно. Я ему тотчасъ же всю правду, то-есть, разумѣется, не всю правду. Я у него цѣлый день въ Духовъ прожилъ. Славное имѣніе, хорошій домъ.

— Такъ онъ развѣ и теперь въ Духовъ? вдругъ вскинулся Николай Всеволодовичъ, почти вскочивъ и сдѣлавъ сильное движеніе впередъ.

— Нѣтъ, меня же и привезъ сюда давеча утромъ, мы вмѣстѣ воротились, проговорилъ Петръ Степановичъ, какъ бы совсѣмъ не замѣтивъ мгновеннаго волненія Николая Всеволодовича.—Что это, я книгу уронилъ, нагнулся онъ поднять задѣтый имъ кипсекъ.—Женщины Бальзака, съ картинками, развернулъ онъ вдругъ,—не читалъ. Лембке тоже романы пишетъ.

— Да? спросилъ Николай Всеволодовичъ, какъ бы заинтересовавшись.

— На русскомъ языкѣ, потихоньку, разумѣется. Юлія Михайловна знаетъ и позволяетъ. Колпакъ, впрочемъ, съ приемами; у нихъ это выработано. Экая строгость формъ, экая выдержанность! Вотъ бы намъ что-нибудь въ этомъ родѣ.

— Вы хвалите администрацію?

— Да еще же бы нѣтъ! Единственно что въ Россіи есть натурального и достигнутаго... не буду, не буду, вскинулся онъ вдругъ.—Я не про то, о деликатномъ ни слова. Однако, прощайте, вы какой-то зеленый.

— Лихорадка у меня.

— Можно повѣрить, ложитесь-ка. Кстати: здѣсь скопцы есть въ уѣздѣ, любопытный народъ... Впрочемъ, потомъ. А, впрочемъ, вотъ еще анекдотикъ: тутъ по уѣзду пѣхотный полкъ. Въ пятницу вечеромъ я въ Б—цахъ съ офицерами пилъ. Тамъ вѣдь у насъ три пріятели, vous comprenez? Объ атеизмѣ говорили и, ужъ, разумѣется, Бога раскассировали. Рады, визжать. Кстати, Шатовъ увѣряетъ, что если въ Россіи будетъ начинать, то чтобы непременно начать съ атеизма. Можетъ, и правда. Одинъ сѣдой бурбонъ-капитанъ сидѣлъ-сидѣлъ, все молчалъ, ни слова не говорилъ, вдругъ становится среди комнаты и, знаете, громко такъ, какъ бы самъ съ собой: „Если Бога

пѣтъ, то какой же я послѣ того капитанъ?“ Взялъ фуражку, развелъ руки и вышелъ.

— Довольно цѣлѣбую мысль выразилъ, зѣвнулъ въ третій разъ Николай Всеволодовичъ.

— Да? Я не понималъ; васъ хотѣлъ спросить. Ну что бы вамъ еще: интересная фабрика Шпигулиныхъ; тутъ, какъ вы знаете, пятьсотъ рабочихъ, разсадникъ холеры, не чистятъ пятнадцать лѣтъ и фабричныхъ не считаютъ; купцы-милліонеры. Увѣряю васъ, что между рабочими иные объ Internationale имѣютъ понятіе. Что, вы улыбнулись? Сами увидите, дайте мнѣ только самый, самый маленькій срокъ! Я уже просилъ у васъ срока, а теперь еще прошу, и тогда... а, впрочемъ, виновать, не буду, я не про то, не морщитесь. Однако, прощайте. Что-жь я? воротился онъ вдругъ съ дороги. — Совсѣмъ забылъ, самое главное: мнѣ сейчасъ говорили, что нашъ ящикъ изъ Петербурга пришелъ.

— То-есть? посмотрѣлъ Николай Всеволодовичъ, не понимая.

— То-есть вашъ ящикъ, ваши вещи, съ фраками, панталонами и бѣльемъ, припелъ? Правда?

— Да, мнѣ что-то давеча говорили.

— Ахъ, такъ нельзя-ли сейчасъ!..

— Спросите у Алексѣя.

— Ну, завтра, завтра? Тамъ вѣдь съ вашими и мой пиджакъ, фракъ и трое панталонъ, отъ Шармера, по вашей рекомендаціи, помните?

— Я слышалъ, что вы здѣсь, говорятъ, джентльменничаете? усмѣхнулся Николай Всеволодовичъ.—Правда, что вы у берейтора верхомъ хотите учиться?

Петръ Степановичъ улыбнулся искривленною улыбкой.

— Знаете, заторопился онъ вдругъ чрезмѣрно, какимъ-то вздрагивающимъ и пресѣкающимся голосомъ.—Знаете, Николай Всеволодовичъ, мы оставимъ насчетъ личностей, не такъ-ли, разъ навсегда? Вы, разумѣется, можете меня презирать сколько угодно, если вамъ такъ смѣшно, но все-таки бы лучше безъ личностей нѣсколько времени, такъ-ли?

— Хорошо, я больше не буду, промолвилъ Николай Всеволодовичъ.

Петръ Степановичъ усмѣхнулся, стукнулъ по колѣнкѣ шляпой, ступилъ съ одной ноги на другую и принялъ прежній видъ.

— Здѣсь иные считаютъ меня даже вашимъ соперникомъ у Лизаветы Николаевны, какъ же мнѣ о наружности не заботиться? засмѣялся онъ.—Это кто же, однако, вамъ доносить. Гм! Ровно восемь часовъ; ну, я въ путь: я къ Варварѣ Петровнѣ обѣщаль зайти, но спасую, а вы ложитесь и завтра будете бодрѣе. На дворѣ дождь и темень, у меня, впрочемъ, извозчикъ, потому что на улицахъ здѣсь по ночамъ не спокойно... Ахъ, какъ кстати: здѣсь въ городѣ и около бродить теперь одинъ Оедька каторжный, бѣглый изъ Сибири, представьте, мой бывший дворовый человѣкъ, котораго папаша лѣтъ пятнадцать тому въ солдаты уpekъ и деньги взялъ. Очень замѣчательная личность.

— Вы... съ нимъ говорили? вскинулъ глазами Николай Всеволодовичъ.

— Говорилъ. Отъ меня не прячется. На все готовая личность, на все; за деньги, разумѣется, но есть и убѣжденія, въ своемъ родѣ, конечно. Ахъ, да, вотъ и опять кстати: если вы давеча серьезно о томъ замыслѣ, помните, насчетъ Лизаветы Николаевны, то возобновлю вамъ еще разъ, что и я тоже на все готовая личность, во всѣхъ родахъ, какихъ угодно, и совершенно къ вашимъ услугамъ... Что это, вы за палку хватаетесь? Ахъ, нѣтъ, вы не за палку... Представьте, мнѣ показалось, что вы палку ищете?

Николай Всеволодовичъ ничего не искалъ и ничего не говорилъ, но, дѣйствительно, онъ привсталъ какъ-то вдругъ, съ какимъ-то страннымъ движеніемъ въ лицѣ.

— Если вамъ тоже понадобится что-нибудь насчетъ господина Гаганова, брякнулъ вдругъ Петръ Степановичъ, ужъ примѣхонько кивая на прессъ-папье,—то, разумѣется, я могу все устроить и убѣжденъ, вы меня не обойдете.

Онъ вдругъ вышелъ, не дожидаясь отвѣта, но высунулъ еще разъ голову изъ-за двери:

— Я потому такъ, прокричалъ онъ скороговоркой,—что вѣдь Шатовъ, напримѣръ, тоже не имѣлъ права риковать тогда жизнью въ воскресенье, когда къ вамъ подошелъ, такъ-ли? Я бы желалъ, чтобы вы это замѣтили.

Онъ исчезъ опять, не дожидаясь отвѣта.

IV.

Можетъ-быть, онъ думалъ, исчезая, что Николай Всеволодовичъ, оставшись одинъ, начнетъ колотить кулаками

въ стѣну, и, ужь конечно бы, радъ былъ подсмотреть, если бъ это было возможно. Но онъ очень бы обманулся: Николай Всеволодовичъ оставался спокоенъ. Минуты двѣ онъ простоялъ у стола въ томъ же положеніи, повидимому, очень задумавшись; но вскорѣ вялая, холодная улыбка выдавилась на его губахъ. Онъ медленно усѣлся на диванъ, на свое прежнее мѣсто въ углу, и закрылъ глаза, какъ бы отъ усталости. Уголокъ письма попрежнему выглядывалъ изъ-подъ прессъ-папье, но онъ и не пошевелился поправить.

Скоро онъ забылся совсѣмъ. Варвара Петровна, измучившая себя въ эти дни заботами, не вытерпѣла, и, по уходѣ Петра Степановича, обѣщавшаго къ ней зайти и не сдержавшаго обѣщанія, рискнула сама навѣстить Nicolas, несмотря на неуказанное время. Ей все мерещилось: не скажетъ-ли онъ, наконецъ, чего-нибудь окончательно. Тихо, какъ и давеча, постучалась она въ дверь, и опять, не получая отвѣта, отворила сама. Увидавъ, что Nicolas сидитъ что-то слишкомъ ужь неподвижно, она, съ бьющимся сердцемъ, осторожно приблизилась сама къ дивану. Ее какъ бы поразило, что онъ такъ скоро заснулъ и что можетъ такъ спать, такъ прямо сидя и такъ неподвижно; даже дыханія почти нельзя было замѣтить. Лицо было блѣдное и суровое, но совсѣмъ какъ бы застывшее, недвижимое; брови немного сдвинуты и нахмурены: рѣшительно онъ походилъ на бездушную восковую фигуру. Она простояла надъ нимъ минуты три, едва переводя дыханіе, и вдругъ ее объялъ страхъ; она вышла на цыпочкахъ, пріостановилась въ дверяхъ наскоро, перекрестила его и удалилась незамѣченная, съ новымъ тяжелымъ ощущеніемъ и съ повою тоскою.

Проспалъ онъ долго, болѣе часу, и все въ такомъ же оцѣпенѣніи: ни одинъ мускулъ лица его не двинулся, ни малѣйшаго движенія во всемъ тѣлѣ не выказалось; брови были все такъ же сурово сдвинуты. Если бы Варвара Петровна осталась еще на три минуты, то навѣрно бы не вынесла подавляющаго ощущенія этой летаргической неподвижности и разбудила его. Но онъ вдругъ самъ открылъ глаза и, попрежнему не шевелясь, просидѣлъ еще минутъ десять, какъ бы упорно и любопытно всматриваясь въ какой-то поразившій его предметъ въ углу комнаты, хотя тамъ ничего не было ни новаго, ни особеннаго.

Наконецъ, раздался тихій, густой звукъ большихъ стѣн-

ныхъ часовъ, пробившихъ одинъ разъ. Съ нѣкоторымъ безпокойствомъ повернулъ онъ голову взглянуть на циферблатъ, но почти въ ту же минуту отворилась задняя дверь, выходившая въ коридоръ, и показался камердинеръ Алексѣй Егоровичъ. Онъ несъ въ одной рукѣ теплое пальто, шарфъ и шляпу, а въ другой серебряную тарелочку, на которой лежала записка.

— Половина десятаго, возгласилъ онъ тихимъ голосомъ и, сложивъ принесенное платье въ углу на стулѣ, поднесъ на тарелкѣ записку, маленькую бумажку, незапечатанную, съ двумя строчками карандашомъ.

Пробѣжавъ эти строки, Николай Всеволодовичъ тоже взялъ со стола карандашъ, черкнулъ въ концѣ записки два слова и положилъ обратно на тарелку.

— Передать тотчасъ же, какъ я выйду, и одѣваться, сказалъ онъ, вставая съ дивана.

Замѣтивъ, что на немъ легкій, бархатный пиджакъ, онъ подумалъ и велѣлъ подать себѣ другой, суконный сюртукъ, употреблявшійся для болѣе церемонныхъ вечернихъ визитовъ. Наконецъ, одѣвшись совсѣмъ и надѣвъ шляпу, онъ заперъ дверь, въ которую входила къ нему Варвара Петровна, и, вынувъ изъ-подъ прессы-папье спрятанное письмо, молча вышелъ въ коридоръ, въ сопровожденіи Алексѣя Егоровича. Изъ коридора вышли на узкую каменную заднюю лѣстницу и спустились въ сѣни, выходившія прямо въ садъ. Въ углу въ сѣняхъ стояли припасенные фонарикъ и большой зонтикъ.

--- По чрезвычайному дождю грязь по здѣшнимъ улицамъ вестерпимая, доложилъ Алексѣй Егоровичъ въ видѣ отдаленной попытки въ послѣдній разъ отклонить барина отъ путешествія.

Но баринъ, развернувъ зонтикъ, молча вышелъ въ темный, какъ погребъ, отсырѣлый и мокрый старый садъ. Вѣтеръ шумѣлъ и качалъ вершинами полуобнаженныхъ деревьевъ, узенькія песочныя дорожки были топки и скользки. Алексѣй Егоровичъ шелъ, какъ былъ, во фракъ и безъ шляпы, освѣщая путь шага на три впередъ фонарикомъ.

--- Не замѣтно-ли будетъ? спросилъ вдругъ Николай Всеволодовичъ.

— Изъ окошекъ замѣтно не будетъ, окромя того, что заранѣе все предусмотрено, тихо и размѣренно отвѣтилъ слуга.

— Матушка почиваетъ?

— Заперлись, по обыкновенію послѣднихъ дней, ровно въ девять часовъ и узнать теперь для нихъ ничего невозможно. Въ какомъ часу прикажете васъ ожидать? прибавилъ онъ, осмѣливаясь сдѣлать вопросъ.

— Въ часъ, въ половинѣ второго, не позже двухъ.

— Слушаю-сь.

Обойдя извилистыми дорожками весь садъ, который оба знали наизусть, они дошли до каменной садовой ограды, и тутъ, въ самомъ углу стѣны, отыскали маленькую дверцу, выводившую въ тѣсный и глухой переулочекъ, почти всегда запертую, по ключъ отъ которой оказался теперь въ рукахъ Алексѣя Егоровича.

— Не закрипѣла бы дверь? освѣдомился опять Николай Всеволодовичъ.

Но Алексѣй Егоровичъ доложилъ, что вчера еще смазана масломъ, „равно и сегодня“. Онъ весь уже успѣлъ измокнуть. Отперевъ дверцу, онъ подаль ключъ Николаю Всеволодовичу.

— Если изволили предпринять путь отдаленный, то докладываю, будучи не увѣренъ въ здѣшнемъ народишкѣ, въ особенности по глухимъ переулкамъ, а паче всего за рѣкой, не утерпѣлъ онъ еще разъ. Это былъ старый слуга, бывший дядька Николая Всеволодовича, когда-то нянчившій его на рукахъ, человѣкъ серьезный и строгій, любившій послушать и почитать отъ божественнаго.

— Не безпокойся, Алексѣй Егорычъ.

— Благослови васъ Богъ, сударь, по при начинапіи лишь добрыхъ дѣлъ.

— Какъ? остановился Николай Всеволодовичъ, уже перешагнувъ въ переулокъ.

Алексѣй Егоровичъ твердо повторилъ свое желаніе; никогда прежде онъ не рѣшился бы его выразить въ такихъ словахъ вслухъ предъ своимъ господиномъ.

Николай Всеволодовичъ заперъ дверь, положилъ ключъ въ карманъ и пошелъ по проулку, увязая съ каждымъ шагомъ вершка на три въ грязь. Онъ вышелъ, наконецъ, въ длинную и пустынную улицу на мостовую. Городъ былъ извѣстенъ ему какъ пять пальцевъ; но Богоявленская улица была все еще далеко. Было болѣе десяти часовъ, когда онъ остановился, наконецъ, предъ запертыми воротами темнаго стараго дома Филипповыхъ. Нижній этажъ теперь, съ выѣздомъ Лебядкиныхъ, стоялъ совсѣмъ

пустой, съ заколоченными окнами, но въ мезонинѣ у Шатова свѣтился огонь. Такъ какъ не было колокольчика, то онъ началъ бить въ ворота рукой. Отворилось оконце, и Шатовъ выглянулъ на улицу; темень была страшная и разглядѣть было мудрено; Шатовъ разглядывалъ долго, съ минутой.

— Это вы? спросилъ онъ вдругъ.

— Я, отвѣтилъ незваный гость.

Шатовъ захлопнулъ окно, сошелъ внизъ и отперъ ворота. Николай Всеволодовичъ переступилъ черезъ высокій порогъ и, не сказавъ ни слова, прошелъ мимо, прямо во флигель къ Кириллову.

V.

Тутъ все было отперто и даже не притворено. Сѣни и первыя двѣ комнаты были темны, но въ послѣдней, въ которой Кирилловъ жилъ и пилъ чай, сіялъ свѣтъ и слышался смѣхъ и какія-то странныя вскрикиванія. Николай Всеволодовичъ пошелъ на свѣтъ, но, не входя, остановился на порогѣ. Чай былъ на столѣ. Среди комнаты стояла старуха, хозяйская родственница, простоволосая, въ одной юбкѣ, въ башмакахъ на босу ногу и въ заячьей куцавейкѣ. На рукахъ у ней былъ полутораговой ребенокъ, въ одной рубашонкѣ, съ голыми ножками, съ разгорѣвшимися щечками, съ бѣлыми всключенными волосками, только-что изъ колыбели. Онъ, должно-быть, недавно расплакался; слезки еще стояли подъ глазами, но въ эту минуту тянулся ручонками, хлопалъ въ ладошки и хохоталъ, какъ хохочутъ маленькія дѣти, съ захлипомъ. Предъ нимъ Кирилловъ бросалъ о полъ большой резиновый красный мячъ; мячъ отпрыгивалъ до потолка, падалъ опять, ребенокъ кричалъ: „мя, мя!“ Кирилловъ ловилъ „мя“ и подавалъ ему, тотъ бросалъ уже самъ своими пеловкими ручонками, а Кирилловъ бѣжалъ опять поднимать. Наконецъ, „мя“ закатился подъ шкафъ. „Мя, мя!“ кричалъ ребенокъ. Кирилловъ припалъ къ полу и протянулся, стараясь изъ-подъ шкафа достать „мя“ рукой. Николай Всеволодовичъ вошелъ въ комнату; ребенокъ, увидѣвъ его, припалъ къ старухѣ и закатился долгимъ дѣтскимъ плачемъ; та тотчасъ же его вынесла.

— Ставрогинъ? сказалъ Кирилловъ, приподымаясь съ полу съ мячомъ въ рукахъ, безъ малѣйшаго удивленія къ неожиданному визиту.— Хотите чаю?

Онъ приподнялся совсѣмъ.

— Очень не откажусь, если теплый, сказалъ Николай Всеволодовичъ.—Я весь промокъ.

— Теплый, горячій даже, съ удовольствіемъ подтвердилъ Кирилловъ. — Садитесь; вы грязны, ничего; полъ я потомъ мокрою тряпкой.

Николай Всеволодовичъ усѣлся и почти залпомъ выпилъ налитую чашку.

— Еще? спросилъ Кирилловъ.

— Благодарю.

Кирилловъ, до сихъ поръ не садившійся, тотчасъ же сѣлъ напротивъ и спросилъ:

— Вы что пришли?

— По дѣлу. Вотъ прочтите это письмо, отъ Гаганова; помните, я вамъ говорилъ въ Петербургѣ.

Кирилловъ взялъ письмо, прочелъ, положилъ на столъ и смотрѣлъ въ ожиданіи.

— Этого Гаганова, началъ объяснять Николай Всеволодовичъ,—какъ вы знаете, я встрѣтилъ мѣсяцъ тому назадъ, въ Петербургѣ, въ первый разъ въ жизни. Мы столкнулись раза три въ людяхъ. Не знакомясь со мной и не заговаривая, онъ нашелъ—таки возможность быть очень дерзкимъ. Я вамъ тогда говорилъ; но вотъ чего вы не знаете: уѣзжая тогда изъ Петербурга раньше меня, онъ вдругъ прислалъ мнѣ письмо, хотя и не такое, какъ это, но, однако, неприличное въ высшей степени и ужъ тѣмъ странное, что въ немъ совсѣмъ не объяснено было повода, по которому оно писано. Я отвѣтилъ ему тотчасъ же, тоже письмомъ, и совершенно откровенно высказалъ, что, вѣроятно, онъ на меня сердится за происшествіе съ его отцомъ, четыре года назадъ, здѣсь въ клубѣ, и что я съ моей стороны готовъ принести ему всевозможныя извиненія, на томъ основаніи, что поступокъ мой былъ неумышленный и произошелъ въ болѣзни. Я просилъ его взять мои извиненія въ соображеніе. Онъ не отвѣтилъ и уѣхалъ; но вотъ теперь я застаю его здѣсь уже совсѣмъ въ бѣшенствѣ. Мнѣ передали нѣсколько публичныхъ отыгровъ его обо мнѣ, совершенно ругательныхъ и съ удивительными обвиненіями. Наконецъ, сегодня приходитъ это письмо, какого вѣрно никто никогда не получалъ, съ ругательствами и съ выраженіями: „ваша битая рожа“. Я пришелъ, надѣясь, что вы не откажетесь въ секунданты.

— Вы сказали, письма никто не получалъ, замѣтилъ

Кирилловъ.—Въ бѣшенствѣ можно; пишутъ не разъ. Пушкинъ Гекерну написалъ. Хорошо, пойду. Говорите, какъ?

Николай Всеволодовичъ объяснилъ, что желаетъ завтра же, и чтобы непременно начать съ возобновленія извиненій и даже съ обѣщанія вторичнаго письма съ извиненіями, но, съ тѣмъ, однако, что и Гагановъ, съ своей стороны, обѣщаль бы не писать болѣе писемъ. Полученное же письмо будетъ считаться какъ не бывшее вовсе.

— Слишкомъ много уступокъ, не согласится, проговорилъ Кирилловъ.

— Я прежде всего пришелъ узнать, согласитесь-ли вы понести туда такія условія?

— Я понесу. Ваше дѣло. Но онъ не согласится.

— Знаю, что не согласится.

— Онъ драться хочетъ. Говорите, какъ драться?

— Въ томъ-то и дѣло, что я хотѣлъ бы завтра непременно все кончить. Часовъ въ девять утра вы у него. Онъ выслушаетъ и не согласится, но сведетъ васъ съ своимъ секундантомъ,—положимъ, часовъ около одиннадцати. Вы съ тѣмъ порѣшите, и затѣмъ въ часъ или въ два чтобы быть всѣмъ на мѣстѣ. Пожалуйста, постарайтесь такъ сдѣлать. Оружіе, конечно, пистолеты, и особенно васъ прошу устроить такъ: опредѣлить барьеръ въ десять шаговъ; затѣмъ вы ставите насъ каждаго въ десяти шагахъ отъ барьера, и по данному знаку мы сходимся. Каждый долженъ непременно дойти до своего барьера, но выстрѣлить можетъ и раньше, на ходу. Вотъ и все, я думаю.

— Десять шаговъ между барьерами близко, замѣтилъ Кирилловъ.

— Ну, двѣнадцать, только не больше, вы понимаете, что онъ хочетъ драться серьезно. Умѣете вы зарядить пистолеть?

— Умѣю. У меня есть пистолеты; я дамъ слово, что вы изъ нихъ не стрѣляли. Его секундантъ тоже слово про свои; двѣ пары, и мы сдѣлаемъ четъ и нечетъ, его или нашу?

— Прекрасно.

— Хотите посмотреть пистолеты?

— Пожалуй.

Кирилловъ присѣлъ на корточки предъ своимъ чемоданомъ въ углу, все еще не разобраннымъ, но изъ котораго вытаскивались вещи по мѣрѣ надобности. Онъ вытащилъ

со́ два ящикъ пальмоваго дерева, внутри отдѣланный краснымъ бархатомъ, и изъ него вынулъ пару щегольскихъ, чрезвычайно дорогихъ пистолетовъ.

— Есть все: порохъ, пули, патроны. У меня еще револьверъ; постойте.

Онъ полѣвъ опять въ чемоданъ и вытащилъ другой ящикъ съ шестиствольнымъ американскимъ револьверомъ.

— У васъ довольно оружія, и очень дорогого.

— Очень. Чрезвычайно.

Бѣдный, почти нищій, Кирилловъ, никогда, впрочемъ, и не замѣчавшій своей нищеты, видимо, съ похвалъбой показывалъ теперь свои оружейныя драгоценности, безъ сомнѣнія, приобретенныя съ чрезвычайными пожертвованіями.

— Вы все еще въ тѣхъ же мысляхъ? спросилъ Ставрогинъ послѣ минутнаго молчанія и съ нѣкоторою осторожностью.

— Въ тѣхъ же, коротко отвѣтилъ Кирилловъ, тотчасъ же по голосу угадавъ, о чемъ спрашиваютъ, и сталъ убирать со стола оружіе.

— Когда же? еще осторожнѣе спросилъ Николай Всеволодовичъ, опять послѣ нѣкотораго молчанія.

Кирилловъ, между тѣмъ, уложилъ оба ящика въ чемоданъ и усѣлся на прежнее мѣсто.

— Это не отъ меня, какъ знаете; когда скажутъ, провороботалъ онъ, какъ бы нѣсколько тяготясь вопросомъ, но въ то же время съ видимою готовностью отвѣчать на всѣ другіе вопросы.

На Ставрогина онъ смотрѣлъ, не отрываясь, своими черными глазами безъ блеску, съ какимъ-то спокойнымъ, но добрымъ и привѣтливымъ чувствомъ.

— Я, конечно, понимаю—застрѣлиться, началъ опять, нѣсколько нахмурившись, Николай Всеволодовичъ, послѣ долгаго, трехминутнаго задумчиваго молчанія,—я иногда самъ представлялъ, и тутъ всегда какая-то новая мысль: если бы сдѣлать злодѣйство, или, главное, стыдъ, то-есть позоръ, только очень подлый и... смѣшной, такъ что запомнить люди на тысячу лѣтъ, и плевать будутъ тысячу лѣтъ, и вдругъ мысль: „одинъ ударъ въ високъ и пичего не будетъ“. Какое дѣло тогда до людей и что они будутъ плевать тысячу лѣтъ, не такъ-ли?

— Вы называете, что это новая мысль? проговорилъ Кирилловъ, подумавъ.

— Я... не называю... когда я подумалъ однажды, то почувствовалъ совсѣмъ новую мысль.

— „Мысль почувствовали?“ переговорилъ Кирилловъ.— Это хорошо. Есть много мыслей, которыя всегда и которыя вдругъ станутъ новыя. Это вѣрно. Я много теперь, какъ въ первый разъ, вижу.

— Положимъ, вы жили на лунѣ, перебилъ Ставругинъ, не слушая и продолжая свою мысль,—вы тамъ, положимъ, сдѣлали всѣ эти смѣшныя пакости... Вы знаете навѣрно отсюда, что тамъ будутъ смѣяться и плевать на ваше имя тысячу лѣтъ, вѣчно, во всю луну. Но теперь вы здѣсь и смотрите на луну отсюда: какое вамъ дѣло здѣсь до всего того, что вы тамъ надѣлали, и что тамошніе будутъ плевать на васъ тысячу лѣтъ, не правда-ли?

— Не знаю, отвѣтилъ Кирилловъ,—я на лунѣ не былъ, прибавилъ онъ безъ всякой ироніи, единственно для обозначенія факта.

— Чей это давеча ребенокъ?

— Старухина свекровь пріѣхала; нѣтъ, сноха... все равно. Три дня. Лежитъ больная, съ ребенкомъ; по ночамъ кричитъ очень, животъ. Мать спитъ, а старуха привоситъ; и мячомъ. Мячъ изъ Гамбурга. Я въ Гамбургъ купилъ, чтобы бросать и ловить; укрѣпляетъ спину. Дѣвочка.

— Вы любите дѣтей?

— Люблю, отозвался Кирилловъ, довольно, впрочемъ, равнодушно.

— Стало-быть, и жизнь любите?

— Да, люблю и жизнь, а что?

— Если рѣшились застрѣлиться.

— Что же? Почему вмѣстѣ? Жизнь особо, а то особо. Жизнь есть, а смерти нѣтъ совсѣмъ.

— Вы стали вѣровать въ будущую вѣчную жизнь?

— Нѣтъ, не въ будущую вѣчную, а въ здѣшнюю вѣчную. Есть минуты, вы доходите до минутъ, и время вдругъ останавливается и будетъ вѣчно.

— Вы надѣетесь дойти до такой минуты?

— Да.

— Это врядъ-ли въ наше время возможно, тоже безъ всякой ироніи отозвался Николай Всеволодовичъ, медленно и какъ бы задумчиво.—Въ Апокалипсисѣ ангелъ клянется, что времени больше не будетъ.

— Знаю. Это очень тамъ вѣрно; отчетливо и точно.

Когда весь человекъ счастья достигнетъ, то времени больше не будетъ, потому что не надо. Очень вѣрная мысль.

— Куда-жь его спрячутъ?

— Никуда не спрячутъ. Время не предметъ, а идея. Погаснетъ въ умѣ.

— Старыя философскія мѣста, одни и тѣ же съ начала вѣковъ, съ какимъ-то брезгливымъ сожалѣніемъ пробор-мotalъ Ставрогинъ.

— Одни и тѣ же! Одни и тѣ же съ начала вѣковъ, и никакихъ другихъ никогда! подхватилъ Кирилловъ съ сверкающимъ взглядомъ, какъ будто въ этой идеѣ заключалась чуть не побѣда.

— Вы, кажется, очень счастливы, Кирилловъ?

— Да, очень счастливъ, отвѣтилъ тотъ, какъ бы давая самый обыкновенный отвѣтъ.

— Но вы такъ недавно еще огорчались, сердились на Липутина.

— Гм!.. я теперь не branю. Я еще не зналъ тогда, что былъ счастливъ. Видали вы листь, съ дерева листь?

— Видалъ.

— Я видѣлъ недавно желтый, немного зеленого, съ краевъ подгнилъ. Вѣтромъ носило. Когда мнѣ было десять лѣтъ, я зимой закрывалъ глаза нарочно и представлялъ листь зеленый, яркій съ жилками, и солнце блеститъ. Я открывалъ глаза и не вѣрилъ, потому что очень хорошо, и опять закрывалъ.

— Это что же, аллегорія?

— Н-нѣтъ... зачѣмъ? Я не аллегорію, я просто листь, одинъ листь. Листъ хорошъ. Все хорошо.

— Все?

— Все. Человекъ несчастливъ потому, что не знаетъ, что онъ счастливъ; только потому. Это все, все! Кто узнаетъ, тотчасъ сейчасъ станетъ счастливъ, сію минуту. Эта свекровь умретъ, а дѣвочка останется—все хорошо. Я вдругъ открылъ.

— А кто съ голоду умретъ, а кто обидитъ и обезчеститъ дѣвочку—это хорошо?

— Хорошо. И кто разможитъ голову за ребенка, и то хорошо, и кто не разможитъ, и то хорошо. Все хорошо, все. Всѣмъ тѣмъ хорошо, кто знаетъ, что все хорошо. Если бъ они знали, что имъ хорошо, то имъ было бы хорошо, но пока они не знаютъ, что имъ хорошо, то имъ будетъ нехорошо. Вотъ вся мысль, вся, больше нѣтъ никакой!

— Когда же вы узнали, что вы такъ счастливы?

— На прошлой недѣлѣ во вторникъ, нѣтъ, въ среду, потому что уже была среда, ночью.

— По какому же поводу?

— Не помню, такъ; ходилъ по комнатѣ... все равно. Я часы остановилъ, было тридцать семь минутъ третьяго.

— Въ эмблему того, что время должно остановиться?

Кирилловъ промолчалъ.

— Они не хороши, началъ онъ вдругъ опять, — потому, что не знаютъ, что они хороши. Когда узнаютъ, то не будутъ насиловать дѣвочку. Надо имъ узнать, что они хороши, и всѣ тотчасъ же станутъ хороши, всѣ до единого.

— Вотъ вы узнали же, стало-быть, вы хороши?

— Я хорошъ.

— Съ этимъ я, впрочемъ, согласенъ, нахмуренно про-
бормоталъ Ставрогинъ.

— Кто научить, что всѣ хороши, тотъ міръ забончить.

— Кто училъ, Того распяли.

— Онъ придетъ и имя ему будетъ человѣкобогъ.

— Богочеловѣкъ?

— Человѣкобогъ, въ этомъ разница.

— Ужъ не вы-ли и лампадку зажигаете?

— Да, это я зажегъ.

— Увѣровали?

— Старуха любить, чтобы лампадку... а ей сегодня некогда, пробормоталъ Кирилловъ.

— А сами еще не молитесь?

— Я всему молюсь. Видите, паукъ ползеть по стѣпѣ, я смотрю и благодаренъ ему за то, что ползеть.

Глаза его опять загорѣлись. Онъ все смотрѣлъ прямо на Ставрогина, взглядомъ твердымъ и неуклоннымъ. Ставрогинъ нахмуренно и брезгливо слѣдилъ за нимъ, но насмѣшки въ его взглядѣ не было.

— Бьюсь объ закладъ, что когда я опять приду, то вы ужъ и въ Бога увѣруете, проговорилъ онъ, вставая и захватывая шляпу.

— Почему? привсталъ и Кирилловъ.

— Если бы вы узнали, что вы въ Бога вѣруете, то вы бы и вѣровали; но такъ какъ вы еще не знаете, что вы въ Бога вѣруете, то вы и не вѣруете, усмѣхнулся Николай Всеволодовичъ.

— Это не то, обдумалъ Кирилловъ, — перевернули мысль.

Свѣтская шутка. Вспомните, что вы значили въ моей жизни, Ставрогинъ.

— Прощайте, Кирилловъ.

— Приходите ночью; когда?

— Да ужъ вы не забыли-ли про завтрашнее?

— Ахъ, забылъ, будьте покойны, не просплю; въ девять часовъ. Я умѣю просыпаться, когда хочу. Я ложусь и говорю: въ семь часовъ, и проснусь въ семь часовъ; въ десять часовъ—и проснусь въ десять часовъ.

— Замѣчательныя у васъ свойства, поглядѣлъ на его блѣдное лицо Николай Всеволодовичъ.

— Я пойду отопру ворота.

— Не беспокойтесь, мнѣ отопретъ Шатовъ.

— А, Шатовъ. Хорошо, прощайте.

VI.

Крыльцо пустого дома, въ которомъ квартировалъ Шатовъ, было не заперто; но, взобравшись въ сѣни, Ставрогинъ очутился въ совершенномъ мракѣ и сталъ искать рукой лѣстницу въ мезонинъ. Вдругъ сверху отворилась дверь и показался свѣтъ; Шатовъ самъ не вышелъ, а только свою дверь отворилъ. Когда Николай Всеволодовичъ сталъ на порогѣ его комнаты, то разглядѣлъ его въ углу, у стола, стоящаго въ ожиданіи.

— Вы примете меня по дѣлу? спросилъ онъ съ порога.

— Войдите и садитесь, отвѣчалъ Шатовъ. — Заприте дверь; постоитъ, я самъ.

Онъ заперъ дверь на ключъ, воротился къ столу и сѣлъ напротивъ Николая Всеволодовича. Въ эту недѣлю онъ похудѣлъ, а теперь, казалось, былъ въ жару.

— Вы меня измучили, проговорилъ онъ, потупясь, тихимъ полушопотомъ.—Зачѣмъ вы не приходили?

— Вы такъ увѣрены были, что я приду?

— Да, постоитъ, я бредилъ... можетъ, и теперь брежу... Пойдите.

Онъ привсталъ и на верхней изъ своихъ трехъ полокъ съ книгами, съ краю, захватилъ какую-то вещь. Это былъ револьверъ.

— Въ одну ночь я бредилъ, что вы придете меня убивать, и утромъ рано у бездѣльника Лямшина купилъ револьверъ на послѣднія деньги; я не хотѣлъ вамъ даваться. Потомъ я пришелъ въ себя... У меня ни пороху, ни пуль; съ тѣхъ поръ такъ и лежитъ на полкѣ. Пойдите...

Онъ привсталъ и отворилъ было форточку.

— Не выкидывайте, зачѣмъ? остановилъ Николай Всеволодовичъ.—Онъ денегъ стоить, а завтра люди начнутъ говорить, что у Шатова подъ окномъ валяются револьверы. Положите опять, вотъ такъ, садитесь. Скажите, зачѣмъ вы точно каетесь предо мной въ вашей мысли, что я приду васъ убить? Я и теперь не примирюсь пришелъ, а говорить о необходимомъ. Разъясните мнѣ, во-первыхъ, вы меня ударили не за связь мою съ вашею женой?

— Вы сами знаете, что нѣтъ! опять потупился Шатовъ.

— И не потому, что повѣрили глухой сплетнѣ насчетъ Дарьи Павловны?

— Нѣтъ, нѣтъ, конечно, нѣтъ! Глупость! Сестра мнѣ съ самаго начала сказала... съ нетерпѣніемъ и рѣзко проговорилъ Шатовъ, чуть-чуть даже топнувъ ногой.

— Стало-быть, и я угадалъ, и вы угадали, спокойнымъ тономъ продолжалъ Ставрогинъ.—Вы правы: Марья Тимоеевна Леблдина моя законная, обвѣнчанная со мною жена, въ Петербургѣ, года четыре съ половиной назадъ. Въдь вы меня за нее ударили?

Шатовъ, совѣмъ пораженный, слушалъ и молчалъ.

— Я угадалъ и не вѣрилъ, пробормоталъ онъ, наконецъ, странно смотря на Ставрогина.

— И ударили?

Шатовъ вспыхнулъ и забормоталъ почти безъ связи:

— Я за ваше паденіе... за ложь. Я не для того подходилъ, чтобы васъ наказать; когда я подходилъ, я не зналъ, что ударю... Я за то, что вы такъ много значили въ моей жизни... Я...

— Понимаю, понимаю, берегите слова. Мнѣ жаль, что вы въ жару; у меня самое необходимое дѣло.

— Я слишкомъ долго васъ ждалъ, какъ-то весь чуть не затрясся Шатовъ и привсталъ было съ мѣста.—Говорите ваше дѣло, я тоже скажу... потомъ...

Онъ сѣлъ.

— Это дѣло не изъ той категоріи, началъ Николай Всеволодовичъ, приглядываясь къ нему съ любопытствомъ.— По нѣкоторымъ обстоятельствамъ я принужденъ былъ сегодня же выбрать такой часъ и идти къ вамъ предупредить, что, можетъ-быть, васъ убьютъ.

Шатовъ дико смотрѣлъ на него.

— Я знаю, что мнѣ могла бы угрожать опасность, про-

говорилъ онъ разбѣренно, — но вамъ, вамъ-то почему это можетъ быть извѣстно?

— Потому что я тоже принадлежу къ нимъ, какъ и вы, и такой же членъ ихъ общества, какъ и вы.

— Вы... вы членъ общества?

— Я по глазамъ вашимъ вижу, что вы всего отъ меня ожидали, только не этого, чуть-чуть усмѣхнулся Николай Всеволодовичъ. — Но, позвольте, стало-быть, вы уже знали, что на васъ покушаются?

— И не думалъ. И теперь не думаю, несмотря на ваши слова, хотя... хотя кто-жъ тутъ съ этими дураками можетъ въ чемъ-нибудь заручиться! вдругъ вскричалъ онъ въ бѣшенствѣ, ударивъ кулакомъ по столу. — Я ихъ не боюсь! Я съ ними разорвалъ. Этотъ забѣгалъ ко мнѣ четыре раза и говорилъ, что можно... но, посмотрѣлъ онъ на Ставрогина, — что-жъ собственно вамъ тутъ извѣстно?

— Не безпокойтесь, я васъ не обманываю, довольно холодно продолжалъ Ставрогинъ, съ видомъ человѣка, исполняющаго только обязанность. — Вы экзаменуете, что мнѣ извѣстно? Мнѣ извѣстно, что вы вступили въ это общество за границей, два года тому назадъ, и еще при старой его организаціи, какъ разъ предъ вашею поѣздкой въ Америку и, кажется, тотчасъ же послѣ нашего послѣдняго разговора, о которомъ вы такъ много написали мнѣ изъ Америки въ вашемъ письмѣ. Кстати, извините, что я не отвѣтилъ вамъ тоже письмомъ, а ограничился...

— Высылкой денегъ; подождите, остановилъ Шатовъ, поспѣшно выдвинулъ изъ стола ящикъ и выпуль изъ-подъ бумагъ радужный кредитный билетъ. — Вотъ, возьмите сто рублей, которые вы мнѣ выслали; безъ васъ я бы тамъ погибъ. Я долго бы не отдалъ, если бы не ваша матушка: эти сто рублей подарила она мнѣ девять мѣсяцевъ назадъ на бѣдность, послѣ моей болѣзни. Но продолжайте, пожалуйста...

Онъ задышался.

— Въ Америкѣ вы перемѣнили ваши мысли и, возвратясь въ Швейцарію, хотѣли отказаться. Они вамъ ничего не отвѣтили, но поручили принять здѣсь, въ Россіи, отъ кого-то какую-то типографію и хранить ее до сдачи лицу, которое къ вамъ отъ нихъ явится. Я не знаю всего въ полной точности, но вѣдь въ главномъ, кажется, такъ? Вы же, въ надеждѣ или подъ условіемъ, что это будетъ послѣднимъ ихъ требованіемъ и что васъ послѣ того от-

пустякъ совѣмъ, взялись. Все это такъ-ли, нѣтъ-ли, узналъ я не отъ нихъ, а совѣмъ случайно. Но вотъ чего вы, кажется, до сихъ поръ не знаете: эти господа вовсе не намѣрены съ вами разстаться.

— Это нелѣпость! завонилъ Шатовъ. — Я объявилъ честно, что я расхожусь съ ними во всемъ! Это мое право, право совѣсти и мысли... Я не потерплю! Нѣтъ силы, которая бы могла...

— Знаете, вы не кричите, очень серьезно остановилъ его Николай Всеволодовичъ. — Этотъ Верховенскій такой человѣчекъ, что, можетъ-быть, насъ теперь подслушиваетъ, своимъ или чужимъ ухомъ, въ вашихъ же сѣняхъ, пожалуй. Даже пьяница Лебядкинъ чуть-ли не обязанъ былъ за вами слѣдить, а вы, можетъ-быть, за нимъ, не такъ-ли? Скажите лучше, согласился теперь Верховенскій на ваши аргументы или нѣтъ?

— Онъ согласился; онъ сказалъ, что можно и что я имѣю право...

— Ну, такъ онъ васъ обманываетъ. Я знаю, что даже Кирилловъ, который къ нимъ почти вовсе не принадлежитъ, доставилъ о васъ свѣдѣнiя; а агентовъ у нихъ много, даже такихъ, которые и не знаютъ, что служатъ обществу. За вами всегда надсматривали. Петръ Верховенскій, между прочимъ, прiѣхалъ сюда за тѣмъ, чтобы порѣшить ваше дѣло совѣмъ, и имѣеть на то полномочiе, а именно: истребить васъ въ удобную минуту, какъ слишкомъ много знающаго и могущаго донести. Повторяю вамъ, что это навѣрно; и позвольте прибавить, что они почему-то совершенно убѣждены, что вы шпионъ и если еще не донесли, то донесете. Правда это?

Шатовъ скривилъ ротъ, услыхавъ такой вопросъ, высказанный такимъ обыкновеннымъ тономъ.

— Если бъ я и былъ шпионъ, то кому доносить? злобно проговорилъ онъ, не отвѣчая прямо. — Нѣтъ, оставьте меня, къ чорту меня! вскричалъ онъ, вдругъ схватываясь за первоначальную, слишкомъ потрясшую его мысль, по всѣмъ признакамъ несравненно сильнѣе, чѣмъ извѣстiе о собственной опасности. — Вы, вы, Ставрогинъ, какъ могли вы затереть себя въ такую безстыдную, бездарную лакейскую нелѣпость! Вы членъ ихъ общества! Это-ли подвигъ Николая Ставрогина! вскричалъ онъ чуть не въ отчаянii.

Онъ даже сплеснулъ руками, точно ничего не могло быть для него горше и безотраднѣе такого открытiя.

— Извините, дѣйствительно удивился Николай Всеволодовичъ, — но вы, кажется, смотрите на меня какъ на какое-то солнце, а на себя какъ на какую-то букашку сравнительно со мной. Я замѣтилъ это даже по вашему письму изъ Америки.

— Вы... вы знаете... Ахъ, бросимъ лучше обо мнѣ совсѣмъ, совсѣмъ! оборвалъ вдругъ Шатовъ.— Если можете что-нибудь объяснить о себѣ, то объясните... На мой вопросъ! повторялъ онъ въ жару.

— Съ удовольствіемъ. Вы спрашиваете: какъ могъ я затеряться въ такую трущобу? Послѣ моего сообщенія я вамъ даже обязанъ нѣкоторою откровенностію по этому дѣлу. Видите, въ строгомъ смыслѣ я къ этому обществу совсѣмъ не принадлежу, не принадлежалъ и прежде, и гораздо болѣе васъ имѣю права ихъ оставить, потому что и не поступалъ. Напротивъ, съ самаго начала заявилъ, что я имъ не товарищъ, а если и помогалъ случайно, то только такъ, какъ праздный человѣкъ. Я отчасти участвовалъ въ переорганизаціи общества по новому плану, и только. Но они теперь одумались и рѣшили про себя, что и меня отпустить опасно и, кажется, я тоже приговоренъ.

— О, у нихъ все смертная казнь и все на предписаніяхъ, на бумагахъ съ печатями, три съ половиной человѣка подписываютъ. И вы вѣрите, что они въ состояніи!

— Тутъ отчасти вы правы, отчасти нѣтъ, продолжалъ съ прежнимъ равнодушіемъ, даже вяло Ставрогинъ.— Сомнѣнія нѣтъ, что много фантазіи, какъ и всегда въ этихъ случаяхъ: кучка преувеличиваетъ свой ростъ и значеніе. Если хотите, то, по-моему, ихъ всего и есть одинъ Петръ Верховенскій, и ужъ онъ слишкомъ добръ, что почитаетъ себя только агентомъ своего общества. Впрочемъ, основная идея не глуше другихъ въ этомъ родѣ. У нихъ связи съ Internationale; они сумѣли завести агентовъ въ Россіи, даже наткнулись на довольно оригинальный пріемъ... но, разумѣется, только теоретически. Что же касается до ихъ здѣшнихъ намѣреній, то вѣдь движеніе нашей русской организаціи такое дѣло темное и почти всегда такое неожиданное, что дѣйствительно у насъ все можно попробовать. Замѣьте, что Верховенскій человѣкъ упорный.

— Этотъ клопъ, невѣжда, дуралей, не понимающій ничего въ Россіи! злобно вскричалъ Шатовъ.

— Вы его мало знаете. Это правда, что вообще всѣ они мало понимаютъ въ Россіи, но вѣдь развѣ только не-

много меньше, чѣмъ мы съ вами; и притомъ Верховенскій энтузіастъ.

— Верховенскій энтузіастъ?

— О, да. Есть такая точка, гдѣ онъ перестаетъ быть путомъ и обращается въ... полупомѣшаннаго. Попрошу васъ припомнить одно собственное выраженіе ваше: „Знаете ли, какъ можетъ быть силенъ одиавъ человѣкъ?“ Пожалуйста, не смѣйтесь, онъ очень въ состояніи спустить курокъ. Они увѣрены, что я тоже шпионъ. Всѣ они, отъ неумѣнья вести дѣло, ужасно любятъ обвинять въ шпионствѣ.

— Но вѣдь вы не боитесь.

— Н-пѣтъ... Я не очень боюсь... Но ваше дѣло совсѣмъ другое. Я васъ предупредилъ, чтобы вы все-таки имѣли въ виду. По-моему, тутъ ужъ нечего обижаться, что опасность грозитъ отъ дураковъ; дѣло не въ ихъ умѣ: и не на такихъ, какъ мы съ вами, у нихъ подымалась рука. А, впрочемъ, четверть двѣнадцатаго, посмотрѣлъ онъ на часы и всталъ со стула.— Мнѣ хотѣлось бы сдѣлать вамъ одинъ совсѣмъ посторонній вопросъ.

— Ради Бога! воскликнулъ Шатовъ, стремительно вскакивая съ мѣста.

— То-есть? вопросительно посмотрѣлъ Николай Всеволодовичъ.

— Дѣлайте, дѣлайте вашъ вопросъ, ради Бога, въ невыразимомъ волненіи повторялъ Шатовъ.— Но съ тѣмъ, что и я вамъ сдѣлаю вопросъ. Я умоляю, что вы позволите... я не могу... дѣлайте вашъ вопросъ!

Ставрогинъ подождалъ немножко и началъ:

— Я слышалъ, что вы имѣли здѣсь нѣкоторое вліяніе на Марью Тимоѣевну и что она любила васъ видѣть и слушать. Такъ-ли это?

— Да... слушала... смутился нѣсколько Шатовъ.

— Я имѣю намѣреніе на этихъ дняхъ публично объявить здѣсь въ городѣ о бракѣ моемъ съ нею.

— Развѣ это возможно? прошепталъ чуть не въ ужасѣ Шатовъ.

— То-есть въ какомъ же смыслѣ? Тутъ нѣтъ никакихъ затрудненій; свидѣтели брака здѣсь. Все это произошло тогда въ Петербургѣ совершенно законнымъ и спокойнымъ образомъ, а если не обнаруживалось до сихъ поръ, то потому только, что двое единственныхъ свидѣтелей брака, Кирилловъ и Петръ Верховенскій, и, наконецъ, самъ Ле-

бядвинъ (котораго я имѣю удовольствіе считать теперь моимъ родственникомъ) дали тогда слово молчать.

— Я не про то... Вы говорите такъ спокойно... но продолжайте! Послушайте, васъ вѣдь не силой принудили къ этому браку, вѣдь нѣтъ?

— Нѣтъ, меня никто не принуждалъ силой, улыбнулся Николай Всеволодовичъ на задорную поспѣшность Шатова.

— А что она тамъ про ребенка своего толкуеть? торопился въ горячкѣ и безъ связи Шатовъ.

— Про ребенка своего толкуеть? Ба! Я не зналъ, въ первый разъ слышу. У ней не было ребенка и быть не могло: Марья Тимоѣевна дѣвица.

— А! Такъ я и думалъ! Слушайте!

— Что съ вами, Шатовъ?

Шатовъ закрылъ лицо руками, повернулся, но вдругъ рѣшительно схватилъ за плечи Ставрогина.

— Знаете-ли, знаете-ли вы, по крайней мѣрѣ, прокричалъ онъ,— для чего вы все это надѣлали и для чего рѣшаетесь на такую кару теперь?

— Вашъ вопросъ уменъ и язвительнъ; но я васъ тоже намѣренъ удивить: да, я почти знаю, для чего я тогда женился и для чего рѣшаюсь на такую „кару“ теперь, какъ вы выразились.

— Оставимъ это... объ этомъ послѣ, подождите говорить; будемъ о главномъ, о главномъ: я васъ ждалъ два года.

— Да?

— Я васъ слишкомъ давно ждалъ, я непрерывно думалъ о васъ. Вы единственный человекъ, который бы могъ... Я еще изъ Америки вамъ писалъ объ этомъ.

— Я очень помню ваше длинное письмо.

— Длинное, чтобы быть прочитаннымъ? Согласенъ: шесть почтовыхъ листовъ. Молчите, молчите! Скажите: можете вы удѣлить мнѣ еще десять минутъ, но теперь же, сейчасъ же... Я слишкомъ долго васъ ждалъ!

— Извольте, удѣлю полчаса, но только не болѣе, если это для васъ возможно.

— И съ тѣмъ, однако, подхватилъ яростно Шатовъ,— чтобы вы перемѣнили вашъ тонъ. Слышите, я требую, тогда какъ долженъ молить... Понимаете-ли вы, что значитъ требовать, тогда какъ должно молить?

— Понимаю, что такимъ образомъ вы возносите надъ всѣмъ обыкновеннымъ, для болѣе высшихъ цѣлей, чутъ-

чуть усмѣхнулся Николай Всеволодовичъ.—Я съ прискорбіемъ тоже вижу, что вы въ лихорадкѣ.

— Я уваженія прошу къ себѣ, требую! кричалъ Шатовъ.—Не къ моей личности,—къ чорту ее,—а къ другому, на это только время, для нѣсколькихъ словъ... Мы два существа и сошлись въ безпредѣльности... въ послѣдній разъ въ мірѣ. Оставьте вашъ тонъ и возьмите человѣческій! Заговорите хоть разъ въ жизни голосомъ человѣческимъ. Я не для себя, а для васъ. Понимаете-ли, что вы должны простить мнѣ этотъ ударъ по лицу уже по тому одному, что я далъ вамъ случай познать при этомъ вашу безпредѣльную силу... Опять вы улыбаетесь вашею безразличною свѣтскою улыбкой. О, когда вы поймете меня! Прочь барича! Поймите же, что я этого требую, иначе не хочу говорить, не стану ни за что!

Изступленіе его доходило до бреда; Николай Всеволодовичъ нахмурился и какъ бы сталъ осторожнѣе.

— Если я ужъ остался на полчаса, внушительно и серьезно промолвилъ онъ,—тогда какъ мнѣ время такъ дорого, то, повѣрьте, что намѣренъ слушать васъ, по крайней мѣрѣ, съ интересомъ и... и убѣжденъ, что услышу отъ васъ много новаго.

Онъ сѣлъ на стулъ.

— Садитесь! крикнулъ Шатовъ и какъ-то вдругъ сѣлъ и самъ.

— Позвольте, однако, напомнить, спохватился еще разъ Ставрогинъ,—что я началъ было цѣлую къ вамъ просьбу насчетъ Марьи Тимоѣевны, для нея, по крайней мѣрѣ, очень важную...

— Ну? нахмурился вдругъ Шатовъ, съ видомъ чело-вѣка, котораго вдругъ перебили на самомъ важномъ мѣстѣ и который, хоть и глядитъ на васъ, но не успѣлъ еще понять вашего вопроса.

— И вы мнѣ не дали докончить, договорилъ съ улыбкой Николай Всеволодовичъ.

— Э, ну, вздоръ, потомъ! безразлично отмахнулся рукой Шатовъ, осмысливъ, наконецъ, претензію, и прямо перешелъ къ своей главной темѣ.

VII.

— Знаете-ли вы, началъ онъ почти грозно, пригнувшись впередъ на стулъ, сверкая взглядомъ и поднявъ перстъ правой руки вверхъ передъ собою (очевидно, не

примѣчая этого самъ),—знаете-ли вы, кто теперь на всей землѣ единственный народъ „богоносецъ“, грядущій обновить и спасти міръ именемъ новаго бога и кому единому даны ключи жизни и новаго слова... Знаете-ли вы, кто этотъ народъ и какъ ему имя?

— По вашему приему, я необходимо долженъ заключить, и, кажется, какъ можно скорѣе, что это народъ русскій...

— И вы уже смѣтаетесь, о, племя! рванулся было Шатовъ.

— Успокойтесь, прошу васъ; напротивъ, я именно ждалъ чего-нибудь въ этомъ родѣ.

— Ждали въ этомъ родѣ? А самому вамъ не знакомы эти слова?

— Очень знакомы; я слишкомъ предвижу, къ чему вы клоните. Вся ваша фраза и даже выраженіе народъ „богоносецъ“ есть только заключеніе нашего съ вами разговора, происходившаго слишкомъ два года назадъ, за границей, незадолго передъ вашимъ отъѣздомъ въ Америку... По крайней мѣрѣ, сколько я могу теперь припомнить.

— Это ваша фраза цѣликомъ, а не моя. Ваша собственная, а не одно только заключеніе нашего разговора. „Нашего“ разговора совсѣмъ и не было: былъ учитель, вѣщавшій огромныя слова, и былъ ученикъ, воскресшій изъ мертвыхъ. Я тотъ ученикъ, а вы учитель.

— Но если припомнить, вы именно послѣ словъ моихъ какъ разъ и вошли въ то общество и только потомъ уѣхали въ Америку.

— Да, и я вамъ писалъ о томъ изъ Америки; я вамъ обо всемъ писалъ. Да, я не могъ тотчасъ же оторваться съ кровью отъ того, къ чему приросъ съ дѣтства, на что пошли всѣ восторги моихъ надеждъ и всѣ слезы моей ненависти... Трудно мѣнять боговъ. Я не повѣрилъ вамъ тогда, потому что не хотѣлъ вѣрить, и уцѣпился въ послѣдній разъ за этотъ помойный клоакъ... Но сѣмя осталось и возросло. Серьезно, скажите серьезно, не дочитали письма моего изъ Америки? Можетъ-быть, не читали вовсе?

— Я прочелъ изъ него три страницы, двѣ первыя и послѣднюю, и кромѣ того бѣгло переглядѣлъ средину. Впрочемъ, я все собирался...

— Э, все равно, бросьте, къ чорту! махнулъ рукой Шатовъ.—Если вы отстучились теперь отъ тогдашнихъ словъ

про народъ, то какъ могли вы ихъ тогда выговорить?.. Вотъ чтò меня давить теперь.

— Не шутилъ же я съ вами и тогда; убѣждая васъ, я, можетъ, еще больше хлопоталъ о себѣ, чѣмъ о васъ, загадочно произнесъ Ставрогинъ.

— Не шутили! Въ Америкѣ я лежалъ три мѣсяца на соломѣ, рядомъ съ однимъ... несчастнымъ и узналъ отъ него, что въ то же самое время, когда вы насаждали въ моемъ сердцѣ Бога и родину, въ то же самое время, даже, можетъ-быть, въ тѣ же самые дни, вы отравили сердце этого несчастнаго, этого маньяка, Кириллова, ядомъ... Вы утверждали въ немъ ложь и клевету и довели разумъ его до изступленія... Подите, взгляните на него теперь, это ваше созданіе... Впрочемъ, вы видѣли.

— Во-первыхъ, замѣчу вамъ, что самъ Кирилловъ сейчасъ только сказалъ мнѣ, что онъ счастливъ и что онъ прекрасенъ. Ваше предположеніе о томъ, что все это произошло въ одно и то же время, почти вѣрно, ну, и чтò же изъ всего этого? Повторяю, я васъ ни того, ни другого не обманывалъ.

— Вы атеистъ? Теперь атеистъ?

— Да.

— А тогда?

— Точно такъ же, какъ и тогда.

— Я не къ себѣ просилъ у васъ уваженія, начиная разговоръ; съ вашимъ умомъ вы бы могли понять это, въ негодованіи пробормоталъ Шатовъ.

— Я не всталъ съ перваго вашего слова, не закрылъ разговора, не ушелъ отъ васъ, а сижу до сихъ поръ и смиренно отвѣчаю на ваши вопросы и... крики, стало-быть, не нарушилъ еще къ вамъ уваженія.

Шатовъ прервалъ, махнувъ рукой:

— Вы помните выраженіе ваше: „атеистъ не можетъ быть русскимъ“, „атеистъ тотчасъ же перестаетъ быть русскимъ“, помните это?

— Да? какъ бы переспросилъ Николай Всеволодовичъ.

— Вы спрашиваете? Вы забыли? А между тѣмъ это одно изъ самыхъ точнѣйшихъ указаній на одну изъ главнѣйшихъ особенностей русскаго духа, вами угаданную. Не могли вы этого забыть! Я напомню вамъ больше,— вы сказали тогда же: „неправославный не можетъ быть русскимъ“.

— Я полагаю, что это славянофильская мысль.

— Нѣтъ, нынѣшніе славянофилы отъ нея откажутся. Нынче народъ поумнѣлъ. Но вы еще дальше шли: вы вѣровали, что римскій католицизмъ уже не есть христіанство; вы утверждали, что Римъ провозгласилъ Христа, поддавшася на третье дьяволово искушеніе, и что, возвѣстивъ всему свѣту, что Христосъ безъ царства земного на землѣ устоять не можетъ, католичество тѣмъ самымъ провозгласило антихриста и тѣмъ погубило весь западный міръ. Вы именно указывали, что если мучается Франція, то единственно по винѣ католичества, ибо отвергла смраданаго бога римскаго, а новаго не сыскала. Вотъ что вы тогда могли говорить! Я помню наши разговоры.

— Если бъ я вѣровалъ, то, безъ сомнѣнія, повторилъ бы это и теперь; я не лгалъ, говоря какъ вѣрующій, очень серьезно произнесъ Николай Всеволодовичъ.—Но увѣряю васъ, что на меня производитъ слишкомъ непріятное впечатлѣніе это повтореніе прошлыхъ мыслей моихъ. Не можете-ли вы перестать?

— Если бы вѣровали?! вскричалъ Шатовъ, не обративъ ни малѣйшаго вниманія на просьбу.—Но не вы-ли говорили мнѣ, что если бы математически доказали вамъ, что истина внѣ Христа, то вы бы согласились лучше остаться со Христомъ, пежели съ истиной? Говорили вы это? Говорили?

— Но позвольте же и мнѣ, наконецъ, спросить, возвысилъ голосъ Ставрогинъ,—къ чему ведетъ весь этотъ нетерпѣливый и... злобный экзаменъ?

— Этотъ экзаменъ пройдетъ навѣки и пикогда больше не напомнится вамъ.

— Вы все настаиваете, что мы внѣ пространства и времени.

— Молчите! вдругъ крикнулъ Шатовъ.—Я глупъ и неловокъ, но погибай мое имя въ смѣшномъ! Дозволили вы мнѣ повторить предъ вами всю главную вапу тогдашнюю мысль... О, только десять строкъ, одно заключеніе.

— Повторите, если только одно заключеніе...

Ставрогинъ сдѣлалъ было движеніе взглянуть на часы, но удержался и не взглянулъ.

Шатовъ принагнулъ опять на стулѣ и, на мгновеніе, даже опять было поднялъ палець.

— Ни одинъ народъ, началъ онъ, какъ бы читая по строкамъ и въ то же время продолжая грозно смотрѣть

на Ставрогина,—ни одинъ народъ еще не устраивался на началахъ науки и разума; не было ни разу такого примѣра, развѣ на одну минуту, по глупости. Соціализмъ по существу своему уже долженъ быть атеизмомъ, ибо именно провозгласилъ, съ самой первой строки, что онъ установленіе атеистическое и намѣренъ устроиться на началахъ науки и разума исключительно. Разумъ и наука въ жизни народовъ всегда, теперь и съ начала вѣковъ, исполняли лишь должность второстепенную и служебную; такъ и будутъ исполнять до конца вѣковъ. Народы слагаются и движутся силой иною, повелѣвающей и господствующею, по происхожденіе которой неизвѣстно и необъяснимо. Эта сила есть сила неутолимаго желанія дойти до конца и въ то же время конецъ отрицающая. Это есть сила непрерывнаго и неустаннаго подтвержденія своего бытія и отрицанія смерти. Духъ жизни, какъ говоритъ писаніе, „рѣки воды живой“, изсякновеніемъ которыхъ такъ угрожаетъ Апокалипсисъ. Начало эстетическое, какъ говорятъ философы, начало нравственное, какъ отождествляютъ они же. „Исканіе Бога“, какъ называю я всего проще. Цѣль всего движенія народнаго, во всякомъ народѣ и во всякій періодъ его бытія, есть единственное лишь исканіе Бога, Бога своего, непремѣнно собственнаго, и вѣра въ Него какъ въ единаго истиннаго. Богъ есть синтетическая личность всего народа, взятаго съ начала его и до конца. Никогда еще не было, чтобъ у всѣхъ или у многихъ народовъ былъ одинъ общій Богъ, но всегда и у каждаго былъ особый. Признакъ уничтоженія народностей, когда боги начинаютъ становиться общими. Когда боги становятся общими, то умираютъ боги и вѣра въ нихъ вмѣстѣ съ самими народами. Чѣмъ сильнѣе народъ, тѣмъ особливѣе его богъ. Никогда еще не было народа безъ религіи, то-есть безъ понятія о злѣ и добрѣ. У всякаго народа свое собственное понятіе о злѣ и добрѣ и свое собственное зло и добро. Когда начинаютъ у многихъ народовъ становиться общими понятія о злѣ и добрѣ, тогда вымираютъ народы, и тогда самое различіе между зломъ и добромъ начинаетъ стираться и исчезать. Никогда разумъ не въ силахъ былъ опредѣлить зло и добро, или даже отдѣлить зло отъ добра, хотя приблизительно; напротивъ, всегда позорно и жалко смѣшивалъ; наука же давала разрѣшенія кулачныя. Въ особенности этимъ отличалась полунаука, самый страшный бичъ человѣчества,

хуже мора, голода и войны, неизвѣстный до нынѣшняго столѣтія. Полунаука—это деспотъ, какихъ еще не приходило до сихъ поръ никогда. Деспотъ, имѣющій своихъ жрецовъ и рабовъ, деспотъ, предъ которымъ все преклонилось съ любовью и съ суевѣріемъ, до сихъ поръ немислимымъ, предъ которымъ трепещетъ даже сама наука и постыдно потакаетъ ему. Все это ваши собственные слова, Ставрогинъ, кромѣ только словъ о полунаукѣ; эти мои, потому что я самъ только полунаука, а, стало-быть, особенно ненавижу ее. Въ вашихъ же мысляхъ и даже въ самыхъ словахъ я не измѣнилъ ничего, ни единого слова.

— Не думаю, чтобы не измѣнили, осторожно замѣтилъ Ставрогинъ.—Вы пламенно приняли и пламенно переиначили, не замѣчая того. Ужъ одно то, что вы Бога низводите до простого атрибута народности...

Онъ съ усиленнымъ и особливимъ вниманіемъ началъ вдругъ слѣдить за Шатовымъ, и не столько за словами его, сколько за нимъ самимъ.

— Низвожу Бога до атрибута народности! вскричалъ Шатовъ.— Напротивъ, народъ возношу до Бога. Да и было-ли когда-нибудь иначе? Народъ—это тѣло Божіе. Всякій народъ до тѣхъ только поръ и народъ, пока имѣетъ своего бога особаго, а всѣхъ остальныхъ на свѣтѣ боговъ исключаетъ безо всякаго примиренія; пока вѣруеть въ то, что своимъ богомъ побѣдитъ и изгонитъ изъ міра всѣхъ остальныхъ боговъ. Такъ вѣровали всѣ съ начала вѣковъ, всѣ великіе народы, по крайней мѣрѣ, всѣ сколько-нибудь отмѣченные, всѣ стоявшіе во главѣ человѣчества. Противъ факта идти нельзя. Евреи жили лишь для того, чтобы дожидаться Бога истиннаго и оставили міру Бога истиннаго. Греки боготворили природу и завѣщали міру свою религію, то-есть философію и искусство. Римъ обоготворилъ народъ въ государствѣ и завѣщаль народамъ государство. Франція въ продолженіе всей своей длинной исторіи была однимъ лишь воплощеніемъ и развитіемъ идеи римскаго бога и если сбросила, наконецъ, въ бездну своего римскаго бога и ударилась въ атеизмъ, который называется у нихъ, покамѣстъ, социализмомъ, то единственно потому лишь, что атеизмъ все-таки здоровѣе римскаго католичества. Если великій народъ не вѣруеть, что въ немъ одномъ истина (именно въ одномъ и именно исключительно), если не вѣруеть, что онъ одинъ способенъ и

призванъ всѣхъ воскресить и спасти своею истиной, то онъ тотчасъ же обращается въ этнографическій матеріалъ, а не въ великій народъ. Истинный великій народъ никогда не можетъ примириться со второстепенной ролью въ человечествѣ, или даже съ первостепенною, а непременно и исключительно съ первою. Кто теряетъ эту вѣру, тотъ уже не народъ. Но истина одна, а стало-быть, только единый народъ и можетъ имѣть Бога истиннаго, хотя бы остальные народы и имѣли своихъ особыхъ и великихъ боговъ. Единый народъ „богоносецъ“ — это русскій народъ и... и... и неужели, неужели вы меня почитаете за такого дурака, Ставрогинъ, неистово возопилъ онъ вдругъ, — который ужъ и различать не умѣетъ, что слова его въ эту минуту или старая, дряхлая дребедень, перемолотая на всѣхъ московскихъ славянофильскихъ мельницахъ, или совершенно новое слово, послѣднее слово, единственное слово обновленія и воскресенія и... и какое мнѣ дѣло до вашего смѣха въ эту минуту! Какое мнѣ дѣло до того, что вы не понимаете меня совершенно, совершенно, ни слова, ни звука!.. О, какъ я презираю вашъ гордый смѣхъ и взглядъ въ эту минуту!

Онъ вскочилъ съ мѣста; даже иѣна показалась на губахъ его.

— Напротивъ, Шатовъ, напротивъ, необыкновенно серьезно и сдержанно проговорилъ Ставрогинъ, не подымаясь съ мѣста, — напротивъ, вы горячими словами вашими воскресили во мнѣ много чрезвычайно сильныхъ воспоминаній. Въ вашихъ словахъ я признаю мое собственное настроеніе два года назадъ, и теперь уже я не скажу вамъ, какъ давеча, что вы мои тогдашнія мысли преувеличили. Мнѣ кажется, даже, что онѣ были еще исключительнѣе, еще самовластнѣе, и увѣрю васъ въ третій разъ, что я очень желалъ бы подтвердить все, что вы теперь говорили, даже до послѣдняго слова, но...

— Но вамъ надо зайца?

— Что-о?

— Ваше же подлое выраженіе, злобно засмѣялся Шатовъ, усаживаясь опять. — „Чтобы сдѣлать союзъ изъ зайца — надо зайца, чтобы увѣровать въ Бога — надо Бога“, это вы въ Петербургѣ, говорятъ, приговаривали, какъ Ноздревъ, который хотѣлъ поймать зайца за заднія ноги.

— Нѣтъ, тотъ именно хвалился, что ужъ поймалъ его. Кстати, позвольте, однакоже, и васъ обезпokoить вопро-

сомъ, тѣмъ болѣе, что я, мнѣ кажется, имѣю на него теперь полное право. Скажите мнѣ: вашъ-то заяцъ пойманъ-ли, аль еще бѣгаетъ?

— Не смѣйте меня спрашивать такими словами, спрашивайте другими, другими! весь вдругъ задрожалъ Шатовъ.

— Извольте, другими, сурово посмотрѣлъ на него Николай Всеволодовичъ. — Я хотѣлъ лишь узнать: вѣруете вы сами въ Бога или нѣтъ?

— Я вѣрую въ Россію, я вѣрую въ ея православіе... Я вѣрую въ тѣло Христова... Я вѣрую, что новое пришествіе совершится въ Россіи... Я вѣрую... залепеталъ въ изступленіи Шатовъ.

— А въ Бога? Въ Бога?

— Я... я буду вѣровать въ Бога.

Ни одинъ мускулъ не двинулся въ лицѣ Ставрогина. Шатовъ пламенно, съ вызовомъ смотрѣлъ на него, точно сжечь хотѣлъ его своимъ взглядомъ.

— Я вѣдь не сказалъ же вамъ, что не вѣрую вовсе! вскричалъ онъ, наконецъ.—Я только лишь знать даю, что я несчастная, скучная книга и болѣе ничего покамѣсть, покамѣсть... Но погибай мое имя! Дѣло въ васъ, а не во мнѣ... Я человѣкъ безъ таланта и могу только отдать свою кровь и ничего больше, какъ всякій человѣкъ безъ таланта. Погибай же и моя кровь! Я о васъ говорю, я васъ два года здѣсь ожидалъ... Я для васъ теперь полчаса пляшу нагишомъ. Вы, вы одни могли бы поднять это знамя!..

Онъ не договорилъ и какъ бы въ отчаяніи, облокотившись на столъ, подперъ обѣими руками голову.

— Я вамъ только кстати замѣчу, какъ странность, перебилъ вдругъ Ставрогинъ.—Почему это мнѣ всѣ навязываютъ какое-то знамя? Петръ Верховенскій тоже убѣжденъ, что я могъ бы „поднять у нихъ знамя“, по крайней мѣрѣ, мнѣ передавали его слова. Онъ задался мыслию, что я могъ бы сыграть для нихъ роль Стеньки Разина „по необыкновенной способности къ преступленію“,—тоже его слова.

— Какъ? спросилъ Шатовъ.—„По необыкновенной способности къ преступленію?“

— Именно.

— Гм!.. А правда-ли, что вы, злобно ухмыльнувшись онъ,—правда-ли, что вы принадлежали въ Петербур-

гѣ къ скотскому сладострастному секретному обществу? Правда-ли, что марензъ де-Садъ могъ бы у васъ поучиться? Правда-ли, что вы заманивали и развращали дѣтей? Говорите, не смѣйте лгать! вскричалъ онъ, совсѣмъ выходя изъ себя. — Николай Ставрогинъ не можетъ лгать предъ Шатовымъ, бившимъ его по лицу! Говорите все, и если правда, я васъ тотчасъ же, сейчасъ же убью, тутъ же на мѣстѣ!

— Я эти слова говорилъ, но дѣтей не я обижалъ, произнесъ Ставрогинъ, но только послѣ слишкомъ долгаго молчанія.

Онъ поблѣднѣлъ и глаза его вспыхнули.

— Но вы говорили! властно продолжалъ Шатовъ, не сводя съ него сверкающихъ глазъ.— Правда-ли, будто вы увѣряли, что не знаете различія въ красотѣ между какою-нибудь сладострастною, звѣрскою штукой и какимъ угодно подвигомъ, хотя бы даже жертвой жизнію для человѣчества? Правда-ли, что вы въ обоихъ полюсахъ нашли совпаденіе красоты, одинаковость наслажденія?

— Такъ отвѣчать невозможно... я не хочу отвѣчать, пробормоталъ Ставрогинъ, который очень бы могъ встать и уйти, но не вставалъ и не уходилъ.

— Я тоже не знаю, почему зло скверно, а добро прекрасно, но я знаю, почему ощущеніе этого различія стирается и теряется у такихъ господъ, какъ Ставрогины, не отставалъ весь дрожавшій Шатовъ. — Знаете-ли, почему вы тогда женились, такъ позорно и подло? Именно потому, что тутъ позоръ и бессмыслица доходили до гениальности! О, вы не бродите съ краю, а смѣло летите внизъ головой. Вы женились по страсти къ мучительству, по страсти къ угрызениямъ совѣсти, по сладострастію нравственному. Тутъ былъ нервный надрывъ... Вызовъ здравому смыслу былъ ужъ слишкомъ прельстителенъ! Ставрогинъ и плюгавая, скудоумная, нищая хромоножка! Когда вы прикусили ухо губернатору, чувствовали вы сладострастіе? Чувствовали? Праздный шатающійся барченокъ, чувствовали?

— Вы психологъ, блѣднѣлъ все больше и больше Ставрогинъ, — хотя въ причинахъ моего брака вы отчасти ошиблись... Кто бы, впрочемъ, могъ вамъ доставить всѣ эти свѣдѣнія, усмѣхнулся онъ черезъ силу.— Неужто Кирилловъ? Но онъ не участвовалъ...

— Вы блѣднѣете?

— Чего однакоже вы хотите? возвысилъ, наконецъ, голосъ Николай Всеволодовичъ.—Я полчаса просидѣлъ подѣ вашимъ кнутомъ и, по крайней мѣрѣ, вы бы могли отпустить меня вѣжливо... если въ самомъ дѣлѣ не имѣете никакой разумной цѣли поступать со мной такимъ образомъ.

— Разумной цѣли?

— Безъ сомнѣнія. Въ вашей обязанности, по крайней мѣрѣ, было объявить мнѣ, наконецъ, вашу цѣль. Я все ждалъ, что вы это сдѣлаете, но нашелъ одну только изступленную злость. Прошу васъ, отворите мнѣ ворота.

Онъ всталъ со стула. Шатовъ неистово бросился вслѣдъ за нимъ.

— Цѣлуйте землю, облейте слезами, просите прощенія! вскричалъ онъ, схватывая его за плечо.

— Я, однако, васъ не убилъ... въ то утро... а взялъ обѣ руки назадъ... почти съ болью проговорилъ Ставругинъ, потупивъ глаза.

— Договаривайте, договаривайте! Вы пришли предупредить меня об опасности, вы допустили меня говорить, вы завтра хотите объявить о вашемъ бракѣ публично!.. Развѣ я не вижу по лицу вашему, что васъ боретъ какая-то грозная новая мысль... Ставругинъ, для чего я осужденъ въ васъ вѣрить вовѣки - вѣковъ? Развѣ могъ бы я такъ говорить съ другимъ? Я цѣломудріе имѣю, но я не побоялся моего нагиша, потому что со Ставругинымъ говорилъ. Я не боялся окарикатурить великую мысль прикосновеніемъ моимъ, потому что Ставругинъ слушалъ меня... Развѣ я не буду цѣловать слѣдовъ вашихъ ногъ, когда вы уйдете? Я не могу васъ вырвать изъ моего сердца, Николай Ставругинъ!

— Мнѣ жаль, что я не могу васъ любить, Шатовъ, холодно проговорилъ Николай Всеволодовичъ.

— Знаю, что не можете, и знаю, что не можете. Слушайте, я все поправить могу: я достану вамъ зайца!

Ставругинъ молчалъ.

— Вы атеистъ, потому что вы баричъ, послѣдній баричъ. Вы потеряли различіе зла и добра, потому что перестали свой народъ узнавать... Идетъ новое поколѣніе, прямо изъ сердца народнаго, и не узнаете его вовсе, ни вы, ни Верховенскіе, сынъ и отецъ, ни я, потому что я тоже баричъ, я, сынъ вашего крѣпостнаго лакея Пашки... Слушайте, добудьте Бога трудомъ; вся суть въ этомъ, или исчезнете какъ подлая плѣсень; трудомъ добудьте.

— Бога трудомъ? Какимъ трудомъ?

— Мужичкимъ. Идите, бросьте ваши богатства... А! вы смѣтаетесь, вы боитесь, что выйдетъ кунштикъ?

Но Ставрогинъ не смѣялся.

— Вы полагаете, что Бога можно добыть трудомъ, и именно мужичкимъ? переговорилъ онъ, подумавъ, какъ будто дѣйствительно встрѣтилъ что-то новое и серьезное, что стоило обдумать. — Кстати, перешелъ онъ вдругъ къ новой мысли, — вы мнѣ сейчасъ напомнили: знаете-ли, что я вовсе не богатъ, такъ что нечего и бросать? Я почти не въ состояніи обезпечить даже будущность Марьи Тимоѣевны... Вотъ что еще: я пришелъ было васъ просить, если можно вамъ, не оставить и впредь Марью Тимоѣевну, такъ какъ вы одни могли бы имѣть нѣкоторое вліяніе на ея бѣдный умъ. Я на всякій случай говорю.

— Хорошо, хорошо, вы про Марью Тимоѣевну, замахалъ рукой Шатовъ, держа въ другой свѣчу. — Хорошо, потомъ само собой... Слушайте, сходите къ Тихону.

— Къ кому?

— Къ Тихону. Тихонъ, бывшій архіерей, по болѣзни живеть на покоѣ, здѣсь въ городѣ, въ нашемъ Ефимьевскомъ Богородскомъ монастырѣ.

— Это что же такое?

— Ничего. Къ нему ѣздятъ и ходятъ. Сходите; что вамъ? Ну, чего вамъ?

— Въ первый разъ слышу и... никогда еще не видывалъ этого сорта людей. Благодарю васъ, схожу.

— Сюда, свѣтилъ Шатовъ по лѣстницѣ. — Ступайте, распахнулъ онъ калитку на улицу.

— Я къ вамъ больше не приду, Шатовъ, тихо проговорилъ Ставрогинъ, шагая чрезъ калитку.

Темень и дождь продолжались попрежнему.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Ночь (продолженіе).

I.

Онъ прошелъ всю Богоявленскую улицу; наконецъ, пошло подъ гору, ноги ѣхали въ грязи, и вдругъ открылось широкое, туманное, какъ бы пустое пространство — рѣка. Дома обратились въ лачужки, улица пропала во множествѣ безпорядочныхъ закоулковъ. Николай Всеволодовичъ долго пробирался около заборовъ, не отдаляясь

отъ берега, но твердо находя свою дорогу и даже врядъ-ли много о ней думая. Онъ занятъ былъ совсѣмъ другимъ и съ удивленіемъ осмотрѣлся, когда вдругъ, очнувшись отъ глубокаго раздумья, увидалъ себя чуть не на срединѣ нашего длиннаго, мокраго, плашкотнаго моста. Ни души кругомъ, такъ что странно показалось ему, когда внезапно, почти подъ самымъ локтемъ у него, раздался вѣжливо-фамиллярный, довольно, впрочемъ, приятный голосъ, съ тѣмъ услащенно-скандированнымъ акцентомъ, которымъ щеголяютъ у насъ слишкомъ цивилизованные мѣщане или молодые кудрявые приказчики изъ Гостинаго ряда.

— Не позволите-ли, милостивый господинъ, зонтикомъ вашимъ заодно позаимствоваться?

Въ самомъ дѣлѣ, какая-то фигура пролѣзла, или хотѣла показать только видъ, что пролѣзла подъ его зонтикъ. Бродяга шелъ съ нимъ рядомъ, почти „чувствуя его локтемъ“, — какъ выражаются солдатики. Убавивъ шагъ, Николай Всеволодовичъ принагнулся рассмотреть, насколько это возможно было въ темнотѣ: человѣкъ росту невысокаго и въ родѣ какъ бы загулявшаго мѣщанишки; одѣтъ не тепло и неприглядно: на лохматой курчавой головѣ торчалъ суконный мокрый картузь, съ полуоторваннымъ козырькомъ. Казалось, это былъ сильный брюнетъ, сухошавый и смуглый; глаза были большіе, непремѣнно черные, съ сильнымъ блескомъ и съ желтымъ отливомъ, какъ у цыганъ; это и въ темнотѣ угадывалось. Лѣтъ, должно-быть, сорока, и не пьянъ.

— Ты меня знаешь? спросилъ Николай Всеволодовичъ.

— Господинъ Ставрогинъ, Николай Всеволодовичъ; мнѣ васъ на станціи, едва лишь машина остановилась, въ прошлое воскресенье показывали. Окромъ того, что прежде были наслышаны.

— Отъ Петра Степановича? Ты... ты Федька Каторжный?

— Крестили Федоромъ Федоровичемъ; доселѣ природную родительницу нашу имѣемъ въ здѣшнихъ краяхъ-съ, старушку Божію, къ землѣ растеть, за насъ ежедневно день и ночь Бога молить, чтобы такимъ образомъ своего старушечьяго времени даромъ на печи не терять.

— Ты бѣглый съ каторги?

— Перемѣнилъ участь. Сдалъ книги и колокола и церковныя дѣла, потому я былъ рѣшенъ вдоль по каторгѣ-съ, такъ оченно долго ужъ сроку приходилось дожидаться.

— Чтѣ здѣсь дѣлаешь?

— Да вотъ день да ночь—сутки прочь. Дяденька тоже нашъ на прошлой недѣлѣ въ острогѣ здѣшнемъ по фальшивымъ деньгамъ скончался, такъ я, по немъ поминки справляя, два десятка камней собакамъ раскидалъ,—вотъ только и дѣла нашего было пока. Окромѣ того Петръ Степановичъ паспортомъ по всей Расаѣ, чтобы, примѣрно, купеческимъ, благонадеживаютъ, такъ тоже вотъ ожидаю ихъ милости. Потому, говорятъ, панаша тебя въ клубѣ аглицкомъ въ карты тогда проигралъ; такъ я, говорятъ, несправедливымъ сіе безчеловѣчіе нахожу. Вы бы мнѣ, сударь, согрѣться, на чаекъ, три цѣлковыхъ соблаговолили?

— Значить, ты меня здѣсь стерегъ; я этого не люблю. По чьему приказанію?

— Чтобы по приказанію, то этого не было-съ ничего, а я единственно человѣколюбіе ваше знавши, всему свѣту извѣстное. Наши доходишки, сами знаете, либо сѣна клокъ, либо вилы въ бокъ. Я вонъ въ пятницу натрескался пирога, какъ Мартынъ мыла, да съ тѣхъ поръ день не ѣлъ, другой погодилъ, а на третій опять не ѣлъ. Воды въ рѣкѣ сколько хошь, въ брюхѣ карасей развелъ... Такъ вотъ не будетъ-ли вашей милости отъ щедротъ; а у меня тутъ какъ разъ неподалеку кума поджидаетъ, только къ ней безъ рублей не являйсѣ.

— Тебѣ чтѣ же Петръ Степановичъ отъ меня обѣщаль?

— Они не то чтобы пообѣщали-съ, а говорили на словахъ-съ, что могу, пожалуй, вашей милости пригодиться, если полоса такая примѣрно выйдетъ, но въ чемъ собственно, того не объяснили, чтобы въ точности, потому Петръ Степановичъ меня, примѣромъ, въ терибннн казаккомъ испытываютъ и довѣренности ко мнѣ никакой не питаютъ.

— Почему же?

— Петръ Степановичъ — астроломъ и всѣ Божіи планиды узналъ, а и онъ критикѣ подверженъ. Я предъ вами, сударь, какъ предъ Истиннымъ, потому объ васъ многимъ слышаны. Петръ Степановичъ—одно, а вы, сударь, пожалуй, что и другое. У того коли сказано про человѣка: подлецъ, такъ ужъ кромѣ подлеца онъ про него ничего и не вѣдаетъ. Али сказано — дуракъ, такъ ужъ кромѣ дурака у него тому человѣку и званіи нѣтъ. А я, можетъ, по вторникамъ да по средамъ только дуракъ, а

въ четвергъ и умѣе его. Вотъ онъ знаетъ теперь про меня, что я очинно паспортомъ скучаю,—потому въ Расеѣ никакъ нельзя безъ документа,—такъ ужъ и думаетъ, что онъ мою душу заполонилъ. Петру Степановичу, я вамъ скажу, сударь, очинно легко жить на свѣтѣ, потому онъ человекъ самъ представить себѣ, да съ такимъ и живетъ. Окромъ того больно скучь. Они въ томъ мнѣнїи, что я помимо ихъ не посмѣю васъ беспокоить, а я предъ вами, сударь, какъ предъ Истиннымъ, --- вотъ уже четвертую почъ вашей милости на семъ мосту поджидаю, въ томъ предметѣ, что и кромѣ нихъ могу тихими стопами свой собственный путь найти. Лучше, думаю, я ужъ сапогу поклонюсь, а не лаптю.

— А кто тебѣ сказалъ, что я ночью по мосту пойду?

— А ужъ это, признаться, стороной вышло, больше по глупости капитана Лебядкина, потому они никакъ чтобъ удержать въ себѣ не умѣютъ... Такъ три-то цѣлковыхъ съ вашей милости, примѣромъ, за три дня и три ночи, за скуку придутся. А что одежи промокло, такъ мы ужъ, изъ обиды одной, молчимъ.

— Мнѣ налѣво, тебѣ направо; мостъ конченъ. Слушай, Федоръ, я люблю, чтобы мое слово понимали разъ навсегда: не дамъ тебѣ ни копейки, впередъ мнѣ ни на мосту и нигдѣ не встрѣчайся, нужды въ тебѣ не имѣю и не буду имѣть, а если ты не послушаешься—свяжу и въ полицію. Маршъ!

— Эхма, за компанію, по крайности, набросьте, веселѣе было идти-съ.

— Пошелъ!

— Да вы дорогу-то здѣшнюю знаете-ли-съ? Вѣдь тутъ такіе проулки пойдуть... я бы могъ руководствовать, потому, здѣшній городъ—это все равно, что чортъ въ корзину несъ, да растресъ.

— Эй, свяжу! грозно обернулся Николай Всеволодовичъ.

— Разсудите, можетъ-быть, сударь; сироту долго-ли избидѣть?

— Нѣтъ, ты, видно, увѣренъ въ себѣ!

— Я, сударь, въ васъ увѣренъ, а не то чтобъ очинно въ себѣ.

— Не нуженъ ты мнѣ совсѣмъ, я сказалъ!

— Да вы-то мнѣ нужны, сударь, вотъ что-съ. Подожду васъ на обратномъ пути, такъ ужъ и быть.

— Честное слово даю: коли встрѣчу—свяжу.

— Такъ я ужъ и кушачокъ приготовлюсь. Счастливаго пути, сударь, все подъ зонтикомъ сироту обогрѣли, на одномъ этомъ по гробъ жизни благодарны будемъ.

Онъ отсталъ. Николай Всеволодовичъ дошелъ до мѣста озабоченный. Этотъ съ неба упавшій человѣкъ совершенно былъ убѣжденъ въ своей для него необходимости и слишкомъ нагло спѣшилъ заявить объ этомъ. Вообще съ нимъ не перемонились. Но могло быть и то, что бродяга не все лгалъ и напрашивался на службу въ самомъ дѣлѣ только отъ себя, и именно потихоньку отъ Петра Степановича; а ужъ это было всего любопытнѣе.

II.

Домъ, до котораго дошелъ Николай Всеволодовичъ, стоялъ въ пустынномъ закоулкѣ между заборами, за которыми тянулись огороды, буквально на самомъ краю города. Это былъ совсѣмъ уединенный небольшой деревянный домикъ, только-что отстроенный и еще не обшитый тесомъ. Въ одномъ изъ окошекъ ставни были парочко не заперты, и на подоконникѣ стояла свѣча — видимо съ цѣлью служить маякомъ ожидаемому сегодня позднему гостю. Шаговъ еще за тридцать, Николай Всеволодовичъ отличилъ стоящую на крылечкѣ фигуру высокаго роста человѣка, вѣроятно, хозяина помещенія, вышедшаго въ нетерпѣннѣе посмотреть на дорогу. Послышался и голосъ его, нетерпѣливый и какъ бы робкій.

— Это вы-съ? Вы-съ?

— Я, отозвался Николай Всеволодовичъ, не раньше какъ совсѣмъ дойдя до крыльца и свертывая зонтикъ.

— Наконецъ-то-съ! затоптался и засуетился капитанъ Лебядкипъ,—это былъ онъ.—Пожалуйте зонтичекъ; очень мокро-съ; я его разверну здѣсь на полу въ уголку; милости просимъ, милости просимъ.

Дверь изъ сѣней въ освѣщенную двумя свѣчами комнату была отворена настежь.

— Если бы только не ваше слово о несомнѣнномъ прибытіи, то пересталъ бы вѣрить.

— Три четверти перваго, посмотрѣлъ на часы Николай Всеволодовичъ, вступая въ комнату.

— И при этомъ дождь—и такое интересное разстояніе... Часовъ у меня нѣтъ, а изъ окна одни огороды, такъ что... отстаешь отъ событій... но собственно не въ ропоть, потому и не смѣю, не смѣю, а единственно лишь отъ не-

териѣнія, снѣдаемаго всю педѣлю, чтобы, наконецъ... разрѣшиться.

— Какъ?

— Судьбу свою услышать, Николай Всеволодовичъ. Милости просимъ.

Онъ склонился, указывая на мѣсто у столика предъ диваномъ.

Николай Всеволодовичъ осмотрѣлся; комната была крошечная, низенькая; мебель самая необходимая, стулья и диванъ деревянные, тоже совсѣмъ новой подѣлки, безъ обивки и безъ подушекъ, два липовые стола, одинъ у дивана, а другой въ углу, накрытый скатертью, чѣмъ-то весь заставленный и прикрытый сверху чистѣйшею салфеткой. Да и вся комната содержалась, повидимому, въ большой чистотѣ. Капитанъ Лебядкинъ дней уже восемь не былъ пьянъ; лицо его какъ-то отекло и пожелтѣло, взглядъ былъ безпокойный, любопытный и очевидно недоумѣвающій: слишкомъ замѣтно было, что онъ еще самъ не знаетъ, какимъ тономъ ему можно заговорить и въ какой всего выгоднѣе было бы прямо попасть.

— Вотъ-съ, указалъ онъ кругомъ, — живу Зосимой. Трезвость, уединенію и нищета — обѣтъ древнихъ рыцарей.

— Вы полагаете, что древніе рыцари давали такіе обѣты?

— Можетъ-быть, сбился? Увы, мнѣ нѣтъ развитія! Все погубилъ! Вѣрите-ли, Николай Всеволодовичъ, здѣсь впервые очнулся отъ постыдныхъ пристрастій, — ни рюмки, ни капли! Имѣю уголь и шесть дней ощущаю благоденствіе совѣсти. Даже стѣны пахнутъ смолой, напоминая природу. А что я былъ, чѣмъ я былъ?

„Ночью дую безъ почлега,
Днемъ же, высунувъ языкъ“,

по гениальному выраженію поэта! Но... вы такъ обмокли... Не угодно-ли будетъ чаю?

— Не безпокойтесь.

— Самоваръ кипѣлъ съ восьмого часу, по... потухъ... какъ и все въ мірѣ. И солнце, говорятъ, потухнетъ въ свою очередь... Впрочемъ, если надо, я сочиню. Агаѣя не спитъ.

— Скажите, Марья Тимоѣевна...

— Здѣсь, здѣсь, тотчасъ же подхватилъ Лебядкинъ шопотомъ, — угодно будетъ взглянуть? указалъ онъ на припертую дверь въ другую комнату.

— Не спать?

— О, нѣтъ, нѣтъ, возможно-ли? Напротивъ, еще съ самаго вечера ожидаетъ, и какъ только узнала давеча, тотчасъ же сдѣлала туалетъ, скривилъ было онъ ротъ въ шутивную улыбочку, но мигомъ осѣкся.

— Какъ она вообще? нахмурилась, спросилъ Николай Всеволодовичъ.

— Вообще? Сами изволите знать (онъ сожалительно вскинулъ плечами), а теперь... теперь сидитъ въ карты гадаеть...

— Хорошо, потомъ; сначала надо кончить съ вами.

Николай Всеволодовичъ усѣлся на стуль.

Капитанъ не посмѣлъ уже сѣсть на диванъ, а тотчасъ же придвинулъ себѣ другой стуль, и въ трепетномъ ожиданіи принагнулся слушать.

— Это что-жь у васъ тамъ въ углу подъ скатертью? вдругъ обратилъ вниманіе Николай Всеволодовичъ.

— Это-съ? повернулся тоже и Лебядкинъ. — Это отъ вашихъ же щедротъ, въ видѣ, такъ сказать, новоселья, взявъ тоже во вниманіе дальнѣйшій путь и естественную усталость, умилительно подхихикнулъ онъ, затѣмъ всталъ съ мѣста и на цыпочкахъ, почтительно и осторожно снялъ со столика въ углу скатерть.

Подъ нею оказалась приготовленная закуска: ветчина, телятина, сардины, сыръ, маленькій зеленоватый графинчикъ и длинная бутылка бордо; все было улажено чисто, съ знаніемъ дѣла и почти щегольски.

— Это вы хлопотали?

— Я-съ. Еще со вчерашняго дня и все, что могъ, чтобы сдѣлать честь... Марья же Тимоѣевна на этотъ счетъ, сами знаете, равнодушна. А главное, отъ вашихъ щедротъ, ваше собственное, такъ какъ вы здѣсь хозяинъ, а не я, а я, такъ сказать, въ видѣ только вашего приказчика, ибо все-таки, все-таки, Николай Всеволодовичъ, все-таки духомъ я независимъ! Не отнимете же вы это послѣднее достояніе мое! докончилъ онъ умилительно.

— Гм!.. вы бы сѣли опять.

— Блага-а-даренъ, благодаренъ и независимъ! (Онъ сѣлъ). Ахъ, Николай Всеволодовичъ, въ этомъ сердцѣ на-кипѣло столько, что я не зналъ, какъ васъ и дожидаться! Вотъ вы теперь разрѣшите судьбу мою н... той несчастной, а тамъ... тамъ, какъ бывало прежде, встарину, изолью предъ вами все, какъ четыре года назадъ? Удо-

стоивали же вы меня тогда слушать, читали строфы... Пусть меня тогда называли вашимъ Фальстафомъ изъ Шекспира, но вы значили столько въ судьбѣ моей!.. Я же имѣю теперь великіе страхи, и отъ васъ одного только и жду и совѣта, и свѣта. Петръ Степановичъ ужасно поступаетъ со мной!

Николай Всеволодовичъ любопытно слушалъ и пристально вглядывался. Очевидно, капитанъ Лебядкинъ хоть и пересталъ пьянствовать, но все-таки находился далеко не въ гармоническомъ состояніи. Въ подобныхъ многолѣтнихъ пьяницахъ утверждается подъ конецъ навсегда нѣчто нескладное, чадное, что-то какъ бы поврежденное и безумное, хотя, впрочемъ, они надуваютъ, хитрятъ и плутуютъ почти не хуже другихъ, если надо.

— Я вижу, что вы вовсе не переѣбились, капитанъ, въ эти слишкомъ четыре года, проговорилъ какъ бы нѣсколько ласковѣ Николай Всеволодовичъ.—Видно, правда, что вся вторая половина человѣческой жизни составляетъ обыкновенно изъ однѣхъ только накопленныхъ въ первую половину привычекъ.

— Высокія слова! Вы разрѣшаете загадку жизни! вскричалъ капитанъ, наполовину плутуя, а наполовину дѣйствительно въ неподдѣльномъ восторгѣ, потому что былъ большой любитель словечекъ.—Изъ всѣхъ вашихъ словъ, Николай Всеволодовичъ, я запомнилъ одно по преимуществу, вы еще въ Петербургѣ его высказали: „Нужно быть, дѣйствительно, великимъ человѣкомъ, чтобы сумѣть устоять даже противъ здраваго смысла“. Вотъ-съ!

— Ну, равно и дуракомъ.

— Такъ-съ, пусть и дуракомъ, но вы всю жизнь вашу сыскали остроуміемъ, а они? Пусть Липутинъ, пусть Петръ Степановичъ хоть что-нибудь подобное изрекутъ! О, какъ жестоко поступалъ со мной Петръ Степановичъ!..

— Но вѣдь и вы, однакоже, капитанъ, какъ сами-то вы вели себя?

— Пьяный видъ и къ тому же бездна враговъ моихъ! Но теперь все, все проѣхало, и я обновляюсь, какъ змѣй. Николай Всеволодовичъ, знаете-ли, что я пишу мое завѣщаніе и что я уже написалъ его?

— Любопытно. Чтò же вы оставляете и кому?

— Отечеству, человѣчеству и студентамъ. Николай Всеволодовичъ, я прочелъ въ газетахъ біографію объ одномъ американцѣ. Онъ оставилъ все свое огромное состояніе на

фабрики и на положительныя науки, свой скелетъ студентамъ, въ тамошнюю академію, а свою кожу на барабанъ съ тѣмъ, чтобы денно и ношно выбивать на немъ американскій національный гимнъ. Увы! мы пигмеи сравнительно съ полетомъ мысли Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Россія есть игра природы, но не ума. Попробуй я завѣщать мою кожу на барабанъ, примѣрно, въ Акмолинскій пѣхотный полкъ, въ которомъ имѣлъ честь начать службу, съ тѣмъ, чтобы каждый день выбивать на немъ предъ полкомъ русскій національный гимнъ, сочтутъ за либерализмъ, запретятъ мою кожу... и потому ограничился одними студентами. Хочу завѣщать мой скелетъ въ академію, но съ тѣмъ, съ тѣмъ, однако, чтобы на лбу его былъ наклеенъ навѣки-вѣковъ ярлыкъ со словами: „раскаившійся вольнодумецъ“. Вотъ-съ!

Капитанъ говорилъ горячо и уже, разумѣется, вѣрилъ въ красоту американскаго завѣщанія, но опъ былъ и плутъ, и ему очень хотѣлось тоже размѣшить Николая Всеволодовича, у котораго онъ прежде долгое время состоялъ въ качествѣ шута. Но тотъ и не усмѣхнулся, а, напротивъ, какъ-то подозрительно спросилъ:

— Вы, стало-быть, намѣрены опубликовать ваше завѣщаніе при жизни и получить за него награду?

— А хоть бы и такъ, Николай Всеволодовичъ, хоть бы и такъ? осторожно взглядѣлся Лебядкинъ.—Вѣдь судьба-то моя какова! Даже стихи пересталъ писать, а когда-то и вы забавлялись моими стихами, Николай Всеволодовичъ, помпите, за бутылкой? Но конецъ перу. Написалъ только одно стихотвореніе, какъ Гоголь „Послѣднюю Повѣсть“, помните, еще опъ возвѣщалъ Россіи, что она „выпѣлась“ изъ груди его. Такъ и я, пропѣлъ и баста.

— Какое же стихотвореніе?

— „Въ случаѣ, если бъ она сломала ногу!“

— Что-о?

Того только и ждалъ капитанъ. Стихотворенія свои онъ уважалъ и цѣнилъ безмѣрно, но тоже, по нѣкоторой плутовской двойственности души, ему нравилось и то, что Николай Всеволодовичъ всегда, бывало, веселился его стихами и хохоталъ надъ ними иногда схватясь за бока. Такимъ образомъ, достигались двѣ цѣли — и поэтическая, и служебная; но теперь была и третья, особенная и весьма щекотливая цѣль: капитанъ, выдвигая на сцену стихи, думалъ оправдать себя въ одномъ пунктѣ, котораго по-

чему-то всего болѣе для себя опасался и въ которомъ всего болѣе считалъ себя провинившимся.

— „Въ случаѣ, если бѣ она сломала погу“, то-есть въ случаѣ верховой ѣзды. Фантазія, Николай Всеволодовичъ, бредъ, но бредъ поэта: однажды былъ пораженъ, проходя, при встрѣчѣ съ наѣздницей и задалъ матеріальный вопросъ: „что бы тогда было?“ — то-есть въ случаѣ. Дѣло ясное: всѣ искатели на понятный, всѣ жепихи прочь, моргенъ-фри, носъ утри, одинъ поэтъ остался бы вѣренъ съ раздавленнымъ въ груди сердцемъ. Николай Всеволодовичъ, даже вошь, и та могла бы быть влюблена, и той не запрещено законами. И, однакоже, особа была обижена и письмомъ, и стихами. Даже ны, говорятъ, разсердились, такъ-ли-съ? Это прискорбно; не хотѣлъ даже вѣрить! Ну, кому бы я могъ повредить однимъ воображеніемъ? Къ тому же, честью клянусь, тутъ Липутипъ: „пошли, да пошли, всякій челоуѣкъ достоинъ права перениски“, я и послалъ.

— Вы, кажется, предлагали себя въ жепихи?

— Враги, враги и враги!

— Скажите стихи! сурово перебилъ Николай Всеволодовичъ.

— Бредъ, бредъ прежде всего.

Однакоже, онъ выпрямился, протянулъ руку и началъ:

Краса красогъ сломала членъ,
И интересѣй вдвое стала,
И вдвое сдѣлался влюбленъ
Влюбленный ужъ по мало.

— Ну, довольно! махнулъ рукой Николай Всеволодовичъ.

— Мечтаю о Питерѣ, перескочилъ поскорѣе Лебядкинъ, какъ будто и не было никогда стиховъ, — мечтаю о возрожденіи... Благодаритель! Могу-ли рассчитывать, что не откажете въ средствахъ къ повѣздѣ? Я какъ солнца ожидалъ васъ всю недѣлю.

— Ну, нѣтъ, ужъ извините, у меня совсѣмъ почти не осталось средствъ, да и зачѣмъ мнѣ вамъ деньги давать?..

Николай Всеволодовичъ какъ будто вдругъ разсердился. Сухо и кратко перечислилъ онъ всѣ преступленія капитана: пьянство, вранье, трату денегъ, назначавшихся Марьѣ Тимоѣевнѣ, то, что ее взяли изъ монастыря, дерзкія письма съ угрозами опубликовать тайну, поступокъ съ Дарьей Павловной и пр., и пр. Капитанъ колыхался, жестикулировалъ, начиналъ возражать, но Николай Все-

володовичъ каждый разъ повелительно его останавливалъ.

— И позвольте, замѣтилъ онъ наконецъ, — вы все пишете о „фамильномъ позорѣ“. Какой же позоръ для васъ въ томъ, что ваша сестра въ законномъ бракѣ со Ставровинымъ?

— Но бракъ подъ спудомъ, Николай Всеволодовичъ, бракъ подъ спудомъ, роковая тайна. Я получаю отъ васъ деньги и вдругъ мнѣ задаютъ вопросъ: за что эти деньги? Я связанъ и не могу отвѣчать, во вредъ сестрѣ, во вредъ фамильному достоинству.

Капитанъ повысилъ тонъ: онъ любилъ эту тему и крѣпко на нее рассчитывалъ. Увы! онъ и не предчувствовалъ, какъ его огорошатъ. Спокойно и точно, какъ будто дѣло шло о самомъ обыденномъ домашнемъ распоряженіи, Николай Всеволодовичъ сообщилъ ему, что на-дняхъ, можетъ-быть, даже завтра или послѣзавтра, онъ намѣренъ свой бракъ сдѣлать повсемѣстно извѣстнымъ, „какъ полиціи, такъ и обществу“, а, стало-быть, кончится самъ собою и вопросъ о фамильномъ достоинствѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вопросъ о субсидіяхъ. Капитанъ вытаращилъ глаза: онъ даже не понялъ; надо было растолковать ему.

— Но вѣдь она... полоумная?

— Я сдѣлаю такія распоряженія.

— Но... какъ же ваша родительница?

— Ну, ужъ это какъ хочетъ.

— Но вѣдь вы введете же вашу супругу въ вашъ домъ?

— Можетъ-быть, и да. Впрочемъ, это въ полномъ смыслѣ не ваше дѣло и до васъ совсѣмъ не относится.

— Какъ не относится? вскричалъ капитанъ. — А я-то какъ же?

— Ну, разумѣется, вы не войдете въ домъ.

— Да вѣдь я же родственникъ.

— Отъ такихъ родственниковъ бѣгутъ. Зачѣмъ мнѣ давать вамъ тогда деньги, разсудите сами?

— Николай Всеволодовичъ, Николай Всеволодовичъ, этого быть не можетъ, вы, можетъ-быть, еще разсудите, вы не захотите наложить руки... что подумаютъ, что скажутъ въ свѣтѣ?

— Очень я боюсь вашего свѣта. Женился же я тогда на вашей сестрѣ, когда захотѣлъ, послѣ пьянаго обѣда, изъ-за пари на вино, а теперь вслухъ опубликую объ этомъ... если это мени теперъ тѣшить.

Онъ произнесъ это какъ-то особенно раздражительно, такъ что Лебядкинъ съ ужасомъ началъ вѣрить.

— Но вѣдь я, я-то какъ, главное вѣдь тутъ я!.. Вы, можетъ-быть, шутите-съ, Николай Всеволодовичъ?

— Нѣтъ, не шучу.

— Воля ваша, Николай Всеволодовичъ, а я вамъ не вѣрю... тогда я просьбу подамъ.

— Вы ужасно глупы, капитанъ.

— Пусть, но вѣдь это все, что мнѣ остается! сбился совсѣмъ капитанъ.—Прежде за ея службу тамъ въ углахъ, по крайней мѣрѣ, намъ квартиру давали, а теперь что же будетъ, если вы меня совсѣмъ бросите?

— Вѣдь хотите же вы ѣхать въ Петербургъ перемѣнять карьеру. Кстати, правда, я слышалъ, что вы намѣрены ѣхать съ доносомъ, въ надеждѣ получить прощеніе, объявивъ всѣхъ другихъ?

Капитанъ разинулъ ротъ, выпучилъ глаза и не отвѣчалъ.

— Слушайте, капитанъ, чрезвычайно серьезно заговорилъ вдругъ Ставрогинъ, принагнувшись къ столу.

До сихъ поръ онъ говорилъ какъ-то двусмысленно, такъ что Лебядкинъ, искусившійся въ роли шута, до послѣдняго мгновенія, все-таки былъ капельку неувѣренъ: сердится-ли его баринъ въ самомъ дѣлѣ, или только подшучиваетъ, имѣетъ-ли въ самомъ дѣлѣ дикую мысль объявить о бракѣ, или только играетъ? Теперь же необыкновенно строгій видъ Николая Всеволодовича до того былъ убѣдителенъ, что даже ознобъ пробѣжалъ по спинѣ капитана.

— Слушайте и говорите правду, Лебядкинъ: донесли вы о чемъ-нибудь или еще нѣтъ? Успѣли вы что-нибудь въ самомъ дѣлѣ сдѣлать? Не послали-ли какого-нибудь письма по глупости?

— Нѣтъ-съ, ничего не успѣлъ и... не думалъ, нешодвижно смотрѣлъ капитанъ.

— Ну, вы лжете, что не думали. Вы въ Петербургъ для того и проситесь. Если не писали, то не сболтнули-ли чего-нибудь кому-нибудь здѣсь? Говорите правду, я кое-что слышалъ.

— Въ пьяномъ видѣ Липутину. Липутинъ измѣнникъ. Я открылъ ему сердце, прошепталъ бѣдный капитанъ.

— Сердце сердцемъ, но не надо же быть и дуралеемъ. Если у васъ была мысль, то держали бы про себя: нынче умные люди молчатъ, а не разговариваютъ.

— Николай Всеволодовичъ, задрожалъ капитанъ. — Вѣдь вы сами ни въ чемъ не участвовали, вѣдь я не на васъ...

— Да ужъ на дойную свою корову вы бы не посмѣли доносить.

— Николай Всеволодовичъ, посудите, посудите!..

И въ отчаяніи, въ слезахъ, капитанъ началъ торопливо излагать свою повѣсть за всѣ четыре года. Это была глупѣйшая повѣсть о дуракѣ, втянувшемся не въ свое дѣло и почти не понимавшемъ его важности до самой послѣдней минуты, за пьянствомъ и за гульбой. Опъ разсказалъ, что еще въ Петербургѣ „увлекся спервоначалу, просто по дружбѣ, какъ вѣрный студентъ, хотя и не будучи студентомъ“, и не зналъ ничего, „ни въ чемъ неповинный“, разбрасывалъ разныя бумажки на лѣстницахъ, оставлялъ десятками у дверей, у звонковъ, засовывалъ вмѣсто газетъ, въ театръ проносилъ, въ шляпы совалъ, въ карманы пропускалъ. А потомъ и деньги сталъ отъ нихъ получать, „потому что средства - то, средства - то мои какковы-съ!“ Въ двухъ губерніяхъ по уѣздамъ разбрасывалъ „всякую дряпь“.

— О, Николай Всеволодовичъ, восклицалъ онъ. — Всего болѣе возмущало меня, что это совершенно противно гражданскимъ и преимущественно отечественнымъ законамъ! Напечатано вдругъ, чтобы выходили съ вилами и чтобы помнили, что кто выйдетъ поутру бѣднымъ, можетъ вечеромъ воротиться домой богатымъ — подумайте-съ! Самого содроганіе беретъ, а разбрасываю. Или вдругъ пять-шесть строкъ ко всей Россіи, ни съ того, ни съ сего: „запирайте скорѣе церкви, уничтожайте Бога, нарушайте браки, уничтожайте права наслѣдства, берите пожги“, и только, и чортъ знаетъ что дальше. Вотъ съ этою бумажкой, съ пятистрочною-то, я чуть не попался, въ полку офицеры поколотили, да дай Богъ здоровья, выпустили. А тамъ прошлаго года чуть не захватили, какъ я пятидесятирублевыя французской поддѣлки Короваеву передалъ; да слава Богу, Короваевъ какъ разъ пьяный въ пруду утонулъ къ тому времени, и меня не успѣли изобличить. Здѣсь у Виргинскаго провозглашалъ свободу соціальной жены. Въ іюнь мѣсяцѣ опять въ —скомъ уѣздѣ разбрасывалъ. Говорятъ, еще заставятъ... Петръ Степановичъ вдругъ даетъ знать, что я долженъ слушаться; давно уже угрожаетъ. Вѣдь какъ опъ въ воскресенье тогда поступилъ со мной! Николай Всеволодовичъ,

я рабъ, я червь, но не Богъ, тѣмъ только и отличаюсь отъ Державина. Но вѣдь средства-то, средства-то мои каковы!

Николай Всеволодовичъ прослушалъ все любопытно.

— Многого я вовсе не зналъ, сказалъ онъ. — Разу-мѣется, съ вами все могло случиться... Слушайте, ска-залъ онъ, подумавъ, — если хотите, скажите имъ, ну, тамъ кому знаете, что Липутинъ совралъ, и что вы только меня поугаать доносомъ собирались, полагая, что я тоже скомпрометированъ и чтобы съ меня такимъ образомъ больше денегъ взыскать... Понимаете?

— Николай Всеволодовичъ, голубчикъ, неужто же мнѣ угрожаетъ такая опасность? Я только васъ и ждалъ, чтобы васъ спросить.

Николай Всеволодовичъ усмѣхнулся.

— Въ Петербургъ васъ, конечно, не пустятъ, хотя-бъ я вамъ и далъ денегъ на поѣздку... а, впрочемъ, къ Марьѣ Тимоѳеевнѣ пора.

И онъ всталъ со стула.

— Николай Всеволодовичъ, а какъ же съ Марьей-то Тимоѳеевной?

— Да такъ, какъ я сказывалъ.

— Неужто и это правда?

— Вы все не вѣрите?

— Неужели вы меня такъ и сбросите, какъ старый из-ношенный сапогъ?

— Я посмотрю, засмѣялся Николай Всеволодовичъ. — Ну, пустите.

— Не прикажете-ли, я на крылечкѣ постою-съ... чтобы какъ-нибудь невзначай чего не подслушать... потому что комнатки крошечныя.

-- Это дѣло; постоитъ на крыльцѣ. Возьмите зонтикъ.

— Зонтикъ, вашъ... стоитъ-ли для меня-съ? пересла-стилъ капитанъ.

— Зонтика всякій стоитъ.

— Разомъ опредѣляете минимумъ правъ человѣческихъ...

Но онъ уже лепеталъ машинально; онъ слишкомъ былъ подавленъ извѣстiями и сбился съ послѣдняго толку. И однакоже, почти тотчасъ же какъ вышелъ на крыльцо и распустилъ надъ собой зонтикъ, стала наклеиваться въ легкомысленной и плутоватой головѣ его опять всегдаш-няя успокоительная мысль, что съ нимъ хитрятъ и ему лгутъ, а коли такъ, то не ему бояться. а его бояться.

„Если лгутъ и хитрятъ, то въ чемъ тутъ именно штука?“ скреблось въ его головѣ. Провозглашеніе брака ему казалось нелѣпостью: „Правда, съ такимъ чудотворцемъ все сдѣтается; для зла людямъ живетъ. Ну, а если самъ боится, съ воскреснаго - то афронта, да еще такъ, какъ никогда? Вотъ и прибѣжалъ увѣрять, что самъ провозгласить, отъ страха, чтобъ я не провозгласилъ. Эй, не промахнись, Лебядкинъ! И къ чему приходитъ ночью, крадучись, когда самъ желаетъ огласки? А если боится, то, значить, теперь боится, именно сейчасъ, именно за эти нѣсколько дней... Эй, не свернись, Лебядкинъ!..“

„Пугаетъ Петромъ Степановичемъ. Ой, жутко, ой, жутко; нѣтъ, вотъ тутъ такъ жутко! И дернуло меня сболтнуть Липутину. Чортъ знаетъ что затѣваютъ эти черти, никогда не могъ разобрать. Опять заворочались, какъ пять лѣтъ назадъ. Правда, кому бы я донесъ? „Не написали-ли кому по глупости?“ Гм! Стало-быть, можно написать, подъ видомъ какъ бы глупости? Ужъ не совѣтъ-ли даетъ? „Вы въ Петербургъ за тѣмъ ѣдете“. Мошенникъ, мнѣ только приснилось, а ужъ онъ и сонъ отгадалъ! Точно самъ подталкиваетъ ѣхать. Тутъ двѣ штуки навѣрно, одна аль другая: или опять-таки самъ боится, потому что накуролесилъ, или... или ничего не боится самъ, а только подталкиваетъ, чтобъ я на нихъ всѣхъ донесъ! Охъ, жутко, Лебядкинъ, охъ, какъ бы не промахнуться!..“

Онъ до того задумался, что позабылъ и подслушивать. Впрочемъ, подслушать было трудно; дверь была толстая, одностворчатая, а говорили очень не громко; доносились какіе-то неясные звуки. Капитанъ даже плюнулъ и вышелъ опять, въ задумчивости, посвистать на крыльцо.

III.

Комната Марьи Тимоѣевны была вдвое болѣе той, которую занималъ капитанъ, и меблирована такою же топорною мебелью; но столъ предъ диваномъ былъ накрытъ цвѣтною нарядною скатертью; на немъ горѣла лампа; по всему полу былъ разостланъ прекрасный коверъ; кровать была отдѣлена длинною, во всю комнату, зеленою занавѣсью, и кромѣ того у стола находилось одно большое мягкое кресло, въ которое, однако, Марья Тимоѣевна не садилась. Въ углу, какъ и въ прежней квартирѣ, помѣщался образъ, съ зажженною передъ нимъ лампадкой, а на столѣ разложены были все тѣ же необходимыя ве-

щицы: колода картъ, зеркальце, пѣсенникъ, даже сдобная булочка. Сверхъ того явились двѣ книжки съ раскрашенными картинками, одна — выдержки изъ одного популярнаго путешествія, приспособленныя для отроческаго возраста, другая — сборникъ легонькихъ, правоучительныхъ и большею частью рыцарскихъ разсказовъ, предназначенный для елокъ и институтовъ. Былъ еще альбомъ разныхъ фотографій. Марья Тимоѣевна, конечно, ждала гостя, какъ и предварилъ капитанъ; но когда Николай Всеволодовичъ къ ней вошелъ, она спала, полулежала на диванѣ, склонившись на гарусную подушку. Гость неслышно притворилъ за собою дверь и, не сходя съ мѣста, сталъ разсматривать спящую.

Капитанъ прилгнулъ, сообщая о томъ, что она сдѣлала туалетъ. Она была въ томъ же темненькомъ платьѣ, какъ и въ воскресеніе и у Варвары Петровны. Точно такъ же были завязаны ея волосы въ крошечный узелокъ на затылкѣ; точно такъ же обнажена длинная и сухая шея. Подаренная Варварой Петровной черная шаль лежала, бережно сложенная, на диванѣ. Попржнему она была грубо набѣлена и нарумянена. Николай Всеволодовичъ не простоялъ и минуты, она вдругъ проснулась, точно почувствовавъ его взглядъ надъ собою, открыла глаза и быстро выпрямилась. Но, должно-быть, что-то странное произошло и съ гостемъ: онъ продолжалъ стоять на томъ же мѣстѣ у дверей; неподвижно и пронизательнымъ взглядомъ безмолвно и упорно всматривался въ ея лицо. Можетъ-быть, этотъ взглядъ былъ излишне суровъ, можетъ-быть, въ немъ выразилось отвращеніе, даже злорадное наслажденіе ея испугомъ — если только не померещилось такъ со сна Марьѣ Тимоѣевнѣ; но только вдругъ, послѣ минутнаго почти ожиданія, въ лицѣ бѣдной женщины выразился совершенный ужасъ: по немъ пробѣжали судороги, она подняла, сотрясая ихъ, руки и вдругъ заплакала, точь-въ-точь какъ испугавшійся ребенокъ; еще мгновеніе, и она бы закричала. Но гость опомнился; въ одинъ мигъ измѣнилось его лицо, онъ подошелъ къ столу съ самою привѣтливою и ласковою улыбкой.

— Виновать, напугалъ я васъ, Марья Тимоѣевна, нечаяннымъ приходомъ, со сна, проговорилъ онъ, протягивая ей руку.

Звуки ласковыхъ словъ произвели свое дѣйствіе, испугъ исчезъ, хотя все еще она смотрѣла съ боязнью, видимо

усиливаясь что-то понять. Боязливо протянула и руку. Наконецъ, улыбка робко шевельнулась на ея губахъ.

— Здравствуйте, князь, прошептала она, какъ-то странно въ него вглядываясь.

— Должно-быть, сонъ дурной видѣли? продолжалъ онъ все привѣтливѣе и ласковѣе улыбаться.

— А вы почему узнали, что я про это сонъ видѣла?..

И вдругъ она опять задрожала и отшатнулась назадъ, подымая передъ собой, какъ бы въ защиту, руку и приготавливаясь опять заплакать.

— Оправьтесь, полноте, чего бояться, неужто вы меня не узнали? уговаривалъ Николай Всеволодовичъ, но на этотъ разъ долго не могъ уговорить.

Она молча смотрѣла на него, все съ тѣмъ же мучительнымъ недоумѣніемъ, съ тяжелою мыслию въ своей бѣдной головѣ и все такъ же усиливаясь до чего-то додуматься. То потупляла глаза, то вдругъ окидывала его быстрымъ, обхватывающимъ взглядомъ. Наконецъ, не то что успокоилась, а какъ бы рѣшилась.

— Садитесь, прошу васъ, подлѣ меня, чтобы можно было мнѣ потомъ васъ разглядѣть, произнесла она довольно твердо, съ явною и какою-то новою цѣлью. — А теперь не беспокойтесь, я и сама не буду глядѣть на васъ, а буду внизъ смотрѣть. Не глядите и вы на меня до тѣхъ поръ, пока я васъ сама не попрошу. Садитесь же, прибавила она даже съ нетерпѣніемъ.

Новое ощущеніе видимо овладѣвало ею все болѣе и болѣе.

Николай Всеволодовичъ усѣлся и ждалъ; наступило довольно долгое молчаніе.

— Гм! Странно мнѣ все это, пробормотала она вдругъ чуть не брезгливо. — Меня, конечно, дурные сны одолѣли; только вы-то зачѣмъ въ этомъ самомъ видѣ приснились?..

— Ну, оставимъ сны, нетерпѣливо проговорилъ онъ, поворачиваясь къ ней, несмотря на запрещеніе, и, можетъ-быть, опять давешнее выраженіе мелькнуло въ его глазахъ. Онъ видѣлъ, что ей нѣсколько разъ хотѣлось, и очень бы, взглянуть на него, но что она упорно крѣпилась и смотрѣла внизъ.

— Слушайте, князь, возвысила она вдругъ голосъ. — Слушайте, князь...

— Зачѣмъ вы отвернулись, зачѣмъ на меня не смотрите, къ чему эта комедія? вскричалъ онъ, не утерпѣвъ.

Но она какъ бы и не слыхала вовсе.

— Слушайте, князь, повторила она въ третій разъ твердымъ голосомъ, съ непріятною, хлопотливою миной въ лицѣ.—Какъ сказали вы мнѣ тогда въ каретѣ, что бракъ будетъ объявленъ, я тогда же испугалась, что тайна кончится. Теперь ужъ и не знаю; все думала и ясно вижу, что совсѣмъ не гожусь. Нарядиться сумѣю, принять тоже, пожалуй, могу: эка бѣда на чашку чая пригласить, особенно коли есть лакеи. Но вѣдь все-таки какъ посмотрятъ со стороны. Я тогда, въ воскресенье, многое въ томъ домѣ утромъ разглядѣла. Эта барышня хорошенькая на меня все время глядѣла, особенно когда вы вошли. Вѣдь это вы тогда вошли, а? Мать ея просто смѣшная свѣтская старушонка. Мой Лебядкинъ тоже отличился; я, чтобы не разсмѣяться, все въ потолокъ смотрѣла, хорошо тамъ потолокъ расписанъ. Матери *его* игуменьей бы только быть; боюсь я ея, хоть и подарила черную шаль. Должно-быть, всѣ онѣ аттестовали тогда меня съ неожиданной стороны; я не сержусь, только сижу я тогда и думаю: какая я имъ родня? Конечно, съ графини требуются только душевныя качества,—потому что для хозяйственныхъ у ней много лакеевъ,—да еще какое-нибудь свѣтское кокетство, чтобъ умѣть принять иностранныхъ путешественниковъ. Но все-таки тогда, въ воскресенье, онѣ смотрѣли на меня съ безнадежностью. Одна Даша ангелъ. Очень я боюсь, чтобъ онѣ не огорчили *его* какъ-нибудь неосторожнымъ отзывомъ на мой счетъ.

— Не бойтесь и не тревожьтесь, скривилъ ротъ Николай Всеволодовичъ.

— Впрочемъ, ничего мнѣ это не составитъ, если ему и стыдно за меня будетъ немножко, потому тутъ всегда больше жалости, чѣмъ стыда, судя по человѣку, конечно. Вѣдь онъ знаетъ, что скорѣй мнѣ ихъ жалѣть, а не имъ меня.

— Вы, кажется, очень обидѣлись на нихъ, Марья Тимофеевна?

— Кто, я? Нѣтъ, простодушно усмѣхнулась она.—Совсѣмъ-таки нѣтъ. Посмотрѣла я на васъ всѣхъ тогда: всѣ-то вы сердитесь, всѣ-то вы перессорились; сойдутся и посмѣяться по душѣ не умѣютъ. Столько богатства и такъ мало веселья—гнусно мнѣ это все. Мнѣ, впрочемъ, теперь никого не жалко, кромѣ себя самой.

— Я слышалъ, вамъ съ братомъ худо было жить безъ меня?

— Это кто вамъ сказалъ? Вздоръ; теперь хуже гораздо; теперь сны не хороши, а сны не хороши стали потому, что вы прѣхали. Вы-то, спрашивается, зачѣмъ появились, скажите пожалуйста?

— А не хотите-ли опять въ монастырь?

— Ну, я такъ и предчувствовала, что они опять монастырь предложать! Эка невидаль мнѣ вашъ монастырь! Да и зачѣмъ я въ него пойду, съ чѣмъ теперь войду? Теперь ужъ одна-одинѣшенька! Поздно мнѣ третью жизнь начинать.

— Вы за что-то очень сердитесь, ужъ не боитесь-ли, что я васъ разлюбилъ?

— О васъ я и совѣмъ не забочусь. И сама боюсь, чтобы кого очень не разлюбить.

Она презрительно усмѣхнулась.

— Виновата я, должно-быть, предъ *нимъ* въ чемъ-нибудь очень большомъ,—прибавила она вдругъ какъ бы про-себя.—Вотъ не знаю только, въ чемъ виновата, вся въ этомъ бѣда моя вѣкъ. Всегда-то всегда, всѣ эти пять лѣтъ, я боялась день и ночь, что предъ нимъ въ чемъ-то я виновата. Молюсь я, бывало, молюсь и все думаю про вину мою великую предъ нимъ. Анъ вотъ и вышло, что правда была.

— Да что вышло-то?

— Боюсь только, нѣтъ-ли тутъ чего съ *его* стороны, продолжала она, не отвѣчая на вопросъ, даже вовсе его не разслушавъ.—Опять-таки не могъ же онъ сойтись съ такими людишками. Графиня съѣсть меня рада, хоть и въ карету съ собой посадила. Всѣ въ заговорѣ — неужто и онъ? Неужто и онъ измѣнилъ? (Подбородокъ и губы ея задрожали). Слушайте вы: читали вы про Гришку Отрепьева, что на семи соборахъ былъ проклятъ?

Николай Всеволодовичъ промолчалъ.

— А впрочемъ, я теперь поворочусь къ вамъ и буду на васъ смотрѣть, какъ бы рѣшилась она вдругъ. — Поворотитесь и вы ко мнѣ и поглядите на меня, только пристальнѣе. Я въ послѣдній разъ хочу удостовѣриться.

— Я смотрю на васъ уже давно.

— Гм! проговорила Марья Тимоѣевна, сильно всматриваясь.—Потолстѣли вы очень...

Она хотѣла-было еще что-то сказать, но вдругъ опять, въ третій разъ, давешній испугъ мгновенно исказилъ лицо ея, и опять она отшатнулась, подымая предъ собою руку.

— Да, что съ вами? вскричалъ Николай Всеволодовичъ почти въ бѣшенствѣ.

Но испугъ продолжался только одно мгновеніе; лицо ея перекосилось какою-то странною улыбкой, подозрительною, непріятною.

— Я прошу васъ, князь, встаньте и войдите, принесла она вдругъ твердымъ и настойчивымъ голосомъ.

— Какъ войдите? Куда я войду?

— Я всѣ пять лѣтъ только и представляла себѣ, какъ онъ войдетъ. Встаньте сейчасъ и уйдите за дверь, въ ту комнату. Я буду сидѣть, какъ будто ничего не ожидая, и возьму въ руки книжку, и вдругъ вы войдите послѣ пяти лѣтъ путешествія. Я хочу посмотрѣть, какъ это будетъ.

Николай Всеволодовичъ проскрежеталъ про-себя зубами и проворчалъ что-то неразборчивое.

— Довольно, сказалъ онъ, ударяя ладонью по столу.— Прощу васъ, Марья Тимоѣевна, меня выслушать. Сдѣлайте одолженіе, соберите, если можете, все ваше вниманіе. Не совсѣмъ же вѣдь вы сумасшедшая! прорвался онъ въ нетерпѣніи.—Завтра я объявляю нашъ бракъ. Вы никогда не будете жить въ палатахъ, разувѣрьтесь. Хотите жить со мною всю жизнь, но только очень отсюда далеко? Это въ горахъ, въ Швейцаріи, тамъ есть одно мѣсто... Не беспокойтесь, я никогда васъ не брошу и въ сумасшедшій домъ не отдамъ. Денегъ у меня достанетъ, чтобы жить не прося. У васъ будетъ служанка; вы не будете исполнять никакой работы. Все, что пожелаете изъ возможнаго, будетъ вамъ доставлено. Вы будете молиться, ходить куда угодно и дѣлать что вамъ угодно. Я васъ не трону. Я тоже съ моего мѣста всю жизнь никуда не сойду. Хотите всю жизнь не буду говорить съ вами, хотите рассказывать мнѣ каждый вечеръ, какъ тогда въ Петербургѣ, въ углахъ, ваши повѣсти. Буду вамъ книги читать, если пожелаете. Но зато такъ всю жизнь, на одномъ мѣстѣ, а мѣсто это угрюмое. Хотите? Рѣшаетесь? Не будете раскаиваться, терзать меня слезами, проклятіями?

Она прослушала съ чрезвычайнымъ любопытствомъ и долго молчала и думала.

— Невѣроятно мнѣ это все, проговорила она, наконецъ, насмѣшливо и брезгливо.—Этакъ я, пожалуй, скорѣе лѣтъ проживу въ тѣхъ горахъ.

Она разсмѣялась.

— Что-жь, и сорокъ лѣтъ проживемъ, очень нахмурился Николай Всеволодовичъ.

— Гм!.. Ни за что не поѣду.

— Даже и со мной?

— А вы что такое, чтобъ я съ вами ѣхала? Сорокъ лѣтъ сряду съ нимъ на горѣ сиди—ишь подѣхалъ! И какіе, право, люди нынче терпѣливые начались! Нѣтъ, не можетъ того быть, чтобы соколъ филиномъ сталъ. Не таковъ мой князь! гордо и торжественно подняла она голову.

Его будто осѣнило.

— Съ чего вы меня княземъ зовете и... за кого принимаете? быстро спросилъ онъ.

— Какъ? Развѣ вы не князь?

— Никогда имъ и не былъ.

— Такъ вы сами, сами, такъ-таки прямо въ лицо, признаетесь, что вы не князь!

— Говорю, никогда не былъ.

— Господи! всплеснула она руками.—Всего отъ враговъ *его* ожидала, но такой дерзости—никогда! Живъ-ли онъ? вскричала она въ изступленіи, надвигаясь на Николая Всеволодовича. — Убилъ ты его или нѣтъ, признавайся!

— За кого ты меня принимаешь? вскочилъ онъ съ мѣста съ искаженнымъ лицомъ.

Но се уже было трудно испугать, она торжествовала.

— А кто тебя знаетъ, кто ты таковъ и откуда ты выскочилъ! Только сердце мое, сердце чужало, всѣ пять лѣтъ, всю интригу! А я-то сижу, дивлюсь: что за сова слѣпая подѣхала? Нѣтъ, голубчикъ, плохой ты актеръ, хуже даже Лебядкина. Поклонись отъ меня графинѣ пониже, да скажи, чтобы прислала почище тебя. Наняла она тебя, говори? У ней при милости на кухнѣ состоишь! Весь вашъ обманъ насъ сквозь вижу, всѣхъ насъ, до одного, понимаю!

Онъ схватилъ ее крѣпко, выше локтя, за руку; она хотела ему въ лицо.

— Похожъ-то ты, очень похожъ, можетъ, и родственникъ ему будешь,—хитрый народъ! Только мой—ясный соколъ и князь, а ты—сычъ и купчишка! Мой-то и Богу, захочетъ, поклонится, а захочетъ и нѣтъ, а тебя Шатушка (милый онъ, родимый, голубчикъ мой!) по щекамъ отхлесталъ, мой Лебядкинъ рассказывалъ. И чего ты

тогда струсиль вошелъ-то? Кто тебя тогда напугаль? Какъ увидала я твое низкое лицо, когда упала, а ты меня подхватилъ,—точно червь ко мнѣ въ сердце заползъ: не *онъ*, думаю, не *онъ*! Не постыдился бы соколъ мой меня никогда предъ свѣтской барышней! О, Господи! Да я ужъ тѣмъ только была счастлива, всѣ пять лѣтъ, что соколъ мой гдѣ-то тамъ, за горами, живетъ и летаетъ, на солнце взираетъ... Говори, самозванецъ, много-ли взялъ? За большія-ли деньги согласился? Я бы гроша тебѣ не дала. Ха-ха-ха! Ха-ха-ха!..

— У, идиотка! проскрежеталъ Николай Всеволодовичъ, все еще крѣпко держа ее за руку.

— Прочь, самозванецъ! повелительно вскричала она.— Я моего князя жена, не боюсь твоего ножа!

— Ножа!

— Да, ножа! У тебя ножъ въ карманѣ. Ты думалъ, я спала, а я видѣла: ты какъ вошелъ давеча, ножъ вынималъ!

— Чтѣ ты сказала, несчастная, какіе сны тебѣ снятся! возопилъ онъ, и изо всей силы оттолкнулъ ее отъ себя, такъ что она даже больно ударилась плечами и головой о диванъ.

Онъ бросился бѣжать; но она тотчасъ же вскочила за нимъ, хромая и прискакивая, вдогонку, и уже съ крыльца, удерживаемая изо всѣхъ силъ перепугавшимся Лебядкинымъ, успѣла ему еще прокричать, съ визгомъ и съ хотомъ, во слѣдъ, въ темноту:

— Гришка От-репъ-евъ а-на-ес-ма!

IV.

„Ножъ, ножъ!“ повторялъ онъ въ неутолимой злобѣ, широко шагая по грязи и лужамъ, не разбирая дороги. Правда, минутами ему ужасно хотѣлось захохотать, громко, бѣшено; но онъ почему-то крѣпился и сдерживалъ смѣхъ. Онъ опомнился лишь на мосту, какъ разъ на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ давеча ему встрѣтился Ѳедька; тотъ же самый Ѳедька ждалъ его тутъ и теперь, и, завидѣвъ его, снялъ фуражку, весело оскалилъ зубы и тотчасъ же пачалъ о чемъ-то бойко и весело растабарывать. Николай Всеволодовичъ сначала прошелъ не останавливаясь, нѣкоторое время даже совсѣмъ и не слушалъ опять увязавшагося за нимъ бродягу. Его вдругъ поразила мысль, что онъ совершенно забылъ про него, и забылъ именно въ то время, когда самъ ежеминутно повторялъ про себя:

„ножь, ножь“. Онъ схватилъ бродягу за шиворотъ и, со всею накопившеюся злобой, изо всей силы ударилъ его объ мостъ. Одно мгновеніе тотъ думалъ было бороться, но, почти тотчасъ же догадавшись, что онъ предъ своимъ противникомъ, напавшимъ къ тому же нечаянно, нѣчто въ родѣ соломинки, затихъ и примолкъ, даже нисколько не сопротивляясь. Стоя на колѣняхъ, придавленный къ землѣ, съ вывернутыми на спину локтями, хитрый бродяга спокойно ожидалъ развязки, совершенно, кажется, не вѣря въ опасность.

Онъ не ошибся. Николай Всеволодовичъ уже снялъ было съ себя лѣвою рукой теплый шарфъ, чтобы скрутить своему плѣннику руки; но вдругъ, почему-то, бросилъ его и оттолкнулъ отъ себя. Тотъ мигомъ вскочилъ на ноги, обернулся, и короткій, широкій сапожный ножъ, мгновенно откуда-то взявшійся, блеснулъ въ его рукѣ.

— Долой ножъ, спрячь, спрячь сейчасъ! *приказала* съ нетерпѣливымъ жестомъ Николай Всеволодовичъ, и ножъ исчезъ такъ же мгновенно, какъ появился.

Николай Всеволодовичъ опять молча и не оборачиваясь пошелъ своею дорогой; но упрямый негодай, все-таки, не отсталъ отъ него, правда, теперь уже не растабарывавая и даже почтительно наблюдая дистанцію на цѣлый шагъ позади. Оба прошли такимъ образомъ мостъ и вышли на берегъ, на этотъ разъ повернувъ налѣво, тоже въ длинный и глухой переулокъ, но которымъ короче было пройти въ центръ города, чѣмъ давешнимъ путемъ по Богоявленской улицѣ.

— Правда, говорятъ, ты церковь гдѣ-то здѣсь въ уѣздѣ на-дняхъ обокралъ? спросилъ вдругъ Николай Всеволодовичъ.

— Я, то-есть, собственно, помолиться спервоначалу зашелъ-съ, степенно и учтиво, какъ будто ничего и не произошло, отвѣчалъ бродяга; даже не то, что степенно, а почти съ достоинствомъ.

Давешней „дружеской“ фамиллярности не было и въ поминѣ. Видно было человѣка дѣловаго и серьезнаго, правда, напрасно обиженнаго, но умѣющаго забывать и обиды.

— Да какъ завелъ меня туда Господь, продолжалъ онъ, — эхъ, благодать небесная, думаю! По сиротству моему произошло это дѣло, такъ какъ въ нашей судьбѣ совѣтъ нельзя безъ вспомошествованія. И вотъ, вѣрьте

Богу, сударь, себѣ въ убытокъ, наказалъ Господь за грѣхи: за махальницу, да за хлопотницу, да за дьяконовъ черезъ сѣдельникъ всего только двѣнадцать рублей прибрѣлъ. Николая Угодника подбородникъ, чистый серебряный, за даромъ пошелъ: семилеровый, говорятъ.

— Сторожа зарѣзалъ?

— То-есть мы вмѣстѣ и прибирали-сь съ тѣмъ сторожемъ, да ужъ потомъ, подъ утро, у рѣчки, у насъ взаимный споръ вышелъ, кому мѣшокъ нести. Согрѣшилъ, облегчилъ его маненечко.

— Рѣжь еще, обокради еще.

— То же самое и Петръ Степановичъ, какъ есть въ одно слово съ вами, совѣтуютъ-сь, потому что они чрезвычайно скупой и жестокосердый насчетъ вспомошествованія человѣкъ-сь. Окромѣ того, что уже въ Творца Небесаго, насъ изъ персти земной создавшаго, ни на грошъ не вѣруютъ-сь, а говорятъ, что все одна природа устроила, даже до послѣдняго будто бы звѣря, они и не понимаютъ, сверхъ того, что по нашей судьбѣ намъ, чтобы безъ благодѣтельнаго вспомошествованія, совершенно никакъ нельзя-сь. Станешь ему толковать, смотреть какъ баранъ на воду, дивишься на него только. Вонъ, повѣрите-ли-сь, у капитана Лебядкина-сь, гдѣ сейчасъ изволили посѣщать-сь, когда еще они до васъ проживали у Филиппова-сь, такъ иной разъ дверь всю ночь настежь не запертая стоитъ-сь, самъ спитъ пьянъ мертвецки, а деньги у него изо всѣхъ кармановъ на полъ сыплются. Своими глазами наблюдать приходилось, потому, по нашему обороту, чтобы безъ вспомошествованія, этого никакъ нельзя-сь...

— Какъ своими глазами? Заходилъ, что-ли, ночью?

— Можетъ и заходилъ, только это никому неизвѣстно.

— Чтò жъ не зарѣзалъ?

— Прикинувъ на счетахъ, остепенилъ себя-сь. Потому, разъ узнавши доподлинно, что сотни полторы рублей всегда могу вынуть, какъ же мнѣ пускаться на то, когда и всѣ полторы тысячи могу вынуть, если только пообождавъ? Потому капитанъ Лебядкинъ (своими ушами слышалъ-сь) всегда на васъ очинна надѣялись въ пьяномъ видѣ-сь, и нѣтъ здѣсь такого трактирнаго заведенія, даже послѣдняго кабака, гдѣ бы они не объявляли о томъ въ семь самомъ видѣ-сь. Такъ что слышамши про то изъ многихъ усть, я тоже на ваше сіятельство всю мою па-

жду сталъ возлагать. Я, сударь, намъ какъ отцу али родному брату, потому Петръ Степанычъ никогда того отъ меня не узнають и даже ни единая душа. Такъ три-то рублика, ваше сіятельство, соблаговолите аль нѣтъ-съ? Развязали бы вы мени, сударь, чтобъ я, то-есть, зналъ правду истинную, потому намъ чтобы безъ вспомошествованія никакъ нельзя-съ.

Николай Всеволодовичъ громко захохоталъ и, вынувъ изъ кармана портмоне, въ которомъ было рублей до пятидесяти мелкими кредитками, выбросилъ ему одну бумажку изъ пачки, затѣмъ другую, третью, четвертую. Оедька подхватывалъ па-лету, кидался, бумажки сыпались въ грязь, Оедька ловилъ и прикрикивалъ: „эхъ, эхъ!“ Николай Всеволодовичъ кинулъ въ него, наконецъ, всю пачкой и, продолжая хохотать, пустился по переулку на этотъ разъ уже одинъ. Бродяга остался искать, ерзалъ на колѣнкахъ въ грязи, разлетѣвшіяся по вѣтру и потонувшія въ лужахъ кредитки, и цѣлый часъ еще можно было слышать въ темпотѣ его отрывистыя вскрикиванія: „эхъ, эхъ!“

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

П о с д и и о н ь .

І.

На другой день, въ два часа пополудни, предположенная дуэль состоялась. Быстрому исходу дѣла способствовало неукротимое желаніе Артемія Павловича Гагапова драться во что бы то ни стало. Онъ не понималъ поведенія своего противника и былъ въ бѣшенствѣ. Цѣлый уже мѣсяцъ онъ оскорблялъ его безнаказанно и все еще не могъ вывести изъ терпѣнія. Вызовъ ему былъ необходимъ со стороны самого Николая Всеволодовича, такъ какъ самъ онъ не имѣлъ прямого предлога къ вызову. Въ тайныхъ же побужденіяхъ своихъ, то-есть просто въ болѣзненной пенависти къ Ставрогину, за фамильное оскорбленіе четыре года назадъ, онъ почему-то совѣстился сознаться. Да и самъ считалъ такой предлогъ невозможнымъ, особенно въ виду смиренныхъ извиненій, уже два раза предложенныхъ Николаемъ Всеволодовичемъ. Онъ положилъ про себя, что тотъ безстыдный трусъ; понять не могъ, какъ тотъ могъ спести пощечину отъ Шатова; такимъ образомъ и рѣшился, наконецъ, послать то пе-

обычайное по грубости своей письмо, которое побудило, наконецъ, самого Николая Всеволодовича предложить встрѣчу. Отправивъ наканунѣ это письмо и въ лихорадочномъ нетерпѣннѣ ожидая вызова, болѣзненно рассчитывая шансы къ тому, то надѣясь, то отчаиваясь, онъ на всякій случай еще съ вечера припасъ себѣ секунданта, а именно Маврикія Николаевича Дроздова, своего пріятеля, школьнаго товарища и особенно уважаемаго имъ чело-вѣка. Такимъ образомъ Кирилловъ, явившійся на другой день поутру въ девять часовъ со своимъ порученіемъ, нашелъ уже почву совсѣмъ готовую. Всѣ извиненія и несслыханныя уступки Николая Всеволодовича были тотчасъ же съ перваго слова и съ необыкновеннымъ азартомъ отвергнуты. Маврикій Николаевичъ, наканунѣ лишь узнавшій о ходѣ дѣла, при такихъ несслыханныхъ предложеніяхъ открылъ было ротъ отъ удивленія и хотѣлъ тутъ же настаивать на примиреніи, но, замѣтивъ, что Артемій Павловичъ, предугадавшій его намѣренія, почти затрясся на своемъ стулѣ, смолчалъ и не произнесъ ничего. Если бы не слово, данное товарищу, онъ ушелъ бы немедленно; остался же въ единственной надеждѣ помочь хоть чѣмъ-нибудь при самомъ исходѣ дѣла. Кирилловъ передалъ вызовъ; всѣ условія встрѣчи, обозначенныя Ставрогинымъ, были приняты тотчасъ же буквально, безъ малѣйшаго возраженія. Сдѣлана была только одна прибавка, впрочемъ, очень жестокая, именно: если съ первыхъ выстрѣловъ не произойдетъ ничего рѣшительнаго, то сходиться въ другой разъ; если не кончится ничѣмъ и въ другой, сходиться въ третій. Кирилловъ нахмурился, поторговался насчетъ третьяго раза, но, не выторговавъ ничего, согласился, съ тѣмъ, однакожь, что „три раза можно, а четыре никакъ нельзя“. Въ этомъ уступили. Такимъ образомъ въ два часа пополудни и состоялась встрѣча въ Брыковѣ, то-есть въ подгородной маленькой рощицѣ между Скворешниками съ одной стороны и фабрикой Шпигулиныхъ съ другой. Вчерашній дождь пересталъ совсѣмъ, но было мокро, сыро и вѣтрено. Низкія, мутныя, разорванныя облака быстро неслись по холодному небу; деревья густо и перекатно шумѣли вершинами и скрипѣли на корняхъ своихъ; очень было грустное утро.

Гагановъ съ Маврикіемъ Николаевичемъ прибыли на мѣсто въ щегольскомъ шарабанѣ парой, которымъ правилъ Артемій Павловичъ; при нихъ находился слуга.

Почти въ ту же минуту явились и Николай Всеволодовичъ съ Кирилловымъ, но не въ экипажѣ, а верхами, и тоже въ сопровожденіи верхового слуги. Кирилловъ, никогда не садившійся на коня, держался въ сѣдлѣ смѣло и прямо, прихватывая правою рукой тяжелый ящикъ съ пистолетами, который не хотѣлъ довѣрить слугѣ, а лѣвою, по неумѣнью, непрерывно крутя и дергая поводья, отчего лошадь мотала головой и обнаруживала желаніе стать на дыбы, что, впрочемъ, нисколько не пугало всадника. Мнительный, быстро и глубоко оскорблявшійся Гагановъ почелъ прибытіе верховыхъ за новое себѣ оскорбленіе, въ томъ смыслѣ, что враги слишкомъ, стало-быть, надѣялись на успѣхъ, коли не предполагали даже нужды въ экипажѣ на случай отвоза раненаго. Онъ вышелъ изъ своего шарабана весь желтый отъ злости и почувствовалъ, что у него дрожатъ руки, о чемъ и сообщилъ Маврикію Николаевичу. На поклонъ Николая Всеволодовича не отвѣтилъ совсѣмъ и отвернулся. Секунданты бросили жребій: вышло пистолетамъ Кириллова. Барьеръ отмѣрили, противниковъ разставили, экипажъ и лошадей съ лакеями отослали шаговъ на триста назадъ. Оружіе было заряжено и вручено противникамъ.

Жаль, что надо вести рассказъ быстрѣе и некогда описывать; но нельзя и совсѣмъ безъ отмѣтокъ. Маврикій Николаевичъ былъ грустенъ и озабоченъ. Зато Кирилловъ былъ совершенно спокоенъ и безразличенъ, очень точенъ въ подробностяхъ принятой на себя обязанности, но безъ малѣйшей суетливости и почти безъ любопытства къ ровному и столь близкому исходу дѣла. Николай Всеволодовичъ былъ блѣднѣе обыкновеннаго, одѣтъ довольно легко, въ пальто и бѣлой пуховой шляпѣ. Онъ казался очень усталымъ, изрѣдка хмурился и нисколько не находилъ пужнымъ скрывать свое непріятное расположеніе духа. Но Артемій Павловичъ былъ въ сію минуту всѣхъ замѣчательнѣе, такъ что никакъ нельзя не сказать о немъ нѣсколькихъ словъ совсѣмъ особенно.

II.

Намъ не случилось до сихъ поръ упомянуть объ его наружности. Это былъ человѣкъ большого роста, бѣлый, сытый, какъ говоритъ простонародье, почти жирный, съ бѣлокурыми жидкими волосами, лѣтъ тридцати трехъ и, пожалуй, даже съ красивыми чертами лица. Онъ вышелъ

въ отставку полковникомъ, и если бы дослужился до генерала, то въ генеральскомъ чинѣ былъ бы еще внушительнѣе и, очень можетъ быть, что вышелъ бы хорошимъ боевымъ генераломъ.

Нельзя пропустить, для характеристики лица, что главнымъ поводомъ къ его отставкѣ послужила столь долго и мучительно преслѣдовавшая его мысль о срамѣ фамилии, послѣ обиды, нанесенной отцу его въ клубѣ, четыре года тому назадъ, Николаемъ Ставрогинымъ. Онъ считалъ по совѣсти безчестнымъ продолжать службу и увѣренъ былъ про себя, что мараетъ собою полкъ и товарищей, хотя никто изъ нихъ и не зналъ о происшествіи. Правда, онъ и прежде хотѣлъ выйти однажды изъ службы, давно уже, задолго до обиды, и совсѣмъ по другому поводу, но до сихъ поръ колебался. Какъ ни странно написать, но этотъ первоначальный поводъ или, лучше сказать, позывъ къ выходу въ отставку—былъ манифестъ 19-го февраля объ освобожденіи крестьянъ. Артемій Павловичъ, богатѣйшій помѣщикъ нашей губерніи, даже не такъ много и потерявшій послѣ манифеста, мало того, самъ способный убѣдиться въ гуманности мѣры и почти понять экономическія выгоды реформы, вдругъ почувствовалъ себя, съ появленія манифеста, какъ бы лично обиженнымъ. Это было что-то бессознательное, въ родѣ какого-то чувства, но тѣмъ сильнѣе, чѣмъ безотчетнѣе. До смерти отца своего онъ, впрочемъ, не рѣшался предпринять что-нибудь рѣшительное; но въ Петербургѣ сталъ извѣстенъ „благороднымъ“ образомъ своихъ мыслей многимъ замѣчательнымъ лицамъ, съ которыми усердно поддерживалъ связи. Это былъ человекъ уходящій въ себя, закрывающійся. Еще черта: онъ принадлежалъ къ тѣмъ страннымъ, но еще удѣлѣвшимъ на Руси дворянамъ, которые чрезвычайно дорожатъ древностью и чистотой своего дворянскаго рода и слишкомъ серьезно этимъ интересуются. Вмѣстѣ съ этимъ онъ терпѣть не могъ русской исторіи, да и вообще весь русскій обычай считалъ отчасти свинствомъ. Еще въ дѣтствѣ его, въ той специальной военной школѣ для болѣе знатныхъ и богатыхъ воспитанниковъ, въ которой онъ имѣлъ честь начать и кончить свое образованіе, укоренились въ немъ нѣкоторыя поэтическія воззрѣнія: ему понравились замки, средневѣковая жизнь, вся оперная часть ея, рыцарство; онъ чуть не плакалъ уже тогда отъ стыда, что русскаго боярина временъ Московскаго царства

царь могъ наказывать тѣлесно, и краснѣлъ отъ сравненій. Этотъ тугой, чрезвычайно строгій человѣкъ, замѣчательно хорошо знавшій свою службу и исполнявшій свои обязанности, въ душѣ своей былъ мечтателенъ. Утверждали, что онъ могъ бы говорить въ собраніяхъ и что имѣетъ даръ слова; но, однако, онъ всѣ свои тридцать три года промолчалъ про себя. Даже въ той важной петербургской средѣ, въ которой онъ вращался въ послѣднее время, держалъ себя необыкновенно надменно. Встрѣча въ Петербургѣ съ воротившимся изъ-за границы Николаемъ Всеволодовичемъ чуть не свела его съ ума. Въ настоящій моментъ, стоя на барьерѣ, онъ находился въ страшномъ безпокойствѣ. Ему все казалось, что еще какъ-нибудь не состоится дѣло, малѣйшее промедленіе бросало его въ трепеть. Болѣзненное впечатлѣніе выразилось въ его лицѣ, когда Кирилловъ, вмѣсто того, чтобы подать знакъ для битвы, началъ вдругъ говорить, правда, для проформы, о чемъ самъ говорилъ во всеуслышаніе.

— Я только для проформы; теперь, когда уже пистолеты въ рукахъ и надо командовать, не угодно-ли, въ послѣдній разъ, помириться? Обязанность секунданта.

Какъ нарочно, Маврикій Николаевичъ, до сихъ поръ молчавшій, но съ самаго вчерашняго дня страдавшій про себя за свою уступчивость и потворство, вдругъ подхватилъ мысль Кириллова и тоже заговорилъ:

— Я совершенно присоединяюсь къ словамъ господина Кириллова... эта мысль, что нельзя мириться на барьерѣ— есть предрассудокъ, годный для французовъ... Да я и не понимаю обиды, воля ваша, я давно хотѣлъ сказать... потому что вѣдь предлагаются всякія извиненія, не такъ-ли?

Онъ весь покраснѣлъ. Рѣдко случалось ему говорить такъ много и съ такимъ волненіемъ.

— Я опять подтверждаю мое предложеніе представить всевозможныя извиненія, съ необычайною поспѣшностью подхватилъ Николай Всеволодовичъ.

— Развѣ это возможно? неистово вскричалъ Гагановъ, обращаясь къ Маврикію Николаевичу и въ изступленіи топнувъ ногой. — Объясните вы этому человѣку, если вы секунданта, а не врагъ мой, Маврикій Николаевичъ (онъ ткнулъ пистолетомъ въ сторону Николая Всеволодовича),— что такія уступки только усиленіе обиды! Онъ не находитъ возможнымъ отъ меня обидѣться!.. Онъ позора не находитъ уйти отъ меня съ барьера! За кого же онъ

принимаетъ меня послѣ этого, въ вашихъ глазахъ... а вы еще мой секундантъ! Вы только меня раздражаете, чтобъ я не попалъ.

Онъ топнулъ опять ногой, слюна брызгала съ его губъ.

— Переговоры кончены. Прошу слушать команду! изо всей силы вскричалъ Кирилловъ.—Разъ! Два! Три!

Со словомъ *три*, противники направились другъ на друга. Гагановъ тотчасъ же поднялъ пистолетъ и на пятомъ или шестомъ шагѣ выстрѣлилъ. На секунду пріостановился и, увѣрившись, что даль промахъ, быстро подошелъ къ барьеру. Подошелъ и Николай Всеволодовичъ, поднялъ пистолетъ, но какъ-то очень высоко, и выстрѣлилъ совсѣмъ почти не дѣлясь. Затѣмъ вынулъ платокъ и замоталъ въ него мизинецъ правой руки. Тутъ только увидѣли, что Артемій Павловичъ не совсѣмъ промахнулся, но пуля его только скользнула по пальцу, по суставной мякоти, не тронувъ кости; вышла ничтожная царапина. Кирилловъ тотчасъ же заявилъ, что дуэль, если противники не удовлетворены, продолжается:

— Я заявляю, прохрипѣлъ Гагановъ (у него пересохло въ горлѣ), опять обращаясь къ Маврикію Николаевичу,— что этотъ человекъ (онъ ткнулъ опять въ сторону Ставрогина), выстрѣлилъ нарочно на воздухъ... умышленно... Это опять обида! Онъ хочетъ сдѣлать дуэль невозможною!

— Я имѣю право стрѣлять какъ хочу, лишь бы происходило по правиламъ, твердо заявилъ Николай Всеволодовичъ.

— Нѣтъ, не имѣетъ! Растолкуйте ему, растолкуйте! кричалъ Гагановъ.

— Я совершенно присоединяюсь къ мнѣнію Николая Всеволодовича, возгласилъ Кирилловъ.

— Для чего онъ щадить меня? бѣсновался Гагановъ, не слушая.—Я презираю его пощадю... Я плюю... Я...

— Даю слово, что я вовсе не хотѣлъ васъ оскорблять, съ нетерпѣніемъ проговорилъ Николай Всеволодовичъ,— я выстрѣлилъ вверхъ потому, что не хочу болѣе никого убивать, васъ-ли, другого-ли, лично до васъ не касается. Правда, себя я не считаю обиженнымъ, и мнѣ жаль, что васъ это сердить. Но не позволю никому вмѣшиваться въ мое право.

— Если онъ такъ боится крови, то спросите, зачѣмъ меня вызывалъ? вопилъ Гагановъ, все обращаясь къ Маврикію Николаевичу.

— Какъ же васъ было не вызвать? ввязался Кирилловъ.— Вы ничего не хотѣли слушать, какъ же отъ васъ отвязаться?

— Замѣчу только одно, произнесъ Маврикій Ниволаевичъ, съ усиленіемъ и со страданіемъ обсуждавшій дѣло,— если противникъ заранѣе объявляетъ, что стрѣлять будетъ вверхъ, то поединокъ дѣйствительно продолжаться не можетъ... по причинамъ деликатнымъ и... яснымъ.

— Я вовсе не объявлялъ, что каждый разъ буду вверхъ стрѣлять! вскричалъ Ставрогинъ, уже совсѣмъ теряя терпѣніе.— Вы вовсе не знаете, что у меня на умѣ и какъ я опять сейчасъ выстрѣлю... я ничѣмъ не стѣсняю дуэли.

— Коли такъ, встрѣча можетъ продолжаться, обратился Маврикій Николаевичъ къ Гаганову.

— Господа, займите ваши мѣста! скомандовалъ Кирилловъ.

Опять сошлись, опять промахъ у Гаганова и опять выстрѣлъ вверхъ у Ставрогина. Про эти выстрѣлы вверхъ можно было бы и поспорить: Николай Всеволодовичъ могъ прямо утверждать, что онъ стрѣляетъ какъ слѣдуетъ, если бы самъ не сознался въ умышенномъ промахѣ. Онъ наводилъ пистолетъ не прямо въ небо или въ дерево, а все-таки какъ бы мѣтилъ въ противника, хотя, впрочемъ, бралъ на аршинъ поверхъ его шляпы. Въ этотъ второй разъ прицѣлъ былъ даже еще ниже, еще правдоподобнѣе; но уже Гаганова нельзя было разувѣрить.

— Опять! проскрежеталъ онъ зубами.— Все равно! Я вызванъ и пользуюсь правомъ. Я хочу стрѣлять въ третій разъ... во что бы ни стало.

— Имѣете полное право, отрубилъ Кирилловъ.

Маврикій Николаевичъ не сказалъ ничего. Разставили въ третій разъ, скомандовали; въ этотъ разъ Гагановъ дошелъ до самага барьера, съ барьера, съ двѣнадцати шаговъ, сталъ прицѣливаться. Руки его слишкомъ дрожали для правильнаго выстрѣла. Ставрогинъ стоялъ съ пистолетомъ, опущеннымъ внизъ, и неподвижно ожидалъ его выстрѣла.

— Слишкомъ долго, слишкомъ долго прицѣлъ! стремительно прокричалъ Кирилловъ.— Стрѣляйте! Стрѣляйте!

Но выстрѣлъ раздался, и на этотъ разъ бѣлая пуховая шляпа слетѣла съ Николая Всеволодовича. Выстрѣлъ былъ довольно мѣтокъ, туля шляпы была пробита очень низко;

четверть вершка ниже, и все бы было кончено. Кирилловъ подхватилъ и подалъ шляпу Николаю Всеволодовичу.

— Стрѣлите, не держите противника! прокричалъ въ чрезвычайномъ волненіи Маврикій Николаевичъ, видя, что Ставрогинъ какъ бы забылъ о выстрѣлѣ, рассматривая съ Кирилловымъ шляпу.

Ставрогинъ вздрогнулъ, поглядѣлъ на Гаганова, отвернулся и уже безо всякой на этотъ разъ деликатности выстрѣлилъ въ сторону, въ рощу. Дуэль кончилась. Гагановъ стоялъ какъ придавленный. Маврикій Николаевичъ подошелъ къ нему и сталъ что-то говорить, но тотъ какъ-будто не понималъ. Кирилловъ, уходя, снялъ шляпу и кивнулъ Маврикію Николаевичу головой; по Ставрогинъ забылъ прежнюю вѣжливость; сдѣлавъ выстрѣлъ въ рощу, онъ даже и не повернулся къ барьеру, сунулъ свой пистолетъ Кириллову и поспѣшно направился къ лошадямъ. Лицо его выражало злобу, онъ молчалъ. Молчалъ и Кирилловъ. Сѣли на лошадей и поскакали въ галопъ.

III.

— Что вы молчите? нетерпѣливо окликнулъ онъ Кириллова уже неподалеку отъ дому.

— Что вамъ надо? отвѣтилъ тотъ, чуть не съерзнувъ съ лошади, вскочившей на дыбы.

Ставрогинъ сдержалъ себя.

— Я не хотѣлъ обидѣть этого... дурака, а обидѣлъ опять, проговорилъ онъ тихо.

— Да, вы обидѣли опять, отрубилъ Кирилловъ, — и притомъ онъ не дуракъ.

-- Я сдѣлалъ, однако, все, что могъ.

— Нѣтъ.

— Что же надо было сдѣлать?

— Не вызывать.

— Еще снести битье по лицу?

— Да, снести и битье.

— Я начинаю ничего не понимать! злобно проговорилъ Ставрогинъ. — Почему всѣ ждуть отъ меня чего-то, чего отъ другихъ не ждуть? Къ чему мнѣ переносить то, чего никто не перепоситъ, и напрашиваться на бремена, которыхъ никто не можетъ снести?

— Я думалъ, вы сами ищете бремени.

— Я ищу бремени?

— Да.

— Вы... это видѣли?

— Да.

— Это такъ замѣтно?

— Да.

Помолчали съ минуту. Ставрогинъ имѣлъ озабоченный видъ, былъ почти пораженъ.

— Я потому не стрѣлялъ, что не хотѣлъ убивать, и больше ничего не было, увѣрю васъ, сказала онъ торопливо и тревожно, какъ бы оправдываясь.

— Не надо было обижать.

— Какъ же надо было сдѣлать?

— Надо было убить.

— Вамъ жаль, что я его не убилъ?

— Мнѣ ничего не жаль. Я думалъ, вы хотѣли убить въ самомъ дѣлѣ. Не знаете, чего ищете.

— Ищу бремени, засмѣялся Ставрогинъ.

— Не хотѣли сами крови, зачѣмъ ему давали убивать?

— Если-бъ я не вызвалъ его, онъ бы убилъ меня такъ, безъ дуэли.

— Не ваше дѣло. Можетъ, и не убилъ бы.

— А только прибилъ?

— Не ваше дѣло. Несите бремя. А то нѣтъ заслуги.

— Наплевать на вашу заслугу, я ни у кого не ищу ея!

— Я думалъ ищете, ужасно хладнокровно заключилъ

Кирилловъ.

Вѣхали во дворъ дома.

— Хотите ко мнѣ? предложилъ Николай Всеволодовичъ.

— Нѣтъ, я дома, прощайте.

Онъ всталъ съ лошади и взялъ свой ящикъ подъ мышку.

— По крайней мѣрѣ, вы-то на меня не сердитесь? протянулъ ему руку Ставрогинъ.

— Нисколько! воротился Кирилловъ, чтобы позать руку.—Если мнѣ легко бремя, потому что отъ природы, то, можетъ-быть, вамъ труднѣе бремя, потому что такая природа. Очень нечего стыдиться, а только немного.

— Я знаю, что я ничтожный характеръ, но я и не лѣзу въ сильные.

— И не лѣзьте; вы не сильный человекъ. Приходите пить чай.

Николай Всеволодовичъ вошелъ къ себѣ сильно смущенный.

Онъ тотчасъ же узналъ отъ Алексѣя Егоровича, что Варвара Петровна, весьма довольная выѣздомъ Николая Всеволодовича—первымъ выѣздомъ послѣ восьми дней болѣзни—верхомъ на прогулку, велѣла заложить карету и отправилась одна „по примѣру прежнихъ дней, подышать чистымъ воздухомъ, ибо восемь дней какъ уже забыли, что означаетъ дышать чистымъ воздухомъ“.

— Одна поѣхала или съ Дарьей Павловной? быстрымъ вопросомъ перебилъ старика Николай Всеволодовичъ и крѣпко нахмурился, услышавъ, что Дарья Павловна „отказались по нездоровью сопутствовать и находятся теперь въ своихъ комнатахъ“.

— Слушай, старикъ, проговорилъ онъ, какъ бы вдругъ рѣшаясь. — Стереги ее сегодня весь день и если замѣтишь, что она идетъ ко мнѣ, тотчасъ же останови и передай ей, что нѣсколько дней, по крайней мѣрѣ, я ее принять не могу... что я такъ ее самъ прошу... а когда придетъ время, самъ позову,—слышишь?

— Передамъ - съ, проговорилъ Алексѣй Егоровичъ съ тоской въ голосъ, опустивъ глаза внизъ.

— Не раньше, однакоже, какъ если ясно увидишь, что она ко мнѣ идетъ сама.

— Не извольте беспокоиться, ошибки не будетъ. Черезъ меня до сихъ поръ и происходили посѣщенія; всегда къ содѣйствію моему обращались.

— Знаю. Однакоже, не раньше, какъ если сама пойдетъ. Принеси мнѣ чаю, если можешь, скорѣе.

Только что старикъ вышелъ, какъ почти въ ту же минуту отворилась та же дверь и на порогѣ показалась Дарья Павловна. Взглядъ ея былъ спокоенъ, но лицо блѣдное.

— Откуда вы? воскликнулъ Ставрогинъ.

— Я стояла тутъ же и ждала когда онъ выйдетъ, чтобы къ вамъ войти. Я слышала, о чемъ ему наказывали, а когда онъ сейчасъ вышелъ, я спряталась направо за выступъ, и онъ меня не замѣтилъ.

— Я давно хотѣлъ прервать съ вами, Даша... пока... это время. Я васъ не могъ принять нынче ночью, несмотря на вашу записку. Я хотѣлъ вамъ самъ написать, но я писать не умѣю, прибавилъ онъ съ досадой, даже какъ будто съ гадливостью.

— Я сама думала, что надо прервать. Варвара Петровна слишком подозрѣваетъ о нашихъ сношеніяхъ.

— Ну и пусть ее.

— Не надо чтобъ она безпокоилась. И такъ теперь до конца?

— Вы все еще непремѣнно ждете конца?

— Да, я увѣрена.

— На свѣтѣ ничего не кончается.

— Тутъ будетъ конецъ. Тогда кликнете меня, я приду. Теперь прощайте.

— А какой будетъ конецъ? усмѣхнулся Николай Всеволодовичъ.

— Вы не ранены и... не пролили крови? спросила она, не отвѣчая на вопросъ о концѣ.

— Было глупо; я не убилъ никого, не безпокойтесь. Впрочемъ, вы обо всемъ услышите сегодня же отъ всѣхъ. Я нездоровъ немного.

— Я уйду. Объявленія о бракѣ сегодня не будетъ? прибавила она съ нерѣшимостью.

— Сегодня не будетъ; завтра не будетъ; послѣзавтра, не знаю, можетъ-быть, всѣ помремъ, и тѣмъ лучше. Оставьте меня, оставьте меня, наконецъ.

— Вы не погубите другую... безумную?

— Безумныхъ не погублю, ни той, ни другой, но разумную, кажется, погублю: я такъ подлѣ и гадокъ, Даша, что, кажется, васъ въ самомъ дѣлѣ кликну „въ послѣдній конецъ“, какъ вы говорите, а вы, несмотря на вашъ разумъ, придете. Зачѣмъ вы сами себя губите?

— Я знаю, что въ концѣ концовъ съ вами останусь одна я и... жду того.

— А если я въ концѣ концовъ васъ не кликну и убѣгу отъ васъ?

— Этого быть не можетъ, вы кликнете.

— Тутъ много ко мнѣ презрѣнія.

— Вы знаете, что не одного презрѣнія.

— Стало-быть, презрѣнье все-таки есть?

— Я не такъ выразилась. Богъ свидѣтель, я чрезвычайно желала бы, чтобы вы никогда во мнѣ не нуждались.

— Одна фраза стоитъ другой. Я тоже желала бы васъ не губить.

— Никогда, ничѣмъ вы меня не можете погубить, и сами это знаете лучше всѣхъ, быстро и съ твердостью проговорила Дарья Павловна. — Если не къ вамъ, то я

пойду въ сестры милосердія, въ сидѣлки, ходить за больными, или въ книгоноши, Евангеліе продавать. Я такъ рѣшила. Я не могу быть ничьей женой; я не могу жить и въ такихъ домахъ, какъ этотъ. Я не того хочу... Вы все знаете.

— Нѣтъ, я никогда не могъ узнать, чего вы хотите; мнѣ кажется, что вы интересуетесь мною, какъ устарѣлыя сидѣлки интересуются, почему-либо, однимъ какимъ-нибудь больнымъ, сравнительно предъ прочими, или, еще лучше, какъ инныя богомольныя старушонки, шатающіяся по похоронамъ, предпочитаютъ иные трупики поприглядѣть предъ другими. Что вы на меня такъ странно смотрите?

— Вы очень больны? съ участіемъ спросила она, какъ-то особенно въ него вглядываясь.—Боже! И этотъ чело-вѣкъ хочетъ обойтись безъ меня!

— Слушайте, Даша, я теперь все вижу привидѣнія. Одинъ бѣсенокъ предлагалъ мнѣ вчера на мосту зарѣзать Лебядкина и Марью Тимоѣевну, чтобы порѣшиться съ моимъ законнымъ бракомъ, и концы чтобы въ воду. Задатку просилъ три цѣлковыхъ, но далъ ясно знать, что вся операція стоитъ будетъ не меньше какъ полторы тысячи. Вотъ это такъ расчетливый бѣсъ! Бухгалтеръ! Ха-ха!

— Но вы твердо увѣрены, что это было привидѣніе?

— О, нѣтъ, совсѣмъ ужъ не привидѣніе! Это просто былъ Ѳедька-каторжный, разбойникъ, бѣжавшій изъ каторги. Но дѣло не въ томъ; какъ вы думаете, чтѣ я сдѣлалъ? Я отдалъ ему всѣ мои деньги изъ портмонэ, и онъ теперь совершенно увѣренъ, что я ему выдалъ задатокъ!

— Вы встрѣтили его ночью, и опъ сдѣлалъ вамъ такое предложеніе? Да неужто вы не видите, что вы кругомъ оплетены ихъ сѣтью!

— Ну, пусть ихъ. А знаете, у васъ вертится одинъ вопросъ, я по глазамъ вашимъ вижу, прибавилъ онъ съ злобною и раздражительною улыбкой.

Даша испугалась.

— Вопросы вовсе нѣтъ и сомнѣній вовсе нѣтъ никакихъ, молчите лучше! вскричала она тревожно, какъ бы отмахиваясь отъ вопроса.

— То-есть вы увѣрены, что я не пойду къ Ѳедькѣ въ лавочку?

— О, Боже! всплеснула она руками, — за что вы меня так мучаете?

— Ну, простите мнѣ мою глупую шутку, должно-быть, я перенимаю отъ нихъ дурныя манеры. Знаете, мнѣ со вчерашней noci ужасно хочется смѣяться, все смѣяться, непрерывно, долго, много. Я точно зараженъ смѣхомъ... Чу! Мать прїѣхала; я узнаю по стуку, когда карета ея останавливается у крыльца.

Даша схватила его руку.

— Да сохранить васъ Богъ отъ вашего демона и... позовите, позовите меня скорѣй!

— О, какой мой демонъ! Это просто маленькій, гаденькій, золотушный бѣсенокъ съ насморкомъ, изъ неудавшихся. А вѣдь вы, Даша, опять не смѣете говорить чего-то?

Она поглядѣла на него съ болью и укоромъ и повернулась къ дверямъ.

— Слушайте, вскричалъ онъ ей вслѣдъ, съ злобною, искривленною улыбкой.—Если... ну, тамъ, однимъ словомъ, *если*... понимаете, ну, если бы даже и въ лавочку, и потомъ я бы васъ кликнулъ,—пришли бы послѣ-то лавочки?

Она вышла, не оборачиваясь и не отвѣчая, закрывъ руками лицо.

— Придетъ и послѣ лавочки! прошепталъ онъ, подумавъ, и брезгливое презрѣніе выразилось въ лицѣ его:— Сидѣлка! Гм... А, впрочемъ, мнѣ, можетъ, того-то и надо.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Всѣ въ ожиданіи.

I.

Впечатлѣніе, произведенное во всемъ нашемъ обществѣ быстро огласившеюся исторіей поединка, было особенно замѣчательно тѣмъ единодушіемъ, съ которымъ всѣ поспѣшили заявить себя безусловно за Николая Всеволодовича. Многіе изъ бывшихъ враговъ его рѣшительно объявили себя его друзьями. Главной причиной такого неожиданнаго переворота въ общественномъ мнѣніи было нѣсколько словъ, необыкновенно мѣтко высказанныхъ вслухъ одною особой, доселѣ не высказывавшеюся, и разомъ придавшихъ событію значеніе чрезвычайно заинтересовавшее наше крупное большинство. Случилось это такъ: какъ разъ на другой же день послѣ событія, у супруги предводителя

дворянства нашей губерніи, въ тотъ день именинницы, собрался весь городъ. Присутствовала или, вѣрнѣе, первенствовала, и Юлія Михайловна, прибывшая съ Лизаветой Николаевной, сіявшею красотою и особенною веселостью, что многимъ изъ нашихъ дамъ, на этотъ разъ, тотчасъ же показалось особенно подозрительнымъ. Кстати сказать: въ помолвкѣ ея съ Маврикіемъ Николаевичемъ не могло уже быть никакого сомнѣнія. На шутливый вопросъ одного отставного, но важнаго генерала, о которомъ рѣчь ниже, Лизавета Николаевна сама прямо въ тотъ вечеръ отвѣтила, что она невѣста. И что же? Ни одна рѣшительно изъ нашихъ дамъ этой помолвкѣ не хотѣла вѣрить. Всѣ упорно продолжали предполагать какой-то романъ, какую-то роковую семейную тайну, совершившуюся въ Швейцаріи, и почему-то съ непремѣннымъ участіемъ Юліи Михайловны. Трудно сказать, почему такъ упорно держались всѣ эти слухи, или, такъ сказать, даже мечты, и почему именно такъ непремѣнно прилетали тутъ Юлію Михайловну. Только что она вошла, всѣ обратились къ ней со странными взглядами, преисполненными ожиданій. Надо замѣтить, что по недавности событія и по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, сопровождавшимъ его, на вечерѣ о немъ говорили еще съ нѣкоторою осторожностью, не вслухъ. Къ тому же ничего еще не знали о распоряженіяхъ власти. Оба дуэлиста, сколько извѣстно, обезпокоены не были. Всѣ знали, на примѣръ, что Артемій Павловичъ рано утромъ отправился къ себѣ въ Духово, безъ всякой помѣхи. Между тѣмъ, всѣ, разумѣется, жаждали, чтобы кто-нибудь заговорилъ вслухъ первый и тѣмъ отворилъ бы дверь общественному нетерпѣнію. Именно надѣялись на вышеупомянутаго генерала, и не ошиблись.

Этотъ генералъ, одинъ изъ самыхъ осанистыхъ членовъ нашего клуба, помѣщикъ не очень богатый, но съ безпобѣднѣйшимъ образомъ мыслей, старомодный волокита за барышнями, чрезвычайно любилъ, между прочимъ, въ большихъ собраніяхъ заговаривать вслухъ, съ генеральскою вѣскостью, именно о томъ, о чемъ всѣ еще говорили осторожнымъ шопотомъ. Въ этомъ состояла его какъ бы, такъ сказать, спеціальная роль въ нашемъ обществѣ. При этомъ онъ особенно растягивалъ и сладко выговаривалъ слова, вѣроятно, заимствовавъ эту привычку у путешествующихъ за границей русскихъ, или у тѣхъ прежде богатыхъ русскихъ помѣщиковъ, которые наиболѣе разори-

лись послѣ крестьянской реформы. Степанъ Трофимовичъ даже замѣтилъ однажды, что чѣмъ болѣе помѣщикъ разорился, тѣмъ слаще онъ подсюсюкиваетъ и растягиваетъ слова. Онъ и самъ, впрочемъ, сладко растягивалъ и подсюсюкивалъ, но не замѣчалъ этого за собою.

Генералъ заговорилъ какъ человѣкъ компетентный. Кромѣ того, что съ Артеміемъ Павловичемъ онъ состоялъ какъ-то въ дальней роднѣ, хотя въ ссорѣ и даже въ тяжбѣ; онъ, сверхъ того, когда-то самъ имѣлъ два поединка и даже за одинъ изъ нихъ сосланъ былъ на Кавказъ въ рядовые. Кто-то упомянулъ о Барбарѣ Петровнѣ, начавшей уже второй день выѣзжать „послѣ болѣзни“, и не собственно о ней, а о превосходномъ подборѣ ея каретной сѣрой четверни, собственнаго Ставрогинскаго завода. Генералъ вдругъ замѣтилъ, что онъ встрѣтилъ сегодня „молодого Ставрогина“ верхомъ... Всѣ тотчасъ смолкли. Генералъ почмокалъ губами и вдругъ провозгласилъ, вертя между пальцами золотую жалованную табакерку:

— Сожалѣю, что меня не было тутъ нѣсколько лѣтъ назадъ... то-есть я былъ въ Карлсбадѣ. Гм... Меня очень интересуеъ этотъ молодой человѣкъ, о которомъ я такъ много засталъ тогда всякихъ слуховъ. Гм... А что, правда, что онъ помѣшанъ? Тогда кто-то говорилъ. Вдругъ слышу, что его оскорбляетъ здѣсь какой-то студентъ, въ присутствіи кузинъ, и онъ полѣзъ отъ него подъ столъ; а вчера слышу отъ Степана Высоцкаго, что Ставрогинъ дрался съ этимъ... Гагановымъ. И единственно съ галантною цѣлью подставить свой лобъ человѣку взбѣсившемуся, чтобы только отъ него отвязаться. Гм... Это въ нравахъ гвардіи двадцатыхъ годовъ. Бываетъ опъ здѣсь у кого-нибудь?

Генералъ замолчалъ, какъ бы ожидая отвѣта. Дверь общественному нетерпѣнію была отперта.

— Чего же проще? возвысила вдругъ голосъ Юлія Михайловна, раздраженная тѣмъ, что всѣ вдругъ, точно по командѣ, обратили на нее свои взгляды.—Развѣ возможно удивленіе, что Ставрогинъ дрался съ Гагановымъ и не отвѣчалъ студенту? Не могъ же онъ вызвать на поединокъ бывшаго крѣпостного своего человѣка!

Слова знаменательныя! Простая и ясная мысль, но никому, однако, не приходившая до сихъ поръ въ голову. Слова, имѣвшія необыкновенныя послѣдствія. Все скандальное и сплетническое, все мелкое и анекдотическое разомъ отодвинуто было на задній планъ; выдвигалось

другое значеніе. Объявлялось лицо новое, въ которомъ всѣ ошиблись, лицо почти съ идеальною строгостью понятій. Оскорбленный на смерть студентомъ, то-есть человѣкомъ образованнымъ и уже не крѣпостнымъ, онъ презираетъ обиду, потому что оскорбитель — бывший крѣпостной его человѣкъ. Въ обществѣ шумъ и сплетни; легкомысленное общество съ презрѣніемъ смотритъ на человѣка, битаго по лицу; онъ презираетъ мнѣніемъ общества, не доросшаго до настоящихъ понятій, а между тѣмъ о нихъ толкующаго.

— А между тѣмъ мы съ вами, Иванъ Александровичъ, сидимъ и толкуемъ о правыхъ понятіяхъ-съ, съ благороднымъ азартомъ самообличенія замѣчаетъ одинъ клубный старичокъ другому.

— Да-съ, Петръ Михайловичъ, да-съ, съ наслажденіемъ поддакиваетъ другой.— Вотъ и говорите про молодежь.

— Тутъ не молодежь, Иванъ Александровичъ, замѣчаетъ подвернувшийся третій. — Тутъ не о молодежи вопросъ; тутъ звѣзда-съ, а не какой-нибудь одинъ изъ молодежи, вотъ какъ понимать это надо.

— А намъ того и надобно; оскудѣли въ людяхъ.

Тутъ главное состояло въ томъ, что „новый человѣкъ“, кромѣ того, что оказался „несомнѣннымъ дворяниномъ“, былъ вдобавокъ и богатѣйшимъ землевладѣльцемъ губерніи, а, стало-быть, не могъ не явиться подмогой и дѣлителемъ. Я, впрочемъ, упоминалъ и прежде вскользь о настроеніи нашихъ землевладѣльцевъ.

Входили даже въ азартъ:

— Онъ мало того что не вызвалъ студента, онъ взялъ руки назадъ, замѣтьте это особенно, ваше превосходительство, выставлялъ другой.

— И въ новый судъ его не потащилъ-съ, подбавлялъ другой.

— Несмотря на то, что въ новомъ судѣ ему за дворянскую *личную* обиду пятнадцать рублей присудили бы-съ, хе-хе-хе!

— Нѣтъ, это я вамъ скажу тайну новыхъ судовъ, приходилъ въ изступленіе третій. — Если кто своровалъ или смошенничалъ, явно пойманъ и уличенъ — бѣги скорѣй домой, пока время, и убей свою мать. Мигомъ во всемъ оправдаютъ, и дамы съ эстрады будутъ махать батистовыми платочками; несомнѣнная истина!

— Истина! Истина!

Нельзя было и безъ анекдотовъ. Вспоминали о связяхъ Николая Всеволодовича съ графомъ К. Строгія, уединенныя мнѣнія графа К. насчетъ послѣднихъ реформъ были извѣстны. Извѣстна была и его замѣчательная дѣятельность, нѣсколько пріостановленная въ самое послѣднее время. И вотъ вдругъ стало всѣмъ несомнѣнно, что Николай Всеволодовичъ помолвленъ съ одною изъ дочерей графа К., хотя ничто не подавало точнаго повода къ такому слуху. А что касается до какихъ-то чудесныхъ швейцарскихъ приключеній и Лизаветы Николаевны, то даже дамы перестали о нихъ упоминать. Упомянемъ кстати, что Дроздовы, какъ разъ къ этому времени, успѣли сдѣлать всѣ, доселѣ упущенные ими, визиты. Лизавету Николаевну уже несомнѣнно всѣ нашли самую обыкновенную дѣвушкой, „франтящею“ своими больными нервами. Обморокъ ея въ день пріѣзда Николая Всеволодовича объяснили теперь просто испугомъ, при безобразномъ поступкѣ студента. Даже усиливали прозаичность того самаго, чему прежде такъ стремились придать какой-то фантастическій колоритъ; а объ какой-то хромоножкѣ забыли окончательно; стыдились и помнить. „Да хоть бы и сто хромоножекъ,—кто молодъ не былъ!“ Ставили на видъ почтительность Николая Всеволодовича къ матери, подыскивали ему разныя добродѣтели, съ благодушіемъ говорили объ его учености, пріобрѣтенной въ четыре года по нѣмецкимъ университетамъ. Поступокъ Артемія Павловича окончательно объявили безтактнымъ: „своя своихъ не познаша“; за Юліей же Михайловной окончательно признали высшую проницательность.

Такимъ образомъ, когда, наконецъ, появился самъ Николай Всеволодовичъ, всѣ встрѣтили его съ самою наивною серьезностью, во всѣхъ глазахъ, на него устремленныхъ, читались самыя нетерпѣливыя ожиданія. Николай Всеволодовичъ тотчасъ же заключилъ въ самое строгое молчаніе, чѣмъ, разумѣется, удовлетворилъ всѣхъ гораздо болѣе, чѣмъ если бы наговорилъ съ три короба. Однимъ словомъ, все ему удавалось, онъ былъ въ модѣ. Въ обществѣ губернскомъ, если кто разъ появился, то ужъ спрятаться никакъ нельзя. Николай Всеволодовичъ сталъ попрежнему исполнять всѣ губернскіе порядки до утонченности. Веселымъ его не находили: „человѣкъ претерпѣлъ, человѣкъ не то, что другіе; есть о чемъ задуматься“. Даже гордость и та брезгливая неприступность, за кото-

рую такъ ненавидѣли его у насъ четыре года назадъ, теперь уважались и нравились.

Всѣхъ болѣе торжествовала Варвара Петровна. Не могу сказать, очень-ли тужила она о разрушившихся мечтахъ насчетъ Лизаветы Николаевны. Тутъ помогла, конечно, и фамильная гордость. Странно одно: Варвара Петровна въ высшей степени вдругъ увѣровала, что Nicolas дѣйствительно „выбралъ“ у графа К., но, и что страннѣе всего, увѣровала по слухамъ, пришедшимъ къ ней, какъ и ко всѣмъ, по вѣтру; сама же боялась спросить Николая Всеволодовича. Раза два-три, однако, не утерпѣла, и весело, исподтишка попрекнула его, что онъ съ нею не такъ откровененъ; Николай Всеволодовичъ улыбулся и продолжалъ молчать. Молчаніе принимаемо было за знакъ согласія. И что же: при всемъ этомъ она никогда не забывала о хромоножкѣ. Мысль о ней лежала на ея сердцѣ камнемъ, кошмаромъ, мучила ее странными привидѣніями и гаданіями, и все это совмѣстно и одновременно съ мечтами о дочеряхъ графа К. Но объ этомъ еще рѣчь впереди. Разумѣется, въ обществѣ къ Варварѣ Петровнѣ стали вновь относиться съ чрезвычайнымъ и предупредительнымъ почтеніемъ, но она мало имъ пользовалась и выѣзжала чрезвычайно рѣдко.

Она сдѣлала, однако, торжественный визитъ губернаторшѣ. Разумѣется, никто больше ея не былъ плѣненъ и очарованъ вышеприведенными знаменательными словами Юліи Михайловны на вечерѣ у предводительши: они много сняли тоски съ ея сердца и разомъ разрѣшили многое изъ того, что такъ мучило ее съ того несчастнаго воскресенья. „Я не понимала эту женщину!“ изрекла она, и прямо, съ свойственною ей стремительностью, объявила Юліи Михайловнѣ, что пріѣхала ее *благодарить*. Юлія Михайловна была польщена, но выдержала себя независимо. Она въ ту пору уже очень начала себѣ чувствовать цѣну, даже, можетъ-быть, немного и слишкомъ. Она объявила, напримѣръ, среди разговора, что никогда ничего не слыхивала о дѣятельности и учености Степана Трофимовича.

— Я, конечно, принимаю и ласкаю молодого Верховскаго. Онъ безразсуденъ, но онъ еще молодъ; впрочемъ, съ солидными знаніями. Но все же это не какой-нибудь отставной бывшій критикъ.

Варвара Петровна тотчасъ же поспѣшила замѣтить,

что Степанъ Трофимовичъ вовсе никогда не былъ крикомъ, а, напротивъ, всю жизнь прожилъ въ ея домѣ. Знаменитъ же обстоятельствами первоначальной своей карьеры, „слишкомъ извѣстными всему свѣту“, а въ самое послѣднее время—своими трудами по испанской исторіи, хочеть тоже писать о положеніи теперешнихъ нѣмецкихъ университетовъ и, кажется, еще что-то о дрезденской Мадоннѣ. Однимъ словомъ, Варвара Петровна не захотѣла уступить Юліи Михайловнѣ Степана Трофимовича.

— О дрезденской Мадоннѣ? Это о Сикстинской? Снѣге Варвара Петровна, я просидѣла два часа предъ этою картиной и ушла разочарованная. Я ничего не поняла и была въ большомъ удивленіи. Кармазиновъ тоже говорить, что трудно понять. Теперь всѣ ничего не находятъ,—и русскіе, и англичане. Всю эту славу старики прокричали.

— Новая мода, значить.

— А я такъ думаю, что не надо пренебрегать и нашею молодежью. Кричать, что они коммунисты, а, по моему, надо щадить ихъ и дорожить ими. Я читаю теперь все,—всѣ газеты, коммуны, естественныя науки,—все получаю, потому что надо же, наконецъ, знать, гдѣ живешь и съ кѣмъ имѣешь дѣло. Нельзя же всю жизнь прожить на верхахъ своей фантазіи. Я сдѣлала выводъ, и приняла за правило ласкать молодежь и тѣмъ самымъ удерживать ее на краю. Повѣрьте, Варвара Петровна, что только мы, общество, благотворнымъ влияніемъ, и именно лаской, можемъ удержать ихъ у бездны, въ которую толкаетъ ихъ нетерпимость всѣхъ этихъ старикашекъ. Впрочемъ, я рада, что узнала отъ васъ о Степанѣ Трофимовичѣ. Вы подаете мнѣ мысль: онъ можетъ быть полезенъ на нашемъ литературномъ чтеніи. Я, знаете, устраиваю цѣлый день увеселеній, по подпискѣ, въ пользу бѣдныхъ гувернантокъ изъ нашей губерніи. Онѣ разсѣяны по Россіи; ихъ насчитываютъ до шести изъ одного нашего уѣзда; кромѣ того, двѣ телеграфистки, двѣ учатся въ академіи; остальные желали бы, но не имѣютъ средствъ. Жребій русской женщины ужасенъ, Варвара Петровна! Изъ этого дѣлають теперь университетскій вопросъ, и даже было засѣданіе государственнаго совѣта. Въ нашей странной Россіи можно дѣлать все, что угодно. А потому, омять-таки лишь одною лаской и непосредственнымъ теп-

лымъ участіемъ всего общества, мы могли бы направить это великое общее дѣло на истинный путь. О, Боже, много-ли у насъ свѣтлыхъ личностей! Конечно, есть, но онѣ разсѣяны. Сомкнемтесь же и будемъ сильнѣе. Однимъ словомъ, у меня будетъ сначала литературное утро, потомъ легкій завтракъ, потомъ перерывъ, и въ тотъ же день вечеромъ балъ. Мы хотѣли начать вечеръ живыми картинами, но, кажется, много издержекъ, и потому, для публики, будутъ одна или двѣ кадрили въ маскахъ и характерныхъ костюмахъ, изображающихъ извѣстныхъ литературныхъ направленія. Эту шутовую мысль предложилъ Кармазиновъ; онъ много мнѣ помогаетъ. Знаете, онъ прочтетъ у насъ свою послѣднюю вещь, еще никому неизвѣстную. Онъ бросаетъ перо и болѣе писать не будетъ; эта послѣдняя статья есть его прощаніе съ публикой. Прелестная вещица подъ названіемъ: „Merci“. Названіе французское, но онъ находитъ это шутивѣе и даже тоньше. Я тоже, даже я и присовѣтовала. Я думаю, Степанъ Трофимовичъ могъ бы тоже прочесть, если покороче и... не такъ чтобъ очень ученое. Кажется, Петръ Степановичъ и еще кто-то что-то такое прочтутъ. Петръ Степановичъ къ вамъ забѣжитъ и сообщитъ программу: или, лучше, позвольте мнѣ самой завезти къ вамъ.

— А вы позвольте и мнѣ подписаться на вашемъ листѣ. Я передамъ Степану Трофимовичу и сама буду просить его.

Варвара Петровна воротилась домой окончательно привороженная; она стояла горой за Юлію Михайловну и почему-то уже совсѣмъ разсердилась на Степана Трофимовича; а тотъ, бѣдный, и не зналъ ничего, сидя дома.

— Я влюблена въ нее; я не понимаю, какъ я могла такъ ошибаться въ этой женщинѣ, говорила она Николаю Всеволодовичу и забѣжавшему къ вечеру Петру Степановичу.

— А все-таки вамъ надо помириться со старикомъ, доложилъ Петръ Степановичъ,—онъ въ отчаяніи. Вы его совсѣмъ сослали на кухню. Вчера онъ встрѣтилъ вашу коляску, поклонился, а вы отвернулись. Знаете, мы его выдвинемъ; у меня на него кой-какіе расчеты, и онъ еще можетъ быть полезенъ.

— О, онъ будетъ читать.

— Я не про одно это. А я и самъ хотѣлъ къ нему сегодня забѣжать. Такъ сообщить ему?

— Если хотите. Не знаю, впрочемъ, какъ вы это

устройте, проговорила она въ нерѣшимости. — Я была сама намѣрена объясниться съ нимъ и хотѣла назначить день и мѣсто.

Она сильно нахмурилась.

— Ну, ужъ назначать день не стоить. Я просто передамъ.

— Пожалуй, передайте. Впрочемъ, прибавьте, что я непременно назначу ему день. Непременно прибавьте.

Петръ Степановичъ побѣждалъ ухмыляясь. Вообще, сколько припомню, онъ въ это время былъ какъ-то особенно золь и даже позволялъ себѣ чрезвычайно нетерпѣливыя выходки чуть не со всѣми. Странно, что ему какъ-то всѣ прощали. Вообще установилось мнѣніе, что смотрѣть на него надо какъ-то особенно. Замѣчу, что онъ съ чрезвычайно злобой отнесся къ поединку Николая Всеволодовича. Его это застало врасплохъ; онъ даже позеленѣлъ, когда ему рассказали. Тутъ, можетъ-быть, страдало его самолюбіе: онъ узналъ на другой лишь день, когда всѣмъ было извѣстно.

— А вѣдь вы не имѣли права драться, шепнулъ онъ Ставрогину на пятый уже день, случайно встрѣтятся съ нимъ въ клубѣ.

Замѣчательно, что въ эти пять дней они пигдѣ не встрѣчались, хотя къ Варварѣ Петровнѣ Петръ Степановичъ забѣгалъ почти ежедневно.

Николай Всеволодовичъ молча поглядѣлъ на него съ разсѣяннымъ видомъ, какъ бы не понимая въ чемъ дѣло, и прошелъ не останавливаясь. Онъ проходилъ чрезъ большую залу клуба въ буфетъ.

— Вы и къ Шатову заходили... вы Марью Тимоѣевну хотите опубликовать, бѣжалъ онъ за нимъ и какъ-то въ разсѣянности ухватился за его плечо.

Николай Всеволодовичъ вдругъ стрясъ съ себя его руку и быстро къ нему оборотился, грозно нахмурившись. Петръ Степановичъ поглядѣлъ на него, улыбаясь странною, длинною улыбкой. Все продолжалось одно мгновеніе. Николай Всеволодовичъ прошелъ далѣе.

II.

Къ старику онъ забѣжалъ тотчасъ же отъ Варвары Петровны, и если такъ поспѣшилъ, то единственно изъ злобы, чтобъ отметить за одну прежнюю обиду, о которой я доселѣ не имѣлъ понятія. Дѣло въ томъ, что въ по-

слѣднее ихъ свиданіе, именно на прошлой недѣлѣ въ четвергъ, Степанъ Трофимовичъ, самъ, впрочемъ, начавшій споръ, кончилъ тѣмъ, что выгналъ Петра Степановича палкой. Фактъ этотъ онъ отъ меня тогда утаилъ; но теперь, только что вбѣжалъ Петръ Степановичъ, со своею всегдашнею усмѣшкой, столь наивно высокомерною, и съ неприятно любопытнымъ, шныряющимъ по угламъ взглядомъ, какъ тотчасъ же Степанъ Трофимовичъ сдѣлалъ мнѣ тайный знакъ, чтобъ я не оставлялъ комнату. Такимъ образомъ и обнаружались предо мною ихъ настоящія отношенія, ибо на этотъ разъ прослушалъ весь разговоръ.

Степанъ Трофимовичъ сидѣлъ, протянувшись, на кушеткѣ. Съ того четверга онъ похудѣлъ и пожелтѣлъ. Петръ Степановичъ съ самымъ фамиллярнымъ видомъ усѣлся подлѣ него, безцеремонно поджавъ подъ себя ноги, и занялъ на кушеткѣ гораздо болѣе мѣста, чѣмъ сколько требовало уваженіе къ отцу. Степанъ Трофимовичъ молча и съ достоинствомъ посторонился.

На столѣ лежала раскрытая книга. Это былъ романъ *Что дѣлать*. Увы, я долженъ признаться въ одномъ странномъ малодушіи нашего друга: мечта о томъ, что ему слѣдуетъ выйти изъ уединенія и задать послѣднюю битву, все болѣе и болѣе одерживала верхъ въ его соблазненномъ воображеніи. Я догадался, что онъ досталъ и *изучаетъ* романъ единственно съ тою цѣлью, чтобы въ случаѣ несомнѣннаго столкновенія съ „визжавшими“ знать заранѣе ихъ приемы и аргументы по самому ихъ „катехизису“ и, такимъ образомъ приготовившись, торжественно ихъ всѣхъ опровергнуть въ *ея глазахъ*. О, какъ мучила его эта книга! Онъ бросалъ иногда ее въ отчаяніи и, вскочивъ съ мѣста, шагаль по комнатѣ почти въ иступленіи:

— Я согласенъ, что основная идея автора вѣрна, говорилъ онъ мнѣ въ лихорадкѣ, — но вѣдь тѣмъ ужаснѣе! Та же наша идея, именно наша; вы, мы первые насадили ее, возрастили, приготовили, — да и что бы они могли сказать сами новаго, послѣ насъ! Но, Боже, какъ все это выражено, искажено, исковеркано! восклицалъ онъ, стуча пальцами по книгѣ. — Къ такимъ-ли выводамъ мы устремлялись? Кто можетъ узнать тутъ первоначальную мысль?

— Просвѣщаешься? ухмыльнулся Петръ Степановичъ, взявъ книгу со стола и прочтя заглавіе. — Давно пора. Я тебѣ и получше принесу, если хочешь.

Степанъ Трофимовичъ снова и съ достоинствомъ промолчалъ. Я сидѣлъ въ углу на диванѣ.

Петръ Степановичъ быстро объяснилъ причину своего прибытія. Разумѣется, Степанъ Трофимовичъ былъ пораженъ не въ мѣру и слушалъ въ испугѣ, смѣшанномъ съ чрезвычайнымъ негодованіемъ.

— И эта Юлія Михайловна разсчитываетъ, что я приду къ ней читать!

— То-есть, они вѣдь вовсе въ тебѣ не такъ нуждаются. Напротивъ, это, чтобы тебѣ обласкать и тѣмъ подлизаться къ Варварѣ Петровнѣ. Но, ужъ само собою, ты не посмѣешь отказать читать. Да и самому-то, я думаю, хочется, ухмыльнулся онъ. — У васъ у всѣхъ, у старичья, адская амбиція. Но, послушай, однако, надо, чтобы не такъ скучно. У тебя тамъ что, испанская исторія, что-ли? Ты мнѣ дня за три дай просмотрѣть, а то вѣдь усыпишь пожалуй.

Торопливая и слишкомъ обнаженная грубость этихъ колкостей была явно преднамѣренная. Дѣлался видъ, что со Степаномъ Трофимовичемъ какъ будто и нельзя говорить другимъ болѣе тонкимъ языкомъ и понятіями. Степанъ Трофимовичъ твердо продолжалъ не замѣчать оскорбленій. Но сообщаемыя событія производили на него все болѣе и болѣе потрясающее впечатлѣніе.

— И она сама, *сама* велѣла передать это мнѣ черезъ... *васъ?* спросилъ онъ, блѣднѣя.

— То-есть, видишь-ли, она хочетъ назначить тебѣ день и мѣсто для взаимнаго объясненія; остатки вашего сентиментальничанья. Ты съ нею двадцать лѣтъ кокетничалъ и приучилъ ее къ самымъ смѣшнымъ приемамъ. Но не безпокойся, теперь ужъ совсѣмъ не то; она сама поминутно говоритъ, что теперь только начала „прозирать“. Я ей прямо растолковалъ, что вся эта ваша дружба — есть одно только взаимное изліяніе помой. Она мнѣ много, братъ, рассказала; фу, какую лакейскую должность исполнялъ ты все время. Даже я краснѣлъ за тебя.

— Я исполнялъ лакейскую должность? не выдержалъ Степанъ Трофимовичъ.

— Хуже, ты былъ приживальщикомъ, то-есть лакеемъ добровольнымъ. Лѣнь трудиться, а на денежки-то у насъ аппетитъ. Все это и она теперь понимаетъ; по крайней мѣрѣ, ужасъ, что про тебя рассказала. Ну, братъ, какъ я хохоталъ надъ твоими письмами къ ней; совѣстно и

гадко. Но вѣдь вы такъ развращены, такъ развращены! Въ милостынѣ есть нѣчто навсегда развращающее — ты явный примѣръ!

— Она тебѣ показывала мои письма!

— Всѣ. То-есть, конечно, гдѣ же ихъ прочитать? Фу, сколько ты исписалъ бумаги, я думаю, тамъ болѣе двухъ тысячъ писемъ... А знаешь, старикъ, я думаю, у васъ было одно мгновеніе, когда она готова была бы за тебя выйти? Глупѣйшимъ ты образомъ упустилъ! Я, конечно, говорю съ твоей точки зрѣнія, но все-таки-жъ лучше, чѣмъ теперь, когда чуть не сосватали на „чужихъ грѣхахъ“, какъ шута для потѣхи, за деньги.

— За деньги! Она, она говоритъ, что за деньги! болѣзненно возопилъ Степанъ Трофимовичъ.

— А то какъ же? Да что ты, я же тебя и защищаль. Вѣдь это единственный твой путь оправданія. Она сама поняла, что тебѣ денегъ надо было, какъ и всякому, и что ты съ этой точки, пожалуй, и правъ. Я ей доказалъ, какъ дважды два, что вы жили на взаимныхъ выгодахъ: она капиталисткой, а ты при ней сентиментальнымъ шуткомъ. Впрочемъ, за деньги она не сердится, хоть ты ее и доилъ, какъ козу. Ее только злоба беретъ, что она тебѣ двадцать лѣтъ вѣрила, что ты ее такъ облапошилъ на благородствѣ и заставилъ такъ долго лгать. Въ томъ, что сама лгала, она никогда не сознается, но за это-то тебѣ и достанется вдвое. Не понимаю, какъ ты догадался, что тебѣ придется когда-нибудь расчитаться. Вѣдь былъ же у тебя хоть какой-нибудь умъ. Я вчера посовѣтовалъ ей отдать тебя въ богадѣльню, успокойся, въ приличную, обидно не будетъ; она, кажется, такъ и сдѣлаетъ. Помнишь послѣднее письмо твое ко мнѣ въ X—скую губернію, три недѣли назадъ?

— Неужели ты ей показалъ? въ ужасѣ вкочилъ Степанъ Трофимовичъ.

— Ну, еще же бы нѣтъ! Первымъ дѣломъ. То самое, въ которомъ ты увѣдомлялъ, что она тебя эксплуатируетъ, завидуя твоему таланту, ну и тамъ о „чужихъ грѣхахъ“. Ну, братъ, кстати, какое, однако, у тебя самолюбіе! Я такъ хохоталъ. Вообще твои письма прескучныя; у тебя ужасный слогъ. Я ихъ часто совсѣмъ не читалъ, а одно такъ и теперь валяется у меня нераспечатаннымъ; я тебѣ завтра пришлю. Но это, это послѣднее твое письмо—это верхъ совершенства! Какъ я хохоталъ, какъ хохоталъ.

— Извергъ, извергъ! возопилъ Степанъ Трофимовичъ.

— Фу, чортъ, да съ тобой нельзя разговаривать. Послушай, ты опять обижаешься, какъ въ прошлый четвергъ.

Степанъ Трофимовичъ грозно выпрямился.

— Какъ ты смѣешь говорить со мной такимъ языкомъ?

— Какимъ это языкомъ? Простымъ и яснымъ.

— Но скажи же мнѣ, наконецъ, извергъ, сынъ-ли ты мой или нѣтъ?

— Объ этомъ тебѣ лучше знать. Конечно, всякій отецъ склоненъ въ этомъ случаѣ къ ослѣпленію...

— Молчи, молчи! весь затрясся Степанъ Трофимовичъ.

— Видишь-ли, ты кричишь и бранишься какъ и въ прошлый четвергъ, ты свою палку хотѣлъ поднять, а вѣдь я документъ-то тогда отыскалъ. Изъ любопытства весь вечеръ въ чемоданѣ прошарилъ. Правда, ничего нѣтъ точнаго, можешь утѣшиться. Это только записка моей матери къ тому полячку. Но судя по ея характеру...

— Еще слово, и я надаю тебѣ пощечинъ.

— Вотъ люди! обратился вдругъ ко мнѣ Петръ Степановичъ. — Видите, это здѣсь у насъ уже съ прошлаго четверга. Я радъ, что нынче, по крайней мѣрѣ, вы здѣсь, и разсудите. Сначала фактъ: онъ упрекаетъ, что я говорю такъ о матери, но не онъ-ли меня натолкнулъ на то же самое? Въ Петербургѣ, когда я былъ еще гимназистомъ, не онъ-ли будилъ меня по два раза въ ночь, обнималъ меня и плакалъ, какъ баба, и какъ вы думаете, что разсказывалъ мнѣ по ночамъ-то? Вотъ тѣ же скоромные анекдоты про мою мать! Отъ него я отъ перваго и услыхалъ.

— О, я тогда это въ высшемъ смыслѣ! О, ты не понималъ меня. Ничего, ничего ты не понималъ.

— Но все-таки у тебя подлѣе, чѣмъ у меня, вѣдь подлѣе, признайся. Вѣдь видишь-ли, если хочешь, мнѣ все равно. Я съ твоей точки. Съ моей точки зрѣнія, не безпокойся: я мать не виню; ты такъ ты, полякъ такъ полякъ, мнѣ все равно. Я не виноватъ, что у васъ въ Берлинѣ вышло такъ глупо. Да и могло-ли у васъ выйти что-нибудь умнѣй. Ну, не смѣшные-ли вы люди послѣ всего! И не все-ли тебѣ равно, твой-ли я сынъ или нѣтъ? Послушайте, обратился онъ ко мнѣ опять, — онъ рубля на меня не истратилъ всю жизнь, до шестнадцати лѣтъ меня не зналъ совсѣмъ, потомъ здѣсь ограбилъ, а теперь кричить, что болѣлъ обо мнѣ сердцемъ всю жизнь и ломается

предо мной какъ актеръ. Да вѣдь я же не Варвара Петровна, помилуй!

Онъ всталъ и взялъ шляпу.

— Проклинаю тебя отсель моимъ именемъ! протянулъ надъ нимъ руку Степанъ Трофимовичъ весь блѣдный какъ смерть.

— Экъ вѣдь въ какую глупость человѣкъ вѣдетъ! даже удивился Петръ Степановичъ.—Ну, прощай, старина, никогда не приду къ тебѣ больше. Статью доставь раньше, не забудь, и постарайся, если можешь, безъ вздорѣвъ: факты, факты и факты, а, главное, короче. Прощай!

III.

Впрочемъ, тутъ вліяли и посторонніе поводы. У Петра Степановича дѣйствительно были нѣкоторые замыслы на родителя. По-моему, онъ рассчитывалъ довести старика до отчаянія и тѣмъ натолкнуть его на какой-нибудь явный скандалъ, въ извѣстномъ родѣ. Это нужно было ему для цѣлей дальнѣйшихъ, постороннихъ, о которыхъ еще рѣчь впереди. Подобныхъ разныхъ расчетовъ и предначертаній въ ту пору накопилось у него чрезвычайное множество, — конечно, почти все фантастическихъ. Былъ у него въ виду и другой мученикъ, кромѣ Степана Трофимовича. Вообще, мучениковъ у него было не мало, какъ и оказалось впоследствии; но на этого онъ особенно рассчитывалъ, и это былъ самъ господинъ фонъ-Лембке.

Андрей Антоновичъ фонъ-Лембке принадлежалъ къ тому фаворизованному (природой) племени, котораго въ Россіи числится по календарю нѣсколько сотъ тысячъ и которое, можетъ, и само не знаетъ, что составляетъ въ ней всю свою массу одинъ строго организованный союзъ. И ужъ, разумѣется, союзъ не предумышленный и не выдуманный, а существующій, въ цѣломъ племени самъ по себѣ, безъ словъ и безъ договору, какъ нѣчто нравственно обязательное, и состоящій во взаимной поддержкѣ всѣхъ членовъ этого племени одного другимъ всегда, вездѣ и при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ. Андрей Антоновичъ имѣлъ честь воспитываться въ одномъ изъ тѣхъ высшихъ русскихъ учебныхъ заведеній, которыя наполняются юношествомъ изъ болѣе одаренныхъ связями или богатствомъ семействъ. Воспитанники этого заведенія, почти тотчасъ же по окончаніи курса, назначались къ занятію довольно значительныхъ должностей

по одному отдѣлу государственной службы. Андрей Антоновичъ имѣлъ одного дядю инженеръ-подполковника, а другого булочника; но въ высшую школу протерся и встрѣтилъ въ ней довольно подобныхъ соплеменниковъ. Былъ онъ товарищъ веселый; учился довольно тупо, но его всѣ полюбили. И когда, уже въ высшихъ классахъ, многіе изъ юношей, преимущественно русскихъ, научились толковать о весьма высокихъ современныхъ вопросахъ и съ такимъ видомъ, что вотъ только дождаться выпуска и они порѣшатъ всѣ дѣла, — Андрей Антоновичъ все еще продолжалъ заниматься самыми невинными школьничествами. Онъ всѣхъ смѣшилъ, правда, выходками весьма не хитрыми, развѣ лишь циническими, но поставилъ это себѣ цѣлью. То какъ-нибудь удивительно высморкается, когда преподаватель на лекціи обратится къ нему съ вопросомъ, — чѣмъ разсмѣшить и товарищей, и преподаватели; то въ дортуарѣ изобразить изъ себя какую-нибудь циническую живую картину, при всеобщихъ рукоплесканіяхъ; то сыграетъ единственно на своемъ носу (и довольно искусно) увертюру изъ Фра-Діаволо. Отличался тоже умышленнымъ неряшествомъ, находя это почему-то остроумнымъ. Въ самый послѣдній годъ онъ сталъ пописывать русскіе стишки. Свой собственный племенной языкъ зналъ онъ весьма неграмматически, какъ и многіе въ Россіи этого племени. Эта склонность къ стишкамъ свела его съ однимъ мрачнымъ и какъ бы забытымъ чѣмъ-то товарищемъ, сыномъ какого-то бѣднаго генерала, изъ русскихъ, и который считался въ заведеніи великимъ будущимъ литераторомъ. Тотъ отнесся къ нему покровительственно. Но случилось такъ, что по выходѣ изъ заведенія, уже года три спустя, этотъ мрачный товарищъ, бросившій свое служебное поприще для русской литературы и вслѣдствіе того уже щеголявшій въ разорванныхъ сапогахъ и стучавшій зубами отъ холода, въ лѣтнемъ пальто въ глубокую осень, встрѣтилъ вдругъ случайно у Аничкова моста своего бывшего protégé „Лембку“, какъ всѣ, впрочемъ, называли того въ училищѣ. И что же? Онъ даже не узналъ его съ перваго взгляда и остановился въ удивленіи. Предъ нимъ стоялъ безукоризненно одѣтый молодой человекъ, съ удивительно одѣланными бакенбардами рыжеватаго отлива, съ пенсне, въ лакированныхъ сапогахъ, въ самыхъ свѣжихъ перчаткахъ, въ широкомъ шармеровскомъ пальто и съ портфелемъ подъ

мышкой. Лембке обласкалъ товарища, сказалъ ему адресъ и позвалъ къ себѣ когда-нибудь вечеркомъ. Оказалось тоже, что онъ уже не „Лембка“, а фонъ-Лембке. Товарищъ къ нему, однако, отправился, можетъ-быть, единственно изъ злобы. На лѣстницѣ, довольно некрасивой и совсѣмъ уже не парадной, но устланной краснымъ сукномъ, его встрѣтилъ и опросилъ швейцарь. Звонко прозвенѣлъ наверхъ колоколь. Но вмѣсто богатствъ, которыя посѣтитель ожидалъ встрѣтить, онъ нашелъ своего „Лембку“ въ боковой очень маленькой комнаткѣ, имѣвшей темный и ветхій видъ, разгороженной на-двое большою темно-зеленою занавѣсью, мебелированной хоть и мягкою, но очень ветхою темно-зеленою мебелью, съ темно-зелеными сторами на узкихъ и высокихъ окнахъ. Фонъ-Лембке помѣщался у какого-то очень дальняго родственника, протежировавшаго его генерала. Онъ встрѣтилъ гостя привѣтливо, былъ серьезенъ и изящно вѣжливъ. Поговорили и о литературѣ, но въ приличныхъ предѣлахъ. Лакей въ бѣломъ галстукѣ принесъ жидковатаго чаю, съ маленькимъ, кругленькимъ сухимъ печеньемъ. Товарищъ изъ злобы попросилъ зельтерской воды. Ему подали, но съ нѣкоторыми задержками, при чемъ Лембке какъ бы сконфузился, призывая лишній разъ лакея и ему приказывая. Впрочемъ, самъ предложилъ, не хочеть-ли гость чего закусить, и видимо былъ доволенъ, когда тотъ отказался и, наконецъ, ушелъ. Просто-за-просто Лембке начиналъ свою карьеру, а у единоплеменнаго, но важнаго генерала проживалъ.

Онъ въ то время вздыхалъ по пятой дочкѣ генерала, и ему, кажется, отвѣчали взаимностью. Но Амалию, все-таки, выдали, когда пришло время, за одного стараго заводчика-нѣмца, стараго товарища старому генералу. Андрей Антоновичъ не очень плакалъ, а склеилъ изъ бумаги театр. Поднимался занавѣсъ, выходили актеры, дѣлали жесты руками; въ ложахъ сидѣла публика, оркестръ по машинкѣ водилъ смычками по скрипкамъ, капельмейстеръ махалъ палочкой, а въ партерѣ кавалеры и офицеры хлопали въ ладоши. Все было сдѣлано изъ бумаги, все выдуманно и сработано самимъ фонъ-Лембке; онъ просидѣлъ надъ театромъ полгода. Генералъ устроилъ нарочно интимный вечерокъ, театръ вынесли напоказъ, всѣ пять генеральскихъ дочекъ съ новобрачною Амалией, ея заводчикъ и многіа барышни и барыни со своими нѣмцами внима-

тельно разсматривали и хвалили театр; затѣмъ танцовали. Лембке былъ очень доволенъ и скоро утѣшился.

Прошли годы, и карьера его устроилась. Онъ все служилъ по виднымъ мѣстамъ и все подъ начальствомъ единоплеменниковъ, и дослужился, наконецъ, до весьма значительнаго, сравнительно съ его лѣтами, чина. Давно уже онъ желалъ жениться и давно уже осторожно высматривалъ. Втихомолку отъ начальства послалъ было повѣсть въ редакцію одного журнала, но ея не напечатали. Зато склеилъ цѣлый поѣздъ желѣзной дороги, и опять вышла преудачная вещица: публика выходила изъ вокзала, съ чемоданами и саками, съ дѣтьми и собачками, и входила въ вагоны. Кондукторы и служителя расхаживали, звенѣлъ колокольчикъ, давался сигналъ, и поѣздъ трогался въ путь. Надъ этою хитрою штукой онъ просидѣлъ цѣлый годъ. Но, все-таки, надо было жениться. Кругъ знакомствъ его былъ довольно обширенъ, все больше въ нѣмецкомъ мѣрѣ; но онъ вращался и въ русскихъ сферахъ, разумѣется, по начальству. Наконецъ, когда уже стукнуло ему тридцать восемь лѣтъ, онъ получилъ и наслѣдство. Умеръ его дядя, булочникъ, и оставилъ ему тринадцать тысячъ по завѣщанію. Дѣло стало за мѣстомъ. Господинъ фонъ-Лембке, несмотря на довольно высокій пошибъ своей служебной сферы, былъ человѣкъ очень скромный. Онъ очень бы удовольствовался какимъ-нибудь самостоятельнымъ казеннымъ мѣстечкомъ, съ зависящимъ отъ его распоряженій приѣмомъ казенныхъ дровъ, или чѣмъ-нибудь сладенькимъ въ этомъ родѣ, и такъ бы на всю жизнь. Но тутъ, вмѣсто какой-нибудь ожидаемой Минны или Эрнестины, подвернулась вдругъ Юлія Михайловна. Карьера его разомъ поднялась степенью виднѣе. Скромный и аккуратный фонъ-Лембке почувствовалъ, что и онъ можетъ быть самолюбивымъ.

У Юліи Михайловны, по старому счету, было двѣсти душъ, и кромѣ того съ ней являлась большая протекція. Съ другой стороны, фонъ-Лембке былъ красивъ, а ей уже за сорокъ. Замѣчательно, что онъ мало-по-малу влюбился въ нее и въ самомъ дѣлѣ, по мѣрѣ того, какъ все болѣе и болѣе ощущалъ себя женихомъ. Въ день свадьбы утромъ послалъ ей стихи. Ей все это очень нравилось, даже стихи: сорокъ лѣтъ не шутка. Въ скорости онъ получилъ извѣстный чинъ и извѣстный орденъ, а затѣмъ назначенъ былъ въ нашу губернію.

Собираясь къ намъ, Юлія Михайловна старательно работала надъ супругомъ. По ея мнѣнію, онъ былъ не безъ способностей, умѣлъ войти и показаться, умѣлъ глубокомысленно выслушать и промолчать, схватилъ нѣсколько весьма приличныхъ осанокъ, даже могъ сказать рѣчь, даже имѣлъ нѣкоторыя обрывки и кончики мыслей, схватилъ доскъ новѣйшаго необходимаго либерализма. Но все-таки ее беспокоило, что онъ какъ-то ужъ очень мало воспріимчивъ, и послѣ долгаго, вѣчнаго исканія карьеры, рѣшительно начиналъ ощущать потребность покоя. Ей хотѣлось перелить въ него свое честолюбіе, а онъ вдругъ началъ клеить кирку: пасторъ выходилъ говорить проповѣдь, молящіеся слушали, набожно сложивъ предъ собою руки, одна дама утирала платочкомъ слезы, одинъ старичокъ сморкался, подъ конецъ звенѣлъ органчикъ, который нарочно былъ заказанъ и уже выписанъ изъ Швейцаріи, несмотря на издержки. Юлія Михайловна даже съ какимъ-то испугомъ отобрала всю работу, только лишь узнала о ней, и заперла къ себѣ въ ящикъ; взамѣнъ того позволила ему писать романъ, но потихоньку. Съ тѣхъ поръ прямо стала разсчитывать только на одну себя. Бѣда въ томъ, что тутъ было порядочное легкомысліе и мало мѣрки. Судьба слишкомъ уже долго продержала ее въ старыхъ дѣвахъ. Идея за идеей замелькали теперь въ ея честолюбивомъ и нѣсколько раздраженномъ умѣ. Она питала замыслы, она рѣшительно хотѣла управлять губерніей, мечтала быть сейчасъ-же окруженною, выбрала направленіе. Фонъ-Лембке даже нѣсколько испугался, хотя скоро догадался, съ своимъ чиновничьимъ тактомъ, что собственно губернаторства пугаться ему вовсе нечего. Первые два-три мѣсяца протекли даже весьма удовлетворительно. Но тутъ подвернулся Петръ Степановичъ, и стало происходить нѣчто странное.

Дѣло въ томъ, что молодой Верховенскій съ перваго шагу обнаружилъ рѣшительную непочтительность къ Андрею Антоновичу и взялъ надъ нимъ какія-то странныя права, а Юлія Михайловна, всегда столь ревнивая къ значенію своего супруга, вовсе не хотѣла этого замѣчать; по крайней мѣрѣ, не придавала важности. Молодой человекъ сталъ ея фаворитомъ, ѣлъ, пилъ и почти спалъ въ домѣ. Фонъ-Лембке сталъ защищаться, называть его при людяхъ „молодымъ человекомъ“, покровительственно трепалъ по плечу, но этимъ ничего не впушилъ. Петръ Степано-

вичъ все какъ-будто смѣялся ему въ глаза, даже разговаривая, повидимому, серьезно, а при людяхъ говорилъ ему самыя неожиданныя вещи. Однажды, возвратясь домой, онъ нашелъ молодого человѣка у себя въ кабинетѣ, сидящимъ на диванѣ безъ приглашенія. Тотъ объяснилъ, что зашелъ, но, не заставъ дома, „кстати выспался“. Фонъ-Лембке былъ обиженъ и снова пожаловался супругѣ; осмѣявъ раздражительность, та колко замѣтила, что онъ самъ видно не умѣетъ стать на настоящую ногу; по крайней мѣрѣ, съ ней „этотъ мальчикъ“ никогда не позволяетъ себѣ фамиллярностей, а впрочемъ, „онъ наивенъ и свѣжъ, хотя внѣ рамокъ общества“. Фонъ-Лембке надулся. Въ тотъ разъ она ихъ помирила. Петръ Степановичъ не то чтобы попросилъ извиненія, а отдѣлался какою-то грубою шуткой, которую въ другой разъ можно было бы принять за новое оскорбленіе, но въ настоящемъ случаѣ приняли за раскаяніе. Слабое мѣсто состояло въ томъ, что Андрей Антоновичъ далъ маху съ самаго начала, а именно сообщилъ ему свой романъ. Вообразивъ въ немъ пылкаго молодого человѣка съ поэзіей и давно уже мечта о слушателѣ, онъ еще въ первые дни знакомства прочелъ ему однажды вечеромъ двѣ главы. Тотъ выслушалъ, не скрывая скуки, невѣжливо зѣвалъ, ни разу не похвалилъ, но, уходя, выпросилъ себѣ рукопись, чтобы на досугѣ составить мнѣніе, а Андрей Антоновичъ отдалъ. Съ тѣхъ поръ онъ рукописи не возвращалъ, хотя и забѣгалъ ежедневно, а на вопросъ только отвѣчалъ смѣхомъ; подъ конецъ объявилъ, что потерялъ ее тогда же на улицѣ. Узнавъ о томъ, Юлія Михайловна разсердилась на своего супруга ужасно.

— Ужъ не сообщилъ-ли ты ему и о киркѣ? всполохнулась она чуть не въ испугѣ.

Фонъ-Лембке рѣшительно началъ задумываться, а задумываться ему было вредно и запрещено докторами. Кромѣ того, что оказывалось много хлопотъ по губерніи, о чемъ скажемъ ниже,—тутъ была особая матерія, даже страдало сердце, а не то, что одно начальническое самолюбіе. Вступая въ бракъ, Андрей Антоновичъ ни за что бы не предположилъ возможности семейныхъ раздоровъ и столкновеній въ будущемъ. Такъ всю жизнь воображалъ онъ, мечта о Миннѣ и Эрнестинѣ. Онъ почувствовалъ, что не въ состояніи переносить семейныхъ громовъ. Юлія Михайловна объяснилась съ нимъ, наконецъ, откровенно.

— Сердиться ты на это не можешь, сказала она,—уже потому, что ты втрое его разсудительнѣе и неизмѣримо выше на общественной лѣстницѣ. Въ этомъ мальчикѣ еще много остатковъ прежнихъ вольнодумныхъ замашекъ, а, по-моему, просто шалость; но вдругъ нельзя, а надо постепенно. Надо дорожить нашею молодежью; я дѣйствую лаской и удерживаю ихъ на краю.

— Но онъ чортъ знаетъ что говорить, возражалъ фонъ-Лембке. — Я не могу относиться толерантно, когда онъ при людяхъ и въ моемъ присутствіи утверждаетъ, что правительство нарочно опаиваетъ народъ водкой, чтобъ его абрютировать и тѣмъ удержать отъ возстанія. Представь мою роль, когда я принужденъ при всѣхъ это слушать.

Говоря это, фонъ-Лембке припомнилъ недавній разговоръ свой съ Петромъ Степановичемъ. Съ невинною цѣлью обезоружить его либерализмомъ, онъ показалъ ему свою собственную интимную коллекцію всевозможныхъ прокламацій, русскихъ и изъ-за границы, которую онъ тщательно собиралъ съ пятьдесятъ девятаго года, не то что какъ любитель, а просто изъ полезнаго любопытства. Петръ Степановичъ, угадавъ его цѣль, грубо выразился, что въ одной строчкѣ новыхъ прокламацій болѣе смысла, чѣмъ въ цѣлой какой-нибудь канцеляріи, „не исключая, пожалуй, и вашей“.

Лембке покорило.

— Но это у насъ рано, слишкомъ рано, произнесъ онъ почти просительно, указывая на прокламаціи.

— Нѣтъ, не рано; вотъ вы же боитесь, стало-быть, не рано.

— Но, однакоже, тутъ, напимѣрь, приглашеніе къ разрушенію церквей.

— Отчего же и нѣтъ? Вѣдь вы же умный человекъ и, конечно, сами не вѣруете, а слишкомъ хорошо понимаете, что вѣра вамъ нужна, чтобы народъ абрютировать. Правда честнѣе лжи.

— Согласенъ, согласенъ, я съ вами совершенно согласенъ, но это у насъ рано, рано... морщился фонъ-Лембке.

— Такъ какой же вы послѣ этого чиновникъ правительства, если сами согласны ломать церкви и идти съ дрекольемъ на Петербургъ, а всю разницу ставите только въ срокъ?

Такъ грубо пойманный, Лембке былъ сильно пикированъ.

— Это не то, не то, увлекался онъ, все болѣе и болѣе раздражаясь въ своемъ самолюбіи.—Вы, какъ молодой человѣкъ, и, главное, незнакомый съ нашими цѣлями, заблуждаетесь. Видите-ли, милѣйшій Петръ Степановичъ, вы называете насъ чиновниками отъ правительства? Такъ. Самостоятельными чиновниками? Такъ. Но позвольте, какъ мы дѣйствуемъ? На васъ отвѣтственность, а въ результатѣ мы такъ же служимъ общему дѣлу, какъ и вы. Мы только сдерживаемъ то, что вы расшатываете, и то, что безъ насъ расплозлось бы въ разныя стороны. Мы вамъ не враги, отнюдь нѣтъ, мы вамъ говоримъ: идите впередъ, прогрессируйте, даже расшатывайте, то-есть все старое подлежащее передѣлкѣ; но мы васъ, когда надо, и сдержимъ въ необходимыхъ предѣлахъ и тѣмъ васъ же спасемъ отъ самихъ себя, потому что безъ насъ вы бы только расколохали Россію, лишивъ ее приличнаго вида, а наша задача въ томъ состоитъ, чтобы заботиться о приличномъ видѣ. Проникнитесь, что мы и вы взаимно другъ другу необходимы. Въ Англіи виги и торіи тоже взаимно другъ другу необходимы. Что же: мы торіи, а вы виги, я именно такъ понимаю.

Андрей Антоновичъ вошелъ даже въ паеосъ. Онъ любилъ поговорить умно и либерально еще съ самаго Петербурга, а тутъ, главное, никто не подслушивалъ. Петръ Степановичъ молчалъ и держалъ себя какъ-то не по-обычному серьезно. Это еще болѣе подзадорило оратора.

— Знаете-ли, что я, „хозяинъ губерніи“, продолжалъ онъ, расхаживая по кабинету.—Знаете-ли, что я по множеству обязанностей не могу исполнить ни одной, а съ другой стороны могу также вѣрно сказать, что мнѣ здѣсь нечего дѣлать. Вся тайна въ томъ, что тутъ все зависитъ отъ взглядовъ правительства. Пусть правительство основываетъ тамъ хоть республику, ну, тамъ изъ политики или для усмиренія страстей, а съ другой стороны, параллельно, пусть усилить губернаторскую власть, и мы, губернаторы, поглотимъ республику; да что республику: все, что хотите, поглотимъ; я, по крайней мѣрѣ, чувствую, что готовъ... Однимъ словомъ, пусть правительство провозгласитъ мнѣ по телеграфу *activité dévorante*, и я даю *activité dévorante*. Я здѣсь прямо въ глаза сказалъ: „Милостивые государи, для уравновѣшенія и процвѣтанія

всѣхъ губернскихъ учрежденій необходимо одно: усиленіе губернаторской власти“. Видите, надо, чтобы всѣ эти учрежденія,—земскія-ли, судебныя-ли,—жили, такъ сказать, двойственною жизнью, то-есть надобно, чтобы они были (я согласенъ, что это необходимо), ну, а съ другой стороны, надо, чтобы ихъ и не было. Все судя по взгляду правительства. Выйдетъ такой стихъ, что вдругъ учрежденія окажутся необходимыми, и они тотчасъ же у меня лягутся налицо. Пройдетъ необходимость, и ихъ никто у меня не отыщетъ. Вотъ какъ я понимаю *activité dévorante*, а ея не будетъ безъ усиленія губернаторской власти. Мы съ вами глазъ-на-глазъ говоримъ. Я, знаете, уже заявилъ въ Петербургѣ о необходимости особаго часового у дверей губернаторскаго дома. Жду отвѣта.

— Вамъ надо двухъ, проговорилъ Петръ Степановичъ.

— Для чего двухъ? остановился передъ нимъ фонъ-Лембке.

— Пожалуй, одного-то мало, чтобы васъ уважали. Вамъ надо непременно двухъ.

Андрей Антоновичъ скривилъ лицо.

— Вы... вы Богъ знаетъ что позволяете себѣ, Петръ Степановичъ. Пользуясь моею добротой, вы говорите колкости и разыгрываете какого-то *bonni bienfaisant*...

— Ну, это какъ хотите, пробормоталъ Петръ Степановичъ,—а все-таки вы намъ прокладываете дорогу и приготавливаете нашъ успѣхъ.

— То-есть кому же намъ и какой успѣхъ? въ удивленіи уставился на него фонъ-Лембке, но отвѣта не получилъ.

Юлія Михайловна, выслушавъ отчетъ о разговорѣ, была очень недовольна.

— Но не могу же я, защищался фонъ-Лембке,—третировать начальнически твоего фаворита, да еще когда глазъ-на-глазъ... Я могъ проговориться... отъ добраго сердца.

— Отъ слишкомъ ужъ добраго. Я не знала, что у тебя коллекція прокламацій; сдѣлай одолженіе, покажи.

— Но... но онъ ихъ выпросилъ къ себѣ на одинъ день.

— И вы опять дали! разсердилась Юлія Михайловна.— Что за безтактность!

— Я сейчасъ пошлю къ нему взять.

— Онъ не отдастъ.

— Я потребую! вскипѣлъ фонъ-Лембке и вскочилъ даже

съ мѣста.—Кто онъ, чтобы такъ его опасаться, и кто я, чтобы не смѣть ничего сдѣлать?

— Садитесь и успокойтесь, остановила Юлія Михайловна.—Я отвѣчу на вашъ первый вопросъ: онъ отлично мнѣ зарекомендованъ, онъ со способностями и говорить иногда чрезвычайно умныя вещи. Кармазиновъ увѣрялъ меня, что онъ имѣетъ связи почти вездѣ и чрезвычайное вліяніе на столичную молодежь. А если я чрезъ него привлеку ихъ всѣхъ и сгруппирую около себя, то я отвлеку ихъ отъ гибели, указавъ новую дорогу ихъ честолюбію. Онъ преданъ мнѣ всѣмъ сердцемъ и во всемъ меня слушается.

— Но вѣдь пока ихъ ласкать, они могутъ... чортъ знаетъ что сдѣлать! Конечно, это идея... смутно защищался фонъ-Лембке.—Но... но вотъ я слышу въ —скомъ уѣздѣ появились какія-то прокламаціи.

— Но вѣдь этотъ слухъ былъ еще лѣтомъ,—прокламаціи, фальшивыя ассигнаціи, мало-ли что, однако, до сихъ поръ не доставили ни одной. Кто вамъ сказалъ?

— Я отъ фонъ-Блюмера слышалъ.

— Ахъ, избавьте меня отъ вашего Блюмера и никогда не смѣйте о немъ упоминать!

Юлія Михайловна вскипѣла и даже съ минуту не могла говорить. Фонъ-Блюмеръ былъ чиновникомъ при губернаторской канцеляріи, котораго она особенно ненавидѣла. Объ этомъ ниже.

— Пожалуйста не безпокойся о Верховенскомъ, заключила она разговоръ.—Если бъ онъ участвовалъ въ какихъ-нибудь шалостяхъ, то не сталъ бы такъ говорить, какъ онъ съ тобою и со всѣми здѣсь говорить. Фразеры не опасны, и даже я такъ скажу, случись что-нибудь, я же первая чрезъ него и узнаю. Онъ фанатически, фанатически преданъ мнѣ.

Замѣчу, предупреждая событія, что если бы не сомнѣніе и честолюбіе Юліи Михайловны, то, пожалуй, и не было бы того, что успѣли натворить у насъ эти дурныя людишки. Тутъ она во многомъ отвѣтственна!

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Предъ праздникомъ.

I.

День праздника, задуманнаго Юліей Михайловной, по подпискѣ, въ пользу гувернантокъ нашей губерніи, уже нѣсколько разъ назначали впередъ и откладывали. Около нея вертѣлись безсмѣнно Петръ Степановичъ, состоявшій на побѣгушкахъ маленькій чиновникъ Лямшинъ, въ одно время посѣщавшій Степана Трофимовича и вдругъ попавшій въ милость въ губернаторскомъ домѣ за игру на фортепіано; отчасти Липутинъ, котораго Юлія Михайловна прочла въ редакторы будущей, независимой губернской газеты; нѣсколько дамъ и дѣвицъ и, наконецъ, даже Кармазиновъ, который, хотъ и не вертѣлся, но вслухъ и съ довольнымъ видомъ объявилъ, что пріятно изумить всѣхъ, когда начнется кадрили литературы. Подписчиковъ и жертвователей объявилось чрезвычайное множество, все избранное городское общество; но допускались и самые неизбранные, если только являлись съ деньгами. Юлія Михайловна замѣтила, что иногда даже должно допустить смѣшеніе сословій, „иначе кто жъ ихъ просвѣтитъ?“ Образовался негласный домашній комитетъ, на которомъ порѣшено было, что праздникъ будетъ демократическій. Чрезмѣрная подписка манила на расходы; хотѣли сдѣлать что-то чудесное—вотъ почему и откладывалось. Все еще не рѣшались, гдѣ устроить вечерній балъ: въ огромномъ-ли домѣ предводительши, который та уступала для этого дня, или у Варвары Петровны въ Скворешникахъ? Въ Скворешники было бы далековко, но многіе изъ комитета настаивали, что тамъ будетъ „вольнѣ“. Самой Варварѣ Петровнѣ слишкомъ хотѣлось бы, чтобы назначили у нея. Трудно рѣшить, почему эта гордая женщина почти заискивала у Юліи Михайловны. Ей, вѣроятно, нравилось, что та въ свою очередь почти принижается предъ Николаемъ Всеволодовичемъ и любезничаетъ съ нимъ, какъ ни съ кѣмъ. Повторю еще разъ: Петръ Степановичъ все время и постоянно, шопотомъ, продолжалъ укоренять въ губернаторскомъ домѣ одну пущенную еще прежде идею, что Николай Всеволодовичъ—человѣкъ, имѣющій самыя таинственныя связи въ самомъ таинственномъ мірѣ, и что на-вѣрно здѣсь съ какимъ-нибудь порученіемъ.

Странное было тогда здѣсь настроеніе умовъ. Особенно въ дамскомъ обществѣ обозначилось какое-то легкомысліе, и нельзя сказать, чтобы мало-по-малу. Какъ бы по вѣтру было пущено нѣсколько чрезвычайпо развязныхъ понятій. Наступило что-то развеселое, легкое, не скажу, чтобы всегда пріятное. Въ модѣ былъ нѣкоторый беспорядокъ умовъ. Потомъ, когда все кончилось, обвиняли Юлію Михайловну, ея кругъ и вліяніе; но врядъ-ли все произошло отъ одной только Юліи Михайловны. Напротивъ, очень многіе сначала взапуски хвалили новую губернаторшу за то, что умѣетъ соединить общество и что стало вдругъ веселѣе. Произошло даже нѣсколько скандальныхъ случаевъ, въ которыхъ вовсе ужъ была не виновата Юлія Михайловна, но всѣ тогда только хохотали и тѣшились, а останавливать было некому. Устояла, правда, въ сторонѣ довольно значительная кучка лицъ, съ своимъ особеннымъ взглядомъ на теченіе тогдашнихъ дѣлъ; но и эти еще тогда не ворчали; даже улыбались.

Я помню, образовался тогда какъ-то самъ собою довольно обширный кружокъ, центръ котораго, пожалуй, и вправду, что находился въ гостиной Юліи Михайловны. Въ этомъ интимномъ кружкѣ, толпившемся около нея, конечно, между молодежью, позволялось и даже вошло въ правило дѣлать разныя шалости—дѣйствительно иногда довольно развязныя. Въ кружкѣ было нѣсколько даже очень милыхъ дамъ. Молодежь устраивала пикники, вечеринки, иногда разѣзжали по городу цѣлой кавалькадой, въ экипажахъ и верхами. Искали приключеній, даже нарочно подсочиняли и составляли ихъ сами, единственно для веселаго анекдота. Городъ нашъ третировали они, какъ какой-нибудь городъ Глуховъ. Ихъ звали насмѣшниками или надсмѣшниками, потому что они мало чѣмъ брезгали. Случилось, на примѣръ, что жена одного мѣстнаго поручика, очень еще молоденькая брюнеточка, хоть и испитая отъ дурнаго содержанія мужа, на одной вечеринкѣ, по легкомыслію, сѣла играть въ ералашъ по большой, въ надеждѣ выиграть себѣ на мантилью, и вмѣсто выгрыша проиграла пятнадцать рублей. Боясь мужа и не имѣя чѣмъ заплатить, она, припомнивъ прежнюю смѣлость, рѣшилась потихоньку попросить взаймы, тутъ же на вечеринкѣ, у сына нашего городского головы, пресквернаго мальчишки, истаскавшегося не по лѣтамъ. Тотъ не только ей отказалъ, но еще пошелъ, хохоча вслухъ,

сказать мужу. Поручикъ, дѣйствительно бѣдовавшій на одномъ только жалованьи, приведя домой супругу, натѣшился надъ ней до-сыта, несмотря на вопли, крики и просьбы на колѣняхъ о прощеніи. Эта возмутительная исторія возбудила вездѣ въ городѣ только смѣхъ, и хотя бѣдная поручица и не принадлежала къ тому обществу, которое окружало Юлію Михайловну, но одна изъ дамъ этой „кавалькады“, эксцентричная и бойкая личность, знавшая какъ-то поручицу, заѣхала къ ней и просто-запросто увезла ее къ себѣ въ гости. Тутъ ее тотчасъ же захватили наши шалуны, заласкали, задарили и продержали дня четыре, не возвращая мужу. Она жила у бойкой дамы и по цѣлымъ днямъ развѣзжала съ нею и со всѣмъ разрѣзвившимся обществомъ въ прогулкахъ по городу, участвовала въ увеселеніяхъ, въ танцахъ. Ее все подбивали тащить мужа въ судъ, завести исторію. Увѣряли, что всѣ поддержать ее, пойдутъ свидѣтельствовать. Мужъ молчалъ, не осмѣливаясь бороться. Бѣдняжка смекнула, наконецъ, что закопалась въ бѣду, и еле живая отъ страха убѣжала на четвертый день въ сумерки отъ своихъ покровителей къ своему мужу. Неизвѣстно, въ точности, что произошло между супругами, но двѣ ставни низенькаго деревяннаго домика, въ которомъ поручикъ нанималъ квартиру, не отпирались двѣ недѣли. Юлія Михайловна посердилась на шалуновъ, когда обо всемъ узнала, и была очень недовольна поступкомъ бойкой дамы, хотя та представляла ей же поручицу въ первый день ея похищенія. Впрочемъ, объ этомъ скоро забыли.

Въ другой разъ, у одного мелкаго чиновника, почтеннаго съ виду семьянина, заѣзжій изъ другого уѣзда молодой человѣкъ, тоже мелкій чиновникъ, высваталъ дочку, семнадцатилѣтнюю дѣвочку, красотку, извѣстную въ городѣ всѣмъ. Но вдругъ узнали, что въ первую ночь брака молодой супругъ поступилъ съ красоткой весьма невѣжливо, мстя ей за свою поруганную честь. Лямшинъ, почти бывшій свидѣтелемъ дѣла, потому что на свадьбѣ запьянствовалъ и остался въ домѣ ночевать, чуть свѣтъ утромъ обѣжалъ всѣхъ съ веселымъ извѣстіемъ. Мигомъ образовалась компанія человѣкъ въ десять, всѣ до одного верхами, иные на наемныхъ казацкихъ лошадахъ, какъ, на примѣръ, Петръ Степановичъ и Липутинъ, который, несмотря на свою сѣдину, участвовалъ тогда почти во всѣхъ скандальныхъ похожденіяхъ нашей вѣтреной молодежи.

Когда молодые показались на улицѣ, на дрожкахъ парой, дѣлая визиты, узаконенные нашимъ обычаемъ непремѣнно на другой же день послѣ вѣнца, несмотря ни на какія случайности,—вся эта кавалькада окружила дрожки съ веселымъ смѣхомъ и сопровождала ихъ цѣлое утро по городу. Правда, въ дома не входили, а ждали на коняхъ у воротъ; отъ особенныхъ оскорбленій жениху и невѣстѣ удержались, но все-таки произвели скандалъ. Весь городъ заговорилъ. Разумѣется, всѣ хохотали. Но тутъ разсердился фонъ-Лембке и имѣлъ съ Юліей Михайловной опять оживленную сцену. Та тоже разсердилась чрезвычайно и вознамѣрилась было отказать шалунамъ отъ дому. Но на другой же день всѣмъ простила, вслѣдствіе увѣщаній Петра Степановича и нѣсколькихъ словъ Кармазинова. Тотъ нашель „шутку“ довольно остроумною.

— Это въ здѣшнихъ нравахъ, сказалъ онъ,—по крайней мѣрѣ, характерно и... смѣло; смотрите, всѣ смѣются, а негодуете одна вы.

Но были шалости уже нестерпимыя, съ извѣстнымъ оттѣнкомъ.

Въ городѣ появилась книгоноша, продававшая Евангеліе, почтенная женщина, хотя и изъ мѣщанскаго званія. О ней заговорили, потому что о книгоношахъ только что появились любопытные отзывы въ столичныхъ газетахъ. Опять тотъ же плуть Лямшинъ, съ помощью одного семинариста, праздношатававшагося въ ожиданіи учительскаго мѣста въ школѣ, подложилъ потихоньку книгоношѣ въ мѣшокъ, будто бы покупая у нея книги, цѣлую пачку соблазнительныхъ мерзкихъ фотографій изъ-за границы, нарочно пожертвованныхъ для сего случая, какъ узнали потомъ, однимъ почтеннымъ старичкомъ, фамилію котораго опускаю, съ важнымъ орденомъ на шеѣ, и любившимъ, по его выраженію, „здоровый смѣхъ и веселую шутку“. Когда бѣдная женщина стала вынимать святыя книги у насъ въ Гостиномъ Ряду, то посыпались и фотографіи. Поднялся смѣхъ, ропотъ; толпа стѣснилась, стали ругаться, дошло бы и до побоевъ, если бы не подоспѣла полиція. Книгоношу заперли въ каталушку, и только вечеромъ, стараніями Маврикія Николаевича, съ негодованіемъ узнавшаго интимныя подробности этой гадкой исторіи, освободили и выпроводили изъ города. Тутъ ужъ Юлія Михайловна рѣшительно прогнала было Лямшина, но въ тотъ же вечеръ наши цѣлою компаніей

привели его къ ней, съ извѣстіемъ, что онъ выдумалъ новую особенную штучку на фортепіано, и уговорили ее лишь выслушать. Штучка въ самомъ дѣлѣ оказалась забавною, подъ смѣшнымъ названіемъ: „Франко-Прусская война“. Начинаясь она грозными звуками *Марсельезы*:

Qu'un sang impur abreuve nos sillons!

Слышался напыщенный вызовъ, упоеніе будущими побѣдами. Но вдругъ, вмѣстѣ съ мастерски варьированными тактами гимна, гдѣ-то сбоку, внизу, въ уголку, но очень близко, послышались гаденькіе звуки *Mein lieber Augustin*. *Марсельеза* не замѣчаетъ ихъ. *Марсельеза* на высшей точкѣ упоенія своимъ величіемъ; но *Augustin* укрѣпляется, *Augustin* все нахальнѣе, и вотъ такты *Augustin* какъ-то неожиданно начинаютъ совпадать съ тактами *Марсельезы*. Та начинаетъ какъ бы сердиться; она замѣчаетъ, наконецъ, *Augustin*, она хочетъ сбросить ее, отогнать, какъ навязчивую ничтожную муху, но *Mein lieber Augustin* уцѣпилась крѣпко; она весела и самоувѣренна; она радостна и нахальна, и *Марсельеза* какъ-то вдругъ ужасно глупѣетъ: она уже не скрываетъ, что раздражена и обижена; это вопли негодованія, это слезы и клятвы съ простертыми къ Провидѣнію руками:

Pas un pouce de notre terrain, pas une pierre de nos forteresses.

Но уже она принуждена пѣть съ *Mein lieber Augustin* въ одинъ тактъ. Ея звуки какъ-то глупѣйшимъ образомъ переходятъ въ *Augustin*, она склоняется, погасаетъ. Изрѣдка, лишь порывомъ, послышится опять: qu'un sang impur... но тотчасъ же преобидно перескочитъ въ гаденькій вальсъ. Она смиряется совершенно: это Жюль Фавръ, рыдающій на груди у Бисмарка и отдающій все, все... Но тутъ уже свирѣпѣетъ и *Augustin*: слышатся сильные звуки, чувствуется безмѣрно выпитое пиво, бѣшенство самохвальства, требованія милліардовъ, тонкихъ сигаръ, шампанскаго и заложниковъ; *Augustin* переходитъ въ неистовый ревъ... Франко-Прусская война оканчивается. Наши аллодируютъ, Юлія Михайловна улыбается и говоритъ: „ну, какъ его прогнать?“ Миръ заключенъ. У мерзавца дѣйствительно былъ талантикъ. Степанъ Трофимовичъ увѣрялъ меня однажды, что самые художественные таланты могутъ быть ужаснѣйшими мерзавцами, и что одно другому не мѣшаетъ. Былъ потомъ слухъ, что Лямшинъ укралъ эту пьеску у одного талантливаго и скромнаго

молодого человѣка, знакомаго ему проѣзжаго, который такъ и остался въ неизвѣстности; но это въ сторону. Этотъ негодяй, который нѣсколько лѣтъ вертѣлся предъ Степаномъ Трофимовичемъ, представляя на его вечеринкахъ, по востребованію, разныхъ жидковъ, исповѣдь глухой бабы или родины ребенка, теперь уморительно карикатурилъ иногда у Юліи Михайловны, между прочимъ, и самого Степана Трофимовича, подъ названіемъ: „Либераль сороковыхъ годовъ“. Всѣ покатывались со смѣху, такъ что подъ конецъ его рѣшительно нельзя было прогнать: слишкомъ нужнымъ сталъ человѣкомъ. Къ тому же онъ раболѣпно заискивалъ у Петра Степановича, который, въ свою очередь, пріобрѣлъ къ тому времени уже до странности сильное вліяніе на Юлію Михайловну.

Я не заговорилъ бы объ этомъ мерзавцѣ особливо, и не стоилъ бы онъ того, чтобъ на немъ останавливаться; но тутъ произошла одна возмущающая исторія, въ которой онъ, какъ увѣряють, тоже участвовалъ, а исторіи этой я никакъ не могу обойти въ моей хроникѣ.

Въ одно утро пронеслась по всему городу вѣсть объ одномъ безобразномъ и возмутительномъ кощунствѣ. При входѣ на нашу огромную рыночную площадь находится ветхая церковь Рождества Богородицы, составляющая замѣчательную древность въ нашемъ древнемъ городѣ. У вратъ ограды издавна помѣщалась большая икона Богоматери, вдѣланная за рѣшеткой въ стѣну. И вотъ икона была въ одну ночь ограблена, стекло кіоты выбито, рѣшетка изломана, и изъ вѣнца и ризы было вынута нѣсколько камней и жемчужинъ, не знаю, очень-ли драгоценныхъ. Но главное въ томъ, что кромѣ кражи, совершено было безсмысленное, глумительное кощунство: за разбитымъ стекломъ иконы нашли, говорятъ, утромъ живую мышь. Положительно извѣстно теперь, четыре мѣсяца спустя, что преступленіе совершено было каторжнымъ Оедькой, но почему-то прибавлялось тутъ и участіе Лямшина. Тогда никто не говорилъ о Лямшинѣ, и совсѣмъ не подозрѣвали его, а теперь всѣ утверждаютъ, что это онъ впустилъ тогда мышь. Помню, все наше начальство немного потерялось. Народъ толпился у мѣста преступленія съ утра. Постоянно стояла толпа, хоть не Богъ знаетъ какая, но все-таки человѣкъ во сто. Одни приходили, другіе уходили. Подходившіе крестились, прикладывались къ иконѣ; стали подавать, и явилось цер-

ковное блюдо, а у блюда монахъ, и только къ тремъ часамъ пополудни начальство догадалось, что можно народу приказать и не останавливаться толпой, а, помолвившись, приложившись и пожертвовавъ, проходить мимо. На фонъ-Лембке этотъ несчастный случай произвелъ самое мрачное впечатлѣніе. Юлія Михайловна, какъ передавали мнѣ, выразилась потомъ, что съ этого зловѣщаго утра она стала замѣчать въ своемъ супругѣ то странное уныніе, которое не прекращалось у него потомъ вплоть до самаго выѣзда, два мѣсяца тому назадъ, по болѣзни, изъ нашего города, и, кажется, сопровождаетъ его теперь и въ Швейцаріи, гдѣ онъ продолжаетъ отдыхать послѣ краткаго своего поприща въ нашей губерніи.

Помню, въ первомъ часу пополудни я зашелъ тогда на площадь; толпа была молчалива и лица важно-угрюмыя. Подъѣхалъ на дрожкахъ купецъ жирный и желтый, вылѣзъ изъ экипажа, отдалъ земной поклонъ, приложился, пожертвовалъ рубль, охая взобрался на дрожки и опять уѣхалъ. Подъѣхала и коляска съ двумя нашими дамами, въ сопровожденіи двухъ нашихъ шалуновъ. Молодые люди (изъ коихъ одинъ былъ уже не совсѣмъ молодой) вышли тоже изъ экипажа и протѣснились къ иконѣ, довольно небрежно отстраняя народъ. Оба шляпъ не скинули, а одинъ надвинулъ на носъ пенсне. Въ народѣ зароптали, правда, глухо, но непривѣтливо. Молодецъ въ пенсне вынулъ изъ портмонэ, туго набитаго кредитками, мѣдную копейку и бросилъ на блюдо; оба смѣясь и громко говоря, повернулись къ коляскѣ. Въ эту минуту вдругъ подскакала, въ сопровожденіи Маврикія Николаевича, Лизавета Николаевна. Она соскочила съ лошади, бросила поводъ своему спутнику, оставшемуся, по ея приказанію, на конѣ, и подошла къ образу именно въ то время, когда брошена была копейка. Румянецъ негодованія залилъ ея щеки; она сняла свою круглую шляпу, перчатки, упала на колѣни передъ образомъ, прямо на грязный тротуаръ, и благоговѣйно положила три земныхъ поклона. Затѣмъ вынула свой портмонэ, но такъ какъ въ немъ оказалось только нѣсколько гривенниковъ, то мигомъ сняла свои брильянтовыя серьги и положила на блюдо.

— Можно, можно? На украшеніе ризы? вся въ волненіи спросила она монаха.

— Позволительно, отвѣчалъ тотъ.— Всякое даяніе благо.

Народъ молчалъ, не высказывая ни порицанія, ни одо-

бренія; Лизавета Николаевна сѣла на коня въ загрязненномъ своемъ платьѣ и ускакала.

II.

Два дня спустя послѣ сейчасъ описаннаго случая, я встрѣтилъ ее въ многочисленной компаніи, отправлявшейся куда-то въ трехъ коляскахъ, окруженныхъ верховыми. Она поманила меня рукой, остановила коляску и настоятельно потребовала, чтобы я присоединился къ ихъ обществу. Въ коляскѣ нашлось мнѣ мѣсто, и она отрекомендовала меня, смѣясь, своимъ спутницамъ, пышнымъ дамамъ, а мнѣ пояснила, что всѣ отправляются въ чрезвычайно интересную экспедицію. Она хохотала и казалась что-то ужъ не въ мѣру счастливою. Въ самое послѣднее время она стала весела какъ-то до рѣзвости. Дѣйствительно, предпріятіе было эксцентрическое: всѣ отправлялись за рѣку, въ домъ купца Севастьянова, у котораго во флигелѣ, вотъ ужъ лѣтъ съ десять, проживалъ на покоѣ, въ довольствѣ и въ холѣ, извѣстный не только у насъ, но и по окрестнымъ губерніямъ и даже въ столицахъ Семень Яковлевичъ, нашъ блаженный и пророчествующій. Его всѣ посѣщали, особенно заѣзжіе, добиваясь юродиваго слова, поклоняясь и жертвуя. Пожертвованія, иногда значительныя, если не распорядился ими тутъ же самъ Семень Яковлевичъ, были набожно отправляемы въ храмъ Божій и по преимуществу въ нашъ Богородскій монастырь; отъ монастыря съ этою цѣлью постоянно дежурилъ при Семенѣ Яковлевичѣ монахъ. Всѣ ожидали большого веселія. Никто изъ этого общества еще не видалъ Семена Яковлевича. Одинъ Лямшинъ былъ у него когда-то прежде и увѣрялъ теперь, что тотъ велѣлъ его прогнать метлой и пустилъ ему вслѣдъ собственною рукой двумя большими вареными картофелинами. Между верховыми я замѣтилъ и Петра Степановича, опять на наемной казачьей лошади, на которой онъ весьма скверно держался, и Николая Всеволодовича, тоже верхомъ. Этотъ не уклонялся иногда отъ общихъ увеселеній и въ такихъ случаяхъ всегда имѣлъ прилично веселую мину, хотя попрежнему говорилъ мало и рѣдко. Когда экспедиція поровнялась, спускаясь къ мосту, съ городской гостиницей, кто-то вдругъ объявилъ, что въ гостиницѣ, въ номерѣ, сейчасъ только нашли застрѣливагося проѣзжаго и ждутъ полицію. Тотчасъ же явилась мысль посмотреть на само-

убійцу. Мысль поддержали: наши дамы никогда не видали самоубійць. Помню, одна изъ нихъ сказала тутъ же вслухъ, что „все такъ ужъ прискучило, что нечего церемониться съ развлеченіями, было бы занимательно“. Только немногіе остались ждать у крыльца; остальные же гурьбой вошли въ грязный коридоръ, и между прочими я, къ удивленію, увидалъ и Лизавету Николаевну. Нумеръ застрѣливагося былъ отпертъ и, разумѣется, насъ не посмѣли не пропустить. Это былъ еще молоденькій мальчикъ, лѣтъ девятнадцати, никакъ не болѣе, очень, должно-быть, хорошенькій собой, съ густыми бѣлокурыми волосами, съ правильнымъ овальнымъ обликомъ, съ чистымъ прекраснымъ лбомъ. Онъ уже окоченѣлъ, и бѣленькое личико его казалось какъ будто изъ мрамора. На столѣ лежала записка его рукой, чтобы не винили никого въ его смерти и что онъ застрѣлился потому, что „прокутилъ“ четыреста рублей. Слово прокутилъ такъ и стояло въ запискѣ: въ четырехъ ея строчкахъ нашлось три грамматическихъ ошибки. Тутъ особенно охалъ надъ нимъ какой-то, повидимому, сосѣдъ его, толстый помѣщикъ, стоявшій въ другомъ номерѣ по своимъ дѣламъ. Изъ словъ того оказалось, что мальчикъ отправленъ былъ семействомъ, вдовою-матерью, сестрами и тетками, изъ деревни ихъ въ городъ, чтобы, подъ руководствомъ проживавшей въ городѣ родственницы, сдѣлать разныя покупки для приданаго старшей сестры, выходявшей замужъ, и доставить ихъ домой. Ему ввѣрили эти четыреста рублей, накопленные десятилѣтіями, охая отъ страха и напутствуя его безконечными назиданіями, молитвами и крестами. Мальчикъ доселѣ былъ скромнень и благонадеженъ. Пріѣхавъ три дня тому назадъ въ городъ, онъ къ родственницѣ не явился, остановился въ гостиницѣ и пошелъ прямо въ клубъ, въ надеждѣ отыскать гдѣ-нибудь въ задней комнатѣ заѣзжаго банкюмета или, по крайней мѣрѣ, стуколку. Но стуколки въ тотъ вечеръ не было, банкюмета тоже. Возвратясь въ номеръ уже около полуночи, онъ потребовалъ шампанскаго, гаванскихъ сигаръ и заказалъ ужинъ изъ шести или семи блюдъ. Но отъ шампанскаго опьянѣлъ, отъ сигары его стошнило, такъ что до внесенныхъ кушавій и не притронулся, а улегся спать чуть не безъ памяти. Про-снувшись на завтра, свѣжій какъ яблоко, тотчасъ же отправился въ цыганскій таборъ, помѣщавшійся за рѣкой въ слободкѣ, о которомъ услышалъ вчера въ клубѣ, и въ гостиницу не

являлся два дня. Наконецъ, вчера, часамъ къ пяти пополудни, прибылъ хмельной, тотчасъ легъ спать и проспалъ до десяти часовъ вечера. Проснувшись, спросилъ котлетку, бутылку шато-д'икему и винограду, бумагу, чернилъ и счетъ. Никто не замѣтилъ въ немъ ничего особеннаго; онъ былъ спокоенъ, тихъ и ласковъ. Должно-быть, онъ застрѣлился еще около полуночи, хотя странно, что никто не слышалъ выстрѣла, а хватились только сегодня въ часъ пополудни и, не достучавшись, выломали дверь. Бутылка шато-д'икему была на половину опорожнена, винограду оставалось тоже съ полтарелки. Выстрѣлъ былъ сдѣланъ изъ трехствольнаго маленькаго револьвера прямо въ сердце. Крови вытекло очень мало; револьверъ выпалъ изъ рукъ на коверъ. Самъ юноша полулежалъ въ углу на диванѣ. Смерть, должно-быть, произошла мгновенно; никакого смертнаго мученія не замѣчалось въ лицѣ; выраженіе было спокойное, почти счастливое, только бы жить. Всѣ наши разсматривали съ жаднымъ любопытствомъ. Вообще въ каждомъ несчастіи ближняго есть всегда нѣчто веселящее посторонній глазъ—и даже кто бы ни были. Наши дамы разсматривали молча, спутники же отличались острою ума и высшимъ присутствіемъ духа. Одинъ замѣтилъ, что это наилучшій исходъ и что умнѣе мальчикъ и не могъ ничего выдумать; другой заключилъ, что хоть мигъ да хорошо пожилъ. Третій вдругъ брякнулъ: почему у насъ такъ часто стали вѣшаться и застрѣливаться,—точно съ корней соскочили, точно полъ изъ-подъ ногъ у всѣхъ выскользнулъ! На резонера непривѣтливо посмотрѣли. Зато Лямшинъ, ставившій себѣ за честь роль шута, стянулъ съ тарелки кисточку винограду, за нимъ, смѣясь, другой, а третій протянулъ было руку и къ шато-д'икему. Но остановилъ прибывшій полиціймейстеръ, и даже попросилъ „очистить комнату“. Такъ какъ всѣ уже наглядѣлись, то тотчасъ же безъ спору и вышли, хотя Лямшинъ и присталъ было съ чѣмъ-то къ полиціймейстеру. Всеобщее веселье, смѣхъ и рѣзвый говоръ въ остальную половину дороги почти вдвое оживились.

Прибыли къ Семену Яковлевичу ровно въ часъ пополудни. Ворота довольно большого купеческаго дома стояли настежь и доступъ во флигель былъ открытъ. Тотчасъ же узнали, что Семень Яковлевичъ изволить обѣдать, но принимаетъ. Вся наша толпа вошла разомъ. Комната, въ которой принималъ и обѣдалъ блаженный, была довольно

просторная, въ три окна, и разгорожена поперекъ на двѣ равныя части деревянною рѣшеткой отъ стѣны до стѣны, по поясъ высотой. Обыкновенные посѣтители оставались за рѣшеткой, а счастливыцы допускались, по указанію блаженнаго, чрезъ дверцы рѣшетки въ его половину, и онъ сажалъ ихъ, если хотѣлъ, на свои старыя кожаныя кресла и на диванъ; самъ же засѣдалъ неизмѣнно въ старинныхъ истертыхъ вольтеровскихъ креслахъ. Это былъ довольно большой, одутловатый, желтый лицомъ человѣкъ, лѣтъ пятидесяти пяти, бѣлокурый и лысый, съ жидкими волосами, брившій бороду, съ раздутою правою щекою и какъ бы нѣсколько перекосившимся ртомъ, съ большою бородавкой близъ лѣвой ноздри, съ узенькими глазками и со спокойнымъ, солиднымъ, заспаннымъ выраженіемъ лица. Одѣтъ былъ по-нѣмецки, въ черный сюртукъ, но безъ жилета и безъ галстука. Изъ-подъ сюртука выглядывала довольно толстая, но бѣлая рубашка; ноги, кажется, больныя, держалъ въ туфляхъ. И слышалъ, что когда-то онъ былъ чиновникомъ и имѣеть чинъ. Онъ только-что откусалъ уху изъ легкой рыбки и принялся за второе свое кушанье — картофель въ мундирѣ съ солью. Другого ничего и никогда не вкушалъ; пилъ только много чаю, котораго былъ любителемъ. Около него сновало человѣка три прислуги, содержавшейся отъ кушца; одинъ изъ слугъ былъ во фракѣ, другой похожъ на артельщика, третій на причетника. Былъ еще и мальчишка лѣтъ шестнадцати, весьма рѣзвый. Кромѣ прислуги присутствовалъ и почтенный сѣдой монахъ съ кружкой, немного слишкомъ полный. На одномъ изъ столовъ кипѣлъ огромнѣйшій самоваръ, и столлъ подносъ чуть не съ двумя дюжинами стакановъ. На другомъ столѣ, противоположномъ, помѣщались приношенія: нѣсколько головъ и фунтиковъ сахару, фунта два чаю, пара вышитыхъ туфель, фуляровый платокъ, отрѣзокъ сукна, штука холста и проч. Денежныя пожертвованія почти всѣ поступали въ кружку монаха. Въ комнатѣ было людно — человѣкъ до дюжины однихъ посѣтителей, изъ коихъ двое сидѣли у Семена Яковлевича за рѣшеткой; то были сѣденькій старичокъ, богомолецъ, изъ „простыхъ“, и одинъ маленькій, сухенькій захожій монашекъ, сидѣвшій чинно и потупивъ очи. Прочіе посѣтители всѣ стояли по сю сторону рѣшетки, все то же больше изъ простыхъ, кромѣ одного толстаго купца, пріѣзжаго изъ уѣзднаго города, бородача, одѣтаго

по-русски, но котораго знали за стотысячника; одной пожилой и убогой дворянки и одного помѣщика. Всѣ ждали своего счастья, не осмѣливаясь заговорить сами. Человѣка четыре стояли на колѣняхъ, но всѣхъ болѣе обращалъ на себя вниманіе помѣщикъ, человѣкъ толстый, лѣтъ сорока пяти, стоявшій на колѣняхъ у самой рѣшѣтки, ближе всѣхъ на виду и съ благоговѣніемъ ожидавшій благосклоннаго взгляда или слова Семена Яковлевича. Стоялъ онъ уже около часу, а тотъ все не замѣчалъ.

Наши дамы стѣснились у самой рѣшѣтки, весело и смѣшливо шушукая. Стоявшихъ на колѣняхъ и всѣхъ другихъ посѣтителей отѣснили или заслонили, кромѣ помѣщика, который упорно остался на виду, ухватясь даже руками за рѣшѣтку. Веселые и жадно-любопытные взгляды устремились на Семена Яковлевича, равно какъ лорнеты, пенсне и даже бинокли; Лямшинъ, по крайней мѣрѣ, рассматривалъ въ бинокль. Семень Яковлевичъ спокойно и лѣниво окинулъ всѣхъ своими маленькими глазками.

— Миловзоры! Миловзоры! изволилъ онъ выговорить сишлымъ баскомъ и съ легкимъ восклицаніемъ.

Всѣ наши засмѣялись: „Что значить миловзоры?“ Но Семень Яковлевичъ погрузился въ молчаніе и доѣдалъ свой картофель. Наконецъ, утерся салфеткой, и ему подали чаю.

Кушалъ онъ чай обыкновенно не одинъ, а наливалъ и посѣтителямъ, но далеко не всякому, обыкновенно указывая самъ, кого изъ нихъ осчастливить. Распоряженія эти всегда поражали своею неожиданностью. Минуя богачей и сановниковъ, приказывалъ иногда подавать мужику или какой-нибудь ветхой старушонкѣ; другой разъ, минуя нищую братію, подавалъ какому-нибудь одному жирному купцу-богачу. Наливалось тоже разное, однимъ въ накладку, другимъ въ прикуску, а третьимъ и вовсе безъ сахара. На этотъ разъ осчастливлены были заходящій монашекъ, стаканомъ въ накладку, и старичокъ-богомалецъ, которому дали совсѣмъ безъ сахара. Толстому же монаху съ кружкой изъ монастыря почему-то не поднесли вовсе, хотя тотъ, до сихъ поръ, каждый день получалъ свой стаканъ.

— Семень Яковлевичъ, скажите мнѣ что-нибудь, я такъ давно желала съ вами познакомиться, проѣла съ

улыбкой и прищуриваясь та пышная дама изъ нашей коляски, которая замѣтила давеча, что съ развлеченіями нечего церемониться, было бы занимательно.

Семень Яковлевичъ даже не поглядѣлъ на нее. Помѣщикъ, стоявшій на колѣняхъ, звучно и глубоко вздохнулъ, точно приподняли и опустили большіе мѣхи.

— Въ накладку! указаль вдругъ Семень Яковлевичъ на купца стотысячника.

Тотъ выдвинулся впередъ и сталъ рядомъ съ помѣщикомъ.

— Еще ему сахару! приказаль Семень Яковлевичъ, когда уже палили стаканъ; положили еще порцію. „Еще, еще ему!“ положили еще въ третій разъ и, наконецъ, въ четвертый.

Купецъ безпрекословно сталъ пить свой сиропъ.

— Господи! зашепталъ и закрестился народъ.

Помѣщикъ опять звучно и глубоко вздохнулъ.

— Батюшка! Семень Яковлевичъ! раздался вдругъ горестный, но рѣзкій до того, что трудно было и ожидать, голосъ убогой дамы, которую наши оттерли къ стѣнѣ. — Цѣлый часъ, родной, благодати ожидаю. Изреки ты мнѣ, разсуди меня сироту.

— Спроси, указаль Семень Яковлевичъ слугъ - причетнику.

Тотъ подошелъ къ рѣшѣткѣ:

— Исполнили-ли то, что приказаль въ прошлый разъ Семень Яковлевичъ? спросилъ онъ вдову тихимъ и размѣреннымъ голосомъ.

— Какое, батюшка, Семень Яковлевичъ, исполнила, исполнишь съ ними! завопила вдова. — Людоѣды, просьбу на меня въ окружной подають, въ сенать грозять; это на родную-то мать!..

— Дать ей!.. указаль Семень Яковлевичъ на голову сахару.

Мальчишка подскочилъ, схватилъ голову и потащилъ ко вдовѣ.

— Охъ, батюшка, велика твоя милость. И куда мнѣ столько? завопила было вдовица.

— Еще, еще! награждалъ Семень Яковлевичъ.

Притащили еще голову. „Еще, еще“, приказываль блаженный; принесли третью и, наконецъ, четвертую. Вдовицу обставили сахаромъ со всѣхъ сторонъ. Монахъ отъ

монастыря вздохнулъ: все это бы сегодня же могло пасть въ монастырь, по прежнимъ примѣрамъ.

— Да куда мнѣ столько? приниженно охала вдовица.— Стошнить одну - то!.. Да ужь не пророчество - ли какое, батюшка?

— Такъ и есть, пророчество, проговорилъ кто - то въ толпѣ.

— Еще ей фунтъ, еще! не унимался Семень Яковлевичъ.

На столѣ оставалась еще цѣлая голова, но Семень Яковлевичъ указалъ подать фунтъ, и вдовѣ подали фунтъ.

— Господи, Господи! вздохалъ и крестился народъ.— Видимое пророчество!

— Усладите впередъ сердце ваше добротой и милостію и потомъ уже приходите жаловаться на родныхъ дѣтей, кость отъ костей своихъ, вотъ что, должно полагать, означаетъ эмблема сія, тихо, но самодовольно проговорилъ толстый, но обнесенный чаемъ монахъ отъ монастыря, въ припадкѣ раздраженнаго самолюбія взявъ на себя толкованіе.

— Да что ты, батюшка, озлилась вдругъ вдовица.— Да они меня на арканѣ въ огонь тащили, когда у Верхишинныхъ загорѣлось. Они мнѣ мертвую кошку въ укладку заперли, то-есть всякое-то безчипство готовы...

— Гони, гони! вдругъ замахалъ руками Семень Яковлевичъ.

Причетникъ и мальчишка вырвались за рѣшѣтку. Причетникъ взялъ вдову подъ руку, и она, присмирѣвъ, потащилась къ дверямъ, озираясь на даренныя сахарныя головы, которыя за нею поволокъ мальчишка.

— Одну отнять, отними! приказалъ Семень Яковлевичъ оставшемуся при немъ артельщику.

Тотъ бросился за уходившими, и всѣ трое слугъ воротились черезъ нѣсколько времени, неся обратно разъ подаренную и теперь отнятую у вдовицы одну голову сахару; она унесла, однакоже, три.

— Семень Яковлевичъ, раздался чей-то голосъ сзади, у самыхъ дверей.— Видѣлъ я во снѣ птицу, галку, вылетѣла изъ воды и полетѣла въ огонь. Что сей сонъ значить?

— Къ морозу, произнесъ Семень Яковлевичъ.

— Семень Яковлевичъ, что же вы мнѣ-то ничего не отвѣтили, я такъ давно вами интересуюсь, начала было опять наша дама.

— Спроси! указаль вдругъ, не слушая ея, Семень Яковлевичъ на помѣщика, стоявшаго на колѣняхъ.

Монахъ отъ монастыря, которому указано было спросить, степенно подошелъ къ помѣщику.

— Чѣмъ согрѣшили? И не вельно-ль было чего исполнить?

— Не драться; рукамъ воли не давать, сипло отвѣчалъ помѣщикъ.

— Исполнили? спросилъ монахъ.

— Не могу выполнить, собственная сила одолѣваетъ.

— Гони, гони! Метлой его, метлой! замахаль руками Семень Яковлевичъ.

Помѣщикъ, не дожидаясь исполненія кары, вскочилъ и бросилъ вонъ изъ комнаты.

— На мѣстѣ златницу оставили, провозгласилъ монахъ, подымая съ полу полуимперіаль.

— Вотъ кому? ткнулъ пальцемъ на стотысячника купца Семень Яковлевичъ.

Стотысячникъ не посмѣлъ отказаться и взялъ.

— Злато къ злату, не утерпѣлъ монахъ отъ монастыря.

— А этому въ накладку, указаль вдругъ Семень Яковлевичъ на Маврикія Николаевича.

Слуга налилъ чаю и поднесъ было ошибкой франту въ пенсе.

— Длинному, длинному, поправилъ Семень Яковлевичъ.

Маврикій Николаевичъ взялъ стаканъ, отдалъ военный полупоклонъ и началъ пить. Не знаю почему, всѣ наши такъ и покатались со смѣху.

— Маврикій Николаевичъ! обратилась къ нему вдругъ Лиза. — Тотъ господинъ на колѣняхъ ушелъ, станьте на его мѣсто на колѣни.

Маврикій Николаевичъ въ недоумѣніи посмотрѣлъ на нее.

— Прошу васъ, вы сдѣлаете мнѣ большое удовольствіе. Слушайте, Маврикій Николаевичъ, начала она вдругъ настойчивою, упрямою, горячею скороговоркой. — Непремѣнно станьте, я хочу непременно видѣть, какъ вы будете стоять. Если не станете—и не приходите ко мнѣ. Непремѣнно хочу, непременно хочу!..

Я не знаю, что она хотѣла этимъ сказать; но она требовала настойчиво, неумолимо, точно была въ припадкѣ. Маврикій Николаевичъ растолковываль, какъ увидимъ ниже, такіе капризные порывы ея, особенно частые въ

последнее время, вспышками слѣпой къ нему ненависти, и не то чтобъ отъ злости, — напротивъ, она чтила, любила и уважала его, и онъ самъ это зналъ, — а отъ какой-то особенной безсознательной ненависти, съ которою она никакъ не могла справиться минутами.

Онъ молча передалъ чашку какой-то сзади него стоявшей старушонкѣ, отворилъ дверцу рѣшетки, безъ приглашенія шагнулъ въ интимную половину Семена Яковлевича и сталъ среди комнаты на колѣни, на виду у всѣхъ. Думаю, что онъ слишкомъ былъ потрясенъ въ деликатной и простой душѣ своей грубою, глумительною выходкой Лизы, въ виду всего общества. Можетъ-быть, ему подумалось, что ей станетъ стыдно за себя, видя его униженіе, на которомъ она такъ настаивала. Конечно, никто не рѣшился бы исправлять такимъ наивнымъ и рискованнымъ способомъ женщину кромѣ него. Онъ стоялъ на колѣняхъ съ своею невозмутимою важною въ лицѣ, длинный, нескладный, смѣшной. Но наши не смѣялись; неожиданность поступка произвела болѣзненный эффектъ. Всѣ глядѣли на Лизу.

— Елей, елей! пробормоталъ Семенъ Яковлевичъ.

Лиза вдругъ поблѣднѣла, вскрикнула, ахнула и бросилась за рѣшетку. Тутъ произошла быстрая, истерическая сцена: она изо всѣхъ силъ стала подымать Маврикія Николаевича съ колѣнъ, дергая его обѣими руками за локоть.

— Вставайте, вставайте! вскрикнула она какъ безъ памяти, — вставайте сейчасъ, сейчасъ! Какъ вы смѣли стать!

Маврикій Николаевичъ приподнялся съ колѣнъ. Она стиснула своими руками его руки выше локтей и пристально смотрѣла ему въ лицо. Страхъ былъ въ ея взглядѣ.

— Милозоры, милозоры! повторилъ еще разъ Семенъ Яковлевичъ.

Она втащила, наконецъ, Маврикія Николаевича обратно за рѣшетку; во всей нашей толпѣ произошло сильное движеніе. Дама изъ нашей коляски, вѣроятно, желая перебить впечатлѣніе, въ третій разъ звонко и визгливо спросила Семена Яковлевича, попрежнему, съ жеманною улыбкой:

— Что же, Семенъ Яковлевичъ, неужто не „изречете“ и мнѣ чего-нибудь? А я такъ много на васъ рассчитывала.

— Въ... тебя, въ... тебя!.. произнесъ вдругъ, обращаясь

къ ней, Семень Яковлевичъ крайне нецензурное слово. Слова сказаны были свирѣпо и съ ужасающею отчетливостью. Наши дамы взвизгнули и бросились стремглавъ бѣгомъ вонъ, кавалеры гомерически захохотали. Тѣмъ и кончилась наша поѣздка къ Семепу Яковлевичу.

И, однакоже, тутъ, говорятъ, произошелъ еще одинъ чрезвычайно загадочный случай, признаюсь, для него-то болѣе я и упомянулъ такъ подробно объ этой поѣздкѣ.

Говорять, что когда всѣ гурьбой бросились вонъ, то Лиза, поддерживаемая Маврикіемъ Николаевичемъ, вдругъ столкнулась въ дверяхъ, въ тѣснотѣ, съ Николаемъ Всеволодовичемъ. Надо сказать, со времени воскреснаго утра и обморока они оба хотъ и встрѣчались не разъ, но другъ къ другу не подходили и ничего между собою не сказали. Я видѣлъ, какъ они столкнулись въ дверяхъ; мнѣ показалось, что они оба на мгновение пріостановились и какъ-то странно другъ на друга поглядѣли. Но я могъ худо видѣть въ толпѣ. Увѣряли, напротивъ, и совершенно серьезно, что Лиза взглянула на Николая Всеволодовича, быстро подняла руку, такъ-таки вровень съ его лицомъ, и навѣрно бы ударила, если бы тотъ не успѣлъ отстраниться. Можетъ быть, ей не понравилось выраженіе лица его или какая-нибудь усмѣшка его, особенно сейчасъ, послѣ такого эпизода съ Маврикіемъ Николаевичемъ. Признаюсь, я самъ не видѣлъ ничего, но за то всѣ увѣряли, что видѣли, хотя всѣ-то ужъ никакъ не могли этого увидать за суматохой, а развѣ иные. Только я этому тогда не повѣрилъ. Помню, однако, что Николай Всеволодовичъ во всю обратную дорогу былъ нѣсколько блѣденъ.

III.

Почти въ то же время и именно въ тотъ же самый день состоялось, наконецъ, и свиданіе Степана Трофимовича съ Варварой Петровной, которое та давно держала въ умѣ и давно уже возвѣстила о немъ своему бывшему другу, но почему-то до сихъ поръ все откладывала. Оно произошло въ Скворешникахъ. Варвара Петровна прибыла въ свой загородный домъ, вся въ хлопотахъ: накупунѣ опредѣлено было скончательно, что предстоящій праздникъ будетъ данъ у предводительши. Но Варвара Петровна тотчасъ же смекнула въ своемъ быстромъ умѣ, что послѣ праздника никто не помѣщаетъ ей дать свой особый праздникъ, уже въ Скворешникахъ, и снова созвать весь го-

родъ. Тогда всё могли бы убѣдиться на дѣлѣ, чей домъ лучше и гдѣ умѣютъ лучше принять и съ бѣльшимъ вкусомъ дать балъ. Вообще ее узнать нельзя было. Казалось, она точно переродилась и изъ прежней недоступной „высшей дамы“ (выраженіе Степана Трофимовича) обратилась въ самую обыкновенную, взбалмошную свѣтскую женщину. Впрочемъ, это только могло казаться.

Прибывъ въ пустой домъ, она обошла комнаты въ сопровожденіи вѣрнаго и стариннаго Алексѣя Егорыча и Оомушки, человѣка видѣвшаго виды и спеціалиста по декоративному дѣлу. Начались совѣты и соображенія: что изъ мебели перепести изъ городского дома; какія вещи, картины; гдѣ ихъ разставить; какъ всего удобнѣе распорядиться оранжереей и цвѣтами; гдѣ сдѣлать новыя драпри, гдѣ устроить буфетъ, и одинъ или два? и проч., и проч. И вотъ, среди самыхъ горячихъ хлопотъ, ей вдругъ вздумалось послать карету за Степаномъ Трофимовичемъ.

Тотъ былъ уже давно извѣщенъ и готовъ, и каждый день ожидалъ именно такого внезапнаго приглашенія. Садясь въ карету, онъ перекрестился; рѣшалась судьба его. Онъ засталъ своего друга въ большой залѣ, на маленькомъ диванчикѣ въ нишѣ, предъ маленькимъ мраморнымъ столикомъ, съ карандашомъ и бумагой въ рукахъ; Оомушка вымѣривалъ аршиномъ высоту хоръ и оконъ, а Варвара Петровна сама записывала цифры и дѣлала на поляхъ отмѣтки. Не отрываясь отъ дѣла, она кивнула головой въ сторону Степана Трофимовича, и когда тотъ пробормоталъ какое-то привѣтствіе, подала ему наскоро руку и указала, не глядя, подлѣ себя мѣсто.

— Я сидѣлъ и ждалъ минутъ пять, „сдавивъ мое сердце“, рассказывалъ онъ мнѣ потомъ.— Я видѣлъ не ту женщину, которую зналъ двадцать лѣтъ. Полнѣйшее убѣжденіе, что всему конецъ, придало мнѣ силы, изумившія даже ее. Клянусь, она была удивлена моею стойкостью въ этотъ послѣдній часъ.

Варвара Петровна вдругъ положила карандашъ на столикъ и быстро повернулась къ Степану Трофимовичу.

— Степанъ Трофимовичъ, намъ надо говорить о дѣлѣ. Я увѣрена, что вы приготовили всё ваши пышныя слова и разныя словечки, но лучше бы къ дѣлу прямо, не такъ-ли?

Его передернуло. Она слишкомъ спѣшила заявить свой тонъ, что же могло быть далѣе?

— Подождите, молчите, дайте мнѣ сказать, потому вы, хотя, право, не знаю, что бы вы могли мнѣ отвѣтить? продолжала она быстрою скороговоркой.—Тысячу двѣсти рублей вашего пенсіона я считаю моею священною обязанностью, до конца вашей жизни; то-есть, зачѣмъ священною обязанностью, просто договоромъ, это будетъ гораздо реальнѣе, не такъ-ли? Если хотите, мы напишемъ. На случай моей смерти сдѣланы особыя распоряженія. Но вы получаете отъ меня теперь сверхъ того квартиру и прислугу и все содержаніе. Переведемъ это на деньги—будетъ тысяча пятьсотъ рублей, не такъ-ли? Кладу еще экстренныхъ триста рублей, и того полныхъ три тысячи. Довольно съ васъ въ годъ? Кажется, не мало? Въ самыхъ экстренныхъ случаяхъ, я, впрочемъ, буду набавлять. И такъ, возьмите деньги, пришлите мнѣ моихъ людей и живите сами по себѣ, гдѣ хотите, въ Петербургѣ, въ Москвѣ, за границей, или здѣсь, только не у меня. Слышите?

— Недавно такъ же настойчиво и такъ же быстро передано было мнѣ изъ тѣхъ же устъ другое требованіе, медленно и съ грустною отчетливостью проговорилъ Степанъ Трофимовичъ. — Я смирился... и плясалъ казачка вамъ въ угоду. *Oui, la comparaison peut être permise. C'était comme un petit cozak du Don, qui sautait sur sa propre tombe.* Теперь...

— Остановитесь, Степанъ Трофимовичъ. Вы ужасно многорѣчивы. Вы не плясали, а вы вышли ко мнѣ въ новомъ галстукѣ, бѣльѣ, въ перчаткахъ, напомаженный и раздушенный. Увѣряю васъ, что вамъ очень хотѣлось самому жениться; это было на вашемъ лицѣ написано, и, повѣрьте, выраженіе самое неизящное. Если я не замѣтила вамъ тогда же, то единственно изъ деликатности. Но вы желали, вы желали жениться, несмотря на мерзости, которыя вы писали интимно обо мнѣ и о вашей невѣстѣ. Теперь вовсе не то. И къ чему тутъ *Cosak du Don* надъ какою-то вашею могилой? Не понимаю, что за сравненіе. Напротивъ, не умирайте, а живите; живите какъ можно больше, я очень буду рада.

— Въ богадѣльнѣ?

— Въ богадѣльнѣ? Въ богадѣльню нейдутъ съ тремя тысячами дохода. Ахъ, припоминаю, усмѣхнулась она,— въ самомъ дѣлѣ Петръ Степановичъ какъ-то расшутился разъ о богадѣльнѣ. Ба, это дѣйствительно особенная бо-

гадѣльня, о которой стоить подумать. Это для самыхъ почтенныхъ особъ, тамъ есть полковники, туда даже теперь хочетъ одинъ генераль. Если вы поступите со всѣми вашими деньгами, то найдете покой, довольство, служителей. Вы тамъ будете заниматься науками и всегда можете составить партію въ преферансъ...

— Passons.

— Passons? покорило Варвару Петровну.—Но въ такомъ случаѣ все; вы извѣщены, мы живемъ съ этихъ поръ совершенно порознь.

— И все? Все что осталось отъ двадцати лѣтъ? Последнее прощаніе ваше.

— Вы ужасно любите восклицать, Степанъ Трофимовичъ. Нынче это совсѣмъ не въ модѣ. Они говорятъ грубо, но просто. Далась вамъ наши двадцать лѣтъ! Двадцать лѣтъ обоюднаго самолюбія, и больше ничего. Каждое письмо ваше ко мнѣ писано не ко мнѣ, а для потомства. Вы стилистъ, а не другъ, а дружба—это только прославленное слово, въ сущности: взаимное изліяніе помой...

— Боже, сколько чужихъ словъ! Затверженные уроки! И на васъ уже надѣли они свой мундиръ! Вы тоже въ радости, вы тоже на солнцѣ; chère, chère, за какое чечевичное варево продали вы имъ вашу свободу!

— Я не попугай, чтобы повторять чужія слова, вскипѣла Варвара Петровна. — Будьте увѣрены, что у меня свои слова накопились. Что сдѣлали вы для меня въ эти двадцать лѣтъ? Вы отказывали мнѣ даже въ книгахъ, которыя я для васъ выписывала и которыя, если бы не переплетчикъ, остались бы не разрѣзанными. Что давали вы мнѣ читать, когда я, въ первые годы, просила васъ руководить меня? Все Капфигъ да Капфигъ. Вы ревновали даже къ моему развитію и брали мѣры. А между тѣмъ надъ вами же всѣ смѣются. Признаюсь, я всегда васъ считала только за критика; вы литературный критикъ, и ничего болѣе. Когда дорогой въ Петербургъ я вамъ объявила, что намѣрена издавать журналъ и посвятить ему всю мою жизнь, вы тотчасъ же поглядѣли на меня иронически и стали вдругъ ужасно высокомерны.

— Это было не то, не то... мы тогда боялись преслѣдованій...

— Это было то самое, а преслѣдованій въ Петербургѣ вы ужъ никакъ не могли бояться. Помните потомъ въ февралѣ, когда пронеслась вѣсть, вы вдругъ прибѣжали

ко мнѣ перепуганный и стали требовать, чтобъ я тотчасъ же дала вамъ удостовѣреніе, въ видѣ письма, что затѣваемый журналъ до васъ совсѣмъ не касается, что молодые люди ходятъ ко мнѣ, а не къ вамъ, а что вы только домашній учитель, который живетъ въ домѣ, потому что ему еще не додано жалованье, не такъ-ли? Помните это вы? Вы отмѣнно отличались всю вашу жизнь, Степанъ Трофимовичъ.

— Это была только одна минута малодушія, минута глазъ-на-глазъ, горестно воскликнулъ онъ.— Но неужели, неужели же все порвать изъ-за такихъ мелкихъ впечатлѣній? Неужели же ничего болѣе не уцѣлѣло между нами за столь долгіе годы?

— Вы ужасно разсчетливы; вы все хотите такъ сдѣлать, чтобъ я еще оставалась въ долгу. Когда вы воротились изъ-за границы, вы смотрѣли предо мною свысока и не давали мнѣ выговорить слова, а когда я сама поѣхала и заговорила съ вами потомъ о впечатлѣніи послѣ Мадонны, вы не дослушали и высокомерно стали улыбаться въ свой галстукъ, точно я ужъ не могла имѣть такихъ же точно чувствъ, какъ и вы.

— Это было не то, вѣроятно, не то... J'ai oublié.

— Нѣтъ, это было то самое, да и хвалиться-то было печѣмъ предо мною, потому что все это вздоръ и одна только ваша выдумка. Нынче никто, никто ужъ Мадонной не восхищается и не теряетъ на это времени, кромѣ закоренѣлыхъ стариковъ. Это доказано.

-- Ужъ и доказано?

— Она совершенно ни къ чему не служитъ. Эта кружка полезна, потому что въ нее можно влить воды; этотъ карандашъ полезенъ, потому что имъ можно все записать, а тутъ женское лицо хуже всѣхъ другихъ лицъ въ натурѣ. Попробуйте нарисовать яблоко и положите тутъ же рядомъ настоящее яблоко — которое вы возьмете? Небось не ошибетесь. Вотъ къ чему сводятся теперь всѣ наши теоріи, только что озарилъ ихъ первый лучъ свободнаго изслѣдованія.

— Такъ, такъ.

— Вы усмѣхаетесь иронически. А что, наприимѣръ, говорили вы мнѣ о милостынѣ? а между тѣмъ наслажденіе отъ милостыни есть наслажденіе надменное и безнравственное, наслажденіе богача своимъ богатствомъ, властію и сравненіемъ своего значенія съ значеніемъ нищаго. Ми-

лостыня развращаетъ и подающаго, и берущаго, и сверхъ того не достигаетъ цѣли, потому что только усиливаетъ нищенство. Лѣнтыи, не желающіе работать, толпятся около дающихъ, какъ игроки около игорнаго стола, надѣясь выиграть. А межъ тѣмъ жалкихъ грошей, которые имъ бросаютъ, недостаетъ и на сотую долю. Много-ль вы роздали въ вашу жизнь? Гривенъ восемь не болѣе, припомните-ка. Постарайтесь вспомнить, когда вы подавали въ послѣдній разъ; года два назадъ, а, пожалуй, четыре будетъ. Вы кричите и только дѣлу мѣшаете. Милостыня и въ теперешнемъ обществѣ должна быть закономъ запрещена. Въ новомъ устройствѣ совсѣмъ не будетъ бѣдныхъ.

— О, какое изверженіе чужихъ словъ! Такъ ужъ и до новаго устройства дошло? Несчастливая, помоги вамъ Богъ!

— Да, дошло, Степанъ Трофимовичъ; вы тщательно скрывали отъ меня всѣ новыя идеи, теперь всѣмъ уже извѣстныя, и дѣлали это единственно изъ ревности, чтобъ имѣть надо мною власть. Теперь даже эта Юлія на сто верстъ впереди меня. Но теперь и я прозрѣла. Я защищала васъ, Степанъ Трофимовичъ, сколько могла; васъ рѣшительно всѣ обвиняютъ.

— Довольно! поднялся было онъ съ мѣста.—Довольно! И что еще пожелаю вамъ, неужто раскаянія?

— Сядьте на минуту, Степанъ Трофимовичъ. Мнѣ надо еще васъ спросить. Вамъ передано было приглашеніе читать на литературномъ утрѣ; это чрезъ меня устроилось. Скажите, что именно вы прочтете?

— А вотъ именно объ этой царицѣ царицъ, объ этомъ идеалѣ челоѣчества, Мадониѣ Сикстинской, которая не стоитъ, по-вашему, стакапа или карандаша.

— Такъ вы не изъ исторіи? горестно изумилась Варвара Петровна.—Но васъ слушать не будутъ. Далась же вамъ эта Мадонна! Ну, что за охота, если вы всѣхъ усыпите? Будьте увѣрены, Степанъ Трофимовичъ, что я единственно въ вашемъ интересѣ говорю. То-ли дѣло, если бы вы взяли какую-нибудь коротенькую, но занимательную средневѣковую придворную исторію, изъ испанской исторіи, или, лучше сказать, одинъ анекдотъ и наполнили бы его еще анекдотами и острыми словечками отъ себя. Тамъ были пышные дворы, тамъ были такія дамы, отравленія. Кармазиновъ говорить, что странно будетъ, если ужъ и

изъ испанской исторіи не прочесть чего-нибудь занимательнаго.

— Кармазиновъ, этотъ исписавшійся глупецъ, ищетъ для меня темы!

— Кармазиновъ, этотъ почти государственный умъ! Вы слишкомъ дерзки на языкъ, Степанъ Трофимовичъ.

— Вашъ Кармазиновъ—это старая, исписавшаяся, обозленная баба! *Chère, chère*, давно-ли вы такъ поработились ими, о, Боже!

— Я и теперь его терпѣть не могу за важничаніе, но отдаю справедливость его уму. Повторяю, я защищала васъ изъ всѣхъ силъ, сколько могла. И къ чему непременно заявлять себя смѣшнымъ и скучнымъ? Напротивъ, выйдите на эстраду съ почтенной улыбкой, какъ представитель прошедшаго вѣка, и расскажите три анекдота, со всѣмъ вашимъ остроуміемъ, такъ, какъ вы только умѣете иногда рассказать. Пусть вы старикъ, пусть вы отжившаго вѣка, пусть, наконецъ, отстали отъ нихъ, но вы сами съ улыбкой въ этомъ сознаетесь въ предисловіи, и всѣ увидятъ, что вы милый, добрый, остроумный обломокъ... Однимъ словомъ, человекъ старой соли и настолько передовой, что самъ способенъ оцѣнить во что слѣдуетъ все безобразіе иныхъ понятій, которымъ до сихъ поръ онъ слѣдовалъ. Ну, сдѣлайте мнѣ удовольствіе, я васъ прошу.

— *Chère*, довольно! Не просите, не могу. Я прочту о Мадоннѣ, но подыму бурю, которая или раздавитъ ихъ всѣхъ, или поразитъ одного меня!

— Навѣрно одного васъ, Степанъ Трофимовичъ.

— Такой мой жребій. Я расскажу о томъ подломъ рабѣ, о томъ вонючемъ и развратномъ лакеѣ, который первый взмостится на лѣстницу съ ножницами въ рукахъ и раздеретъ божественный ликъ великаго идеала, во имя равенства, зависти и... пиццеваренія. Пусть прогремитъ мое проклятiе, и тогда, тогда...

— Въ сумасшедшій домъ?

— Можетъ-быть. Но во всякомъ случаѣ, останусь-ли я побѣжденнымъ или побѣдителемъ, я въ тотъ же вечеръ возьму мою суму, нищенскую суму мою, оставлю всѣ мои пожитки, всѣ подарки ваши, всѣ пенсіоны и обѣщанія будущихъ благъ и уйду пѣшкомъ, чтобы кончить жизнь у купца гувернеромъ, либо умереть гдѣ-нибудь съ голоду подъ заборомъ. Я сказалъ. *Alia jacta est!*

Онъ приподнялся снова.

— Я была увѣрена, поднялась, засверкавъ глазами, Варвара Петровна, — увѣрена уже годы, что вы именно на то только и живете, чтобы подь конецъ опозорить меня и мой домъ клеветой! Что вы хотите сказать вашимъ гувернерствомъ у купца, или смертью подь заборомъ? Злость, клевета и ничего больше!

— Вы всегда презирали меня, но я кончу какъ рыцарь вѣрный моей дамѣ, ибо ваше мнѣніе было мнѣ всегда дороже всего. Съ этой минуты не принимаю ничего, а чту безкорыстно.

— Какъ это глупо!

— Вы всегда не уважали меня. Я могъ имѣть бездну слабостей. Да, я васъ объѣдалъ; я говорю языкомъ нигилизма; но объѣдать никогда не было высшимъ принципомъ моихъ поступковъ. Это случилось такъ, само собою, я не знаю какъ... Я всегда думалъ, что между нами остается нѣчто высшее бды, и—никогда, никогда не былъ я подлецомъ? Итакъ, въ путь, чтобы поправить дѣло! Въ поздній путь, на дворѣ поздняя осень, туманъ лежитъ надъ полями, мерзлый, старческій иней покрываетъ будущую дорогу мою, а вѣтеръ завываетъ о близкой могилѣ... Но въ путь, въ путь, въ новый путь:

„Полонь чистою любовью,
Вѣренъ сладостной мечтѣ“...

О, прощайте, мечты мои! Двадцать лѣтъ! *Alea jacta est.*

Лицо его было обрызгано прорвавшимися вдругъ слезами; онъ взялъ свою шляпу.

— Я ничего не понимаю по-латыни, проговорила Варвара Петровна, изо всѣхъ силъ скрѣпя себя.

Кто знаетъ, можетъ-быть, ей тоже хотѣлось заплакать, но негодование и капризъ еще разъ взяли верхъ.

— Я знаю только одно, именно, что все это шалости. Никогда вы не въ состояніи исполнить вашихъ угрозъ, полныхъ эгоизма. Никуда вы не пойдете, ни къ какому купцу, а преспокойно кончите у меня на рукахъ, получая пенсіонъ и собирая вашихъ ни на что не похожихъ друзей по вторникамъ. Прощайте, Степанъ Трофимовичъ.

— *Alea jacta est!* глубоко поклонился онъ ей и воротился домой еле живой отъ волненія.

29 -

WYŻSZA SZKOŁA
PEDAGOGICZNA W KIELCACH

BIBLIOTEKA

098278

Biblioteka WSP Kielce

0162429